

F80
18895

Листок возврата

15 ЯНВ 83

1873

1873

774

ОЧЕРКИ

И

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

СТАРИННАГО БЫТА
ПОЛЬШИ

СОЧИНЕНІЕ

Э. П. КАРНОВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининскій каналъ, 168

1873

780
8895

302 21
80

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
СПЕЦИАЛИТЕТЪ

СВЕРНО
1983 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Польское посольство во Францію	1
II. Нитка жемчуга	20
III. Вызовъ родственниковъ	34
IV. Князь Іосифъ Яблоновскій	46
V. Охота на вепря	53
VI. Покинутый замокъ	78
VII. Князь Іеронимъ Радзивиль, великій хорупжій Литов- скій	100
VIII. Павна Ельжбета	110
IX. Шляхтичъ Кульчиковскій	117
X. Патріотка	123
XI. Юзя	127
XII. Четыре мѣшка	144
XIII. Анна Ожельская	160
XIV. Раніе Кочанки	178
XV. Станиславъ-Августъ, король польскій	198
XVI. Свадьба Каси	219
XVII. Албанская банда	229

	Стр.
XVIII. Панъ Лада и Фридрихъ Великій	246
XIX. Неправедное наслѣдство	278
XX. Янъ Деккертъ	288
XXI. Хозяинъ и гость	296
XXII. Сѣверскіе послы	308
XXIII. Янъ Собѣскій подъ Вѣною	319
XXIV. Святослава Сандецкаго	334
XXV. Косцюшко	344

I.

Польское посольство во Францію.

Настоящій рассказъ нашъ относится къ 1645 году. Въ это время сидѣлъ на польскомъ престолѣ король Владиславъ IV, которому представлялась нѣкогда возможность царствовать на Москвѣ. Королю Владиславу было въ эту пору около пятидесяти лѣтъ. Давно была ему пора жениться,—и онъ, наконецъ, послѣ разныхъ соображеній, рѣшился предложить свою руку принцессѣ Маріи-Людвикѣ Мантуанской, жившей при дворѣ регентши Франціи, Анны Австрійской, матери малолѣтняго короля Людовика XIV.

Сватовство польскаго короля къ принцессѣ началось при посредствѣ ловкаго и расторопнаго ксендза Ронкони, бывшаго польскимъ резидентомъ въ Парижѣ. Когда дѣло о бракѣ было улажено частнымъ образомъ, то Владиславу нужно было попросить формально руки принцессы. Король исполнилъ это черезъ особеннаго посла; а французскій дворъ далъ на предложеніе Владислава свое согласіе. Теперь оста-

валось только королю отправить въ Парижъ чрезвычайнаго посла, который, какъ представитель королевской особы, долженъ былъ обвиняться въ Парижѣ съ Маріей-Людвикою и привезти ее въ Варшаву.

Въ эту пору, денежные дѣла короля Владислава, вслѣдствіе войнъ съ Москвою, Швеціей и Турціей, были очень плохи. Даже самый бракъ короля съ принцессой Мантуанской былъ не безъ финансовыхъ расчетовъ съ его стороны. Король зналъ, что, женившись на богатой принцессѣ, онъ могъ легко занять, на счетъ ея приданнаго, до 600.000 злотыхъ, а этимъ займомъ онъ надѣялся кое-какъ поправить свои разстроенныя обстоятельства. Нужно было только Владиславу выбрать такого знатнаго и богатаго польскаго магната, который бы могъ быть достойнымъ представителемъ польскаго короля при пышномъ парижскомъ дворѣ.

Такой выборъ магната, для доставки имъ королевской невѣсты изъ Парижа въ Варшаву, сильно затруднялъ Владислава IV,—не потому, однако, чтобы въ тогдашней Польшѣ не нашлось такихъ людей, которые, по своему уму и по своему образованію, не могли бы съ честью явиться въ Парижѣ. Это обстоятельство не могло затруднить Владислава, такъ какъ еще за сто лѣтъ до той поры, сама королева Елисавета отдавала въ Лондонѣ справедливость учености и разуму польскихъ пословъ. Въ настоящемъ случаѣ встрѣчалось затрудненіе совсѣмъ другаго рода.

Въ ту пору значеніе магнатовъ въ Польшѣ было слишкомъ сильно; при малѣйшемъ неудовольствіи, при размолвкѣ съ королемъ изъ-за какой-нибудь бездѣлицы, они прекращали съ нимъ сношенія и тогда трудновато было королю сойтись съ своимъ недругомъ. Между тѣмъ Владиславъ

IV былъ въ постоянномъ раздорѣ съ большей частью магнатовъ. Тѣ же изъ нихъ, которые были близки къ нему и которые, по своему имени и образованію, могли бы явиться достойными его представителями въ Парижѣ, не были такъ богаты, чтобъ могли показаться въ столицѣ Франціи съ подобающимъ блескомъ и съ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ, какъ этого требовала важная цѣль посольства. Король же, какъ мы сказали, находился самъ въ затруднительномъ положеніи по денежной части до такой степени, что иногда и на дворцовой кухнѣ оказывался недостатокъ въ стѣстныхъ припасахъ. Вслѣдствіе этого Владиславъ не могъ дать отъ себя своему представителю огромныхъ денежныхъ средствъ, которыя однако были необходимы въ настоящемъ случаѣ.

Не оставалось Владиславу ничего болѣе, какъ сблизиться съ кѣмъ нибудь изъ магнатовъ; и выборъ короля, послѣ долгихъ колебаній, палъ наконецъ на воеводу познанскаго, Криштофа Опалинскаго, считавшагося въ то время однимъ изъ первыхъ богачей во всей Польшѣ. Остановившись въ своемъ выборѣ на панѣ Криштофѣ, король не былъ однако вполне увѣренъ въ успѣхѣ. Богатый воевода, хотя и жилъ чрезвычайно роскошно, но къ прискорбію короля былъ крѣпокъ на деньгѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а между тѣмъ предлагаемая Опалинскому честь—привезти въ Польшу королеву—могла разстроить все его состояніе, какъ бы громадно оно ни было.

Король рѣшился однако попытать счастья и вступить въ переговоры съ Опалинскимъ.

Въ это время была не занята важная должность короннаго маршала; Владиславъ предложилъ эту должность Опа-

линскому съ тѣмъ, чтобы онъ съѣздили на свой счетъ въ Парижъ и привезъ ему оттуда невѣсту; и кромѣ того въ общихъ словахъ пообщалъ ему весьма почетное званіе маршала при будущей королевѣ. Дѣлая такое лестное предложеніе пану Криштофу, король не могъ впрочемъ надѣяться, что дѣло между нимъ и неподатливымъ Опалинскимъ покончится безъ новыхъ затрудненій. Въ ту пору случалось очень часто, что магнаты, получая королевское предложеніе — занять какую нибудь высокую должность, принимали ее иначе, какъ постановивъ съ своей стороны какія либо особыя условія. У Владислава былъ еще въ свѣжей памяти тотъ обидный для него случай, когда онъ не задолго передъ этимъ предложилъ воеводѣ познанскому, Станиславу Любомірскому, званіе краковскаго каштеляна и какъ тотъ соглашался принять эту первую свѣтскую должность во всемъ королевствѣ, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобы младшему его сыну было пожаловано богатое старшинство краковское. Король не могъ этого сдѣлать, такъ какъ подобная отдача была бы противна опредѣленіямъ сейма, но Любомірской настаивалъ на своемъ и дѣло кончилось тѣмъ, что слишкомъ требовательный воевода отказался отъ высокаго сана, предложеннаго ему королемъ.

Владиславъ опасался, что и панъ Криштофъ, въ добавку къ сдѣланнымъ ему предложеніямъ со стороны короля, присоединитъ еще свои собственныя условія.

У Опалинскаго была однако слабость ко двору. Владиславъ воспользовался этимъ; онъ исподволь повелъ съ нимъ дѣло черезъ людей постороннихъ, обѣщая пану Криштофу, кромѣ двухъ маршалствъ, еще богатая старость. Воевода не устоялъ, и поддавшись этимъ искушеніямъ

рѣшился поѣхать въ Парижъ за королевской невѣстой.

Опалинскій сталъ готовиться къ отъѣзду.

Надобно замѣтить, что панъ Криштофъ отправлялся въ край уже хорошо знакомый полякамъ. Еще Марія-Людвика не сидѣла на польскомъ престолѣ, а ужъ поляки превосходно знали Францію, ея языкъ, ея нравы и обычаи. Большую частью польскіе вельможи того времени проводили свою молодость въ Парижѣ и нерѣдко даже служили при французскомъ дворѣ. Такъ, тогдашній великій гетманъ Потоцкій былъ въ юности пажомъ Генриха IV, а великій канцлеръ литовскій Альбертъ Радзивиль пользовался въ своей юности особенной благосклонностью короля Людовика XIII. Бывшій же въ то время краковскимъ воеводой Якубъ Собѣсскій всю свою молодость провелъ въ Парижѣ и туда же отправилъ своихъ молодыхъ сыновей.

Впрочемъ не одни только свѣтскіе сановники, но даже и высшія духовныя лица были хорошо знакомы съ Франціей, а въ числѣ ихъ былъ и архіепископъ гнѣзненскій Станиславъ Лещинскій, примасъ королевства.

Вообще же въ Парижѣ было въ то время много поляковъ, которые не только что ловко служили при королевскомъ дворѣ въ пышныхъ залахъ, но и храбро сражались подъ французскими знаменами, желая своими военными подвигами или составить себѣ громкое имя, или поддерживать боевую знаменитость своихъ предковъ.

Опалинскій былъ назначенъ главнымъ посломъ, такъ какъ онъ былъ представителемъ короля. Другими же послами, отправившимися вмѣстѣ съ нимъ, были его близкіе родственники: воевода поморскій Денгофъ и епископъ варминскій Вацлавъ Лещинскій. Изъ нихъ первый долженъ

былъ подписать въ Парижѣ брачный контрактъ между Владиславомъ и Маріей-Людвикой, уже подписанный въ Варшавѣ самимъ Владиславомъ и французскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ.

Въ началѣ сентября 1645 года, Денгофъ отправился моремъ во Францію изъ Данцига, а въ концѣ сентября того же года выѣхали изъ Варшавы въ Парижъ воевода познанскій и епископъ варминскій. Тщеславность и огромныя богатства Опалинскаго ручались за то, что онъ, взявшись быть въ Парижѣ представителемъ короля, исполнить это съ той пышностію, которая поразитъ французовъ. Нельзя было сомнѣваться, что панъ Крыштофъ, жившій у себя въ Сѣраковѣ съ большимъ великолѣпіемъ, еще великолѣпнѣе покажетъ себя на чужой сторонѣ.

Дѣйствительно, Опалинскій отправился во Францію не только забравъ всѣхъ шляхтичей, служившихъ у него въ Сѣраковѣ, а также и своихъ ближайшихъ родственниковъ, но и увеличивъ свою свиту множествомъ наемныхъ слугъ. Кромѣ того воевода взялъ съ собою три хоругви, т. е. три отряда—два пѣшихъ и одинъ конный. Съ воеводой поѣхали въ Парижъ: маршалокъ его двора, два конюшихъ, медикъ, родомъ нѣмецъ, секретарь, баронъ Вольцогенъ, духовникъ и ученый монахъ бернардинскаго ордена. Кромѣ того, за каждымъ изъ родственниковъ воеводы познанскаго ѣхала собственная ихъ, тоже огромная, прислуга. Посольство сопровождалось множествомъ коней, повозокъ и колымагъ. Изъ всего этого составила такая громадная ватага, что посольство, при выѣздѣ изъ Варшавы, должно было раздѣлиться на двѣ части и отправиться въ Парижъ разными дорогами для того, чтобъ избѣжать тѣсноты въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ нужно было посламъ останавливаться для отдыха.

Въ числѣ коней, слѣдовавшихъ за послами, было много превосходныхъ турецкихъ лошадей, копыта которыхъ въ день выѣзда пословъ въ Парижъ должны были быть украшены серебрянными и золотыми подковами. Множество великолѣпныхъ колымагъ, обитыхъ золотомъ, бархатомъ и шелковыми матеріями, и взятыхъ послами въ Парижъ, отличалось такимъ богатствомъ отдѣлки, что даже самые роскошныя экипажи тогдашняго французскаго двора должны были показаться, въ сравненіи съ посольскими колымагами, не болѣе какъ только простыми повозками. Трудно было перечислить золотую и серебрянную посуду, которую везли съ собою во Францію польскій воевода и польскій епископъ, не говоря уже о множествѣ драгоценныхъ камней, рѣдкихъ мѣховъ и богатыхъ шелковыхъ матерій, забранныхъ ими изъ Варшавы.

Для болѣе пышности и сообразно съ обычаями того края, въ который ѣхало польское посольство, члены его украсили себя почетными дворянскими титулами, взятыми ими только на время. Извѣстно, что конституція 1638 года не позволяла польской шляхтѣ, для поддержанія среди нея равенства, носить на родинѣ графскіе или княжескіе титулы; однако, при поѣздкѣ за границу дѣло было совсѣмъ другое. Каждый шляхтичъ могъ величать себя какъ ему было угодно. При настоящей же поѣздкѣ воевода Денгофъ титуловался княземъ, епископъ Лещинскій и два члена посольства—титуловались графами. Наконецъ даже самъ Опалинскій, этотъ ревнитель шляхетскаго равенства и преслѣдователь пустыхъ титуловъ, не отказался назваться на этотъ разъ графомъ Бнинскимъ.

Въ то время когда воевода Денгофъ ѣхалъ моремъ около береговъ Даніи, Опалинскій, съ огромнымъ обозомъ, медленно тянулся въ Францію сухимъ путемъ, черезъ Германію, удивляя нѣмцевъ своимъ поѣздомъ. Спустя мѣсяць послѣ выѣзда Опалинскаго изъ Варшавы, обѣ части посольства съѣхались въ Любекъ и отсюда оба польскіе посла, черезъ Голландію, во второй половинѣ октября, пріѣхали въ Парижъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ узнали они, что дворъ еще не переѣхалъ на зимнее житъе въ столицу и что по этому они могутъ дать нѣсколько дней отдыха и людямъ и конямъ для того, чтобы въѣхать въ Парижъ во всемъ блескѣ.

Торжественный въѣздъ польскихъ пословъ былъ назначенъ на 29-е октября.

По разсказамъ французскихъ мемуаровъ того времени, случай этотъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій, совершившихся въ тогдашнемъ Парижѣ. Для того, чтобъ дать французамъ посмотрѣть хорошенько такую небывалую диковинку, пословъ просили въѣхать въ Парижъ въ воскресенье и при томъ около полудня. Опалинскій охотно принялъ это предложеніе, и въ назначенный день потянулся по улицамъ Парижа его длинный поѣздъ. И хозяева и гости старались въ этотъ день превзойти другъ друга щегольствомъ и пышностью, но въ настоящемъ случаѣ и французы и поляки поразили другъ друга рѣзкою противоположностью своихъ вкусовъ. Поляки до такой степени изумили своимъ богатствомъ и своей тяжелой восточною роскошью, что тогдашніе французскіе ученые пустились въ серьезныя розысканія о томъ, не происходятъ ли пріѣхавшіе къ нимъ издалика гости отъ мидянъ и древнихъ пер-

совъ, которые оставили въ исторіи память о своихъ диковинныхъ, почти баснословныхъ богатствахъ. Въ свою очередь, поляки, напротивъ, дивились бѣдности французовъ. Въ глазахъ поляковъ, привыкшихъ ко множеству драгоценныхъ камней, къ массивнымъ серебряннымъ и золотымъ издѣліямъ, всѣ принадлежности щегольскихъ французскихъ нарядовъ: банты, ленты, шитье, перья и кружева, которыми такъ тщеславилсь французы, казались никуда негодными тряпками. Спутники Опалинскаго даже дивились между собою тому, какъ можно было выставлять напоказъ такіа бездѣлушки передъ иностранными гостями.

Поляки въѣхали въ Парижъ черезъ предмѣстье св. Антонія. Здѣсь во дворцѣ Рамбулье ожидалъ ихъ герцогъ д'Эльбёфъ съ двѣнадцатью придворными чиновниками. Здѣсь же Опалинскій поставилъ въ порядокъ свой поѣздъ, который подъ предводительствомъ французскаго церемоніймейстера двинулся въ самый Парижъ.

Шествіе открывалось пѣшей хоругвью воеводы познанскаго. Передъ ней, на превосходномъ конѣ чистокровной турецкой породы, ѣхалъ начальникъ воеводской хоругви, въ желтомъ атласномъ жупанѣ, въ пунцовой шолковой фери, подшитой дорогими соболями. Соболя шапка ротмистра съ золотой тульей была украшена дорогой пряжкой изъ рубина и бѣлыми страусовыми перьями: ножны его сабли были густо усажены бирюзой. Сѣдло и чапракъ были вышиты золотомъ, а стремяна и вся отдѣлка сбруи были серебрянныя. За хоругвью шли 30 человѣкъ пѣхоты въ жупанахъ изъ краснаго сукна и въ такихъ же плащахъ, у каждаго пѣхотинца было на плащѣ по восьми большихъ се-

ребриныхъ пуговицъ; серебрянныя ножи, сѣкиры и мушкеты на плечѣ составляли вооруженіе этого отряда.

Было бы слишкомъ долго описывать въ подробности всю пестроту и все великолѣпіе посольскаго поѣзда, который перемежался съ отрядами конной французской гвардіи. Атласные и бархатные жупаны и ферязи всевозможныхъ цвѣтовъ — бѣлыя, желтыя, красныя, фіолетовыя, литые золотыя и серебряныя поясы, сабли съ отлично-вычеканенными рукоятками, и съ ножнами, осыпанными бирюзой и множествомъ драгоценныхъ камней, брилліантовыя пряжки на дорожныхъ собольихъ шапкахъ и золотая сбруя безостановочно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мелькали въ глазахъ удивленныхъ французовъ.

Особенно поразила парижанъ ближайшая прислуга воеводы познанскаго. Она состояла изъ двадцати четырехъ человѣкъ, ѣхавшихъ на отличныхъ арабскихъ и турецкихъ коняхъ. Каждый изъ всадниковъ, одѣтый въ богатый нарядъ, имѣлъ за спиной лукъ и колчанъ, наполненный стрѣлами. Въ поѣздѣ участвовали также шесть герольдовъ или трубачей, они были одѣты въ гербовые цвѣта рода Опалинскихъ и съ гербами этой фамиліи, вышитыми серебромъ и золотомъ. За герольдами два конюха вели подѣ узцы бѣлаго турецкаго коня, на которомъ ѣздилъ иногда самъ воевода. Сѣдло и чепракъ на этомъ конѣ были отдѣланы золотомъ и множествомъ бирюзы; вся сбруя была изъ чистаго золота; на лбу у коня сверкала большая рубиновая бляха, а широкая сбруя имѣла столько золотыхъ кистей и золотой бахрамы, что весь конь Опалинскаго, казалось, былъ покрытъ золотой попоной, унизанной драгоценными камнями. Подковы коня были золотыя.

Богатство поѣзда увеличивалось однако все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ приближались послы. Наконецъ показался и самъ Опалинскій, какъ будто весь, съ головы до ногъ, залитый въ золото и обсаженный драгоценными камнями. У коня, на которомъ ѣхалъ теперь Опалинскій, даже вся сбруя была отдѣлана брилліантами. Конь этотъ былъ приученъ къ тому, чтобы стать на колѣни при появленіи королевской фамиліи.

Съ жаднымъ любопытствомъ зѣвала толпа на всѣхъ прибывшихъ въ ея глазахъ богатства: что же касается собственно парижанокъ, то онѣ засматрѣлись не только на посольскій поѣздъ, но и на самого посла. Опалинскому было въ это время съ небольшимъ тридцать пять лѣтъ. Его важная осанка и лихая посадка на конѣ, пріятный взглядъ его большихъ черныхъ глазъ, выразительныя черты и свѣжесть его лица, а также длинные, густые усы воеводы чрезвычайно понравились французенкамъ. За послами нескончаемой вереницей тянулись кареты и ѣхали французскіе и польскіе всадники. Поѣздъ замыкался длиннымъ рядомъ возовъ съ вещами, принадлежавшими посламъ. Чтобы понять какъ огроменъ былъ весь этотъ поѣздъ, надобно замѣтить, что хотя онъ вступилъ въ Парижъ въ самый полдень, но тянулся однако до самыхъ позднихъ сумерекъ, такъ что когда послы проѣзжали около королевскаго дворца, на балконѣ котораго сидѣлъ восьмилѣтній Людовикъ съ своей матерью, то уже почти ничего не было видно.

Въ Парижѣ для жительства посламъ былъ отведенъ вандомскій дворецъ, владѣтели котораго были въ ту пору изгнанниками. Первая аудіенція была назначена Опалинскому на другой день, т. е. 31 октября. Она происходила

съ чрезвычайной пышностью и здѣсь поляки изумили французъ богатствомъ своихъ нарядовъ.

Миновавъ длинный рядъ великолѣпно убранныхъ покоевъ, они вошли въ аудіенцъ-залу. Здѣсь король и королева были окружены множествомъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ, которыя въ своихъ пестрыхъ и яркихъ нарядахъ казались полякамъ живыми цвѣтами и изъ которыхъ приглянулись имъ очень многія. Людовикъ XIV и его мать, сдѣлавъ одинъ шагъ на встрѣчу посламъ, благосклонно выслушали краткія рѣчи, произнесенныя епископомъ и воеводою, и приняли отъ нихъ вѣрительныя грамоты, присланныя Владиславомъ IV. Послѣ этого, королю и королевы были представлены знатные польскіе шляхтичи, сопровождавшіе пословъ на аудіенцію.

По окончаніи аудіенціи, послы отправились въ неверскій дворецъ, къ королевской невѣстѣ. Окруженная множествомъ принцевъ и принцессъ Бурбонскаго дома, Марія-Людвика чрезвычайно вѣжливо встрѣтила пословъ у самыхъ дверей залы. Опалинскій подалъ ей письмо короля Владислава, а епископъ варминскій поднесъ ей, отъ имени жениха, брилліантовый крестикъ, на которомъ было между прочимъ шесть камней невѣроятной стоимости. Принявъ этотъ подарокъ, принцесса поручила стоявшему подлѣ нея епископу оранскому поблагодарить пословъ и съ большимъ вниманіемъ выслушала ихъ дальнѣйшія привѣтствія.

Марія-Людвика была въ это время уже не первой молодости, ей было слишкомъ 33 года, но издавна распространившаяся въ Польшѣ молва о ея рѣдкой красотѣ оправдывалась еще и доселѣ. Принцесса отличалась также кротостью характера, набожностью и благоразуміемъ.

Откланившись принцессѣ, послы удалились въ вандомскій дворецъ, а въ воскресенье, 5-го ноября, была назначена свадьба. При этомъ случаѣ нужно было представителю Владислава IV показать окончательно весь блескъ своего огромнаго богатства. Опалинскій съ большимъ удовольствіемъ готовился исполнить это, но къ крайнему его огорченію брачный обрядъ долженъ былъ совершиться не съ той пышностью, которую онъ ожидалъ встрѣтить при этомъ торжествѣ. Свадьба будущей королевы польской была назначена не въ соборной церкви и не въ присутствіи всего французскаго двора, какъ предполагалъ посолъ, но въ небольшой дворцовой капеллѣ, и при томъ только въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ королевской фамиліи. Панъ Криштофъ, раздосадованный и обиженный этимъ распоряженіемъ, требовалъ, чтобы бракъ будущей королевы польской былъ совершенъ въ Парижѣ съ подобающимъ великолѣпіемъ. Королева Анна уклонялась отъ этого настойчиво, приводя между прочимъ, какъ причину неизбѣжнаго отказа, то обстоятельство, что въ случаѣ торжественнаго бракосочетанія Маріи-Людвики въ присутствіи всего двора, между принцами и принцессами королевскаго дома непременно возникнетъ споръ за первенство и что это дѣло не такъ легко будетъ уладить, какъ кажется со стороны. Королева-правительница находила по этому нужнымъ—не допускать на свадьбѣ Маріи-Людвики присутствія всѣхъ принцевъ и принцессъ королевской крови, а при этомъ условіи уже никакъ нельзя было совершить брачный обрядъ въ соборной церкви и при томъ съ тою пышностью, которой такъ неотступно домогался подставной женихъ.

Говорятъ, впрочемъ, что правительница, отказывая коро-

левѣ польской въ торжественномъ бракосочетаніи, думала не о спорахъ принцевъ и принцессъ за первенство, но совсѣмъ другое. Она хотѣла лишить супругу Владислава IV особеннаго почета по инымъ причинамъ. Королева Анна была принцесса австрійскаго дома и ей было чрезвычайно непріятно, что король польскій роднился теперь, посредствомъ своего брака, съ принцессой Мантуанской, не съ ея домомъ, а съ домомъ Бурбоновъ, непріязненнымъ въ ту пору Австріи.

Мелочная, женская придирчивость королевы Анны къ будущей супругѣ Владислава дошла даже до того, что она не позволила невѣстѣ надѣтъ, во время свадьбы, королевскую мантию, между тѣмъ какъ самое платье принцессы было сшито такъ, что безъ мантии оно должно было казаться чрезвычайно некрасивымъ по своему покрою. Невѣста видѣла необходимость покориться волѣ правительницы. Вслѣдствіе всего этого, на свадьбу будущей королевы польской собралось въ дворцовую капеллу, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ, не болѣе двухъ-сотъ человѣкъ. Вся пышность, весь блескъ, которыми Опалинскій хотѣлъ при этомъ случаѣ поразить французовъ, были почти напрасны: для малаго числа свадебныхъ гостей, и при томъ составленнаго большей частью изъ своихъ же земляковъ, казалось пану Криштофу неумѣстнымъ выказывать все свое богатство и нести столько издержекъ, сколько понесъ ихъ обманувшійся воевода.

Епископъ варминскій служилъ обѣдню, послѣ которой совершилось бракосочетаніе. Воевода познанскій, въ кунтушѣ изъ серебрянной парчи, отороченномъ дорогими соболями, заступалъ мѣсто короля около невѣсты, одѣтой въ бѣло-серебристое глазетовое платье. Послѣ брачнаго обряда,

епископъ надѣлъ на Марію-Людвигу, королевскую корону, а правительница повела молодую за руку въ залу, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ. Во время обѣда, Опалинскій, какъ представитель короля, сидѣлъ рядомъ съ Маріей-Людвигой.

Бракъ принцессы Мантуанской сопровождался въ Парижѣ балами. Вотъ какъ между прочимъ говоритъ о нихъ записка одной очевидицы:

„Сегодня было при дворѣ большое угощеніе, на которомъ было все что только можно достать изъ разныхъ краевъ въ настоящую пору года. Королева польская послала воеводѣ Опалинскому серебрянный подносъ, наложенный обсахаренными померанцами, лимонами и конфетами. Она сумѣла это сдѣлать съ особенною прелестью; я сидѣла поблизости польскаго посла,—продолжаетъ г-жа Мотвиль,—и могла замѣтить съ какой важностью и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ и на все наше общество и на все наше великолѣпіе.“

По окончаніи пировъ Марія-Людвика отправилась въ Польшу. Бывшая тогда война въ Голландіи, распространившаяся и по побережью Балтійскаго моря, заставила польскую королеву дѣлать большіе объѣзды съ прямой дороги. Въ продолженіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ пробырала она въ Варшаву среди мителей и снѣговъ, необыкновенно изобильныхъ въ ту зиму. Только 9 марта королева въѣхала въ свою столицу. Увеличеніе и безъ того уже огромнаго польскаго посольства значительною свитою королевы чрезвычайно затрудняло всѣхъ ѣхавшихъ. Съ королевой было отправлено изъ Парижа чрезвычайное посольство, главой котораго была жена маршала де-Габріака. Во всѣхъ

городахъ и во всѣхъ мѣстечкахъ, черезъ которыя проѣзжала королева польская, ее встрѣчали привѣтственными рѣчами, музыкой, пальбой изъ пушекъ, а иногда подносили ей даже и ключи отъ городскихъ или крѣпостныхъ воротъ. Всѣ эти встрѣчи и празднества еще болѣе замедляли и разстроивали обратное путешествіе поляковъ изъ Франціи на родину. Нерѣдко королевѣ приходилось останавливаться на ночлегъ въ тѣсной и сырой кельѣ какого нибудь убогаго монастыря, а воеводѣ познанскому, епископамъ и другимъ членамъ посольства приходилось искать убѣжища въ какой нибудь придорожной хатѣ. Здѣсь пышный воевода, въ ужасной тѣснотѣ, преспокойно раскладывался съ своими товарищами на соломѣ и спалъ богатырскимъ сномъ.

Въ Гамбургѣ встрѣтилъ Марію-Людвику королевскій дворянинъ, посланный съ письмомъ отъ Владислава, который беспокоился о своей женѣ. Не получая долгое время отъ своихъ пословъ никакихъ извѣстій, король не только не зналъ гдѣ находится его невѣста, но ему не было даже извѣстно вышла ли она изъ предѣловъ Франціи; а между тѣмъ Маріи-Людвики нужно было поспѣшить своимъ приѣздомъ въ Варшаву, такъ какъ, если бы она не приѣхала туда до 14 февраля, т. е. до заговнія, то приходилось бы отложить совершеніе втораго ея брака съ королемъ до конца великаго поста или нужно было бы просить у папы особаго разрѣшенія на совершеніе брака въ постное время. Очевидно было однако, что при всемъ стараніи королевскаго дворянина ускорить поѣздъ Маріи-Людвики, она по краткости оставшагося времени никакъ не могла поспѣть даже къ самому крайнему сроку, такъ что самая удачная поѣздка должна была кончиться тѣмъ, что королева успѣла

бы приѣхать передъ заговніемъ только въ Данцигъ. Владиславъ сообразилъ это и потому захотѣлъ съѣхаться съ Маріей-Людвигой въ этомъ городѣ, чтобы тамъ самому обвѣнчаться съ нею; но внезапные приступы жестокой подагры остановили короля на полдорогѣ отъ Варшавы къ Данцигу. Съ досадой король вернулся въ свою столицу, сердясь на Опалинскаго за медленный привозъ королевы.

Вернувшись въ Варшаву, король послалъ къ своей невѣстѣ посла съ разными подарками, но здѣсь вышло обстоятельство, сильно огорчившее королеву. Королевскій голецъ везъ съ собой множество шубъ, шубокъ, мѣховыхъ кофточекъ, муфтъ и теплыхъ шапочекъ. Присылка такихъ вещей королемъ Маріи-Людвики, въ зимнюю стужу, явно показывала ей какъ заботился Владиславъ о своей будущей супругѣ. Съ большой признательностью приняла королева эти подарки; особенно ей понравилась пунцовая бархатная шубка съ золотыми пуговками, подбитая горностаемъ. Едва только королева надѣла на себя шубку, какъ на одномъ изъ ея рукавовъ оказался маленькій билетикъ съ надписью сдѣланной рукою Владислава—„Для пани Экенбергъ“. Королева не безъ изумленія обвела глазами окружавшихъ ея дамъ и кавалеровъ и сбросила съ себя шубку. Вскорѣ злые языки подсказали королевѣ, что та, для которой была назначена эта шубка, была и моложе и пригожѣ королевы и что ей уже принадлежало сердце Владислава.

Открытіе этой оскорбительной тайны сопровождалось слезами и рыданіями Маріи-Людвики. Король, узнавъ объ этомъ происшествіи, еще болѣе разсердился на пана Криштофа. По мнѣнію короля, подставной супругъ королевы былъ чрезвычайно виноватъ въ томъ, что онъ не стумѣлъ

скрыть грѣшки ея настоящаго мужа. Такое возрѣніе Владислава на обязанность воеводы познанскаго вскорѣ подготовило послѣднему самую жестокую обиду, а обида эта отозвалась впоследствии даже и въ дѣлахъ государственныхъ.

Не зная ничего о гнѣвѣ Владислава, Опалинскій продолжалъ ѣхать въ Варшаву, лаская себя пріятными надеждами на полученіе двухъ маршалствъ и богатыхъ староствъ. Вскорѣ, однако, панъ Криштофъ разочаровался въ своихъ розовыхъ мечтахъ.

На границѣ владѣній курфюрста бранденбургскаго, тогдашняго вассала Польши, встрѣтила Марію-Людвику торжественная депутація. Съ изумленіемъ увидѣлъ воевода познанскій, что во главѣ этой депутаціи находится, съ маршалскимъ жезломъ въ рукѣ, воевода поморскій Денгофъ, бывший его товарищъ по посольству въ Парижъ и успѣвшій прежде Опалинскаго пріѣхать въ Варшаву. Явившись передъ королевой, Денгофъ подалъ ей свой маршалскій жезлъ, украшенный брилльянтами, и сказалъ королевѣ, что хотя званіе маршала ея двора и пожаловано ему королемъ, но что онъ почелъ бы себя еще болѣе счастливымъ, если бы ея величеству угодно было изъ собственныхъ рукъ передать ему знакъ маршалскаго сана.

Побагровѣлъ отъ гнѣва Опалинскій; у него захватило духъ въ ту минуту, когда королева, не знаящая общаній, сдѣланныхъ Владиславомъ Опалинскому, съ благосклонной улыбкой передала маршалскій жезлъ его счастливому сопернику. Ясно было пану Криштофу, что теперь и всѣ прочія общанія короля были ничего болѣе, какъ только пустою приманкой.

Съ большой неохотой провожалъ теперь воевода познанскій свою временную супругу и очень былъ радъ, когда въ Данцигѣ, на смѣну ему, подѣхалъ братъ Владислава, Кароль. Воевода отѣхалъ теперь на время въ свое близлежащее имѣніе и только подъ самой Варшавой присоединился снова къ поѣзду королевъ.

Владиславъ успѣлъ между тѣмъ получить разрѣшеніе св. отца на совершеніе брака въ теченіе поста, и потому, 11 марта, въ костелѣ св. Яна, папскій нунцій обвинчалъ короля съ Маріей-Людвикой. По случаю поста не было никакихъ празднествъ.

Въ благодарность же за посольство въ Парижъ, король пожаловалъ Опалинскому богатое новельское помѣстье, въ воеводствѣ волынскомъ, и оставилъ за нимъ староство, принадлежавшее его отцу, и такимъ образомъ щедро вознаградилъ издержки, понесенныя Опалинскимъ во время его посольства. Но не такой награды желалъ воевода познанскій, богатый самъ по себѣ и безъ королевскихъ даровъ. Онъ не могъ простить королю отдачу маршалскаго жезла Денгофу. Оскорбленный магнатъ удалился отъ двора въ свои родовыя помѣстья и поклялся въ душѣ отмстить неблагодарному Владиславу при первомъ удобномъ случаѣ.

Опалинскій исполнилъ свою клятву.

II.

НИТКА ЖЕМЧУГА.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Галиціи, стояли темно-красныя стѣны Бѣлокамскаго замка, но обвалившіяся башни и груды кирпичей въ разныхъ мѣстахъ предвѣщали скорое обращеніе этого замка въ совершенныя развалины. Заглохшій садъ, изъ густыхъ вѣковыхъ липъ и высокихъ каштановъ, окружалъ замокъ на большомъ пространствѣ. Въ этомъ саду виднѣлись еще слѣды цвѣточныхъ клумбъ, расположенныхъ въ видѣ гербовъ и именныхъ шифръ прежнихъ обладателей опустѣлаго замка. Въ ту пору казалось, что сада не расчищали, а строеній не поправляли со времени перваго ихъ владѣльца.

Въ одномъ изъ нижнихъ этажей оставленнаго всѣми замка было небольшое окно съ желѣзной рѣшеткой и съ вывалившеюся рамою. Изъ этого окна вѣяло могильною сыростью, а въ той обширной, со сводами, комнатѣ, которую оно такъ слабо освѣщало, совершилось нѣкогда страшное, кровавое мщеніе.

Лѣтъ за сто назадъ до настоящаго времени Бѣлокам-

скій замокъ принадлежалъ князьямъ Радзивиламъ. Въ немъ жила въ ту пору жена Кароля Радзивила, извѣстнаго во всей Литвѣ и Польшѣ подъ именемъ „*Ranie kochanku*“. Молодая и красивая собой княгиня была отрасль одного знатнаго, гетманскаго рода: и отецъ и дѣдъ ея были великими гетманами.

Вышедшая неохотно замужъ за Радзивила, княгиня вѣтренно проводила свою жизнь; она безъ устали веселилась въ Варшавѣ при дворѣ Понятовскаго, въ то время когда мужъ ея, отъявленный противникъ офранцуженнаго короля, разбѣзжалъ по любимой имъ Литвѣ, готовя тамъ недруговъ Станиславу-Августу. Еще болѣе закружилась легкая головка княгини, когда „*Ranie kochanku*“, преслѣдуемый королемъ, долженъ былъ уѣхать за границу и скитаться тамъ, какъ изгнанникъ. Княгиня нисколько не горевала о своемъ мужѣ; была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ врагомъ его—съ королемъ, и, какъ говорила молва, передавала даже обворожительному для женщинъ Понятовскому всѣ письма, получаемыя ею отъ князя, въ которыхъ добродушный „*Ranie kochanku*“ сообщалъ женѣ всѣ свои замыслы, не подозрѣвая ея измѣны.

Наконецъ изгнаніе князя прекратилось и онъ вернулся въ родную Литву. Князь поселился въ любимомъ имъ Несвижѣ, а княгиня между тѣмъ жила въ Бѣлокамскомъ замкѣ и ѣздила веселиться въ Варшаву. Вскорѣ дошли до Радзивила положительные слухи о томъ, какъ проводила время его жена, и онъ отправилъ къ ней одного изъ служившихъ при немъ шляхтичей.

Лежанція теперь въ развалинахъ стѣны Бѣлокамскаго замка были въ ту пору нѣмыми свидѣтелями волокитствъ

и исканій около молодой и хорошенькой женщины, жившей въ разладѣ съ своимъ мужемъ. Онѣ были также свидѣтелями и ея вѣтренности, и ея шалостей, и ея непостоянства. Въ ту пору легко было подслушать въ замкѣ и звонкіе поцѣлуи, и страстный шопотъ, и сдержанные вздохи и веселый смѣхъ беззаботной грѣшницы. Можно было подсмотреть въ ту пору въ Бѣлокамскомъ замкѣ и смущеніе волокитѣ, оставшихся ни при чемъ, и торжество счастливецъ, успѣвшихъ овладѣть сердцемъ красавицы. Толпа отборной варшавской молодежи постоянно то вздыхала, то смѣялась около обворожительной вѣтренницы. Нерѣдко въ замкѣ бывали роскошныя пиршества, при громкихъ звукахъ княжеской музыки. На эти пиршества съѣзжалось къ княгинѣ столько гостей, что они занимали не только обширный замокъ, дѣлавшійся тѣснымъ при такихъ наѣздахъ сосѣдей, но и съ трудомъ размѣщались во всѣхъ окрестныхъ избахъ и лачужкахъ.

Въ концѣ одного изъ такихъ пировъ попалъ неожиданно въ Бѣлокамскій замокъ шляхтичъ Чешейко, посланный княземъ къ княгинѣ. Всѣ дороги, шедшія отъ замка, были запружены въ это время гостями, разѣзжавшимися отъ княгини. Между роскошными колымагами и простыми бричками съ трудомъ пробрался Чешейко до воротъ княжескаго замка. Здѣсь встрѣтилъ его старый слуга радзивиловскаго дома и откровенно разсказалъ пріѣзжему шляхтичу о грѣшномъ житіи своей пани. Посланный князя крѣпко придумался при этомъ разсказѣ.

Надобно замѣтить, что не только порученіе Радзивила, но и сердце молодаго шляхтича заставило его побывать въ Бѣлокамскомъ замкѣ. Здѣсь при княгинѣ жила хоро-

шенькая шляхтяночка панна Саломея, на которой хотѣлъ жениться Чешейко и только нужда мѣшала ему достигнуть желаннаго счастья.

Панна Саломея сидѣла за пальцами въ то время, когда въ ея чистую горенку неожиданно подкрался Чешейко. Онъ тихо каплянулъ позади ея, она оглянулась, вскочила, вскрикнула и вспыхнула вся, какъ вспыхиваетъ розовою зарею вечернее небо. Саломея бросилась на шею жениху, начались разспросы и отвѣты. Влюбленные не успѣли еще наговориться, когда къ нимъ въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся слуга.

— Панна Саломея, — кричалъ онъ, — у тебя есть гость, котораго княгиня сейчасъ же хочетъ видѣть.

— Вѣрно меня зоветъ княгиня, — отозвался Чешейко, и крѣпко поцѣловавъ невѣсту пошелъ слѣдомъ за слугою. Шляхтичъ проходилъ теперь чрезъ длинный рядъ обширныхъ покоевъ; толпа прислуги, суетившаяся еще за уборкою множества столовъ, показывала, что княгиня жила безъ мужа среди веселаго и многолюднаго общества.

Пріосанившись и поправивъ свои усы, молодой и статный шляхтичъ вошелъ смѣлымъ шагомъ въ богато-убранную опочивальню княгини. Здѣсь княгиня, въ легкомъ полувоздушномъ платьѣ, лежала на софѣ, какъ будто отдыхая послѣ сильной усталости. Привѣтливо она поздоровалась съ вошедшимъ шляхтичемъ и протянула къ нему, для поцѣлуя, свою бѣлую ручку. Желая задобрить мужнинаго посланца, княгиня теперь сама, по своей волѣ, награждала бѣднаго шляхтича такой лаской, которой такъ усиленно добивалась у красавицы сама блестящая молодежь Варшавы. При множествѣ безотходныхъ волокитѣ около княгини, счи-

талось особеннымъ счастьемъ даже и то, если удавалось иному насладиться поцѣлуемъ ея ручки. Но эта хорошенькая ручка не прельстила молодого шляхтича; онъ стоялъ молча передъ княгиней, покручивая одной рукой свой усъ, и поддерживая другой свою саблю. Казалось, что шляхтичъ вовсе не замѣчалъ привѣтливой ласки, оказанной ему знатною пани.

— Садись здѣсь, подлѣ меня,—нѣжнымъ голосомъ сказала княгиня равнодушному гостю, показывая ему рукою на позолоченное кресло.

Шляхтичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, пристально смотря на княгиню. Ея пышная красота, въ полномъ разгарѣ цвѣтущей молодости, взяла верхъ надъ суровостью шляхтича, онъ не утерпѣлъ, и низко поклонившись княгинѣ, схватилъ ея ручку и невольно, но крѣпко поцѣловалъ ее.

— Ты пріѣхалъ сюда прямо отъ моего мужа? спросила княгиня, насунувъ немножко свои тоненькія брови надъ глазками, покрытыми блестящей паволокой.

— Прямо отъ князя, янеосвѣщенная пани,—отвѣчалъ отрывисто шляхтичъ, желая со всей неумолимой строгостью исполнить данное ему порученіе, а между тѣмъ безсознательно растерявшійся подъ обаятельнымъ взглядомъ красавицы.

— А что, есть отъ князя письмо?

— Письма отъ князя нѣтъ никакого, онъ далъ мнѣ только одну записочку, да словесныя порученія къ вашей княжеской чести.

— Это значитъ, что онъ сдѣлалъ тебя своимъ уполномоченнымъ... перебила съ презрительной насмѣшкой кня-

гиня. Нечего сказать, хорошо поступаетъ со мною мой достойный супругъ!... Онъ бросилъ меня на произволъ судьбы, а самъ, какъ говорится, гоняетъ вѣтеръ въ полѣ или веселится напропалую и безъ толку проматываетъ свое состояніе, а между тѣмъ еще сердится на меня за то, что я просила короля назначить надъ нимъ опеку!...

При этихъ словахъ кровь прилила къ лицу честнаго шляхтича. Онъ удержалъ однако порывъ своего гнѣва. Сперва онъ закусилъ губы, а потомъ, спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, принялся отвѣчать княгинѣ противъ ея нападокъ на князя.

— Сколько я могъ замѣтить,—возразилъ шляхтичъ,—супругъ вашей княжеской милости находится въ полномъ разсудкѣ, и поэтому никакой опеки учреждать надъ нимъ нѣтъ надобности... Онъ честно служитъ родинѣ своей кровью и, какъ я знаю, готовъ служить ей и послѣднимъ грошемъ, который у него останется послѣ забора его имѣній по королевскому повелѣнію... Самъ же князь вовсе не веселится: ему теперь не до того, но онъ только угощаетъ своихъ пріятелей и гостей, въ благодарность за ихъ доброе расположеніе...

— Хорошъ мой защитникъ и покровитель!... запальчиво перебила княгиня,—онъ даже никогда не бываетъ у себя въ домѣ!

— Бываетъ ли онъ у себя въ домѣ или нѣтъ, это все равно для вашей княжеской милости, сурово замѣтилъ шляхтичъ. Знайте, ясная пани, только одно, что гдѣ бы князь ни былъ, онъ всегда и вездѣ дорожитъ честью своей супруги, и я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы забрать съ со-

бою того, кто, живя въ здѣшнемъ замкѣ, вредить доброй молвѣ о вашей княжеской милости....

Поблѣднѣвшая отъ злобы княгиня вздрогнула и бросила грозный, заискрившійся взглядъ на смѣлаго шляхтича.

— Можетъ быть ты и мнѣ лично привезъ какое нибудь приказаніе?... прерывающимся отъ гнѣва голосомъ спросила княгиня; и въ это время ея высокая грудь то поднималась, то опускалась, подъ легкой, полупрозрачной тканью.

Чешейко молчалъ, смотря не безъ волненія на раздраженную красавицу.

— Что же! говори! настойчиво сказала княгиня.

— Если вашей княжеской милости угодно было самимъ заговорить объ этомъ, то я долженъ передать вамъ желаніе князя, чтобы его супруга, для прекращенія недоброй о ней молвы, немедленно пошла на житѣе въ монастырь, какъ это обыкновенно дѣлають всѣ наши знатныя пани, когда мужья ихъ отправляются въ далекій походъ...

— Ты забываешь съ кѣмъ говоришь!... съ гнѣвомъ вскрикнула княгиня. — Я дочь и внука гетмановъ, я сама съумѣю сберечь свою честь!...

И княгиня, въ припадкѣ запальчивости, схватилась за хрустальный графинъ.

Чешейко слышалъ уже не разъ о томъ, до какой степени забывалась своенравная княгиня въ порывахъ сильнаго раздраженія. Шляхтичъ смекнувъ, что самая крошечная, самая бѣленькая ручка можетъ въ сердитую минуту хорошо хватить графиномъ по лбу, уклонился немного въ сторону, а княгиня между тѣмъ, опомнившись отъ излишней вспышки, начала наливать изъ графина въ стаканъ воду

и выпила ее до послѣдней капли, желая показать, что она вовсе не думала вооружаться графиномъ.

— Развѣ со мной можно распоряжаться такъ, какъ распоряжаются съ простой служанкой?... надменно спросила она у шляхтича, уставивъ на него свои большіе, огненные глаза.

— Я не имѣю никакого права разсуждать объ этомъ,— кротко замѣтилъ шляхтичъ, кланяясь почтительно княгинѣ,— мое дѣло—исполнить только приказаніе князя.

— Напередъ однако тебѣ слѣдовало подумать, удастся ли еще исполнить такое приказаніе... перебила княгиня.

— Я думаю, что удастся, спокойнымъ голосомъ возразилъ шляхтичъ, брякнувъ саблей.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебѣ удастся исполнить то, зачѣмъ ты сюда присланъ?—съ гордостью и съ изумленіемъ спросила княгиня, и ея громкій, судорожный смѣхъ раздался на всю комнату.—Нѣтъ этого никогда не будетъ!... добавила она, топнувъ о коверъ своей маленькой ножкой и погрозивъ шляхтичу бѣленькимъ пальчикомъ.

Шляхтичъ не возражалъ ничего; онъ только самоуверенно поглядывалъ на княгиню.

— Повѣрь, что ни ты, ни князь ничего мнѣ не могутъ сдѣлать: у меня найдутся заступники,—проговорила княгиня послѣ нѣкотораго молчанія.

Затѣмъ она прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, въ сильномъ волненіи; потомъ остановилась передъ уборнымъ столикомъ и взяла съ него небольшой ящичекъ, обтянутый пунцовымъ бархатомъ. Княгиня открыла ящикъ и подъ ея тоненькими пальцами заблестѣли, заискрились и радужно заиграли крупные бриллы. Съ этимъ ящичкомъ въ одной

рукъ подошла княгиня къ Чешейко, а другую руку положила она ему на плечо.

— Ты долженъ знать, мой милый, — сказала она ему своимъ серебристымъ и вкрадчивымъ голосомъ, — ты долженъ давно знать, что силой со мной ничего не сдѣлаешь и что со мной можно сладить только уступчивостью. Разсуди самъ хорошенько — къ чему можетъ повести насъ домашняя ссора?... Если я уйду въ монастырь, то развѣ будетъ честь князю за то, что онъ одолѣлъ слабую, беззащитную женщину? Сообрази самъ и то, какая будетъ при этомъ польза и тебѣ самому?... Чѣмъ можетъ наградить тебя князь, если въ скоромъ времени онъ самъ, какъ изгнанный, лишится всего и останется безъ куска хлѣба?... Вѣдь ты знаешь, что у него уже отняты всѣ его литовскія имѣнія за возстаніе противъ короля...

— Все это я очень хорошо знаю, ваша княжеская милость, твердымъ голосомъ отвѣчалъ шляхтичъ, но не смотря на это я все-таки до конца хочу остаться вѣрнымъ своему доброму пану.

— Это очень похвально, — съ живостью и досадою перебила княгиня, — но вспомни, однако, что панна Саломея, которую ты такъ любишь, никогда не пойдетъ замужъ за такого бѣдняка, каковъ ты... Что у тебя есть?...

— Я и самъ не захочу заставить ее дѣлать мою нужду, и до тѣхъ поръ я не женюсь на ней, пока кое-какъ не устроюсь.

— Вотъ видишь!... съ радостью подхватила княгиня, и съ этими словами она вынула изъ ящичка нить чуднаго жемчуга ослѣпительной бѣлизны и распустила эту нить пе-

редъ глазами шляхтича. — Ты знаешь этотъ жемчугъ! спросила она Чешейко.

— Знаю; это наслѣдственная драгоценность княжескаго рода Радзивилловъ, и она не должна никогда и ни въ какомъ случаѣ выйти изъ него... Впрочемъ, добавилъ шляхтичъ, вынимая изъ шапки лоскутокъ сложенной бумаги, — вмѣстѣ съ порученіями, уже переданными вашей княжеской чести, я имѣю еще приказаніе князя — взять отъ васъ этотъ жемчугъ; — и съ этимъ словомъ онъ подалъ княгинѣ довѣренность князя на полученіе наслѣдственного сокровища.

Княгиня взяла записку мужа, а между тѣмъ шляхтичъ протянулъ руку къ жемчугу и выхватилъ нить изъ рукъ княгини. Княгиня крикнула въ ужасъ, увидя, что она лишилась самой главной драгоценности. Шляхтичъ не обратилъ никакого вниманія на крикъ княгини и спокойно положилъ за пазуху драгоценную вещь, съ тѣмъ, чтобъ немедленно отвезти ее къ князю. Княгиня съ изумленіемъ смотрѣла на Чешейко, который, почтительно поклонясь ясно-вельможной хозяйкѣ, вышелъ изъ ея опочивальни, попросивъ княгиню увѣдомить князя о томъ, что она уже передала жемчугъ его посланному.

Занскрились глаза молодой женщины и задрожали ея розовыя ноздри по выходѣ Чешейки.

— Теперь ты пропалъ, безумецъ!... проговорила она съ какой-то дикой радостью, разорвавъ въ мелкіе кусочки записку князя о выдачѣ жемчуга его повѣренному. — Ты узнаешь что значитъ оскорблять женщину и отнимать у нея того, кого она любитъ!...

Княгиня кликнула Саломею и приказала ей позвать, какъ можно скорѣе, пана Кулешу.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ спальню княгини вошелъ, въ попыхахъ, чрезвычайно красивый и статный мужчина, который, какъ гласила молва, пользовался особеннымъ и притомъ постояннымъ расположеніемъ молодой княгини. Она измѣняла всѣмъ своимъ любимцамъ, кромѣ одного пана Кулеши.

Спустя немного времени послѣ этого выѣхалъ изъ Бѣлокамскаго замка Чешейко, радуясь тому, что онъ успѣлъ по крайней мѣрѣ исполнить хоть одно порученіе своего пана, имѣя дѣло съ такой неуступчивой и вспыльчивой пани, какова была княгиня. Чешейко надѣялся получить отъ князя новыя наставленія и въ скоромъ времени опять побывать въ замкѣ и исполнить приказаніе на счетъ выпроводовъ оттуда Кулеши.

Прощаясь съ своимъ женихомъ, пани Саломея дала ему поцѣловать одну ручку, а другою благословила его, желая отвратить отъ него своимъ благословеніемъ всякую бѣду и напасть. Теперь Чешейко ѣхалъ, опустивъ поводья, и думалъ о своей хорошенькой невѣстѣ.

Долго послѣ отъѣзда Чешейки толковали между собою, при запертыхъ на задвижку дверяхъ, княгиня и ея любимецъ. Когда же окончилась эта душевная бесѣда, то довѣренный княгини опрометью побѣжалъ внизъ.

— Только, ради Бога, будь осторожнѣе, — кричала ему вслѣдъ умоляющимъ голосомъ княгиня. Онъ, какъ видно, человѣкъ отчаянный!... Будетъ защищаться упорно...

Выбѣжавъ во дворъ, Кулеша созвалъ всѣхъ слугъ и торопливо началъ отдавать приказанія. Во всемъ замкѣ поднялась ужасная тревога: шумѣли, суетились, кричали, сѣдлали лошадей и заряжали ружья. Казалось, что въ замкѣ

ожидали нападенія спльнаго непріятеля. Когда же все было готово, то панъ Кулеша, съ обнаженною саблею, сѣлъ на коня.

— Гей, хлопцы!... За мной!... крикнулъ онъ громко и съ этими словами пустился по дорогѣ, по которой ѣхалъ Чешейко; а слѣдомъ за Кулешой помчались казаки.

Говоръ и шумъ продолжался однако въ замкѣ и послѣ этого. Среди общаго переполоха всѣ громко говорили о томъ, что пріѣзжавшій отъ князя шляхтичъ укралъ у княгини нить жемчуга, которая имѣла неповѣрную цѣну.

Скоро панъ Кулеша съ своими казаками нагналъ Чешейку. Обороняться было некогда, да при томъ повѣренный князя не чувствовалъ за собою никакой вины. Спустя нѣсколько часовъ везли Чешейку въ Бѣлокамскій замокъ связаннаго по рукамъ и ногамъ. Шляхтичъ лежалъ теперь въ бричкѣ, а подлѣ нея, съ молодецкой осанкой, ѣхалъ Кулеша, держа въ рукѣ драгоцѣнную нитку жемчуга, которая, въ присутствіи казаковъ, какъ свидѣтелей, была найдена за пазухой у Чешейки.

— Я не хочу мстить ему сама, — сказала съ презрительнымъ равнодушіемъ княгиня, принимая жемчугъ изъ рукъ Кулеши, — но я не желаю однако оставить безъ наказанія его низкій поступокъ: пускай судъ опредѣлитъ ему наказаніе...

По приказанію княгини было сдѣлано въ трибуналь надлежащее повѣщеніе о поступкѣ Чешейки, а между тѣмъ бѣдный, ни въ чемъ невиноватый шляхтичъ былъ посаженъ въ подвалъ Бѣлокамскаго замка.

Ужаснулась панна Саломея, когда узнала, что женихъ ея обвиненъ въ кражѣ; бѣдная дѣвушка не выдержала этого удара и впала въ страшную горячку. Скоро начался надъ

Чешейкой судъ. Законы польскіе не давали потачки ворами и мошенникамъ, а между тѣмъ никакія оправданія Чешейки не принимались въ уваженіе, потому что улики въ кражѣ были очевидны и бѣдняга былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Узнавъ объ этомъ приговорѣ, княгиня распорядилась, чтобъ ея служанки спили для приговореннаго къ казни смертельную рубашку. Заливаясь слезами и громко рыдая исполнили онѣ приказаніе своей жестокосердой госпожи. Какъ помѣшанная смотрѣла на все это панна Саломея, не сознавая ясно того что вокругъ нея дѣлалось.

Когда окончательно состоялся смертный приговоръ, то нужно было привести его въ исполненіе; во всемъ околоткѣ нельзя было найти палача. Какъ ни былъ преданъ княгинѣ ея любимый наперстникъ, панъ Кулеша, но онъ какъ шляхтичъ не могъ взяться за ремесло палача. Пошли искать охотника по окрестнымъ деревнямъ, но ни одинъ крестьянинъ не хотѣлъ сдѣлаться палачомъ, хотя тому, кто вызвался бы отрубить голову Чешейко, предлагалось, за это, увольненіе отъ барщины на всю жизнь. Наконецъ, не въ близкомъ отъ замка мѣстечкѣ, выискался одинъ какой-то мясникъ, который, подъ пьяную руку, и отхватилъ въ темномъ подвалѣ голову несчастному шляхтичу...

Послѣ гибели жениха, панна Саломея ушла въ какой то далекій монастырь и вскорѣ замолкъ на вѣки въ Бѣлокамскомъ замкѣ слухъ о бѣдной дѣвушкѣ...

Польское правительство, до котораго дошла вѣсть о кровавой расправѣ съ Чешейко, приказало, по просьбѣ его родственниковъ, какъ можно строже изслѣдовать это темное дѣло. Княгинѣ и ея любимцу начинала теперь грозить нешуточная опасность, но обстоятельства измѣнились въ

ихъ пользу, потому что въ это время австрійскія войска заняли Галицію и здѣсь начался новый порядокъ...

Княгиня поспѣшила въ Вѣну и тамъ стала посѣщать безпрестанно дворцовую капеллу. Богомольную императрицу поразила необыкновенная набожность молодой женщины. Вскорѣ пришло изъ Вѣны приказаніе—прекратить всѣ розыски о смерти Чешейки, а спустя нѣсколько времени, на плечѣ преступницы - богомолки заблистали брильянтовые знаки ордена Маріи Терезіи.

Судьба однако покарала княгиню. Разведшись съ княземъ, она вышла потомъ замужъ за какого то бездомнаго француза, и въ глубокой старости эта представительница знаменитаго гетманскаго рода, отвергнутая всѣми, скиталась около Бѣлокамскаго замка, питаясь скуднымъ подаваніемъ.

III.

Вызовъ родственниковъ.

Въ одномъ изъ значительныхъ польскихъ мѣстечекъ былъ храмовой праздникъ. Множество разныхъ колымагъ, бричекъ и повозокъ загромождали большую костельную площадь, обсаженную высокими пирамидальными тополями. Въ мѣстечко съѣхались на праздникъ и богатые паны съ ихъ многочисленною челядью; сюда добрался также на своей маленькой телѣжкѣ и сосѣдній мужичокъ съ женой, у которой, по случаю праздника, былъ надѣтъ на головѣ шелковый платочекъ, а на шеѣ висѣли янтарныя бусы. И мужъ и жена ѣхали на праздникъ, сидя въ телѣжкѣ на большой вязанкѣ льна, который былъ бѣлъ какъ снѣгъ и который они везли ксендзу, какъ церковную десятину. На возу сидѣли съ отцомъ и съ матерью ихъ пухленькія, розовыя дочки.

Толпы набожныхъ пѣшиходовъ валили гурьбой въ мѣстечко. Въ мѣстечкѣ же на рыночной площади стоялъ

рядъ толстыхъ столбовъ; у каждаго изъ столбовъ, соединенные между собою близкимъ родствомъ, небогатые шляхтичи привязывали своихъ лошадей и никто изъ постороннихъ не смѣлъ прикоснуться къ такому столбу, назначенному только для извѣстнаго семейства.

Послѣ обѣдни, шляхтичи, прихожане и всѣ почетные гости были запрошены на обѣдъ къ отцу-плебану, передъ домомъ котораго, подъ яснымъ лѣтнимъ небомъ, расположилось множество народа, весело проводя время.

Между собравшимися у отца-плебана сосѣдями шель обычный разговоръ о погодѣ, о посѣвахъ и о разныхъ случаяхъ, бывшихъ недавно въ околodкѣ.

— А что жъ, панъ Матеушъ, когда же поѣдешь получать наслѣдство?... спросилъ какой-то старичокъ одного, очень скромно, но чисто одѣтаго шляхтича, бывшаго въ числѣ гостей.

— А вотъ Господь Богъ дастъ, такъ и выберусь недѣлки черезъ три, — отвѣчалъ смиренно тотъ, къ кому относился этотъ вопросъ. Еще не всѣ нужныя бумаги успѣлъ подобрать.

Панъ Матеушъ пріятно улыбнулся. Самыя отрадныя мечты промелькнули въ его головѣ, подъ длиннымъ чубомъ, на которомъ пробивалась уже сѣдина.

Между тѣмъ гости, по приглашенію радушнаго хозяина, принялись за закуску. Разговоръ дѣлался и шумнѣе, и веселѣе, и оживленнѣе. Толковали о разныхъ разностяхъ, но всего чаще затрогивали гости пана Матеуша Буйницкаго, добродушно подшучивая надъ тѣмъ, что онъ, послѣ своей поѣздки въ замокъ своего соименника, каштеляна Буйницкаго, сдѣлается богатымъ и могущественнымъ магнатомъ.

Замѣтно было, что этого рода шутки не только что не обижали бѣднаго шляхтича, но что, напротивъ, онѣ радовали его.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, думалъ про себя панъ Матеушъ, а послушаемъ что заговорите вы, когда ко мнѣ на самомъ дѣлѣ перейдетъ все огромное богатство каштеляна.

Долго продолжался пиръ у отца-плебана. Наконецъ гости, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились по домамъ. вмѣстѣ со всѣми поѣхалъ, въ своей простой одноконной бричкѣ, и панъ Буйницкій. Спустя же дней десять по возвращеніи съ праздника, панъ Матеушъ, на той же самой саврасой лошади и въ той же самой бричкѣ, отправился въ далекій путь, въ замокъ каштеляна Буйницкаго.

Панъ Владиславъ Буйницкій, каштелянъ саноискій, владѣтель Буйничковъ, Овражковъ, Наровча и другихъ огромныхъ помѣстій, считался во всемъ своемъ окологдѣ первымъ паномъ. Жилъ онъ въ обширномъ старинномъ замкѣ, ѣздилъ на сеймики и сеймы въ сопровожденіи множества прислуги и сторонниковъ, которыхъ онъ, какъ бы ихъ много ни было, угощалъ на серебряной и золотой посудѣ. Всѣ сенаторы и самъ король, Янъ-Казиміръ, заискивали добраго расположенія у богатаго магната. Къ нему то и пробирался теперь его однофамилецъ, со множествомъ разныхъ бумагъ, тщательно зашитыхъ въ грубую холстину и запряганныхъ за пазуху подъ кунтушемъ.

Панъ каштелянъ, не смотря на свою знатность и на свои несмѣтные богатства, не былъ однако доволенъ судьбою. Не радовался онъ и тому, что около него разцвѣтало шесть прехорошенькихъ дочерей, которыя рѣзвились около него, какъ рѣзвятся пестрыя бабочки. Тяжелыя и груст-

ныя думы постоянно одолѣвали могущественнаго каштеляна. Съ грустью проѣзжалъ онъ по своимъ обширнымъ владѣніямъ, подумывая о томъ, что все это раздѣлится на части послѣ его смерти и что скоро въ его родной сторонѣ угаснетъ на вѣки знаменитое имя Буйницкихъ.

Желая имѣть наслѣдниковъ этого имени, панъ Буйницкій еще въ молодыхъ годахъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, происходившей, впрочемъ, изъ славнаго рода. Каштелянъ, повидимому, былъ очень счастливъ въ супружеской жизни, потому что Богъ послалъ ему жену кроткую, благоразумную и привязанную къ нему всѣмъ сердцемъ. Меньше чѣмъ черезъ годъ она родила ему дочь. Насунился панъ Буйницкій при этой вѣсти; но дѣлать было нечего, и онъ пышно справилъ крестины новорожденнаго ребенка.

Прошелъ еще годъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ панъ Буйницкій, кого подарить ему супруга — сына или дочь, и крѣпко огорчился онъ, когда узналъ, что въ замкѣ его явилась на свѣтъ новая дѣвочка. Минулъ еще годъ — и у пани Буйницкой родилась опять дочь; — не вытерпѣлъ мужъ и принялся журить жену, зачѣмъ она не даритъ ему сына. Въ слѣдующемъ году прибыла пану четвертая дочь — и онъ разсердился до такой степени, что даже не захотѣлъ взглянуть на новорожденную малютку. Спустя годъ, новая прибавка въ семействѣ Буйницкаго — и опять дочь. Вспылилъ каштелянъ, обманувшись въ своей надеждѣ имѣть наслѣдника, и приказалъ отправить ребенка, вмѣстѣ съ мамкой, на фольварокъ.

Въ теченіе слѣдующаго года панъ каштелянъ, смотря на свою все болѣе и болѣе полнѣвшую супругу, предавался самымъ радостнымъ мечтамъ. Онъ воображалъ какъ будетъ

ласкать малевькаго сына, какъ онъ выростетъ и будетъ славнымъ наѣздникомъ и лихимъ рубакой, какъ онъ женить сына, какъ у него пойдутъ внуки и какъ такимъ образомъ, на долго, если не до конца міра, будетъ продолжаться древній родъ каштеляна.

Обманчивы были однако надежды тщеславнаго пана, потому что когда явился у него къ домѣ седьмой младенецъ, то оказалось, что вмѣсто ожидаемаго сына послалъ Господь каштеляну еще новую дочь. Не вытерпѣлъ этого обманувшійся отецъ; онъ заскрежеталъ отъ гнѣва зубами, схватился въ отчаяніи за голову и приказалъ поворожденное дитя отправить въ дальнюю деревню и тамъ воспитывать ее, какъ простую крестьянку.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ; каштелянъ и его супруга старѣли, а дочери ихъ росли и хорошѣли. Умилостивившійся каштелянъ вернулъ въ свой замокъ двухъ послѣднихъ дочерей, высланныхъ имъ изъ его дома; но все же онъ не любилъ своей семьи такъ, какъ онъ любилъ бы ее, если бы среди ея выросталъ наслѣдникъ его имени и его богатства. Особенно доставалось за дочерей бѣдной супругѣ. Раздраженный каштелянъ постоянно укорялъ ее за то, что она произвела столько дочерей, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ была виновата въ томъ, что не имѣла сына.

Досадуя на жену, каштелянъ сталъ подумывать, что не худо бы было развестись съ нею и жениться на другой, чтобы хоть этимъ способомъ добыть себѣ наслѣдника. Но какъ онъ ни ломалъ голову надъ тѣмъ, чтобы выискать или выдумать какую нибудь причину къ разводу, онъ не могъ ничего придумать, такъ какъ сожительница его была

женщина безукоризненная во всѣхъ отношеніяхъ и представляла собою образецъ всѣхъ супружескихъ добродѣтелей. Суетный каштелянъ не унимался однако; онъ попробовалъ-было заикнуться о разводѣ передъ епископомъ, но правдивый и строгій пастырь не только что далъ ему хорошій духовный нагоний за его грѣшныя расчеты, но и погрозилъ еще ему Божіей карой, если только онъ позволитъ себѣ обидѣть ни въ чемъ не виноватую супругу.

Послѣ этого каштелянъ оставилъ мысль о разводѣ. Боязнь несчастій въ земной жизни и страхъ адскихъ мукъ въ будущей отбили у набожнаго пана мысль о разводѣ, и онъ сталъ добывать себѣ наслѣдника другимъ способомъ. Онъ призывалъ къ себѣ на совѣтъ и лекарей, и ученыхъ и знахарей, и бабъ, слывшихъ въ народѣ ворожеями и колдуньями. Онъ ѣздилъ съ женою на богомолье по разнымъ монастырямъ, молился, постился, раздавалъ убогимъ щедрую милостыню и дѣлалъ богатыя вклады по разнымъ костеламъ. Ничего однако не помогало.

Каштелянъ тужилъ невыносимо, а между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, дочери каштеляна росли и годъ отъ году становились все краше и краше.

— Постой же,—подумалъ панъ Буйницкій въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ,—построю я на свой счетъ церковь, а подлѣ нея монастырь и поселю въ немъ святыхъ отшельниковъ... Даю также Всевышнему обѣтъ,—добавилъ съ набожнымъ чувствомъ каштелянъ,—что если у меня послѣ этого родится сынъ, то я всѣхъ моихъ дочерей отдамъ въ монастырь, пусть молятся онѣ за того, кто будетъ продолжать нашъ знаменитый и древній родъ!..

Въ скоромъ времени сѣхались въ замокъ каштеляна

лучшіе архитекторы и живописцы; долго толковалъ онъ съ ними о томъ, какъ бы великолѣпнѣе и богаче построить храмъ и монастырь во славу Божию. Когда же художники рѣшили этотъ вопросъ, то по близости замка закипѣла дѣятельная работа: толпы каменщиковъ, плотниковъ, маляровъ и штукатуровъ безостановочно трудились надъ постройкою церкви и обширныхъ монастырскихъ зданій. Каштелянъ не жалѣлъ ничего, и такъ какъ, не смотря на все его богатство, у него не хватило разомъ наличныхъ денегъ на такіе огромные расходы, то онъ заложилъ два помѣстья и продолжалъ строить монастырь на занятые деньги.

На другой годъ, среди темной зелени соснового лѣса, бѣлѣлись уже высокія башни костела и стѣны монастырскихъ зданій. Когда же все было готово, то самъ мѣстный епископъ освятилъ новый костелъ. Въ твердой надеждѣ имѣть наслѣдника своего имени и своихъ богатствъ, каштелянъ отпраздновалъ освященіе храма съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Съѣхавшіеся въ замокъ гости не могли надивиться огромности костела, его яркой позолотѣ и множеству рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеній, исполненныхъ съ большимъ вкусомъ и необыкновеннымъ пышествомъ. Спустя годъ въ новоотстроенномъ монастырѣ поселились монахи кармелитскаго ордена. Строитель монастыря, надѣливъ братію угодыми, лѣсами и рыбными ловлями, поставилъ имъ въ непремѣнную обязанность, чтобы они и день и ночь молили Господа Бога о дарованіи ему сына.

Прошло еще нѣсколько времени, но ожиданіе каштеляна не исполнилось. Онъ уже не совсѣмъ благосклонно началъ посматривать на святыхъ отцовъ, приписывая свой неуспѣхъ ихъ не слишкомъ усерднымъ молитвамъ и понуждалъ

ихъ молиться и почаще и по-дольше и по-прлежнѣе.

Нельзя описать гнѣва каштеляна, когда послѣ самыхъ сладкихъ его надеждъ и даже заготовленія колыбельки съ гербами его фамиліи для новорожденного сына, у него родилась восьмая дочь. Задыхался отъ злобы обманувшійся каштелянъ; онъ не взглянулъ даже на свою дочь и приказалъ отправить малютку на самый отдаленный фольварокъ, съ тѣмъ чтобы никогда не смѣли даже говорить о ней въ его присутствіи.

Истощивъ всѣ усилія для того, чтобы видѣть своего наслѣдника, каштелянъ наконецъ убѣдился, что онъ павѣи лишентъ этого счастья; тѣмъ не менѣе онъ все таки не оставалъ отъ мысли—продолжить какъ нибудь мужское колѣно своего рода. Теперь каштелянъ засѣлъ надъ гербовниками и кипой фамильныхъ бумагъ. Съ большимъ напряженіемъ перечитывалъ онъ и гербовники и бумаги, желая найти гдѣ нибудь отрасль своего рода съ представителемъ ея по мужскому колѣну.

— Пусть бы только найти мнѣ какого нибудь пана Буйницкаго нашей древней крови, — рассуждалъ самъ съ собою каштелянъ, — и будь онъ хоть старъ, хоть уродъ, хоть нищъ, хоть калека, но я предоставляю ему выбрать въ жены любую изъ моихъ дочерей. Пусть женится на ней и продолжаетъ наше знаменитое имя... Что за бѣда если мой дальній родственникъ и однофамилецъ принадлежитъ къ самой убогой шляхтѣ: у меня много богатства и я его сейчасъ сдѣлаю знатнымъ паномъ... Мнѣ только пужна настоящая кровь Буйницкихъ!..

Какъ однако ни рылся каштелянъ въ гербовникахъ и въ пыли домашняго архива, онъ все таки никакъ не могъ

напасть на такіе слѣды, которые указали бы на существованіе мужской отрасли его рода въ Польшѣ или Литвѣ. Суетный каштелянъ доходилъ до отчаянія и рѣшительно не зналъ что ему дѣлать.

— Настоя же я на своемъ!—сказалъ онъ въ припадкѣ сильнаго гнѣва, ударивъ кулакомъ по столу,—во чтобы то ни стало, а я достану себѣ пана Буйницкаго!..

Спусти нѣсколько дней послѣ этого, изъ замка каштеляна выѣхали во всѣ стороны нарочные гонцы. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ отыскивать какого-нибудь пана Буйницкаго въ Мазовіи, другой въ Куявіи, третій на Волыни, четвертый на Подолѣ, пятый въ Литвѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь каштелянъ возврата своихъ посланныхъ, подумывая о томъ, какого-то они привезутъ ему родственника. Уже нѣсколько гонцовъ возвратились въ замокъ и донесли каштеляну, что несмотря на всѣ свои усилія они не могли отыскать его родственника и однофамильца. Съ горестью покачивалъ каштелянъ головою, выслушивая эти недобрыя вѣсти.

Однажды, когда онъ въ глубокой задумчивости сидѣлъ у окна, посматривая на заходившее солнце и думая о томъ, что вскорѣ, подобно солнцу, угаснетъ и его знаменитый родъ, онъ увидѣлъ, что во дворъ замка въѣзжалъ какой-то бѣдный шляхтичъ на саврасой лошади, запряженной въ простую бричку. Шляхтичъ смѣло подъѣхалъ къ самому крыльцу замка, слѣзъ съ брички и взошелъ на крыльцо. Каштелянъ подивился такой безцеремонности бѣднаго гостя въ домѣ богатаго пана. Но удивленіе каштеляна обратилось въ восторгъ, когда въѣжавшій къ нему въ комнату слуга громко крикнулъ:

— Панъ Матеушъ Буйницкій, вельможный родственникъ ясневельможнаго пана каштеляна, пріѣхалъ къ его милости, нашему пану!..

Обрадованный каштелянъ обезумѣлъ отъ неожиданной радости. Крѣпко онъ обнялъ и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ желаннаго гостя, которымъ каштелянъ дорожилъ теперь до такой степени, что тотчасъ же приказалъ снять съ его брички колеса, разобрать гати, сломать мосты и перекопать дороги, опасаясь чтобы драгоценный гость не уѣхалъ какъ нибудь изъ его замка, не порѣшивъ дѣла о продолженіи его знаменитаго рода.

Нужно ли говорить о томъ, какъ угощалъ каштелянъ пана Матеуша, который не могъ надивиться великолѣпію замка, множеству слугъ и громадѣ золотой и серебряной посуды. Бѣдный шляхтичъ не могъ дать себѣ о своемъ положеніи никакого отчета, когда каштелянъ, рассказавъ ему о всѣхъ своихъ богатствахъ, объявилъ, что всѣ они перейдутъ къ нему, если только онъ захочетъ жениться на одной изъ дочерей каштеляна. Все что видѣлъ и слышалъ теперь панъ Матеушъ ему казалось какимъ-то волшебнымъ сномъ, и онъ каждую минуту боялся, чтобы не пробудиться отъ этого чудеснаго сна.

— Старовать онъ для моихъ дочерей,—думалъ про себя каштелянъ, смотря на своего соименника, у котораго во время неблизкой дороги успѣла уже показаться щетинистосѣдоватая борода,—да это ничего, дѣти все-таки будутъ!.. Ну, дорогой мой родственникъ,—сказалъ каштелянъ, обращаясь къ пану Матеушу,—примемся теперь за дѣло и посмотримъ отъ какой линіи нашего рода явился ты на свѣтъ...

Шляхтичъ вынулъ изъ-за пазухи привезенныя имъ бумаги и положилъ ихъ на столъ передъ каштеляномъ, который сталъ перечитывать ихъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ. Панъ Матеушъ, не безъ сильнаго біенія сердца, внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего будущаго тестя.

— А это, братъ, что значить?... спросилъ вдругъ суровымъ голосомъ каштелянъ, и съ этими словами онъ грозно посмотрѣлъ на шляхтича. У послѣдняго дрогнули отъ страха колѣни.

— Какъ же ты можешь происходить изъ того же рода Буйницкихъ, изъ котораго происхожу я, если мой родъ еще за полтораста лѣтъ раздѣлился на отрасли, которыя теперь уже угасли, а между тѣмъ изъ этихъ бумагъ видно, что предки твои за сто-восемьдесятъ лѣтъ владѣли такимъ помѣстьемъ, котораго никогда въ нашемъ родѣ не бывало... Ты не нашей крови!.. громко крикнулъ каштелянъ, швырнувъ въ сторону всѣ бумаги, представленныя ему его соименникомъ.

Оробѣвшій панъ Матеушъ хотѣлъ было пуститься въ объясненія.

— Гей, люди!.. крикнулъ взбѣшенный каштелянъ, — взять этого самозванца и отсчитать ему пятьдесятъ бато-говъ!...

Приказаніе пана было исполнено въ точности. Всѣ золотыя мечты разлетѣлись въ пыль и прахъ въ головѣ бѣднаго шляхтича...

Спустя нѣсколько часовъ онъ тянулся обратно домой на своей саврасой лошаденкѣ, съ трудомъ пробираясь по разобраннѣмъ гатямъ, сломаннымъ мостамъ и перерытымъ

дорогамъ, проклиная и свою поѣздку и радушную встрѣчу каштеляна, вслѣдствіе которой не было теперь проѣзда по дорогѣ.

Забилось радостью сердце шляхтича, когда онъ наконецъ увидѣлъ вдаль родную соломенную кровлю. Ему представилась его прежняя тихая жизнь—безъ роскоши, и безъ пышности, но за то не лишенная отрады и удовольствия, и теперь онъ даже поразовался въ душѣ, что не состоялась его свадьба съ дочерью надменнаго каштеляна.

— Что сдѣлалъ бы со мной, — подумывалъ не безъ ужаса шляхтичъ, — если бы и у меня, какъ у него, не было сыновей?... и холодная дрожь пробирала пана Матеуша при этой мысли.

Заговорили всѣ въ околodкѣ о приѣздѣ пана Буйницкаго.

— Ну что? — спрашивали его при встрѣчѣ сосѣди, — устроилось дѣло?..

— Нѣтъ не совсѣмъ еще, — неохотно отзывался шляхтичъ, при грустныхъ воспоминаніяхъ объ исходѣ своей поѣздки.

— А что же...

— Нашлись другіе, ближайшіе родственники... бормоталъ себѣ подъ носъ панъ Матеушъ.

— А много ихъ?...

— Да я насчиталъ ихъ до пятидесяти, отвѣчалъ шляхтичъ, вспоминая невольнo о числѣ батовъ, отпущенныхъ ему каштеляномъ...

IV.

КНЯЗЬ ІОСИФЪ ЯБЛОНОВСКІЙ.

Въ Польшѣ существуютъ двѣ фамиліи Яблоновскихъ: одна герба Гржимала, другая герба Пруссъ III; родоначальники обѣихъ фамилій дѣлаются извѣстными въ началѣ XVI столѣтія; значеніе же въ Польшѣ той фамиліи Яблоновскихъ, къ которой принадлежалъ князь Іосифъ, начинается со второй половины XVII вѣка, именно съ великаго короннаго гетмана Станислава-Яна, женатаго на Маріаннѣ Казановской и бывшаго другомъ и сподвижникомъ короля Іоанна Собѣскаго.

Внукъ Станислава-Яна, Іосифъ Яблоновскій, обладавшій огромными богатствами, извѣстенъ какъ человекъ ученый и писатель, но не смотря на эти качества онъ отличался необыкновенными причудами. Іосифъ Яблоновскій родился въ 1711 году, и 16 апрѣля 1743 года, находясь польскимъ посломъ въ Регенсбургѣ, получилъ отъ германскаго императора княжеское достоинство Римской Имперіи, а впослѣд-

ствіи и орденъ Золотого Руна. По смерти Августа III онъ записался въ число кандидатовъ на польскій престолъ, но встрѣтилъ неудачу и, по избраніи въ короли Станислава Понятовскаго, уѣхалъ въ Лейпцигъ и тамъ посвящалъ свое время литературѣ и ученымъ изысканіямъ, учреждалъ преміи и конкурсы, раздавалъ писателямъ золотыя медали, печаталъ ихъ сочиненія на свой счетъ, кормилъ, поилъ и одѣвалъ ихъ; но соскучившись на чужбинѣ онъ возвратился на родину и началъ вести жизнь чудака.

По пріѣздѣ въ свое имѣніе Ляховицы, онъ выстроилъ посреди большаго пруда на островѣ великолѣпный домъ, или, вѣрнѣе сказать, огромный укрѣпленный замокъ. Ни одно окно этого замка не выходило на очаровательныя окрестности Ляховицъ, но всѣ были обращены во внутрь на дворъ. Подражая примѣру владѣтельныхъ особъ, князь устроилъ въ этомъ замкѣ аудіенцъ-залу, окружилъ себя войскомъ, образовалъ кругомъ себя многочисленный дворъ, въ составъ котораго были шамбеляны, то-есть камергеры, разставилъ пушки на валахъ кругомъ замка и жилъ тамъ долгое время, не имѣя ни въ комъ надобности. Но крѣпко сжалось сердце Яблоновскаго, когда однажды онъ встрѣтилъ необходимость обратиться съ просьбою къ бывшему своему сопернику тогдашнему королю Станиславу Понятовскому, и жестокий ударъ былъ нанесенъ самолюбію князя, когда просьба его осталась безъ исполненія. Раздраженный Яблоновскій приказалъ вынести портретъ короля изъ своихъ комнатъ и въ наказаніе повѣсить его въ караульнѣ. Вѣсть объ этомъ дошла до короля, который наслышавшись о странностяхъ Яблоновскаго, сдѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ о нанесенномъ ему оскорбленіи. Тогда Яблоновскій рѣшилъ

ся пойти на мировую и написалъ къ королю письмо, въ родѣ извиненія въ своемъ поступкѣ. Король отвѣчалъ на письмо князя такъ: „Зная вашъ умъ и ваше сердце, я былъ увѣренъ, что вы, размысливъ о вашемъ поступкѣ, вѣрно сами будете жалѣть о немъ. Портретъ мой, повѣшенный по приказанію вашему въ караульнѣ, могъ замараться, поэтому посылаю вамъ новый, весьма-похожій, для того, чтобы онъ напоминалъ вамъ меня.“

Въ сношеніяхъ своихъ съ лицами, которыя были ему обязаны, Яблоновскій обнаруживалъ доброе сердце, не отказывалъ никому, кто просился къ нему въ службу, и если кто-нибудь изъ служившихъ у него навлекалъ на себя неудовольствіе князя, то онъ запрещалъ виновному являться къ нему иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней, иногда недѣль, а иногда и мѣсяцевъ, отправлялъ его на одинъ изъ своихъ фольварковъ и самъ записывалъ день высылки и срокъ, на который виновный былъ имъ удаленъ.

Между тѣмъ во все это время онъ безпрестанно спрашивалъ окружающихъ его: „Что подѣлываетъ такой-то? вѣроятно онъ сильно тоскуетъ? да, да, прибавлялъ онъ, какое ужасное наказаніе не видать моего лица!“

Послѣ опредѣленнаго срока виновный былъ возвращаемъ въ замокъ князя, выслушивалъ его наставленія, послѣ чего въ награду за наказаніе, которое лишало высланнаго возможности видѣть лице князя, онъ получалъ пару коней или нѣсколько десятковъ червонцевъ. Такой способъ взысканія вскорѣ всѣмъ понравился, и служившіе при князѣ, сговорившись между собой, устраивали дѣло такъ, что всѣ поочередно подвергались его гнѣву.

Но въ припадкахъ вспыльчивости князь наказывалъ такъ

же свою любимую дочь Теофілію, посылая ее подъ арестъ въ караульню, гдѣ княжеская милиція стояла на часахъ; туда же отправлялъ онъ и тѣхъ изъ своихъ гостей, кто нарушалъ или установленный имъ этикетъ, или, по обычаю Рѣчи Посполитой, позволялъ себѣ обходиться съ нимъ за пани-брата.

Но самымъ торжественнымъ днемъ, въ который князь являлся во всемъ своемъ величіи, былъ день его именинъ, день Св. Іосифа, или Юзефа; день этотъ былъ также днемъ хозяйственныхъ распоряженій, потому что тогда отдавались имѣнія въ аренду, и получались съ нихъ доходы, и всѣ жившіе во владѣніяхъ князя пріѣзжали къ нему съ поклономъ.

Вотъ какъ проходилъ этотъ день въ Ляховицахъ: въ двѣнадцать часовъ утра князь, богато одѣтый, украшенный всѣми своими орденами, являлся въ аудіенцъ-залу, окруженный шамбелянами, толпою прислуги и pontificali-ter, какъ выражались поляки, садился на кресло, обитое бархатомъ, украшенное золотыми галунами и стоявшее на возвышеніи, подъ богатымъ балдахиномъ. Шляхта и арендаторы, разрядившись кто какъ могъ, собирались къ этому времени въ сосѣдней залѣ и послѣ доклада особо о каждомъ, они поодиночкѣ допускались на аудіенцію къ князю. Каждый изъ арендаторовъ обязанъ былъ принести слѣдующую съ него за аренду годовую плату въ мѣшкѣ, и три раза низко поклонившись князю и поздравивъ его съ днемъ ангела въ самыхъ торжественныхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ, клалъ къ подножію его сѣдалища мѣшокъ съ деньгами. Исполнившій этотъ обрядъ отходилъ въ сторону и оставался въ аудіенцъ-залѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не обанчивали своихъ поздравленій князю.

Отъ исполненія этого обряда не была освобождена и жена князя, рожденная княжна Воронежская. По окончаніи поздравленія князь-воевода (онъ былъ воевода новогрудскій) въ сопровожденіи всѣхъ прибывшихъ къ нему лицъ отправлялся въ каплицу, гдѣ торжественно съ музыкой совершалась обѣдня, послѣ чего онъ съ тою же пышностью возвращался въ свои покои.

Затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ. Князь, не желая стать и въ этотъ день вровень съ кѣмъ бы то ни было, уходилъ въ кабинетъ, а въ смежной съ кабинетомъ огромной залѣ былъ приготовленъ столъ для гостей, къ числу которыхъ принадлежала и княгиня. Въ кабинетѣ князь обѣдалъ одинъ, и двери въ залу были закрыты; онъ отворялся настѣжъ только въ то время, когда приходила пора пить за здоровье именинника. Тогда при звукахъ музыки, громѣ пушекъ и кликахъ „вивать!“ гости входили въ кабинетъ воеводы и пили за его здоровье, а онъ самъ выпивалъ огромный кубокъ въ честь своихъ гостей. Послѣ этого гости выходили, и двери кабинета плотно запирались за ними.

Послѣ обѣда князь изъ принесенныхъ ему дукатовъ дѣлалъ свитки разной величины и, окончивъ эту работу, выходилъ другими дверьми кабинета въ танцевальную залу. Гости, извѣщенные о его выходѣ, отправлялись туда же, конечно, на-веселѣ, а князь, сидя у столика, заваленнаго свитками червонцевъ, раздавалъ ихъ дѣтямъ, говорившимъ ему поздравленія, а они въ знакъ благодарности цѣловали его руку.

Послѣ этой раздачи начинались танцы; въ нихъ принималъ участіе и самъ воевода, если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Вечеръ заключался пллюминаціей и

фейерверкомъ. Разумѣется, что гости изподтишка посмѣивались надъ чудачкомъ-хозяиномъ, но тѣмъ не менѣе на каждомъ шагу оказывали ему глубочайшее уваженіе, что весьма льстило его самолюбію.

Приближаясь къ старости, воевода дѣлался страннѣе и страннѣе; часто, раздѣвшись до рубашки, но за то надѣвъ всѣ свои ордена и ленты, онъ прохаживался въ комнатѣ, увѣшанной зеркалами и разсуждалъ самъ съ собою о своемъ величинѣ, умѣ, знатности и талантахъ.

Часто слышали, какъ онъ разговаривалъ самъ съ собою такъ: „Кто я такой? князь?—князь, но этого мало! Король польскій?—король польскій, но и этого мало! Епископъ и кардиналъ?—епископъ и кардиналъ, но и этого мало! Императоръ римскій?—императоръ римскій, но и этого мало! Папа?—папа, но и этого мало, да и вообще нѣтъ такого высокаго сана, который бы соотвѣтствовалъ моему достоинству.“

Но разъ случилось вотъ что: одинъ изъ молодыхъ прислужниковъ князя, замѣтивъ подобныя его разсужденія, забрался въ каминъ, и когда воевода предложилъ себѣ вопросъ: „Кто я?“ раздался громкій и страшный голосъ: „Дуракъ, дуракъ и больше ничего!“ Испуганный князь выскочилъ изъ замка во дворъ и увидѣвъ на крышѣ трубочиста, принялъ его за чорта и закричалъ часовому: „Стрѣляй въ этого чорта, стрѣляй!“ Часовой исполнилъ приказаніе воеводы, и несчастный трубочистъ былъ застрѣленъ. Тогда обрадованный князь закричалъ: „Пусть же и черти научатся какъ должно уважать меня!“

Между тѣмъ прислужникъ успѣлъ выскочить изъ комнаты и сохранялъ это происшествіе въ тайнѣ до самой смерти

князя, для котораго оно было поводомъ къ увеличенію его гордости, потому что онъ, не смотря на свой природный умъ и образованіе, любилъ говорить о томъ, какъ онъ за неуваженіе къ себѣ велѣлъ застрѣлить чорта, и чрезвычайно сердился, если кто нибудь выражалъ сомнѣніе въ истинѣ этого разсказа.

Не смотря на свои странности, Яблоновскій былъ любимъ всѣми за его готовность помогать бѣднымъ и за уклоненіе отъ всякихъ тяжбъ и ссоръ. Онъ умеръ 1 марта 1777 г. Изъ сочиненій его нѣкоторыя были напечатаны въ Лейпцигѣ, въ томъ числѣ и „L'Empire des Sarmates“, заслужившее въ то время похвальные отзывы, но большая часть его ученыхъ трудовъ осталась въ рукописяхъ.

V.

Охота на вепря.

Длинной и широкой полосой тянулись въ былое время за лѣвымъ берегомъ Вислы къ подножьямъ Карпатовъ Придольскіе лѣса. Прорѣдѣли они потомъ, но все же и теперь еще представляютъ мѣстами густую, а иногда и непроходимую чащу. Мало въ глубинѣ этой чащи просторныхъ тропинокъ, только въ недалекомъ разстояніи отъ опушки лѣса извиваются онѣ какъ змѣйки, то перекрещиваясь, то расходясь во всѣ стороны, то теряясь въ густой травѣ и плотной поросли, то исчезая на выползшихъ изъ земли и обнаженныхъ корняхъ вѣковыхъ дубовъ и сосенъ. Пуста и безмолвна эта лѣсная глубь, изрѣдка развѣ заберется въ нее окольный крестьянинъ для поживы хворостомъ, да промелькнетъ среди зелени и древесныхъ стволовъ охотникъ, отыскивая лося или берлогу залегшаго вблизи медвѣдя.

Если бы иной мечтатель захотѣлъ лѣтнею порою по-

бродить въ этихъ лѣсахъ, то навѣрно ихъ тишина, ихъ свѣжесть и живописная ихъ прелесть навѣяли бы на него поэтическія думы и чудныя грезы; но не легко бы выбрался онъ изъ чащи на какую нибудь поляну, долго бы пришлось ему кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и не разъ попадался бы онъ въ такую тущобу, въ которой, быть можетъ, до него никогда еще не ступала нога человѣка.

Въ иномъ мѣстѣ, среди этихъ вѣковыхъ лѣсовъ, медленно струящійся ручей неожиданно пересѣкаетъ и безъ того уже трудно проходимую тропинку. За ручьемъ на большомъ пространствѣ тянется вязкая топь, а между тѣмъ нѣтъ ни мостика, ни жердочки; идти дальше нельзя; а по свѣже-содранной корѣ съ близъ-стоящаго дерева видно, что еще очень недавно посѣтилъ это затишье медвѣдь, котораго, чего добраго, снова заманить сюда чутье лакомой добычи.

Невольно, въ тяжеломъ раздумьи останавливается здѣсь прохожій и дрожащимъ голосомъ шепчетъ усердную молитву, а вечерняя заря быстро гаснетъ на верхушкахъ деревьевъ и подходящія украдкой сумерки наполняютъ лѣсъ сгущающею мглою. И вотъ въ памяти одинокаго прохожаго оживаютъ всѣ страшныя преданія и всѣ суевѣрные рассказы объ этомъ таинственномъ борѣ. Счастливъ онъ, если засвѣтло успѣетъ напасть на слѣды человѣка, который проходилъ прежде него въ этой пущѣ и былъ такъ остороженъ, что войдя въ нее дѣлалъ топоромъ зарубки на деревьяхъ, чтобы потомъ съ помощью этихъ мѣтокъ, выбраться изъ незнакомой дебри.

Изрѣдка небольшая поляна пересѣкаетъ сплошную гущу лѣса. Пустынно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весело разстилается

эта поляна зеленымъ ковромъ, испещреннымъ дикими цвѣтами. И почему-то становится жаль помять ногою эту густую, высокую траву и эти простенькіе цвѣты, выросшіе въ такомъ привольѣ. Иногда на этой полянѣ виднѣтся хата пасѣчника съ нѣсколькими десятками ульевъ, и тогда тишина нарушается жужжаньемъ пчелъ, которое, долетая до слуха прохожаго, кажется ему то гуломъ неопредѣленныхъ, далекихъ звуковъ, то людскимъ безпокойнымъ говоромъ.

Старый пасѣчникъ давнымъ давно поселился въ этой глуши и полюбилъ ее такъ сильно, что не промѣнялъ бы ея ни на блестящую Варшаву, ни на шумные города Польши, ни на суетливыя ея мѣстечки, въ которыхъ, съ утра до поздней ночи, снуютъ и копошатся евреи.

Не смотря на уединенную жизнь пасѣчника, его хорошо знаютъ всѣ окольныя крестьяне; онъ слыветъ у нихъ за знахаря; и дѣйствительно, старику извѣстны и вредныя, и цѣлебныя силы лѣсныхъ травъ и корней; онъ заговариваетъ ужаленныхъ змѣями; онъ умѣетъ за нѣсколько дней угадать погоду и ненастье; онъ лечитъ всѣхъ и каждого отъ разныхъ тѣлесныхъ недуговъ, а молодыхъ и отъ сердечныхъ зазнобъ. Старику твердо знаетъ всѣ извилистыя тропинки лѣса и, какъ поится молва, можетъ показать тѣ мѣста, гдѣ зарыты богатые клады. Но старикъ пасѣчникъ не говорливъ, отъ него ничего не добьешься.

Въ прорѣдахъ лѣса виднѣтся иногда приземистый шалапъ, который кажется служить скорѣе притономъ дикому звѣрю, нежели убѣжищемъ человѣку. Въ этомъ жалкомъ шалапѣ поселился на лѣтнюю пору забредшій откуда-то еврей; онъ жжетъ уголья и гонитъ смолу, онъ трудится

безъ устали день и ночь, но недовѣрчивая молва отзывалась о немъ по-своему: одни рассказываютъ, что будто бы этотъ исхудалый бѣднякъ оберегаетъ несмѣтныя сокровища, запрятанныя въ лѣсу давнымъ-давно, когда на польскомъ престолѣ сидѣла Ядвига съ Ягелло. Другіе говорятъ, что онъ, забравшись въ дремучій лѣсъ, поддѣлываетъ монету. Бѣднякъ знаетъ недобрую молву; онъ и самъ, какъ кажется, не довѣряетъ никому и съ трусливымъ безпокойствомъ оглядываетъ тѣхъ, которые проходятъ мимо его шалаша.

Зимою снѣгъ заноситъ и лѣсныя тропинки, и поляны; тяжелыми хлопьями ложится онъ на раскидистыя вѣтви сосенъ. Въ эту пору, чарующая лѣтняя прелесть лѣса замѣняется печальною сонливостью; здѣсь нѣтъ уже душистой свѣжести, здѣсь не слышно веселаго щебетанья птицъ, и не носятся рои игривыхъ мошекъ; все притихло, все мертво, и только иногда на бѣлой пеленѣ снѣга виднѣются слѣды пробѣжавшаго волка.

Эти дремучіе, пустынные лѣса служили не разъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей, когда военная гроза гремѣла надъ Польшей...

Невдалекѣ отъ этихъ лѣсовъ, лѣтъ полтораста тому назадъ, стоялъ на пригоркѣ пышный замокъ воеводы Ильговскаго. Много видѣлъ на своемъ вѣку панъ Ильговскій, много повоевалъ онъ и побывалъ въ разныхъ земляхъ и потомъ на старости лѣтъ пріѣхалъ отдохнуть въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ, и любимой его забавой была охота въ сосѣднихъ, дремучихъ пущахъ.

Воевода былъ вдовъ и приближался къ могилѣ съ печальною мыслью, что со смертію его угаснетъ родъ Иль-

говскихъ, такъ честно и доблестно служившій отчизнѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Наступала осень, а съ нею подходилъ и день св. Андрея, именины пана воеводы; набожный и богатый Ильговскій всегда съ большою торжественностію праздновалъ день своего патрона, а на этотъ разъ ему почему-то хотѣлось отпраздновать свои именины съ большею пышностію, нежели въ прежніе годы. Къ этому дню въ замокъ воеводы должно было съѣхаться множество гостей изъ близкихъ и далекихъ сторонъ; для нихъ приготовлялись всевозможные запасы въ несмѣтномъ количествѣ. Не говоря уже объ огромныхъ бочкахъ прагѣдовскаго венгерскаго вина и столѣтняго меда, въ замкѣ воеводы, для угощенія пріѣзжихъ, было назначено: полсотня воловъ, стадо барановъ, двадцать лосей, десять вепрей и безчисленное количество зайцевъ и рыбъ. Еще за три недѣли до съѣзда гостей, всѣ окрестныя мельницы принялись махать крыльями и шумѣть колесами, заготовляя муку, а изъ близкихъ прудовъ и дальнихъ озеръ таскали безпрестанно невода, наполненные множествомъ разныхъ рыбъ. Огромныя залы замка, остававшіяся обыкновенно запертыми въ теченіе цѣлаго года, были теперь отворены, и многочисленная прислуга хлопотливо сметала пыль, покрывавшую стѣны этихъ залъ и насѣвшую толстымъ слоемъ на богатое ихъ убранство, а также уставляла въ столовой бочки съ серебряными и даже золотыми обручами, наполненныя дорогимъ венгерскимъ. Кравчій воеводы, занимавшійся разстановкою бочекъ, особенно заботился о томъ, чтобы онѣ были размѣщены по старшинству лѣтъ налитаго въ нихъ вина.

За нѣсколько дней до св. Андрея потянулись къ замку

со всѣхъ сторонъ щегольскія колымаги и простыя телѣжки, наполненныя родственниками, друзьями и знакомыми Ильговскаго. Число гостей не могло затруднить воеводу, богатыхъ помѣстья котораго раскидывались безъ перерыва въ длину почти на тридцать въ ширину слишкомъ на двадцать миль, и у котораго въ подвалѣ замка, за желѣзными дверями и крѣпкими запорами, стояли боченки серебра и золота.

Воевода, какъ мы сказали, былъ бездѣтенъ, и потому множество близкихъ и дальнихъ родныхъ, и съ отцовской, и съ материнской, и даже съ жениной стороны, съ нетерпѣніемъ выжидало кому-то онъ откажетъ свое громадное богатство. Всѣ родственники наперерывъ одинъ передъ другимъ увивались около старика, и каждый изъ нихъ, разсчитывая быть единственнымъ наслѣдникомъ, не безъ злобы посматривалъ на своихъ соперниковъ.

Но кромѣ родственниковъ, панъ-воевода былъ окруженъ еще толпой чужой ему молодежи изъ шляхты; не одного уже голыша-шляхтича вывелъ онъ въ люди или надѣлилъ достаткомъ, за то, что тотъ служилъ ему вѣрой и правдой и отличался удалью и отвагой. Но никто однако изъ всей молодежи, жившей въ замкѣ богатаго пана, не пользовался въ такой степени его любовью, какъ пользовался ею панъ Яцекъ Илиничъ, статный и красивый юноша. Для него было пустяки — вскочить на степнаго, неукротимаго скакуна, и черезъ нѣсколько времени обратить его въ трусливаго барана; не стоило ему большаго усилія вышибить изъ сѣдла однимъ ударомъ своего противника; онъ считалъ забавой встрѣчу съ непріателемъ втрое сильнѣйшимъ. Но не одной только удалью отличался панъ Яцекъ,

онъ и въ мазуркѣ былъ первый, и всѣ заглядывались на него, когда онъ пускался въ плясъ, подхвативъ пригожую паненку.

Старикъ Илиничъ владѣлъ въ сосѣдствѣ съ воеводой маленькой наслѣдственной деревней. Когда Яцекъ подростъ, Илиничъ привелъ сына въ замокъ Ильговскаго и, поклонившись старостѣ, сказалъ:

— Отдаю вашей вельможной милости моего сына, онъ у меня одинъ только и есть. Малый онъ расторопный и не заставитъ краснѣть за себя своего отца; но я человѣкъ небогатый, такъ пусть мой сынъ послужитъ яснowelможному пану и научится въ его домѣ, какъ быть угоднымъ Господу Богу и людямъ.

Молодой Илиничъ исполнилъ волю отца. Онъ вѣрно служилъ своему покровителю, и панъ-воевода полюбилъ его, какъ сына; окольная молодежь сознавала превосходство Илинича и лѣнула къ нему со всѣхъ сторонъ, а старики, посматривая на Яцека, нерѣдко говаривали между собою: „Что если бы такихъ молодцовъ было у насъ побольше?“ Дѣвушкамъ крѣпко нравился Яцекъ и, бывало, только лишь онъ замолвить съ одной изъ нихъ словечко или ловко прислужится, какъ она вся зардѣетъ и сама не знаетъ что и какъ отвѣчать ему.

Только родственники воеводы косо посматривали на его любимца и Богъ вѣсть что толковали о немъ за-глаза; но такъ какъ онъ вѣжливо обходился съ ними, не хвастаясь передъ ними особеннымъ расположеніемъ къ себѣ магната, то и они смягчались, спрашивая самихъ себя: да за что намъ сердиться на этого молодаго человѣка? И только мысль о томъ, что Илиничъ можетъ быть ихъ соперникомъ по наслѣдству, снова заставляла ихъ хмурить лбы и почесывать затылки.

Старикъ Ильговскій до такой степени привязался къ молодому Илиничу, что при немъ одномъ веселѣлся, смѣялся и шутилъ, а безъ него большею частію былъ ворчливъ и пасмуренъ. Иной, пожалуй, на мѣстѣ Илинича, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, поворотилъ бы,—какъ говорятъ поляки,—воду къ своей мельницѣ; но не такого десятка былъ Яцекъ. У него было одно желаніе—угодить своему покровителю, да полюбить отъ всей души какую нибудь хорешенькую сосѣдку, жениться на ней, вскормить дѣтокъ, пожить, сколько приведетъ Господь Богъ, и потомъ улечься съ миромъ на родномъ кладбищѣ, подъ высокимъ крестомъ и тѣнистой осокорью.

Изъ числа гостей, прежде всѣхъ пріѣхавшихъ на именины воеводы и желавшихъ раннимъ пріѣздомъ выразить ему особенное уваженіе, были два брата каштеляничи*), Пѣшковскіе, и Янъ Кмита, сынъ воеводы. Всѣ они приходились Ильговскому не слишкомъ далекими родственниками. Они-то, какъ ходила молва въ околоткѣ, и старались больше всѣхъ о томъ, какъ бы каждому изъ нихъ захватить въ одиночку все богатство Ильговскаго или, по крайней мѣрѣ, только между собою подѣлить послѣ него наслѣдство, отстранивъ прочихъ соперниковъ. Впрочемъ, не объ одномъ этомъ думалъ Янъ Кмита; онъ рассчитывалъ и на то еще, что ему удастся понравиться восемнадцатилѣтней черноокой Вандѣ, дочери и богатой наслѣдницѣ подкоморія**) Дембинскаго, одного изъ ближайшихъ сосѣдей воеводы.

*) Дѣти каштеляна. Каштеляны въ эту эпоху были сенаторами, и въ военное время начальствовали надъ ополченіемъ извѣстнаго участка.

**) Званіе подкоморія при дворѣ королевско-польскомъ соответствовало званію камергера.

— Не долго ждать, думалъ Кмита:— по всей вѣроятности воевода скоро отправится на тотъ свѣтъ... Я сдѣлаюсь богатымъ паномъ, посватаюсь къ Вандѣ, а Илиничу скажу, безъ дальнихъ околичностей: подалее отсюда, любезный, ищи себѣ невѣсты попроще; а на магнатскую дочь не заглядывайся!...

Ярко и безоблачно садилось солнце, обливая золотисто-багрянымъ свѣтомъ башни Придольскаго замка и предвѣщая на завтра хорошую погоду. Дворъ замка наполнялся все болѣе и болѣе колѣмагами, такъ какъ гости непрерывно съѣзжались къ будущему имениннику. Хозяинъ стоялъ на порогѣ своего жилища и привѣтливо встрѣчалъ пріѣзжавшихъ. Вотъ наконецъ въ раззолоченной и обитой бархатомъ колѣмагѣ подкатилъ къ крыльцу замка и панъ-подкоморій Дембинскій съ своей дочерью, Вандой. Поцѣловавъ въ лобъ воеводу, Ванда украдкой пробѣжала своими черными глазами по толпѣ молодежи, окружавшей хозяина замка, но среди толпы не было того, кого она искала. Ванда замѣтно взгустнула и призадумалась.

Въ это время на дворѣ замка слышались звуки охотничьихъ роговъ. Обширные залы замка опустѣли въ одно мгновеніе, всѣ кинулись въ дверь, чтобы взглянуть на охотниковъ, вѣѣзжавшихъ въ ворота замка. Впереди охотниковъ ѣхалъ молодой Илиничъ на отличномъ гнѣдомъ конѣ, который фыркалъ и пзвивался подъ лихимъ наѣздникомъ. Илиничъ былъ одѣтъ въ зеленый чекмень, черезъ плечо висѣлъ у него мѣдный рогъ и барсучья торба, съ разными принадлежностями для охоты. Винтовка была приторочена

къ сѣдлу, а рядомъ съ нею висѣлъ въ кожаныхъ ножнахъ большой охотничій кинжалъ.

Ильговскій поспѣшилъ на встрѣчу къ Илиничу, который, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воеводы удержавъ коня, проворно соскочилъ съ сѣдла, отдалъ поводья конюху и снявъ шапку поклонился хозяину и всѣмъ гостямъ. Потомъ быстро взглянулъ онъ на крыльцо, гдѣ стояли дамы и дѣвицы и гдѣ онъ ожидалъ увидѣть Ванду. Илиничъ не ошибся, и влюбленные помѣнялись другъ съ другомъ такими взглядами, которые были понятны ей и ему.

— Ну что же, Яцекъ, какъ ты сегодня охотился? спросилъ, входя на крыльцо замка, воевода Илинича, который почти-тельно слѣдовалъ за нимъ.

— Не хорошо, очень не хорошо, грустно отвѣчалъ Илиничъ: — вепрь ушелъ изъ нашихъ рукъ, а что еще хуже, онъ сильно изуродовалъ старика Бартоша и положилъ на мѣстѣ четырехъ гончихъ.

— Видно онъ хочетъ, чтобъ я самъ на старости лѣтъ пошелъ противъ него?—проговорилъ Ильговскій, и при воспоминаніи о былой удали ярко блеснули подъ сѣдыми бровями большіе, темно-сѣрые глаза Ильговскаго, которые онъ пристально уперъ въ лицо Илиничу. Молодой человѣкъ въ сильномъ смущеніи опустилъ свой взглядъ, точно стыдясь какого-то непохвального поступка. — Въ мое время, продолжалъ старикъ:—высмѣяли бы такихъ охотниковъ, у которыхъ изъ-подъ носу убѣгаютъ вепри; право, имъ не дали бы нигдѣ проходу.

Илиничъ растерялся въ конецъ, но потомъ, оправившись немного, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Правда ваша, ясневельможный; хоть я сегодня и

удачно поохотился на оленей и зайцевъ, но жалѣю, что мнѣ не пришлось положить къ ногамъ вашей милости вепря; надѣюсь однако, что если встрѣчу его завтра, то онъ уже не уйдетъ отъ меня...

— Ты мнѣ это повторяешь, мой любезный, каждый день, проговорилъ воевода:—а не забудь, однако, что черезъ два дня будутъ мои именины. Приѣдетъ ко мнѣ мой старшій пріятель, каштелянъ Завиходскій, да и спроситъ: Ну, пріятель, а гдѣ же вепрь? Вѣдь стыдно будетъ и тебѣ, и мнѣ; право, намъ обоимъ будетъ стыдно, да еще какъ! Ей, господа! кликнулъ громко панъ Ильговскій:—объявляю вамъ, что тотъ изъ васъ, кто завтра убьетъ въ Придольской пушчѣ вепря, будетъ наслѣдникомъ всего моего имѣнія.

Шопотъ изумленія пробѣжалъ въ толпѣ молодежи, и многіе изъ среды ихъ какъ-то недовѣрчиво посмотрѣли на воеводу.

— Я говорю, началъ еще громче староста: — что тотъ изъ васъ, кто убьетъ завтра вепря, будетъ наслѣдникомъ всего моего имѣнія, и кромѣ того... добавилъ панъ Ильговскій, взглянувъ пристально на Ванду.

Щечки Ванды вспыхнули яркимъ румянцемъ, а молодой Илиничъ посмотрѣлъ на дѣвушку такъ, какъ будто хотѣлъ сказать ей:

— Я знаю, Вандочка, о чемъ идетъ дѣло; не бойся, никому не уступлю тебя.

Никто однако не отвѣтилъ на вызовъ магната. Быть можетъ, въ толпѣ молодежи и не было трусовъ, но никто не рѣшался похвастаться заранѣе, что пойдетъ на такое предпріятіе, которое большею частію оканчивалось смертью удалца, такъ какъ, при несовершенствѣ огнестрѣльнаго

оружія, въ ту пору легко было промахнуться по веprю или только ранить разсвирѣпѣвшее животное, съ которыми послѣ неудачнаго выстрѣла приходилось бороться въ плотную.

— Что вы, господа, заговорилъ съ усмѣшкою воевода:— развѣ нѣтъ теперь въ Польшѣ такихъ молодцовъ, которые пошли бы на веprя даже такъ себѣ, изъ одной только охоты и безъ предложенной мною награды?

Молчаніе продолжалось, никто не хотѣлъ быть выскочкой.

— Что же, господа, вы молчите? спросилъ панъ Ильговскій.—Кто же отправится завтра на веprя?

— Я!.. рѣзко проговорилъ панъ Кмита, выступая впередъ.

— Мы!.. закричали въ одинъ голосъ братья Пѣшковскіе.

— Я! Я! Я! раздавалось отовсюду.

Кто бы въ то время взглянулъ на Ванду, тотъ замѣтилъ бы ея печаль и смущеніе. Опустивъ голову и свѣсивъ внизъ на шелковую ткань своего платья сложенные ручки, она стояла неподвижно, ожидая услышать голосъ Илинича; но Илиничъ стоялъ молча, скрестивъ на груди руки и думая о томъ, что кстати ли будетъ отнимать у другихъ то имѣніе, которое ему не принадлежитъ, и при томъ за такое дѣло, на какое онъ отважился бы и безъ всякой награды. Но вотъ онъ вспомнилъ недоговоренныя слова воеводы и пристальный взглядъ Ильговскаго на молодую дѣвушку. Воспоминаніе это задѣло за живое Илинича, который теперь въ душѣ боролся съ самимъ собою.

— Что же ты, мой любезный Яцекъ, ничего не гово-

ришь? спросилъ воевода, подойдя къ Илиничу и дружески положивъ руку на его богатырское плечо.

— Я не пойду завтра на охоту, проговорилъ не совсѣмъ внятно Илиничъ.

— Это почему?... вскрикнулъ изумленный старикъ, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ Илинича.

— Потому что тамъ будетъ идти дѣло не о доставленіи тебѣ удовольствія, а о наслѣдствѣ послѣ вашей милости.

— Ну, не сердись, сказалъ улыбаясь Ильговскій:— еслибъ я зналъ, что ты такъ обидчиво примешь мое предложеніе, то я лучше бы согласился отказаться отъ веprя.

— Но мы безъ тебя не пойдѣмъ на охоту!—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ изъ толпы молодежи, любившей Илинича.

— Тебѣ, панъ Илиничъ, вмѣшался отецъ Ванды, — не слѣдуетъ отказываться отъ предложенія пана-воеводы.

Яцекъ еще колебался и украдкой посматривалъ въ ту сторону, гдѣ стояла Ванда; ея черные глаза были устремлены теперь на Илинича, она, казалось, просила его не отказываться отъ участія въ охотѣ.

— Видитъ Богъ,—проговорилъ съ жаромъ Илиничъ, обращаясь къ Ильговскому,—что я не хочу помогать твоему богатому наслѣдству; и если завтра пойду на охоту, то потому только, что это угодно твоей милости!

Стоявшій сзади Илинича панъ Кмита насупилъ брови и сильно дернулъ за руку своего соперника.

— Кто тебѣ позволяетъ оскорблять насъ? высокомерно сказалъ панъ Кмита,—не забывай, любезный, что въ числѣ насъ есть близкіе родственники его милости, пана воеводы; а ты ему что?...

— Я не оскорбляю никого, твердо, но не грубо отозвался Илиничъ,—а до родственниковъ пана-воеводы мнѣ нѣтъ никакого дѣла; если же тебя оскорбили мои слова, то моя сабля дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Панъ Кмита поблѣднѣлъ и съ замѣтной злобой, крутя свой усь, готовился отвѣчать что-то Илиничу.

— Полноте, полноте, господа! примиряющимъ голосомъ заговорилъ панъ Ильговскій, становясь между соперниками,—поберегите вашу храбрость на завтра, а теперь возьмемся лучше за кубки и выпьемъ за успѣхъ завтрашней охоты. А ты, Яцекъ, добавилъ воевода, обращаясь къ Илиничу,—прикажи, чтобъ къ утру все было готово, какъ слѣдуетъ. Посмотрите-ка, господа, какъ великолѣпно сѣло солнце, нѣтъ ни облачка; пожалуй ночью будутъ заморозки, охота будетъ славная, такая что и мы, старики, не усидимъ дома за печкой... Да быть можетъ, и мои дорогіе гости захотятъ посмотрѣть нашу охоту, добавилъ Ильговскій, обращаясь къ дамамъ,—статься можетъ, что онѣ пожелаютъ поздравить того, кто останется побѣдителемъ. Не такъ ли, милостивыя пани?

— Хорошо, очень хорошо, мы согласны завтра ѣхать на охоту,—заговорили въ одинъ голосъ всѣ гости.

Молчала одна только Ванда.

— Вели же, Яцекъ, приготовить къ завтрашнему дню шатры на Волчьей Горѣ, сказалъ панъ-воевода Илиничу,—съ этой горы, я думаю, все будетъ видно, если только намъ удастся выгнать вепря изъ чащи. Впрочемъ ты самъ умѣешь отлично распорядиться, не тебя мнѣ учить. Нужно только подумать о томъ, чтобы наши гости встали завтра раньше

солнышка и птичекъ. Теперь прикажи, панъ-маршалокъ*), добавилъ Ильговскій, обращаясь къ одному изъ окружавшихъ шляхтичей,—протрубить сборъ.

По знаку, данному маршалкомъ, загремѣли трубы. Хозяинъ предложилъ свою руку гостѣ, старѣйшей и по лѣтамъ, и по званію, каждый изъ гостей послѣдовалъ его примѣру, взялъ подъ руку даму и попарно за хозяиномъ пошли въ столовую.

Нечего, кажется, и говорить, что въ одной изъ паръ были Ванда и Илиничъ.

— Желая тебѣ успѣшно охотиться завтрашній день, съ волненіемъ прошептала дѣвушка, склоняясь нѣсколько къ плечу Илинича.

— О, я и самъ желалъ бы этого, отозвался съ глубокимъ вздохомъ Яцекъ.

— Я предчувствую, что охота тебѣ удастся; я буду молиться Богородицѣ, чтобы она помогла тебѣ,—тише прежняго пролепетала Ванда.

Звуки трубъ и литавръ, раздавшіеся въ это время съ такимъ громомъ, что, казалось, отъ нихъ дрожали стѣны замка, заглушили отвѣтъ Илинича, который слегка пожалъ руку молодой дѣвушки.

Гости вошли въ столовую. Стѣны этой залы и полукруглый сводъ ея потолка были сѣроватаго цвѣта. На стѣнахъ было развѣшено дорогое оружіе и разныя охотничьи принадлежности, въ перемежку съ оленьими и буйволовыми

*) Въ домахъ богатыхъ польскихъ пановъ дворяне, заведывавшіе разными увеселеніями, назывались маршалками. Уменьшительное отъ слова: маршалъ.

рогами, а также портретами давних владѣльцев Придольскаго замка и гербами какъ ихъ фамиліи, такъ и тѣхъ фамилій, которыя были съ ними въ родствѣ. Въ простѣнкахъ же между оконъ и по бокамъ дверей были сдѣланы дубовыя полки, уставленные горами серебряной и золотой посуды.

Гости усѣлись по старшинству кругомъ столовъ, загроможденныхъ разными кушаньями. Начался продолжительный ужинъ и послѣ десятаго блюда пошелъ ходить между гостями круговой кубокъ; при питьѣ изъ этого кубка начались громкіе виваты въ честь гостей и хозяина, а среди виватовъ слышались поцѣлуй, шутки, остроты и разныя пожеланія. По всему замку разносились веселые клики, смѣхъ и говоръ, и долго бы еще продолжался пиръ, если бы заботливый хозяинъ не напомнилъ гостямъ, что завтра еще до разсвѣта они должны будутъ отправиться на охоту.

Предсказаніе старобы на счетъ погоды сбылось какъ нельзя лучше: золотистые лучи утренней зари быстро разгоняли ночную мглу, и порѣдѣвшій туманъ бѣлыми клубами разстился по землѣ, обѣщая прекрасную погоду. Заря гасла, между тѣмъ дневной свѣтъ приливалъ все сильнѣе и сильнѣе, и казалось, что вотъ сейчасъ изъ-за ближняго лѣса выйдетъ солнышко во всемъ своемъ величіи и утреннемъ блескѣ; однако обитатели замка предупредили его ранній восходъ.

Едва только началъ рѣдѣть ночной мракъ, какъ въ замкѣ пана Ильговскаго всѣ захлопотали и засуетились, шумъ и бѣготня усиливались все болѣе и болѣе, и вскорѣ дворъ замка началъ походить на ярморочную площадь,—на

немъ кишела пестрая толпа; въ этой толпѣ стрѣлки, со-творивъ крестное знаменіе, осматривали свои винтовки, желая увѣриться, не заговорилъ ли ихъ какой нибудь колдунъ; псары между тѣмъ вязали на своры гончихъ, которыя громкимъ лаемъ выражали свою радость и нетерпѣніе. Доѣзжачіе подучивались трубить въ рога, а конюхи выводили изъ конюшенъ или держали подъ уздцы коней, которые ржали, становились на дыбы и выбивали копытами глыбы земли, слегка охваченной утренними заморозками. Нѣсколько далѣе на томъ же дворѣ нагружали возы кушаньями, напитками и котлами, а также приготавливали колымаги, въ которыхъ должны были отправиться на охоту молодые и старые гости, выглядывавшія теперь изъ оконъ замка на всю эту суетню. По огромнымъ запасамъ съѣстнаго и питій, нагружаемымъ на возы, можно было подумать, что хозяинъ и его гости выбирались изъ замка на такую охоту, которая должна была продлиться цѣлый годъ.

Когда все было готово, Илиничъ, въ своемъ зеленомъ чекменѣ, опушенномъ лисицей, ловко вскочилъ на лихаго, гнѣдаго коня. Вокругъ Илинича столпились конные и пѣшіе охотники; а гости размѣстились по колымагамъ.

Прежде отбитія самой охоты тронулся со двора замка обозъ, псы нетерпѣливо завyli, кони рвались вслѣдъ за обозомъ, но сѣдоки сдерживали ихъ, такъ какъ, по обычаю того времени, охотники и гости не могли тронуться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока старшій лѣтнимъ охотникъ не затрубитъ въ рогъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого знака, и едва только выглянуло изъ-за лѣса яркое осеннее солнце, какъ осмидесятилѣтній каштелянъ Завиходскій, еще бодро слѣдѣвшій на турецкомъ конѣ, громко затрубилъ въ

серебряный рогъ, и при послѣднемъ звукѣ этого сигнала двинулись за ворота замка охотники и поѣзжане.

Въ Придольскихъ лѣсахъ, съ которыми мы уже познакомили нашихъ читателей, поднимались въ это время съ своего ночлега встрепёнувшіяся птицы, встрѣчая громкими криками пробудившее ихъ солнце; имъ вторила перекличка поселянъ, обходившихъ облавою часть бора и приближавшихся къ его опушкѣ.

На Волчьей Горѣ, которая отдѣлялась отъ лѣса оврагомъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, были разбиты шатры для дамъ и хилыхъ стариковъ. Вблизи шатровъ пылалъ огромный костеръ, около котораго шла дѣятельная стрипня.

Звуки роговъ, крики охотниковъ, шумъ колымагъ, лай собакъ и ржаніе коней сливались въ какой-то неопредѣленный гулъ, съ которымъ приближалась охота на назначенное ей мѣсто. Панъ Илинчъ, ѣхавшій впереди охоты, замѣняя хозяина, провожалъ гостей до шатровъ, и когда всѣ размѣстились, то онъ во весь опоръ поскакалъ къ опушкѣ лѣса. Тамъ онъ развѣдалъ у лѣсничихъ о вепрѣ и напомнилъ столпившимся около него охотникамъ о стыдѣ, который ожидаетъ ихъ, если они станутъ стрѣлять не по вепрю, а по недоросшимъ вепрятамъ или оленямъ. Послѣ этого онъ сталъ распоряжаться всѣми подробностями охоты.

По данному Илинчемъ знаку вытянулся рядъ доѣзжачихъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ небольшой барабанъ, другой трещетку, третій булаву, увѣшанную бубенчиками. Всѣ доѣзжачіе были на лихихъ коняхъ, которыми славилась на

всю Польшу воеводскія конюшни, и сами смотрѣли молодцами. Подлѣ доѣзжачихъ расположились псары со сворами, и когда Илинчъ махнулъ рукою, то всѣ они кинулись въ лѣсъ по заранѣе-условленнымъ дорожкамъ, чтобы окружить логовище вепря. Между тѣмъ Илинчъ, сойдя съ коня, перебѣгалъ отъ одного охотника къ другому и осматривалъ ихъ винтовки; онъ освѣдомлялся, хорошо ли онѣ вычищены, не слабы ли курки, надежно ли отточены кремни. Илинчъ спросилъ также всѣхъ охотниковъ по очереди о томъ, есть ли у нихъ въ готовности запасные заряды. Покончивъ осмотръ и разспросъ, онъ громко крикнулъ:

— Благородные паны! Вотъ мѣста для стойки охотниковъ. Пусть выбираетъ себѣ каждый изъ васъ, какое ему угодно мѣсто; но только прошу васъ поторопиться, потому пора подать сигналъ къ травлѣ.

Тутъ между охотниками началось движеніе; поднялись было споры и говоръ. Однако дѣло скоро уладилось, и спустя нѣсколько времени всѣ охотники были уже на мѣстахъ. Не безъ волненія каждый занималъ свое мѣсто, на которомъ могъ или получить огромное богатство, или попасть на клыкъ вепря. Случайно самому Илинчу пришлось стать около пана Кмита. Съ замѣтнымъ спокойствіемъ Яцекъ занялъ свое мѣсто и протрубилъ сигналъ для начатія охоты.

Въ лѣсу послышался тревожный лай гончихъ псовъ, облавщики приготовили рогатины, и всѣ пришли еще въ большее движеніе, когда не въ далекомъ отъ опушки лѣса увидѣли землю, взрытую клыкомъ вепря. Казалось, что мѣсто это было глубоко перепаханно сохою.

Между тѣмъ лай гончихъ продолжался; онъ то отда-

лялся отъ охотниковъ, то приближался къ нимъ; но вдругъ стаи гончихъ залились какимъ-то злобнымъ воемъ; охотники встрепенулись, въ лѣсу послышался шумъ и трескъ стъ ломки деревьевъ. Псы завидѣли вепря и наскочили на него, но тутъ же раздался жалобный пхъ визгъ: потому что нѣсколько гончихъ было поднято на кликъ вепря.

— Смотрите! смотрите! Не зѣвайте! раздавалось по цѣпи охотниковъ, и одинъ изъ нихъ хватался торопливо за винтовку, а другой за кинжалъ, готовясь встрѣтить разъяренного звѣря.

Панъ Кмита былъ взволнованъ сильнѣе всѣхъ; онъ какъ будто растерялся; изъ-подъ шапки, крѣпко надвинутой на брови, выступалъ крупными каплями холодный потъ. Въ это время изъ чащи лѣса бѣжалъ разсвирѣпѣвшій вепрь, за нимъ въ погоню неслась стая гончихъ псовъ, которыхъ онъ по временамъ разметывалъ клыками во всѣ стороны, очищая себѣ дорогу.

У всѣхъ охотниковъ дрогнуло сердце. Одинъ Илиничъ стоялъ спокойно, опершись на винтовку и ожидая, гдѣ появится вепрь, который на нѣсколько мгновеній скрылся въ кустахъ оврага.

Но вотъ вблизи Илинича послышался трескъ и хрустъ ломающихся вѣтвей и вепрь, величиною съ годовалого теленка, съ пѣною на мордѣ, съ прокусанными во многихъ мѣстахъ боками, облитыми кровью, очутился вблизи Илинича и его сосѣда Кмита. Ощетинившееся животное пу-скало изъ ноздрей клубы пара и мчалось впередъ во всю прыть.

Панъ Кмита приложилъ винтовку къ дрожавшему плечу и не твердою рукою спустилъ курокъ,—выстрѣлъ раздался;

но панъ Кмита промахнулся и вепрь съ яростію бросился на него. Выхвативъ изъ-за пояса охотничій ножъ, Кмита хотѣлъ-было дать отпоръ вепрю, но поскользнулся немного и, растерявшись отъ этого въ конецъ, пустился бѣжать. Звѣрь кинулся за нимъ въ погоню, а между тѣмъ стрѣлять никто не рѣшался, опасаясь попасть вмѣсто звѣря въ охотника. Поднялась страшная сумятица; вепрь уже нагонялъ Кмиту, который, къ довершенію бѣдствія, споткнулся и упалъ. Всѣ обмерли отъ ужаса, предвидя страшный конецъ охоты.

Но въ это время мѣткимъ глазомъ и твердою рукою прицѣлился въ вепря Илиничъ, и горсть рубленыхъ пуль пронизала лѣвый бокъ вепря. Бѣшенный звѣрь оставилъ Кмиту и быстро бросился на Илинича, который сдѣлалъ ловкое движеніе въ сторону, успѣлъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, вскочить на хребетъ звѣря и, нанеся ему между лопатокъ сильный ударъ кинжаломъ, всадилъ лезвее по самую рукоятку. Вепрь дико взвылъ, зашатался и покатился на бокъ, а подоспѣвшія гончія накинулись на него съ ожесточеніемъ. Раненный вепрь упорно отбивался отъ нихъ, но Илиничъ подскочилъ снова къ озлобленному животному и другимъ ударомъ кинжала покончилъ его.

На Волчьей Горѣ загремѣли трубы и литавры, и въ честь побѣдителя отовсюду раздался громкія одобренія. Илиничъ, вынувъ изъ ноженъ саблю, отсѣкъ у вепря оба клыка и понесъ ихъ пану Ильговскому. Торжественно шель теперь Илиничъ, окруженный толпою охотниковъ, дивившихся его отвагѣ.

При приближеніи Яцека къ шатрамъ снова ударили въ литавры, и панъ воевода поднялъ одною рукою золотой

кубокъ, наполненный венгерскимъ, а другою обнялъ Илинча и громко крикнулъ:

— Вивать, панъ Яцекъ Илинчъ, наслѣдникъ моего имѣнія!

— Вивать! вивать! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Среди этихъ кликовъ, воевода осушилъ кубокъ до послѣдней капли и, приказавъ слугѣ наполнить его снова, передалъ кубокъ подкоморію, отцу Ванды, которая, не успокоясь еще отъ волненія, тревожно посматривала то на отца, то на Илинча.

— Да помогаетъ Господь Богъ отважному юношѣ всегда и вездѣ! съ чувствомъ произнесъ панъ Дембинскій: — намъ нужно такихъ молодцовъ, которые смѣло шли бы и въ огонь, и въ воду.

Съ этими словами, поклонясь Илинчу, Дембинскій выпилъ кубокъ за его здоровье до самого дна; и затѣмъ кубокъ сталъ ходить кругомъ, посреди громкихъ возгласовъ, въ честь смѣлаго Яцека. Когда же окончились эти тосты, то воевода взялъ подъ руку молодого охотника и, подведя его къ скамьямъ, на которыхъ сидѣли гости, сказалъ:

— А что, вельможныя пани, развѣ мой Яцекъ не молодецъ?

Дамы и дѣвицы спѣшили на перерывъ выразить свое удивленіе той смѣлости, съ которой Илинчъ напалъ на свирѣпаго звѣря.

Ванда не утерпѣла, какъ птичка вспорхнула она съ своего мѣста и съ раскраснѣвшимся лицомъ кинулась къ Илинчу.

— О какъ я боялась за твою жизнь! прошептала Ванда прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Прошу тебя, не

ходи другой разъ на такую опасность, добавила она, складывая на груди руки и смотря умоляющимъ взглядомъ на молодаго человѣка.

Илинчъ, вмѣсто отвѣта, сталъ на одно колѣно передъ дѣвушкой и поцѣловалъ ея руку.

Веселый говоръ пробѣжалъ среди всѣхъ свидѣтелей этихъ изъявленій юношеской любви, такъ неожиданно вырвавшейся наружу.

— Ого! радостно воскликнулъ воевода, — да какъ видно, они любятъ другъ друга!

— Разумѣтся, разумѣтся!.. Это ясно, какъ Божій день! заговорили молодыя пани, извѣдавшія сами на опытѣ что значитъ пылкая любовь.

— Ну, и прекрасно, чего жъ болѣе?... Послушай, панъ Дембинскій, продолжалъ живо воевода, — посмотри-ка на нашу молодежь, вѣдь по глазамъ видно, что они любятъ другъ друга! Да какъ еще любятъ!

Ванда, поникнувъ головкой, стояла на одномъ мѣстѣ, не выдергивая своей бѣлой ручки изъ руки Илинча.

— А что, вѣдь сегодняшнюю охоту можно закончить свадьбой! весело крикнулъ воевода.

Ванда и Яцекъ вздрогнули.

— Илинчъ былъ бѣдный шляхтичъ, продолжалъ Ильговскій, — но теперь онъ богатый панъ, потому что мое благородное слово...

— Нерушимо, подсказалъ твердымъ голосомъ подкоморій, — что-жъ, и прекрасно!

Гости и подоспѣвшіе къ этому времени съ разныхъ сторонъ охотники плотной толпой окружили воеводу, подкоморія и помолвленныхъ.

— Прошу слушать что я расскажу вамъ, началъ воевода.—Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда я и подкоморій были еще молоды и когда въ жилахъ у насъ кипѣла горячая кровь, мы среди жестокой сѣчи дали взаимное обѣщаніе породниться другъ съ другомъ въ будущихъ нашихъ дѣтяхъ. Причина для этого была весьма важная, потому что, если бы не сабля пана Дембинскаго, то я погибъ бы подъ татарскими ятаганами, но если бы потомъ не рука пана Ильговскаго, то не вернулся бы домой панъ Дембинскій. Просто на просто—мы спасли другъ друга...

Панъ подкоморій исполнилъ свое обѣщаніе,—посмотрите какая у него красавица-дочь! Но я обманулъ его ожиданія, у меня нѣтъ сына. Погоревавъ объ этомъ, мы старики положили между собою, что тотъ, кто будетъ сдѣланъ наслѣдникомъ моего имѣнія, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдникомъ нашего обѣщанія; потому теперь и наше обѣщаніе досталось пану Илинчу... Слышишь ли ты, любезный мой Яцекъ, что ты наслѣдникъ всего моего достоянія? Попроси же теперь пана подкоморія, самъ знаешь, о чемъ...

— Я уже далъ свое согласіе, подхватилъ панъ Дембинскій, — и да благословить васъ Господь Богъ, мои дѣтки! Подойдите ко мнѣ!...

Ванда со слезами радости на глазахъ кинулась цѣловать отца, а Илинчъ посмѣнно душилъ въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ то воеводу, то подкоморія.

Панъ Дембинскій соединилъ руки невѣсты и жениха, который послѣ этого, слѣдуя старопольскому обычаю, поклонился въ ноги своему будущему тестю.

Излишнимъ кажется говорить, что опять, въ честь молодыхъ, начали наполнять и осушать задравные кубки

при громѣ трубъ, литавръ, охотничьихъ роговъ и безпрестанныхъ восклицанійхъ: вивать! вивать! Пиръ продолжался до позднихъ сумерекъ.

Вскорѣ послѣ этой неожиданной помолвки спохватились пана Кмита, его искали всюду, но онъ пропалъ безъ вѣсти. Рассказывали только, что въ то время, когда Илинчъ кинулся на вепря, Кмита приподнялся съ земли и опрометью побѣжалъ въ кусты по скату глубокаго оврага. Однако самыя тщательныя поиски, произведенныя въ этомъ мѣстѣ, не открыли слѣдовъ исчезнушаго пана Кмиты. Поговорили объ этомъ происшествіи въ замкѣ пана Ильговскаго и во всемъ окологдѣ, а потомъ, какъ водится, позабыли о пропавшемъ.

Общее мнѣніе было то, что панъ Кмита, пристыженный и въ любви, и въ охотѣ, и въ наслѣдствѣ, забрался, по всей вѣроятности, куда нибудь на Украйну, съ тѣмъ, чтобы въ схваткахъ съ крымцами позабыть свое горе и, составивъ себѣ имя отважнаго воина, тѣмъ самымъ загладить свою прежнюю оплошность.

Добавимъ къ этому, что охота весело возвратилась въ замокъ воеводы. На возвратномъ пути Илинчъ ѣхалъ верхомъ около колымаги, въ которой сидѣла Ванда, слушающая съ улыбкой радостныя рѣчи своего суженаго.

За поѣздомъ везли на телѣгѣ убитаго вепря. Возвращающуюся домой охоту замыкалъ конь пана Кмиты. Онъ шелъ порожнякомъ позади всѣхъ, печально опустивъ свою голову...

VI.

Покинутый замокъ.

Въ Придольскомъ замкѣ дѣлались большія приготовленія къ свадьбѣ Ядека съ Вандою. Свадьба была назначена на весну. Весело и широко жилъ теперь панъ-воевода, гости у него были безвыѣздно. Пирь не прекращались. Но среди шумнаго веселья воевода становился вдругъ печаленъ и сумраченъ, часто онъ что-то шепталъ, крутя въ тяжеломъ раздумьи свой сѣдой усъ. Молиться онъ сталъ еще усерднѣе, а каждую среду, пятницу и субботу лежалъ по нѣскольку часовъ крестомъ на полу посреди своей каплицы. Домашніе и знакомые думали, что воевода оплакиваетъ под старость грѣхи и заблужденія своей молодости, какъ это очень часто дѣлывали его современники. Ходилъ даже въ околodge слухъ, будто бы воевода, отпраздновавъ свадьбу Илинича и передавъ ему все свое имѣніе, намѣренъ уйти на покаяніе въ монастырь. Говорили также, что онъ назначилъ нѣсколько тысячъ дукатовъ на постройку обшир-

наго монастыря во имя св. Андрея, своего патрона, и добавляли даже, что онъ будто бы выбралъ уже мѣсто для этой постройки въ глуши придольскихъ лѣсовъ, недалеко отъ другаго своего замка, называвшагося Ильговымъ.

Странное дѣло вышло въ этомъ замкѣ: изъ него вдругъ, по приказанію воеводы, выѣхала вся прислуга, а между тѣмъ въ этотъ замокъ сталъ ѣздить иногда онъ самъ въ сопровожденія своего духовника и самаго довѣреннаго при немъ человѣка—старика управляющаго.

Всѣхъ чрезвычайно занимала эта таинственность, но никто однако не рѣшался спросить воеводу о причинахъ его печали и его поѣздки въ покинутый замокъ. Развѣдывать же объ этомъ стороною было и неудобно, и бесполезно, такъ какъ никто не могъ сказать ничего опредѣлительнаго. Вскорѣ распространилась молва, что въ родовомъ замкѣ воеводы поселилась нечистая сила. Рассказывали, что въ глухую полночь окна замка горѣли иногда такимъ яркимъ свѣтомъ, какъ будто тамъ шли какіе-то пирь, и что въ это время на далекое разстояніе неслись изъ замка шумъ, стукъ, крикъ, хлопанье въ ладоши и какой-то нечеловѣчскій хохотъ, которому злобно вторили въ чащѣ лѣса. Говорили также, что въ замкѣ являлись разныя недобрыя предзнаменованія и что между прочимъ, въ одной изъ его залъ, нашли пустой новый гробъ, приходившійся какъ разъ по росту воеводы, и что на дощечкѣ, привѣшенной къ гробу, было написано: гробъ назначается для раба Божія Андрея.

Въ ту отдаленную отъ насъ пору, суевѣріе и предразсудки были еще въ силѣ во всей Европѣ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подобныя явленія впечатлительно

подѣйствовали на воеводу, который хотя и былъ безстрашенъ въ виду всевозможныхъ опасностей и даже явной смерти на полѣ битвы, но за всѣмъ тѣмъ крѣпко побаивался дьявольской силы и разныхъ бѣсовскихъ навожденій. Воевода замѣтно осунулся. Часто, отчитавъ молитвы и Спасителю, и Богородицѣ, и первенствующимъ святымъ, а также прославословивъ не разъ Святаго Духа, старикъ начиналъ мысленно перебирать въ подробностяхъ свою жизнь и заботливо отыскивать въ ней слѣды прегрѣшеній.

Конечно, и у воеводы, какъ и у каждого добраго христианина, находились кое-какіе грѣхи. Не говоря уже о нѣкоторыхъ грѣшкахъ, свойственныхъ вообще шаловливой юности, оказывалось, что воевода раза два дерзнулъ усомниться въ правосудіи и благодати Божіей, что онъ однажды посмѣялся надъ тучнымъ монахомъ, что онъ какъ то неохотно оказалъ помощь ближнему, что увидѣвъ въ костелѣ образъ какой-то великомученицы, онъ нашель, что ликъ ея похожъ на лицо одной прехорошенькой пани, на которую не безъ біенія сердца заглядывался молодой въ ту пору Ильговскій. Припоминая свои старыя грѣхи, воевода находилъ однако, что всѣ они давно уже искуплены или чистосердечнымъ покаяніемъ, или мпlostынею, или щедрымъ вкладомъ въ монастырскую и церковную казну, или учащеннымъ чтеніемъ молитвъ и каноновъ, или выкупомъ христианъ изъ бусурманскаго плѣна. Заботливый воевода не упускалъ при этомъ изъ виду и того еще обстоятельства, что слишкомъ важныя грѣхи, особенно по части тѣлеснаго вожделѣнія, были искуплены его спиною и боками подъ ударами ременной плети, которою въ то время бичевали себя истинно кающіеся грѣшники... Короче, при самомъ

строгомъ разчетѣ съ совѣстію, воевода, по крайнему своему разумѣнію и по разсужденію его духовнаго отца, не находилъ въ своей жизни ни одного столь важнаго прегрѣшенія, которое вызывало бы на него кару Божію съ такими страшными предзнаменованіями, какія стали теперь являться въ Ильговѣ.

Не чувствуя собственно за самимъ собою чрезвычайной вины предъ Господомъ, набожный воевода обращался къ дѣяніямъ своихъ предковъ и полагалъ, что онъ, какъ послѣдній въ родѣ, долженъ былъ, по всей вѣроятности, искупить какіе нибудь тяжкіе грѣхи прародителей. Надобно сказать, что между разными повѣріями у польской шляхты было сознаніе, что если родовитый шляхтичъ пользовался особымъ почетомъ и выгодами за доблестныя дѣянія предковъ, то онъ вмѣстѣ съ этимъ не долженъ былъ забывать и того, что иногда за самыя отдаленныя грѣхи его прародителей онъ, безъ собственной вины, могъ быть наказанъ десницею Божіею.

Воевода тщательно перебиралъ всѣ фамилійныя преданія, и къ крайней своей скорби находилъ, что въ длинномъ ряду предковъ были и такіе, которые своимъ жестокосердіемъ дѣйствительно могли накликать кару Господню на послѣдняго представителя ихъ имени.

Панъ Ильговскій тосковалъ и молился, а между тѣмъ приготовления къ свадьбѣ его наслѣдника шли своимъ чередомъ.

Молва о ночныхъ ужасахъ, происходившихъ въ Ильговѣ, увеличивалась все болѣе и болѣе, и наконецъ съ досто-

вѣрностію стали рассказывать, что тамъ дѣло дошло уже до того, что, какъ-то въ полночь, одного стараго слугу воеводы, рѣшившагося переночевать въ конюшнѣ, схватили страшные черти, подняли на вилы и затащили въ лѣсную глушь, гдѣ и посадили чуть ли не на самую верхушку огромной сосны.

Насталъ Духовъ день; въ этотъ праздникъ ведется въ Польшѣ, какъ и у насъ русскихъ, обычай ставить около жилищъ молоденькія березки. Въ ту пору, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ рассказѣ, этотъ обычай соблюдался весьма строго, и потому въ Духовъ день, какъ въ богатыхъ замкахъ, такъ и въ убогихъ лачугахъ всѣ пороги и стѣны были обставлены молодыми березками, а вѣтки ихъ висѣли на потолкахъ; полы всюду были устланы травой, за иконы были заткнуты пучки душистыхъ растений; рога у коровъ и барановъ были обвиты зеленью, а у коней, шедшихъ въ этотъ день въ упряжкѣ, были вплетены въ гриву цвѣты и зелень. Все казалось садомъ или лѣсомъ, такъ что поляки не даромъ называютъ этотъ день „Зеленымъ праздникомъ.“

Весь Придольскій замокъ былъ покрытъ снаружи свѣжею зеленью, а комнаты замка были наполнены запахомъ душистыхъ травъ. Сюда съѣхалось къ этому дню множество гостей; все было шумно и весело; но не такъ выглядывалъ въ этотъ день другой, покинутый всѣми замокъ воеводы. Онъ стоялъ пустъ и мраченъ, яркая весенняя зелень не украшала его стѣнъ и башенъ; замокъ смотрѣлъ вовсе не празднично, а окружавшій его сосновый дремучій боръ придавалъ этой почернѣлой громадѣ какой-то особенный, печальный видъ.

Гости, смотря на воеводу, старавшагося какъ будто на-

сильно быть веселымъ, перешептывались въ тихомолку о томъ что дѣлалось въ Ильговѣ, и по временамъ въ полголоса толковали между собою о конфедераціи, составившейся въ то время противъ короля. Нѣкоторые изъ гостей увѣряли, что главнымъ мѣстомъ сбора для конфедератовъ были назначены лѣса, окружавшіе Ильговскій замокъ, и заявляли догадку, что по всей вѣроятности воевода ѣздитъ теперь туда по этому дѣлу. Всѣ желали знать, дѣйствительно ли пристанетъ къ противникамъ короля такой богатый и знатный магнатъ, какимъ былъ Ильговскій, но такъ какъ на первыхъ порахъ конфедерація составлялась втайнѣ, то никто не рѣшался заговорить объ этомъ съ воеводой, а между тѣмъ его задумчивый и безпокойный видъ ясно показывалъ, что воевода слишкомъ озабоченъ какою-то думою.

Не смотря на это обстоятельство, праздникъ шелъ очень шумно. На дворѣ замка молодежь устроила скачки. Всадники, носясь во всю прыть на лихихъ коняхъ, снимали саблями кольца, развѣшенныя на столбахъ, и рубили на всемъ скаку татарскія головы, сдѣланныя изъ дерева. Гости между тѣмъ смотрѣли съ крыльца на эту забаву. Вечеромъ начались танцы. Илиничъ первенствовалъ во всемъ; никто изъ гостей не снялъ столько колець и не снесъ столько головъ, сколько онъ; никто изъ гостей съ такой ловкостью и съ такимъ увлеченіемъ не плясалъ мазурки, какъ онъ, въ особенности когда становился въ кругъ съ своей стройной и хорошенькой невѣстой.

Косо однако смотрѣли на него братья Пѣшковскіе, пріятели пропавшаго пана Кмиты, обманувшіеся въ надеждахъ на счетъ воеводскаго наслѣдства, перешедшаго къ Илиничу.

Цѣлый день они старались превзойти его въ рыцарскихъ забавахъ, но имъ не удавалось это, потому что Яцекъ постоянно бралъ надъ ними верхъ. Во время танцевъ они подсмѣивались надъ женихомъ и очень часто, отходя въ уголки залы, шептались о чемъ-то съ худо скрытою злобою.

За ужиномъ они какъ будто нарочно повели рѣчь объ Ильговѣ, и говоря о происходившихъ тамъ диковинкахъ, стали утверждать, что безъ сомнѣнія между присутствующими не найдется никого, кто бы отважился переночевать въ страшномъ замкѣ.

— Я думаю, добавилъ одинъ изъ братьевъ Пѣшковскихъ, — что даже у храбрѣйшаго между нами, у пана Илинича, не достанетъ на это храбрости.

— Развѣ дѣло пойдетъ о другомъ какомъ нибудь наслѣдствѣ?... колко замѣтилъ одинъ изъ недоброжелателей Илинича.

Между гостями начались споры; одни утверждали, что храбрость Илинича не знаетъ границъ, другіе же, напротивъ, подзадоривали молодого человѣка, замѣчая, что храбрость храбрости рознь, и что въ одномъ случаѣ можно быть храбрецомъ, а въ другомъ трусомъ.

— Это правда, подхватилъ Викентій Пѣшковскій, — я, напримѣръ, вполне увѣренъ, что панъ Илиничъ, если я оскорблю его, непременно вызоветъ меня на поединокъ, но я знаю также очень хорошо, что онъ не пойдетъ ночевать въ Ильговскій замокъ.

Илиничъ не могъ долѣе выдержать этихъ подстреканій и колкостей, тѣмъ болѣе, что онъ догадывался изъ-за чего шло все дѣло.

— Я согласенъ переночевать въ замкѣ, сказалъ Или-

ничъ, — но съ тѣмъ однако условіемъ, что если я исполню это, то панъ Викентій съ своей стороны долженъ будетъ отлаять подъ столомъ свои рѣчи. Если онъ согласенъ на это, то пусть протянетъ мнѣ руку.

— Согласенъ, проговорилъ рѣшительнымъ голосомъ Пѣшковскій, подавая Илиничу руку.

Чтобъ объяснить предложеніе Илинича на счетъ отлаиванія, надобно сказать, что въ старинной Польшѣ велся такой обычай: тотъ, кто признанъ былъ клеветникомъ, долженъ былъ, для удовлетворенія оскорбленнаго, подлѣзть подъ столъ и оттуда при свидѣтеляхъ три раза пролаять по собачьему. Смыслъ такого удовлетворенія очень ясенъ: принужденный такимъ образомъ удовлетворить своего противника, терялъ уже навсегда доброе имя.

— Остановитесь господа, сказалъ суровымъ голосомъ воевода, — такіе споры могутъ идти только между пустыми вѣтрогонами, а людямъ разсудительнымъ они вовсе не кстати.

— Опоздали уже твои совѣты, ясновельможный панъ, сказалъ почтительно, но твердо Илиничъ, — меня обозвали трусомъ; но еще до сей поры я не прощалъ этого никому, хотя я и былъ бѣдный и не знатный шляхтичъ.

— Я ничего не сказалъ бы противъ этого, возразилъ воевода, — если бы вы поспорили о дѣлѣ обыкновенномъ; но знаете ли вы что дѣлается въ Ильговѣ?

Всѣ смолкли и съ любопытствомъ смотрѣли на воеводу, ожидая его разсказа.

— Тамъ работаетъ нечистая сила, проговорилъ глухимъ голосомъ Ильговскій, — и связываясь съ нею можно погубить душу великою отвѣтственностію передъ Богомъ.

— Одно изъ двухъ, ясновельможный панъ, подхватилъ

не безъ нѣкоторой запальчивости Илиничъ, — или нужно идти на это дѣло во имя Божіе и, что бы тамъ ни случилось, смѣло ожидать конца, или же нужно проститься навсегда съ доброй славой.

— Правда, правда, проговорилъ воевода, — жаль только, что нечистый подбилъ тебя, панъ Викентій, на такой разговоръ, добавилъ Ильговскій, обращаясь къ Пѣшковскому. — Теперь, конечно, нечего дѣлать; поѣзжай завтра въ Ильговъ, мой любезный Яцекъ, да сохранить тебя крестъ Господень отъ всякой напасти!

На другой день вечеромъ Илиничъ сталъ прощаться съ воеводою; онъ схватилъ руку своего благодѣтеля и крѣпко поцѣловалъ ее. Нужно было проститься и съ невѣстой.

Подходя къ той комнатѣ, которая была отведена въ замкѣ воеводы для Ванды, женихъ ея чувствовалъ, что у него билось и замирало сердце и что колѣни его дрожали. Илиничъ самъ не зналъ на что ему рѣшиться: перенести ли всю тоску томительнаго прощанія или уѣхать изъ замка, не повидавшись съ Вандой. Въ то время, когда онъ раздумывалъ объ этомъ, въ сосѣдней комнатѣ слышались легкіе шаги молодой дѣвушки, и Ванда, блѣдная, съ заплаканными глазами, кинулась къ своему жениху.

— И тебѣ не жаль, что я такъ страдаю?.. проговорила она съ легкимъ упрекомъ, съ трудомъ сдерживая слезы, набѣгавшія въ ея черныя очи.

— Ванда, другъ мой, говорилъ ласково Илиничъ, — неужели же ты хочешь имѣть такого мужа, на котораго всѣ станутъ показывать пальцемъ, приговаривая: вотъ это тотъ самый Илиничъ, который перенесъ обиду потому только, что побоялся вздорныхъ сказокъ? Неужели ты думаешь, что

если бы я былъ трусомъ, то я былъ бы достоинъ тебя? Развѣ рука мужчины, не сдѣлавшаго оборонить свою собственную честь, можетъ пожать руку женщины, которая отдаетъ ему себя.

— Какая мучительная ночь ожидаетъ меня! вскрикнула съ отчаяніемъ Ванда.

Она схватила себя за голову, и бѣлые ея пальчики потонули въ прядяхъ темныхъ волосъ, которые отъ сильнаго движенія разсыпались по плечамъ.

— Не тревожься мое сокровище. Я не боюсь дьявольской силы — имя Божіе защититъ меня отъ напастей; а отъ злыхъ людей обережетъ меня моя сабля.

— Я всю ночь останусь въ каплицѣ, лепетала Ванда; — я предчувствую что-то недоброе; я буду молиться за тебя и быть можетъ Господь услышитъ мою горячую молитву. А теперь, добавила Ванда, снимая съ шеи цѣпочку съ серебрянымъ ковчежцемъ, — возьми эту наслѣдственную нашу святыню. Она была привезена намъ издалека...

Илиничъ съ благоговѣніемъ принялъ отъ невѣсты ковчежецъ съ мощами великомученицы Варвары. Онъ надѣлъ цѣпочку на шею, крѣпко прижалъ къ своей груди плакавшую невѣсту, и продолжительный поцѣлуй окончилъ ихъ горькое прощаніе.

— Кто знаетъ, подумали разомъ и Ванда и Илиничъ, — быть можетъ этотъ первый поцѣлуй былъ также и послѣднимъ...

Яцекъ опрометью кинулся на крыльцо замка; подлѣ крыльца ждалъ уже своего хозяина гнѣдой конь; проворно вскочилъ на него Илиничъ, поднялъ голову и увидѣлъ въ

окнѣ Ванду, которая послала ему рукою прощальный поцѣлуй...

Во весь опоръ скакалъ Илинничъ къ Ильговскому замку, за нимъ едва поспѣвали ѣхавшіе позади его два всадника. Наступали сумерки, а между тѣмъ густыя тучи стали заволакивать небо. Но вотъ, показались уже не вдалькѣ и башни Ильгова. Его почернѣлыя стѣны и осыпавшаяся черепичная кровля какъ будто говорили, что надъ этой молчаливой громадой уже пронеслось нѣсколько столѣтій. Изъ разщелинъ крыши и стѣнъ выступалъ кудрявый мохъ и поросли деревьевъ. Глубокіе рвы, грозно смотрѣвшіе бойницы, и узкіе висячіе мосты напоминали, что замокъ этотъ старались сдѣлать когда-то недоступной твердыней. Внутреннее устройство замка подтверждало назначеніе его какъ крѣпости; подъ нимъ, между прочимъ, были устроены длинныя подземные ходы; эти ходы извиристо шли въ глубь окрестныхъ лѣсовъ, гдѣ жители замка, въ случаѣ непріятельскаго грома, могли найти для себя надежное убѣжище.

Замокъ этотъ съ незапамятныхъ временъ принадлежалъ Ильговскимъ, которые по немъ и получили свое фамиліное прозваніе. Долгое время Ильговъ былъ роскошнымъ мѣстомъ пребыванія польскихъ магнатовъ, и тогда изъ бойницъ смотрѣли пищади, а многочисленная стража постоянно ходила на валахъ и на башняхъ. Когда же одинъ изъ Ильговскихъ лишился вдругъ въ этомъ замкѣ самымъ неожиданнымъ образомъ любимой жены и двоихъ сыновей, то печально и тоскливо стало казаться ему жилище, въ которомъ

онъ прежде проводилъ такъ счастливо время среди самыхъ отрадныхъ надеждъ.

Тяжелая постройка замка и печальное однообразіе окружавшаго его бора наводили безотчетную тоску на непривычнаго посѣтителя этихъ мѣстъ. Замокъ смотрѣлъ еще сумрачнѣе послѣ того, какъ покинули его сперва владѣльцы, а наконецъ и прислуга; дворъ заросталъ густой травой, цѣпи подъемныхъ мостовъ, а также желѣзныя скобы на воротахъ и ихъ огромныя петли покрывались красно-желтой ржавчиной, флюгера на башняхъ замка покривились и уныло скрипѣли въ вѣтряную погоду, трубы осыпались, а во рвахъ вода покрылась густою тиною. Все было въ забросѣ и въ запустѣніи.

Страшная молва, которая, какъ мы сказали, начала распространяться о покинутомъ замкѣ, отгоняла отъ него проѣзжихъ и прохожихъ во всякую пору, въ особенности же тогда, когда начинало садиться солнце и близились сумерки и ночь. Всѣ съ ужасомъ спѣшили удалиться отъ этого заклятаго мѣста, и потому окрестные поселяне не мало подивились, когда они увидѣли въ позднія сумерки трехъ всадниковъ, скакавшихъ къ страшному мѣсту.

Илинничъ и его спутники подѣхали къ замку; изъ нихъ первый вѣхалъ во дворъ замка; двое же другихъ затворили за нимъ плаксиво заскрипѣвшіе ворота и забили ихъ большимъ коломъ, такъ что теперь уже не было никакой возможности выйти изъ замка безъ посторонней помощи извнѣ.

Войдя во дворъ замка, Илинничъ соскочилъ съ коня и отвелъ его въ конюшню. Изумился Илинничъ, найдя тамъ и засыпанный овесъ, и большой ворохъ сѣна. Борясь и съ невѣріемъ къ дьявольскимъ наводеніямъ, и съ суевѣрнымъ

страхомъ, который такъ свойственъ людямъ, Илиничъ не зналъ, какъ объяснить эту странность.

Привязавъ коня, одинокій Яцекъ вошелъ въ замокъ. Какими-то безконечными пропастями казались ему въ полутемнотѣ пустыя и огромныя залы. Все было тихо, и только эхо повторяло каждый шагъ и каждый шорохъ Илинича; нѣсколько разъ останавливался онъ посреди залъ и, притаивъ дыханіе, желалъ удостовѣриться въ тишинѣ, господствовавшей вокругъ него.

Переходя изъ залы въ залу, Илиничъ вошелъ въ круглую комнату, составлявшую часть башни; замѣтно было, что комната эта служила нѣкогда оружейной. На стѣнахъ ея оставалось еще кое-какое старое оружіе, висѣли олени рога и кабаньи клыки.

— Вотъ здѣсь переночую я, подумалъ Илиничъ.

Въ это время набѣгавшія на небо тучи стали мало по малу разсѣиваться и въ прорѣдкахъ ихъ выглянулъ мѣсяцъ, бросившій полосы золотистаго свѣта въ узкія окна замка. Илиничъ, пользуясь этимъ, подошелъ къ окну и при свѣтѣ луны осмотрѣлъ винтовку и саблю. Оказывалось, что нечистая сила не свернула замка на винтовкѣ и не забила ея дула и не надломила клинка сабли. Успокоившись отъ суевѣрнаго страха, Илиничъ снялъ съ груди ковчежецъ, данный ему невѣстой, поцѣловалъ его и положилъ его передъ собою на столъ, а потомъ, ставъ на колѣни, началъ молиться. Долго и усердно молился онъ, поминая въ своей молитвѣ Ванду, которая какимъ-то легкимъ призракомъ носилась въ его тревожныхъ мысляхъ.

Окончивъ молитву, Илиничъ, въ ожиданіи разсвѣта, прилегъ на дубовой скамьѣ.

Онъ уже начиналъ полудрекать, когда въ отдаленныхъ покояхъ замка послышался какой-то шумъ. Илиничъ привсталъ, взялся сперва за ружье, потомъ за рукоятку сабли, и крѣпко сжавъ ее началъ прислушиваться. Шумъ становился все явственнѣе, и наконецъ въ сосѣдней комнатѣ, послышались тяжелые шаги нѣсколькихъ человекъ.

— Пресвятая Богородица, помоги мнѣ!.. прошепталъ Илиничъ и приготовился къ оборонѣ.

Едва начало свѣтать, а ужъ въ Придольскомъ замкѣ всѣ поднялись на ноги.

Какъ только проснулся воевода, то первыми его словами были: „А что, панъ Яцекъ вернулся изъ Ильгова?“

Опечалился Ильговскій, получивъ отрицательный отвѣтъ. Онъ приказалъ закладывать поскорѣе лошадей и въ сопровожденіи нѣсколькихъ шляхтичей, жившихъ при его дворѣ, отправился въ Ильгово, запретивъ сказывать гостямъ и въ особенности Вандѣ объ этой поѣздкѣ. Не успѣлъ, впрочемъ, воевода выѣхать изъ воротъ, какъ въ замкѣ поднялась суматоха—Ванда пропала.

Долго искали ее всѣ, а въ томъ числѣ и самъ воевода, который однако нашелъ молодую дѣвушку, заглянувъ въ каплицу. Тамъ, заливаясь слезами, Ванда лежала на ступеняхъ алтаря. Она не замѣтила, какъ взглянулъ на нее воевода; Ильговскій же не велѣлъ тревожить Ванду и поспѣшилъ выѣхать изъ замка.

Путь былъ не слишкомъ далекъ, и воевода скоро подѣхалъ къ покинутому жилищу своихъ предковъ. Проворно прислужники его отбили колъ, припиравшій ворота, и Иль-

говскій, съ живостію юноши выскочивъ изъ колымаги, пошелъ въ замокъ въ сопровожденіи всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ.

Сердце старика сильно забилося, когда при самомъ входѣ на лѣстницу онъ увидѣлъ на ея ступеняхъ слѣды еще не запекшейся крови; тревожно спѣшилъ онъ изъ покоя въ покой по кровавому слѣду и наконецъ вошелъ въ оружейную.

— Боже мой! Что здѣсь такое?... вскрикнулъ съ ужасомъ Ильговскій.

Посреди залы лежалъ Илиничъ, облитый кровью; одной рукой онъ силился зажать рану на головѣ, какъ будто желая удержать струившуюся изъ нея кровь, другой рукой онъ сжималъ окровавленную саблю.

— Зачѣмъ ты не послушалъ меня, дорогой мой Яцекъ... бормоталъ старикъ, ломая въ отчаяніи руки.

Ильговскій сталъ на колѣни подлѣ раненаго и тревожно смотрѣлъ, не таится ли еще въ немъ признаковъ жизни.

— Онъ еще живъ! радостно вскрикнулъ Ильговскій, продолжая смотрѣть на Илинича, который въ это время силился открыть глаза.

Между спутниками воеводы находились и такіе, которые ужъ не разъ бывали въ битвахъ и умѣли обращаться съ ранеными. При Илиничѣ нашли кусокъ хлѣба, кусокъ этотъ обмотали паутиной и сдѣлавъ изъ него родъ пластыря приложили къ ранѣ. Кровь вскорѣ унялась. Принесли воды, обмыли лицо и голову Илиничу, и послѣ этого признаки возвращавшейся къ нему жизни сдѣлались замѣтнѣе. Бережно положили раненаго въ колымагу, а между тѣмъ воевода разослалъ бывшихъ при немъ шляхтичей во всѣ стороны искать лекарей.

Колымага двинулась въ обратный путь шагомъ. Воевода боялся, что скорая ѣзда раскроетъ рану Илинича, и старикъ безпрестанно напоминалъ, чтобъ ѣхали какъ можно осторожноѣе.

Когда въ Придольскомъ замкѣ увидѣли медленно двигавшійся поѣздъ воеводы, то всѣ догадались, что навѣрно случилось что нибудь недоброе.

— Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу! говорила дрожащимъ голосомъ Ванда, судорожно схвативъ за руку своего отца и сляясь увести его за собою.

Панъ Дембинскій исполнилъ желаніе дочери, и когда они въ торопяхъ выбѣжали на крыльцо, колымага ужъ въѣзжала въ ворота замка.

Блѣдная какъ лилія и неподвижная какъ мраморная статуя стояла растерянная Ванда.

Колымага подѣхала къ крыльцу. Ванда въ одно мгновеніе какъ будто ожила. Воевода, не говоря ни слова, отворилъ дверцы колымаги. Быстро вскочила молодая дѣвушка на подножку, и съ нея упала безъ чувствъ на руки своего отца.

Полумертваго Илинича стали вынимать изъ колымаги, и между тѣмъ кругомъ раздавалось аханье и оханье, сожалѣнія и разспросы.

Всѣ горевали о молодомъ человѣкѣ, поплатившемся, какъ казалось, жизнію за свою безумную отвагу.

Ильговскій замокъ сдѣлался послѣ этого еще страшнѣе, нежели былъ прежде. Всѣ чудесные о немъ рассказы получили теперь полную вѣру.

Спустя три дня послѣ привоза Илинича въ Придольскій замокъ, изъ воротъ этого замка, въ свѣтлое майское утро,

медленно выступало погребальное шествіе. Жалобно пѣли ксендзы надгробныя молитвы; за ксендзами шло множество народа со свѣчами и факелами, далѣе шесть молодыхъ людей несли обитый пунцовымъ бархатомъ гробъ, на крышкѣ гроба лежало подъ миртовымъ вѣнкомъ оружіе покойнаго. За гробомъ медленными неровными шагами шелъ старикъ-воевода съ поникшей головой, невдалекѣ отъ него едва переступала рыдающая Ванда. Дембинскій поддерживалъ и утѣшалъ дочь, но всѣ усилія были напрасны. По сторонамъ и сзади Дембинскаго шла толпа гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу и попавшихъ на похороны.

Разнорѣчиво толковали о смерти Илинича тѣ, которые шли за его гробомъ. Передавали между прочимъ достоверно, что когда умиравшій Яцекъ пришелъ на нѣсколько времени въ память, и когда Ванда, стоя у его постели на колѣняхъ, со слезами умолила его рассказать о томъ что съ нимъ случилось въ Ильговѣ, то будто онъ отвѣчалъ на всѣ просьбы своей невѣсты, что не можетъ ничего рассказать, такъ какъ онъ связанъ клятвою молчать обо всемъ что съ нимъ было въ Ильговѣ.

Ванда послѣ смерти жениха ушла въ монастырь. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ воевода, не сдѣлавъ никакого завѣщанія, и потому всѣ его богатства перешли къ одному изъ самыхъ дальнихъ его родственниковъ, который вовсе не ожидалъ такого несмѣтнаго наслѣдства.

Минуло слишкомъ сорокъ лѣтъ со дня смерти Илинича.

Однажды осенью въ небольшомъ домикѣ шляхтича Свобельскаго собрались гости, и одинъ изъ нихъ сталъ

рассказывать о томъ, какъ въ его странѣ какой-то богатый недобрый панъ лишилъ убогаго шляхтича послѣднихъ крохъ, а потомъ коварно погубилъ его.

— А вотъ постойте-ка, сказалъ хозяинъ, — я расскажу вамъ любопытный случай изъ собственной моей жизни. Есть что послушать.

Всѣ призамолкли; старикъ откашлялся и началъ рассказывать слѣдующее:

— Вы вѣрно слышали, что лѣтъ сорокъ тому назадъ, знатный и богатый въ свое время воевода Гаданскій поднимался противъ короля Яна-Казимира. Этотъ панъ былъ человѣкъ чрезвычайно надменный, хотя и былъ набоженъ и носилъ монашескую одежду. Усердствовалъ воевода Гаданскій церкви божіей, дѣлая богатые вклады на костелы и монастыри, а между тѣмъ угнеталъ бѣдныхъ и подвластныхъ. Захотѣлось пану попасть въ краковскіе каштеляны, но онъ обманулся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ король назначилъ на эту важную должность не его, а другаго. Разсердился воевода на короля и началъ составлять въ одномъ изъ городовъ недалекихъ отъ Кракова конфедерацію противъ короля Яна Казимира, и когда воеводѣ былъ предъявленъ королевскій приказъ, въ силу котораго онъ долженъ былъ удалиться изъ города, то онъ во всеуслышаніе сказалъ: хорошо; я уйду изъ города, но за то и король уйдетъ изъ Польши.

Правда, что предсказаніе его не сбылось, но за то панъ Гаданскій много надѣлалъ хлопотъ и королю, и тѣмъ магнатамъ, которые держали сторону его королевской милости. Вы конечно знаете Придольскій замокъ и Придольскіе лѣса, или по крайней мѣрѣ слышали о нихъ. Вотъ въ

этих-то лѣсахъ и стали собираться конфедераты, а чтобъ имъ никто не мѣшалъ, пока дѣло велось въ тайнѣ, они и распустили слухи о разныхъ чудесахъ, которыя будто бы дѣялись въ этомъ давнымъ-давно заброшенномъ замкѣ. Народъ то въ ту пору былъ еще полеговѣрнѣе, чѣмъ теперь. Стали вѣрить, и пошли ходить страшные рассказы о замкѣ по всему околodu, всѣ стали бояться этихъ мѣстъ до такой степени, что и проѣзжіе, и прохожіе старались миновать Придольскій замокъ и его окрестные лѣса.

Въ то время я былъ куда какъ молодъ. Кровь сильно кипѣла во мнѣ; мнѣ очень хотѣлось побывать въ бою, а между тѣмъ въ эту пору Польша жила мирно со всѣми своими сосѣдами, воевать было не съ кѣмъ. Вотъ я и воспользовался конфедераціей пана Гаданскаго, да и пробрался къ нему въ лѣсъ.

Около осени пріѣхали къ намъ туда какіе то три панича и приказали, чтобы ихъ прямо вели къ пану воеводѣ, нашему предводителю. Поговоривъ особнякомъ съ паномъ Гаданскимъ, молодые люди записались въ нашъ отрядъ; одинъ изъ нихъ назывался Кмита; двое другихъ были братья Пѣшковскіе.

Должно быть у всѣхъ у нихъ было что-то недоброе на сердцѣ, потому что они избѣгали людей и общихъ разговоровъ; они держались ото всѣхъ въ сторонѣ и только украдкой шептались о чемъ то между собою. Впрочемъ на такіе пустяки никто изъ конфедератовъ не обращалъ тогда большаго вниманія, потому что каждый изъ насъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Однажды, какъ теперь помню, на другія сутки послѣ Духова дня, я и двое другихъ моихъ товарищей получили отъ воеводы приказъ—быть во всякое

время готовыми на призывъ пана Кмиты. Въ военной службѣ разсуждать не приказываютъ, и хотя каждый изъ насъ по поводу такого неожиданнаго распоряженія и подумалъ многое, однако мы исполнили приказъ въ точности. Не долго впрочемъ намъ пришлось ожидать, потому что въ этотъ же день вечеромъ панъ Кмита повелъ насъ въ Придольскій замокъ; вмѣстѣ съ нами пошли туда нѣсколько его прислужниковъ съ факелами.

Мы вошли въ замокъ, миновали нѣсколько комнатъ и наконецъ вошли въ круглую залу, которая, казалось, была когда-то оружейной. Здѣсь мы застали какого то молодаго человѣка. Охъ! какъ гнѣвно взглянулъ онъ на насъ; не смотря однако на весь гнѣвъ, лицо его было чрезвычайно привлекательно. Видно было, что онъ сперва принялъ насъ за нечистую силу, однако не струсилъ и ея, и выхватилъ саблю готовился вступить въ бой даже съ чертями.

Когда же онъ узналъ Кмиту и Пѣшковскаго, то опустилъ саблю и грозно, не говоря ни слова, смотрѣлъ на нихъ; Кмита съ своими товарищами начали укорять и оскорблять его, и тутъ-то мы догадались, что дѣло кончится не шуткой. А сначала мы подумали, что вѣроятно молодежь наша хотѣла позабавиться надъ какимъ нибудь смѣльчакомъ, который, желая показать свою удалъ, забрался одинъ въ проклятый замокъ.

О чемъ они между собою спорили въ эту пору нельзя было разобрать хорошенько, но споръ кончился тѣмъ, что наши предложили ему драться со всѣми ими по очереди, грозя въ случаѣ отказа его выдти на такой неравный бой, жестокимъ оскорбленіемъ. Панъ Илиничъ,—такъ назывался, какъ я узналъ послѣ, этотъ молодой человѣкъ,—засвидѣ-

тельствовать передъ Богомъ и нами, что напасть тропмъ на одного значить поступать безчестно и затѣмъ стать готовиться къ поединку.

Передъ боемъ противники Илинича потребовали отъ него клятву, что если онъ останется въ живыхъ, то не скажетъ никому что съ нимъ было. Илиничъ безъ упорства далъ благородное слово, что исполнить ихъ желаніе.

Не разъ послѣ этой страшной ночи приводилось мнѣ быть въ кровавыхъ бояхъ и видѣть смерть моихъ храбрыхъ товарищей, но такого боя и такой смерти, какіе привелось мнѣ видѣть въ ту ночь, я не видывалъ никогда...

Противники стали тянуть жребій: первый узелокъ достался одному изъ Пѣшковскихъ. Завязался бой, но онъ былъ непродолжителенъ, потому что Илиничъ ловко рубнулъ своего противника по лѣвому плечу. Раненаго вынесли. Второй узелокъ достался другому Пѣшковскому, тотъ бился удалѣе своего брата и послѣ нѣсколькихъ жестокихъ схватокъ онъ ранилъ Илинича въ руку, но Илиничъ, не смотря на это, успѣлъ отбить готовившійся ему смертельный ударъ и всадилъ свою саблю въ правый бокъ Пѣшковскаго; вынесли и этого.

Илиничъ былъ утомленъ до крайности, кровь текла изъ его раны; онъ тяжело дышалъ, и ему былъ нуженъ хотя маленькій отдыхъ, но панъ Кмита настаивалъ, чтобъ онъ тотчасъ же дрался и съ нимъ. Легко было догадаться, что надъ усталымъ Илиничемъ возьметъ верхъ еще бодрый Кмита. Но этого была мало, и прежде чѣмъ Илиничъ успѣлъ приготовиться къ отпору, его противникъ напалъ стремительно и нанесъ ему въ голову тяжелый ударъ. Илиничъ закачался и упалъ на полъ, укоряя Кмиту въ вѣро-

ломствѣ. Тотъ вышелъ изъ себя и, бросившись на лежавшаго Илинича, еще разъ со всего размаха рубнулъ его по головѣ...

Илиничъ глухо стоналъ, но панъ Кмита, не обращая на то никакого вниманія, велѣлъ оставить его одного въ замкѣ, а самъ со всѣми, кто провожалъ его, вышелъ оттуда въ лѣсъ подземными ходами. Признаться, я хотѣлъ было испытать мою саблю на головѣ пана Кмиты, но дѣло мое было подначальное, да притомъ я подумалъ, что око Господне видѣло все это и что рано или поздно Господь Богъ накажетъ Кмиту за неправоое дѣло.

На другой день послѣ этого, я подъ предлогомъ, что мнѣ нужно видѣть старика-отца, оставилъ наше сборище, давши честное слово не говорить о случившемся въ замкѣ никому до тѣхъ поръ, пока будутъ въ живыхъ Пѣшковскіе и Кмита; теперь ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и потому клятва моя не обязательна.

Бродя послѣ того долго по свѣту, я прислушивался къ людской молвѣ и наконецъ узналъ, что поединокъ съ Илиничемъ былъ за богатое наслѣдство и за дочь какого-то подкоморія, которая нравилась крѣпко и пану Кмитѣ.

— Ну, а что же потомъ было съ Кмитой? спросила робко одна изъ дѣвушекъ, слушавшихъ рассказъ старика.

Панъ Кмита погибъ страшною смертью, отвѣчалъ рассказчикъ: — въ одной неудачной стычкѣ онъ, избѣгая погони, поворотилъ въ чащу Придольскаго лѣса, тамъ наткнулся на стаю волковъ и былъ растерзанъ ими.

VII.

КНЯЗЬ ГЕРОНИМЪ РАДЗИВИЛЪ, ВЕЛИКІЙ ХОРУНЖІЙ ЛИТОВСКІЙ.

Если вамъ случится побывать въ Вильнѣ, то поѣзжайте посмотрѣть Верки, нѣкогда имѣніе князей Радзивиловъ, отстоящее отъ города верстахъ въ семи. Проѣхавъ около версты по открытому пространству, только вдалекѣ окаймленному съ правой стороны Антокольскими холмами, вы минуете Кальварію и Трипополь и потомъ, излучистымъ берегомъ Вилии, будете приближаться къ Веркамъ. Въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи начнется шоссе, ведущее въ гору, на которой они расположены. Вся эта гора покрыта густою зеленью, а среди зелени мелькаютъ каменные строенія. Видъ съ горы очаровательный: предъ вами широкая равнина, по которой голубою лентою извивается Вилия, за нею пашни, холмы и лѣса, влѣво Вильно съ его красивыми и многочисленными костелами.

Но лѣтъ шестьсотъ назадъ всѣ нынѣшнія окрестности Вильны были покрыты дремучими лѣсами, и въ нихъ князья

литовскіе любили забавляться охотою; въ нихъ жили также жрецы литовскаго бога Перкунаса. Однажды главный изъ жрецовъ Криве-Кривейте, прогуливаясь по лѣсу, встрѣтилъ молодую литвинку, плѣнилъ ее красотой, и она скоро сдѣлалась отъ него матерью. Криве-Кривейте былъ въ страшныхъ хлопотахъ, наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, онъ придумалъ средство не только скрыть свою грѣшную любовь, но и сдѣлать счастливымъ своего новорожденного сына.

Въ это время пріѣхалъ изъ Трокъ тогдашній князь литовскій поохотиться въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ жилъ Криве-Кривейте. Послѣдній воспользовался этимъ случаемъ: уложивъ своего младенца въ колыбельку, украшенную цвѣтами и разными блестящими побрякушками, онъ повѣсилъ ее на вершинѣ горы среди вѣтвей густаго дерева, зная, что князь, гоняясь за дикими волами (туры) и буйволами, непременно побываетъ въ этомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, вскорѣ по лѣсамъ, до того времени безмолвнымъ, раздались звуки роговъ, ревъ и крики, и кунигасть*) литовскій, съ копьемъ въ одной рукѣ и съ рогатной въ другой, впереди всѣхъ охотниковъ спѣшитъ въ чащу лѣса; но онъ обманулся въ удачѣ своей охоты, потому что Криве-Кривейте давно уже отогналъ отсюда и туровъ, и буйволовъ, и вмѣсто ихъ рева князь услышалъ плачъ младенца.

Князь поспѣшилъ туда, гдѣ слышался плачъ, и съ изумленіемъ увидѣлъ что-то блестящее въ вѣтвяхъ дерева. По знаку его охотники поспѣшили взлѣзть на дерево, достали висѣвшую на немъ колыбель и поставили ее у ногъ кунигаса. Увидѣвши

*) Князь.

младенца, князь изумился и считая это чудомъ велѣлъ позвать Криве-Кривейте, чтобы онъ истолковалъ ему этотъ случай и объявилъ волю боговъ. Долго въ таинственномъ молчаніи стоялъ Криве-Кривейте, какъ бы совѣщаясь съ богами, и наконецъ сказалъ: „Государь! ты любимецъ боговъ, ты призванъ ими, чтобы осчастливить Литву. Боги заблаговременно послали тебѣ этого ребенка, чтобы въ немъ приготовить мнѣ преемника, потому что я скоро разстанусь съ этимъ свѣтомъ. Воспитывай его съ любовью, и онъ будетъ посредникомъ между тобою и богами!“ Обрадованный князь счелъ всего приличнѣе отдать найденнаго имъ младенца на воспитаніе самому Криве-Кривейте, а на память плача, то мѣсто, гдѣ былъ найденъ младенецъ, назвалъ — Werkt, что значитъ по-литовски „плачь“, и отсюда, по народному преданію, получили свое названіе Верки. Найденный былъ названъ „Лиздейко“; онъ былъ впоследствии преемникомъ своего отца и сдѣлался родоначальникомъ Радзивиловъ, Нарбутовъ и другихъ дворянскихъ литовскихъ фамилій. Лиздейко умеръ въ 1350 году, 70 лѣтъ отъ роду.

Внукъ его сталъ называться Радзивиломъ; онъ вмѣстѣ съ королемъ Ягелломъ принялъ въ 1386 году св. крещеніе въ Краковѣ и нареченъ былъ Николаемъ. Значеніе потомковъ его все болѣе и болѣе увеличивалось въ великомъ княжествѣ литовскомъ, и они сдѣлались первыми въ немъ вельможами со времени брака польскаго короля и великаго князя Сигизмунда II Августа съ Варварою Радзивиль. Родственники ея, щедро одаренные королемъ и получившіе въ 1518 и 1547 годахъ княжеское достоинство Римской Имперіи, постоянно занимали въ Литвѣ первыя должности и славились своими несмѣтными богатствами. Къ родовой

своей славѣ многіе Радзивилы присоединяли и личныя свои заслуги; но нѣкоторые изъ нихъ отличались только разными странностями и причудами и были представителями своеволия польскихъ магнатовъ.

Въ этой статьѣ мы расскажемъ о князѣ Іеронимѣ Радзивилѣ, великомъ хорунжемъ литовскомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ своеобразныхъ характеровъ, которые могло породить только гражданское положеніе Польши въ послѣдніе два вѣка ея самобытнаго существованія. Только въ народѣ, привышемъ къ своеволію пановъ и удивлявшемся, какъ необыкновенному событію, если миролюбиво оканчивался шляхетскій сеймикъ, только въ такомъ народѣ, средѣ котораго не было надъ дворянствомъ строгой власти, могли явиться личности, подобныя Радзивилу.

Князь Іеронимъ Радзивиль жилъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда власть королевская совершенно ослабѣла, поэтому Радзивиль вовсе не думалъ исполнять никакихъ повелѣній короля и распоряженій Рѣчи-Посполитой, считая себя какъ бы независимымъ владѣтелемъ и только союзникомъ своего сосѣда, великаго князя литовскаго, жившаго въ Варшавѣ.

Дѣйствительно, Радзивиль могъ быть вполне независимымъ отъ короля, и трудно было заставить его повиноваться силою. Владѣя огромными имѣніями и милліонами, онъ прибрѣлъ себѣ множество приверженцевъ въ околномъ мелкомъ шляхетствѣ, посредствомъ отдачи своихъ помѣстій во временное владѣніе своимъ сосѣдямъ. Въ это время, по замѣчанію одного польскаго писателя, польскіе паны занимались слѣдующимъ: одинъ изъ нихъ проказничалъ и наѣзничалъ по большимъ дорогамъ, или дѣлалъ набѣги на гайда-

маковъ, другой хваталъ на распутьяхъ незнакомыхъ, привозилъ къ себѣ и пьянствовалъ съ ними, третій или молился по костеламъ, или справлялъ жидовскія „борухи“, четвертый писалъ книжки или сочинялъ стихи, пятый искалъ разсѣянія за границей до тѣхъ поръ, покуда какія нибудь обстоятельства не призывали его на позабытую имъ родину. Но князь хорунжій не былъ ни ученъ, ни храбръ, ни набоженъ, не любилъ путешествій, не искалъ почестей и отлчій, и потому самъ не зналъ что ему дѣлать. Отъ скуки онъ сдѣлался мрачнымъ, своенравнымъ и жестокимъ въ обращеніи съ людьми, ему подвластными. Со всѣми обходился онъ сурово и старался проникнуть каждого благоговѣніемъ къ своей особѣ. Матѣйшее оскорбленіе своей чести онъ наказывалъ жестоко, и поэтому подвалы Бяльскаго замка, въ которомъ жилъ князь, со времени его сдѣлались страшными въ народныхъ разсказахъ.

Чтобы показать, до какой степени доходило могущество Радзивила, скажемъ, что онъ имѣлъ 6000 регулярнаго войска, устроеннаго по образцу прусскаго, и до 6000 казаковъ и надворныхъ стрѣльцовъ, жившихъ по разнымъ мѣстамъ въ качествѣ княжескаго гарнизона. Войско его состояло изъ пѣхоты и конницы; въ немъ находились генералы, полковники и майоры, а что чины были не шуточные, это лучше всего доказывается тѣмъ, что комендантъ въ г. Слупскѣ, принадлежавшемъ въ то время Радзивилу, имъ назначаемый, считался въ чинѣ генераловъ коронныхъ войскъ литовскихъ.

Родной братъ Иеронима былъ въ то время великимъ гетманомъ, слѣдовательно главнымъ начальникомъ Иеронима, и въ добавокъ былъ старшимъ его братомъ, и хотя, по ста-

риннымъ польскимъ обычаямъ, старшій братъ заступалъ мѣсто отца въ оспротѣломъ семействѣ, но гетманъ напротивъ былъ въ полномъ послушаніи своего младшаго брата. Содержа свое собственное войско, князь Иеронимъ не хотѣлъ ни посылать его, по волѣ короля или сейма, ни платить съ имѣній своихъ воинской повинности. Правда, потребовали за это его въ воинскую комиссію, но онъ и не думалъ туда являться; приговоры сыпались на него градомъ пзъ судебныхъ мѣстъ, но никто однако не рѣшался приводить ихъ въ исполненіе. Напрасно гетманъ просилъ и умолялъ брата не оскорблять такъ дерзко чести короля; Радзивиль не хотѣлъ ничего слышать и наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, сказалъ: „Если королю нужно будетъ войско, то я, такъ уже и быть, дамъ ему свое, но платить податей ни за что не стану.“

Скупость была отличительною чертою въ характерѣ князя Иеронима, и этимъ онъ отличался отъ прочихъ Радзивилловъ, слывшихъ и въ Литвѣ, и въ коронѣ*) за самыхъ щедрыхъ магнатовъ. Онъ очень радъ былъ, когда по опредѣленію суда отдали родственника его литовскаго кравчаго князя Радзивила, ему въ опеку, потому что въ этомъ случаѣ онъ могъ распоряжаться въ его имѣніяхъ, какъ ему было угодно, и огромные съ нихъ доходы обращать въ собственную свою пользу; самого же кравчаго содержалъ онъ въ своемъ слупскомъ замкѣ подъ строгимъ надзоромъ и въ ужасной нищетѣ.

Если князь Иеронимъ такъ недобросовѣстно обходился съ своимъ родственникомъ, носившимъ имя Радзивила и имѣвшимъ сильную родню, то можно представить что

*) Въ Польшѣ.

должны были терпѣть отъ самовольства Радзивила и бѣдная шляхта, и его холопы. При своей подозрительности, онъ всѣхъ почиталъ своими врагами и съ удовольствіемъ издѣвался надъ тѣми, кто попадался, по приказанію его, за самую малость въ его княжескія тюрьмы: онъ любилъ прислушиваться къ стонамъ содержавшихся тамъ и, какъ говоритъ преданіе, называлъ бѣдскихъ узниковъ своими лучшими пѣвцами. Не признавая надъ собой ни чьей власти, онъ считалъ пустяками повѣсить подвластнаго себѣ человѣка, единственно по своей только прихоти, безъ всякой вины.

Вотъ одинъ подобный случай: однажды князь въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ у окна своего замка и посматривалъ на широкій его дворъ. Въ это время одинъ изъ его служителей ходилъ у воротъ, какъ бы поджидая кого-нибудь. Видя это, князь вышелъ изъ замка и пошелъ прямо къ воротамъ. „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ спросилъ онъ ходившаго. Этотъ, думая угодить князю, отвѣчалъ: „Будучи всегда готовъ къ услугамъ вашей княжеской милости, я хотѣлъ быть всегда у васъ на глазахъ.“ Разсерженный, неизвѣстно почему, такимъ отвѣтомъ, Радзивилъ закричалъ слугамъ: „Ну такъ повѣсить его!“ и обратившись къ несчастному, сказалъ ему ободрительнымъ голосомъ: „Я исполнилъ твое желаніе... ты будешь у меня теперь на глазахъ!“ Приказаніе князя было исполнено немедленно.

Онъ также наказывалъ смертью своихъ служителей за пьянство, но за то и самъ, противъ обыкновенія, существовавшего тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ, никогда не напивался до-пьяна. Разъ, впрочемъ, ближайшій его наперстникъ ксендзъ Ріокуръ спонилъ князя въ своей плеба-

ніи; это былъ день именинъ ксендза, и ему было дано позволеніе дѣлать все что угодно, поэтому онъ воспользовался такимъ случаемъ и порядкомъ напоилъ своего ясновельможнаго прихожанина, стараясь этимъ, вмѣсто проповѣди, вселить князю снисхожденіе къ подвластнымъ ему лицамъ, съ которыми могло быть тоже самое, и это былъ единственный случай во всей жизни, когда Радзивилъ выпилъ черезъ мѣру. Возвратившись съ именинъ, онъ съ трудомъ взбирался по лѣстницѣ своего замка, а одинъ изъ княжескихъ стражей, видѣвшій его въ такомъ видѣ и полагая, что хмѣльной князь не разслышитъ, громко сказалъ своему товарищу: „Посмотри, какъ онъ нарѣзался... а еслибы это сдѣлалъ кто-нибудь изъ насъ, то навѣрно бы ужъ онъ повѣсилъ!“ Князь услыхалъ эти слова и закричалъ задыхаясь отъ злости: „Позвать ко мнѣ этого стража!“ Посланный побѣждалъ и дрожа отъ страха передалъ виновному приказаніе князя. Тотъ принужденъ былъ идти на верхъ. „А что ты тамъ сказалъ?“ спросилъ князь. „Я сказалъ правду, отвѣчалъ стражъ; я сказалъ, что никогда не видѣлъ пьянымъ вашу княжескую милость, и сегодня вы напились, какъ... а еслибы это сдѣлалъ бѣдный человѣкъ...“ „Ты умно рассуждаешь, и я назначаю тебя сержантомъ!“ сказалъ князь. Это былъ единственный случай и пьянства, и великодушія Радзивила; но съ вѣроятностью можно заключить, что онъ вообще былъ бы лучше, еслибы самовластіе его встрѣчало иногда отпоръ, а не одно безмолвное раболѣпство.

Иногда занятія князя Иеронима принимали шуточный видъ. Верстахъ въ двухъ отъ Бялы, главнаго его мѣсто-пребыванія, находилась деревня Словатинскъ. Князь устро-

илъ здѣсь замокъ и назвалъ его столицею короля слова-
тинскаго, опредѣлилъ границы новаго государства и по-
ставилъ туда королемъ одного изъ своихъ чиншowych *)
шляхтичей. Потомъ князь сталъ нарочно придираться къ
новому государю, которому онъ предоставилъ самъ же неогра-
ниченную власть, сталъ вести съ нимъ дипломатическую
переписку и повелъ ее такъ вѣжливо и умѣренно, что дѣло
кончилось разрывомъ между королемъ и основателемъ го-
сударства. Началась война не на шутку; князь сталъ соби-
рать войско, вооружать и обучать его, готовить артиллерию
и потомъ, принявъ главное начальство, двинулся, на Сло-
ватинскъ. Конечно, перевѣсъ былъ на сторонѣ князя, хотя
правду сказать, и съ той, и съ другой стороны было до-
вольно поломано рукъ и ногъ, и разбито головъ. Войска
княжескія все сильнѣе и сильнѣе стѣсняли войска королев-
скія, и наконецъ король принужденъ былъ укрыться въ
замкѣ. Князь осадилъ его и приступомъ взялъ укрѣпленія;
король сдѣлался плѣнникомъ и назначенъ служить укра-
шеніемъ княжескаго триумфа, а королевство Словатинское
присоединено къ владѣніямъ Радзивила. Съ торжествомъ воз-
вратился князь въ свой замокъ, пушки гремѣли въ честь
его побѣды, и льстецы вельрѣчиво поздравляли его съ нею.
Но дѣло этимъ не кончилось: надъ плѣннымъ королемъ
назначенъ судъ, и онъ, какъ оскорбитель княжеской чести,
приговоренъ къ смерти; но князь однако смягчилъ приго-
воръ суда и впоследствии возвратилъ шляхтичу и санъ, и
владѣнія, но для того только чтобы повторить прежнюю
комедію, которая вѣроятно, еслибы продолжалась жизнь

*) Чиншъ—помѣстье, отданное въ оброчное содержаніе.

князя Иеронима, кончилась бы тѣмъ, что король словатин-
скій, подобно многимъ, имѣвшимъ дѣло съ Радзивиломъ,
очутился бы на висѣлицѣ.

Много разныхъ забавно - грустныхъ преданій сохрани-
лось о князѣ Иеронимѣ въ окрестностяхъ Бялы; но всѣ они
несутъ отпечатокъ ограниченнаго ума, соединеннаго съ же-
стокостью сердца.

Внѣшность князя была вовсе непривлекательна. Онъ
былъ высокъ, одутловатъ и совершенно лысъ; острые черты
лица и какое-то дикое выраженіе глазъ придавали физіо-
номіи его что-то отталкивающее. Онъ никогда не смѣялся,
но былъ всегда суровъ и пасмуренъ и въ добавокъ ко всему
этому ужасно заикался.

VIII.

Панна Ельжбета.

Въ числѣ первыхъ любимцевъ короля Станислава-Августа Понятовскаго былъ великій гетманъ литовскій Михаилъ Огинскій. Давнишнее знакомство съ королемъ, одинаковое воспитаніе, а главное, сходство характеровъ и блестящее положеніе Огинскаго сближали короля съ магнатомъ. Не смотря на упадокъ королевскаго сана въ Польшѣ, дворянство льстилось вниманіемъ, а тѣмъ болѣе любовью короля, и поэтому при дворѣ завидовали Огинскому; всѣ старались повредить ему въ мнѣніи короля; но всѣ придворныя интриги оставались безуспѣшны, дружба его къ гетману была неразрывна до тѣхъ поръ, пока, безъ всякихъ происковъ вельможъ и царедворцевъ, вмѣшалась въ это дѣло простая осмнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, по имени Ельжбета или Елизавета.

Донынѣ въ картинной галерей, принадлежащей одной знаменитой польской фамиліи, сохранился портретъ этой

дѣвушки, работы извѣстнаго въ свое время Бакчіарелли. Портретъ лучше всего свидѣтельствуетъ о необыкновенной красотѣ той, съ которой онъ былъ снятъ, и которой суждено было разстроить дружбу Понятовскаго съ Огинскимъ и до нѣкоторой степени подѣйствовать на судьбу Польши.

Однажды гетманъ поѣхалъ на охоту въ одно изъ обширныхъ своихъ помѣстій и на берегу рѣки Равки встрѣтилъ дѣвушку, которая поразила его своей красотой. Огинскій былъ любитель женскаго пола и смотря на прелестное личико крестьянки не вытерпѣлъ, чтобы не заговорить съ нею.

Онъ спросилъ кто она и зачѣмъ ходитъ одна по лѣсу? и получилъ въ отвѣтъ, что она дочь лѣснаго сторожа, который умеръ, оставивъ ее на рукахъ мачихи; что злая мачиха обижаетъ ее, и что она ушла въ лѣсъ, желая избѣгнуть тѣхъ огорченій, которыя она встрѣчаетъ дома.

— Знаешь-ли ты меня? спросилъ Огинскій.

— Какъ же не знать вашей княжеской милости, отвѣчала дѣвушка.

— И ты не боишься меня?

— Что же? развѣ ясный панъ какое-нибудь пугало? — напротивъ.

Похвала крестьянки Огинскому, который былъ дѣйствительно красивый мужчина, была весьма пріятна.

— А могла бы ты полюбить меня? спросилъ Огинскій.

Румянецъ вспыхнулъ на щекахъ дѣвушки, она ничего не отвѣчала и потупила глаза; но когда подняла ихъ, то взглядъ ея встрѣтился съ взглядомъ Огинскаго.

— Скажи мнѣ, продолжалъ Огинскій, но скажи правду: никто еще не любилъ тебя?

— Кто же полюбитъ меня, бѣдную сироту!... Правда, ухаживаютъ за мной многіе и пристають ко мнѣ, да что въ этомъ....

— А какъ твое имя?

— Ельжбета.

— Ну слушай, Ельжбета, сказалъ Огинскій, я тебя избавлю отъ мачихи.

Дѣвушка въ восторгѣ бросилась обнимать ноги магната.

— Я дамъ тебѣ, продолжалъ Огинскій, такіе уборы, какихъ нѣтъ у жены моего эконома, я сдѣлаю тебя знатной пани, у тебя будутъ слуги въ галунахъ и въ ливреяхъ, у тебя будутъ славные кони и золотыя кареты, и все это будетъ... сегодня вечеромъ.

Не успѣлъ гетманъ кончить послѣднихъ словъ, какъ на дорогѣ показалась старая бричка, и въ ней сидѣла грязная цыганка.

— Подай мнѣ хоть грошъ, пригожій паничъ, сказала она Огинскому, и поданная мнѣ милостыня возвратится къ тебѣ съ избыткомъ.

— Не нужно мнѣ этого, сказалъ Огинскій, подавая цыганкѣ нѣсколько золотыхъ монетъ, а вотъ лучше поворожи этой дѣвушкѣ.

Цыганка взяла маленькую руку Ельжбеты, и внимательно смотря на линіи ладони, шептала что-то, а потомъ сказала громко: „Ты будешь знатная госпожа!“

— Видишь, я говорилъ правду, шепнулъ Огинскій дѣвушкѣ.

— Будешь жить въ дворцахъ, ходить въ шелку и золотѣ, за тобою будутъ ухаживать самые знатные паны.

Ельжбета задрожала отъ радости, но вздрогнулъ и Огинскій, когда цыганка сказала громче прежняго:

— Мало этого—ты будешь женою короля!

Не смотря на свое прекрасное образованіе, на духъ времени и даже на переписку съ Вольтеромъ, Огинскій былъ суевѣренъ; притомъ мысль о коронѣ была въ головѣ каждаго магната, и какъ же было не думать о ней Огинскому, прямому потомку Рюрика, одному изъ сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ и въ Литвѣ, и въ Польшѣ? Ему показалось, что, имѣя въ рукахъ своихъ судьбу будущей королевы, онъ самъ можетъ легче сдѣлаться королемъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Ельжбета переѣхала въ Наборово, имѣніе Огинскаго; щедрый магнатъ окружилъ ее неслыханною роскошью, толпы слугъ и прислужницъ, великолѣпно одѣтыхъ, явились исполнять ея малѣйшія прихоти. Учителя одинъ за другимъ приходили развивать и обогащать природный умъ молодой крестьянки, такъ неожиданно перешедшей отъ бѣдности и притѣсненій къ богатству и роскоши.

Хотя въ то время вельможи, подобные Огинскому, и были избалованы мелкими побѣдами надъ женщинами высшаго круга, тѣмъ не менѣе Огинскій всѣмъ сердцемъ привязался къ Ельжбетѣ, и уже ходила молва, что быть можетъ королевой ей и не бывать, но за то гетманшей будетъ непременно.

Послѣднее вѣроятно и сбылось бы, еслибы о рѣдкой красотѣ Ельжбеты не провѣдалъ задушевный другъ Огинскаго, король Станиславъ-Августъ, тоже страстный поклонникъ женщинъ, и чтобъ убѣдиться во всемъ онъ пріѣхалъ въ Наборово.

— Правда-ли, панъ Михаилъ, сказалъ король гетману, что ты влюбленъ безъ ума?

— Быть-можетъ, ваше величество.

— И еще въ крестьянку?

— Красота женщины, государь, какъ говорить французская пословица, для нея важнѣе, чѣмъ родословная въ четырнадцать дворянскихъ поколѣній.

— Шалишь, шалишь, мой другъ, говорилъ ласково король. Ты набрался бредней Вольтера и Руссо; но онѣ хороши только въ теоріи.

— Я убѣдился, ваше величество, что онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же хороши и на практикѣ.

— Да, перебилъ король, молва гласитъ и это.

— И справедливо; вы бы сами, государь, раздѣлили это мнѣніе, еслибъ знали ту женщину, которая осуществляетъ теорію.

— Будто бы ужъ она такъ хороша? спросилъ король, и восторженный Огинскій въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ описалъ прелести Ельжбеты, передъ которой померкли бы всѣ красавицы Варшавы.

— Что-же, замѣтилъ король, такая женщина и въ самомъ дѣлѣ достойна сдѣлаться великой гетманшей Литовской.

— И чѣмъ нибудь побольше, сказалъ загадочно Огинскій, и этимъ возбудилъ любопытство Станислава-Августа и наконецъ по его настоянію долженъ былъ рассказать о предсказаніи цыганки.

Король, надобно замѣтить, былъ такъ же суевѣренъ, какъ вообще люди, жизнь которыхъ отличалась какимъ-нибудь необыкновеннымъ случаемъ.

— Покажи мнѣ будущую королеву, сказалъ Понятовскій.

Огинскій нахмурилъ брови, потому что зналъ, какъ король любилъ женщинъ, и какъ онъ умѣлъ искусно оболочать самыхъ стойкихъ изъ нихъ, а потому и медлилъ исполнить желаніе короля.

— Ага! сказалъ Понятовскій, ты боишься и за нее, и за корону.... Да правда, добавилъ онъ насмѣшливо, мужъ будущей королевы самъ можетъ быть королемъ, особенно если это предскажетъ бродячая цыганка. — Смотри, я напишу объ этомъ Вольтеру.

Вольтеръ господствовалъ въ то время надъ умами, и Огинскій боялся его болѣе, нежели набожные предки его боялись самого чорта. Затронутый за живое насмѣшками короля, онъ рѣшился показать Ельжбету.

Король, какъ говоритъ преданіе, былъ пораженъ красотою Ельжбеты съ перваго разу, и, казалось, второе предсказаніе цыганки началось сбываться, потому что его величество, не смотря на важныя государственныя дѣла, призывавшія его въ Варшаву, прогостилъ въ Наборовѣ три дня, а на четвертый выѣхалъ изъ Набора, пригласивъ ѣхать вмѣстѣ съ собою и своего ошастливленного хозяина.

Но едва только король и гетманъ выѣхали изъ Набора, какъ проселочною дорогою, по направленію къ Варшавѣ, покатила красивая коляска, и въ ней сидѣла прелестная Ельжбета; сопровождали ее три казака и Конаржевскій, главный исполнитель всѣхъ сердечныхъ повелѣній его величества, короля польскаго Станислава-Августа.

Въ продолженіе четырехъ дней, почти постоянно проведенныхъ съ королемъ, въ то время мужичною весьма красивымъ и умѣвшимъ правиться женщинамъ и умомъ и обхожденіемъ, Ельжбета успѣла полюбить его безъ памяти, и

кромѣ того убѣдившись на дѣлѣ въ справедливости первой части предсказанія, она уже грезилъ о королевской коронѣ.

Огинскій вышелъ изъ себя, узнавъ о вѣроломствѣ своего друга; онъ проклиналъ высокую честь, ему сдѣланную, и грозилъ отплатить королю, какъ только представится случай. Тщетно король употреблялъ всѣ усилія, чтобы снова сблизиться съ раздраженнымъ магнатомъ. Огинскій не могъ забыть, что король лишилъ его и сердечной привязанности, и надежды на корону, и въ отмщеніе за это присталъ къ конфедерациі, имѣвшей такое гибельное вліяніе и на участь короля, и на судьбу Польши.

Но конечно вы читатель спросите: что же случилось съ Ельжбетою, главною виновницею всего этого; скажу вамъ, что предсказаніе цыганки сбылось и она сдѣлалась женою *короля*. Но вы на это возразите: Какъ же это было? вѣдь извѣстно, что Понятовскій не женился на Ельжбетѣ. Случилось это очень просто:

Пресыщенный любовью Ельжбеты, непостоянный Станиславъ-Августъ выдалъ ее замужъ за одного бѣднаго дворянина, фамилія котораго была *Król*, что значитъ по-польски король, и такимъ образомъ Ельжбета была женою короля, но только не того, о которомъ она мечтала.

IX.

Шляхтичъ Кульчиновскій.

Много бы можно было написать о тѣхъ веселыхъ и шумныхъ попойкахъ, которыми славилась старинная Польша; особенно онѣ участились въ правленіе королей саксонскаго дома, изъ которыхъ Августъ II, союзникъ Петра Великаго, отличался какъ богатырскою силою, такъ и страстію выпить черезъ мѣру. Король имѣлъ много ревностныхъ сановниковъ по разнымъ частямъ управленія, но по части выпивки помогали ему съ особымъ усердіемъ въ Саксоніи фельдмаршалъ Флеммингъ, а въ Польшѣ каштелянъ Іосифъ Малаховскій. Но не смотря на громкую славу этихъ лицъ, Августъ II нашель соперника, съ которымъ онъ, по собственному его сознанію, не въ силахъ былъ тягаться.

Однажды, во время войны съ Карломъ XII, послѣ какой-то побѣды, одержанной надъ шведами, Августъ II пріѣхалъ въ небольшое мѣстечко Піотрковъ, чтобы предсѣдательствовать въ тамошнемъ трибуналѣ. Не столько заботы

о войнѣ, сколько жалобы и просьбы тѣхъ, дѣла которыхъ разсматривались въ трибуналѣ, измучили высокаго гостя, и чтобъ забыть тяжесть правленія король захотѣлъ выпить, но выпить по своему обычаю, т. е. не въ одиночествѣ, а въ сотовариществѣ, достойномъ состязанія.

Еще въ Варшавѣ доходили до короля слухи о необыкновенныхъ способностяхъ піотрковскихъ чиновниковъ и адвокатовъ напиваться на славу, и такъ какъ изъ лицъ, бывшихъ при королѣ, не нашлось никого, кто былъ бы достоинъ сѣсть съ этой цѣлью за королевскій столъ, то Августъ приказалъ призвать къ себѣ того изъ піотрковскихъ обывателей, который считался самымъ опытнымъ и самымъ сильнымъ по этой части.

Лестный выборъ при этомъ случаѣ палъ на одного шляхтича по фамиліи Кульчиковскаго, и онъ явился къ королю.

Великорослый и широкоплечій Августъ II былъ непріятно пораженъ приземистымъ ростомъ, худобою и блѣдностію шляхтича, и сперва онъ подумалъ, что вѣроятно приказаніе его не было понято, а потомъ у него мелькнула мысль, что не осмѣлились ли нарочно прислать къ нему, въ видѣ поученія, не состязателя, а примѣръ воздержности.

Король насутился и грознымъ голосомъ сказалъ Кульчиковскому:

— Ступай прочь, ты мнѣ не нуженъ; ты видно самъ не знаешь, зачѣмъ пришелъ ко мнѣ.

— Пусть только вашему величеству, сказалъ тщедушный шляхтичъ, будетъ угодно объявить мнѣ свою королевскую волю, и при помощи Всевышняго и при моей безграничной преданности къ особѣ вашей, она будетъ немедленно исполнена съ должною точностью.

— Выпьешь ли ты гарнецъ венгерскаго? спросилъ Августъ.

— Отчего же одинъ, а не три, наяснѣйшій государь?

Король смѣрилъ глазами съ головы до ногъ шляхтича, который, надобно замѣтить, занимался хожденіемъ по дѣламъ въ мѣстномъ трибуналѣ, и насмѣшливо сказалъ ему:

— Что же, любезный, или ты вздумалъ шутить со мной? посмотри на самого себя: вѣдь тебя скорѣе можно положить въ гробъ, чѣмъ посадить за бутылки.

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, сказалъ шляхтичъ, — у насъ въ Польшѣ есть старая поговорка: не суди о женщинѣ по чепцу, о конѣ по сбруѣ и о человѣкѣ по наружности. Вѣроятно до слуха вашего величества дошло уже, что всѣ мы, обитатели Піотркова, съ постояннымъ усердіемъ слѣдуемъ примѣру, такъ блистательно подаваемому вами, наяснѣйшій нашъ государь и благодѣтель; но не хвастаясь предъ вами, горделиво добавилъ шляхтичъ, я смѣло могу сказать, что во всемъ городѣ нѣтъ никого, кто бы рѣшился помѣриться со мною за бутылкой.

— Мы сейчасъ увидимъ, правду ли ты говоришь, сказалъ король и приказалъ гайдуку принести свой любимый кубокъ, въ который вмѣщалась кварта, налилъ его до самыхъ краевъ, выпилъ и передалъ законовѣду.

Шляхтичъ, принимая кубокъ, низко поклонился и отвѣчалъ на королевскій вызовъ тѣмъ, что выпилъ кубокъ, не переводя духа.

— Ну, это не дурно, сказалъ король; впрочемъ, и для меня самого это пустяки, а вотъ сколько вообще ты можешь выпить такихъ кубковъ?

— Разсчесть труденъ; но если ваше величество позволѣтъ, то я дерзаю сдѣлать слѣдующее предложеніе.

— Охотно, говори смѣло.

— Высоко цѣня честь, оказанную мнѣ вами, наияснѣйшій государь и благодѣтель, я желалъ бы за каждымъ такимъ кубкомъ, вами выпитымъ и конечно послѣ того опрокинутымъ, выпить съ ряду по три такихъ: одинъ въ отвѣтъ моему королю - государю, другой за драгоцѣнное его здоровье и третій въ честь побѣды, одержанной надъ шведами.

Королю весьма понравилось предложеніе шляхтича; онъ усѣлся съ нимъ, приказалъ подавать обѣдать, и попойка началась.

Кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки; шляхтичъ въ точности исполнялъ сдѣланное имъ предложеніе, а между тѣмъ наступила ночь. Король, не вставая послѣ обѣда, положилъ локти на столъ и склонивши на нихъ голову захрапѣлъ на всю комнату. Между тѣмъ Кульчиковскому все было ни по чемъ. Правда, увидѣвъ спящаго короля, онъ вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, чтобы не прервать спокойствія своего державнаго собесѣдника, твердыми шагами дошелъ до колодца и велѣлъ вылить на себя два ушата холодной воды, а потомъ, выпивъ еще кварту за здоровье короля, возвратился домой.

Пить за здоровье короля не мѣшало, потому что послѣ описанной здѣсь попойки онъ хворалъ цѣлые три дни, жалуясь на непомѣрную тяжесть въ головѣ; а между тѣмъ адвокат - шляхтичъ на другой день внесъ бывшее у него дѣло въ трибуналъ. Всѣ въ городѣ только и говорили о той высокой чести, которой онъ удостоился, и Кульчиков-

скій всюду находилъ защитниковъ своей тяжбы; она была выиграна, и обрадованный шляхтичъ пилъ снова за здоровье короля.

Но наконецъ наступила тяжкая пора и для Кульчиковскаго. Любимый баловень побѣдъ, Карлъ XII, успѣлъ восторжествовать въ Польшѣ надъ своими союзниками и побѣдоносно занялъ Пютерковъ. Карлъ XII въ отношеніи образа жизни составлялъ совершенную противоположность съ Августомъ II, и поэтому, какъ въ видахъ исправленія шляхтича Кульчиковскаго, такъ и въ наказаніе за то, что онъ пилъ за побѣды, одержанныя надъ шведами, Карлъ XII, облагая контрибуціею завоеванный имъ городъ, приказалъ взять въ казну свою съ адвоката Кульчиковскаго сумму, равную стоимости четырехъ самыхъ большихъ бочекъ токая, что составило, по тогдашнему счету, огромную сумму.

Хотя при послѣднемъ королѣ польскомъ знаменитыя попойки и стали было выходить изъ моды, однако любителямъ ихъ онѣ не ставились въ укоръ, и по этой части славились въ то время генералъ Конаржевскій, гетманъ Браницкій и каштелянъ Борейко.

Однажды, въ присутствіи короля Станислава-Августа и извѣстнаго польскаго историка епископа Нарушевича, зашла рѣчь о старыхъ польскихъ обычаяхъ и коснулась попоекъ.

Одинъ изъ участвовавшихъ въ разговорѣ, желая сказать пріятное королю, замѣтилъ, что примѣръ воздержанія, подаваемый его величествомъ, весьма много послужилъ къ искорененію этого обычая.

— Правда, замѣтилъ Нарушевичъ, теперь у насъ уже не то что было при Сасахъ (такъ называютъ по-польски королей изъ саксонскаго дома), но и въ настоящее время я,

среди моихъ ближайшихъ подчиненныхъ, имѣю такого, который бы одолѣлъ извѣстнаго нѣкогда шляхтича Кульчиовскаго: это одинъ дальній мой родственникъ. И епископъ назвалъ его по имени.

Король и окружавшіе его просили епископа познакомить ихъ съ такою знаменитостію, и въ назначенный день „родственникъ“ былъ приведенъ въ королевскій дворецъ. Тучность его, заплывшіе глаза, красный носъ, багровыя щеки и хриплый голосъ заранѣе предупредили всѣхъ въ пользу его, и дѣйствительно искусствомъ пить онъ возбудилъ всеобщія рукоплесканія и за подвиги свои получилъ значительную сумму, которую подарили ему присутствовавшіе, а въ числѣ ихъ и самъ король пожаловалъ бернардину 100 дукатовъ изъ собственнаго своего кошелька.

X.

ПАТРИОТИЗМЪ.

Исторія Польши представляетъ во всѣ времена много подвиговъ высокаго патриотизма. Самоотверженіемъ для блага родины отличались и женщины, а одна изъ нихъ, о которой мы здѣсь расскажемъ, изъ любви къ ней пожертвовала самымъ драгоцѣннымъ для женщины предметомъ—именно, счастіемъ любимаго ею человѣка.

Донныѣ около Ченстохова видѣется холмъ, окруженный рвами; на холмѣ можно замѣтить груды камней—это слѣды стараго замка, принадлежавшаго нѣкогда извѣстной польской фамиліи Валевскихъ, герба Пухала. Въ царствованіе Іоанна-Казимира здѣсь жила вдова скарбника земли рамо-ской Валевская. Она была молода и очень хороша собой. Понятно, что около такой вдовы, а особенно богатой, роились обожатели; въ числѣ ихъ былъ и Вацлавъ Садовскій, извѣстный со времени осады Ченстохова, сперва полковникъ войскъ королевскихъ, а въ то время дѣйствовавшій

въ рядахъ шведскихъ войскъ противъ своего отечества. Онъ былъ человѣкъ вздорный, суетный и корыстолюбивый; надежда обогатиться подъ знаменами Карла X, хотя бы и грабежами на собственной родинѣ привлекла его подъ знамена иноплеменниковъ. Заносчивый и гордый, онъ не имѣлъ нигдѣ друзей, но своею наружностью, храбростью и умомъ успѣлъ понравиться молодой вдовѣ, еще прежде своего перехода къ шведамъ. Однако молодая вдова, какъ и большая часть полекъ, была истинная патріотка; она еще при жизни мужа страстно была влюблена въ Садовскаго, но теперь, совершенно свободная, не хотѣла отдать руки ему потому только, что онъ изъ личныхъ видовъ вредилъ отечеству.

Однажды, находясь съ шведскими войсками около Горшковицы, имѣнія Валевской, Садовскій пріѣхалъ въ замокъ съ значительнымъ отрядомъ шведовъ, окружилъ его и вошедши къ Валевской сказалъ ей, что она должна быть его женою, въ противномъ же случаѣ онъ разоритъ замокъ, а ее уведетъ въ Швецію, какъ наложницу. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ рассчитывалъ на чувство женщины; онъ зналъ, что онѣ легко забываютъ обиды, наносимыя имъ тѣмъ, кого онѣ любятъ, но примѣняя чувства женщины вообще къ благородной Валевской, Садовскій ошибался. Хотя отказывая Садовскому она и дѣйствовала противъ своихъ сердечныхъ влеченій, но любя въ немъ мужчину, она ненавидѣла въ немъ врага своей родины. Она хотѣла раскрыть Садовскому всю гнусность предательства, смѣло высказать ему въ лицо тѣ проклятія, которыми, по всей справедливости, обременили его соотечественники, и обратиться къ долгу гражданина. Но всѣ укоры, всѣ увѣща-

нія Валевской оставались безплодными. Садовскій, отдавъ чужеземцамъ и честь, и совѣсть, былъ непреклоненъ, разсчитывая, какъ мы замѣтили выше, на щедрость короля шведскаго.

Когда Валевская увидѣла, что все напрасно, она сказала Садовскому:—Если ты хочешь моей смерти, то сегодня въ полночь я буду готова.

Обрадованный уступчивостію Валевской, Садовскій не хотѣлъ понять истиннаго смысла ея словъ и оставивъ въ замкѣ для стражи нѣсколько шведовъ самъ поскакалъ въ сосѣднее мѣстечко, чтобъ пригласить на свадьбу бывшихъ тамъ шведскихъ генераловъ и офицеровъ. Они охотно приняли приглашеніе своего сослуживца, поздравляли его и весело поѣхали въ замокъ невѣсты.

Въ это время молодая вдова заперлась и долго, долго молилась объ избавленіи родной земли отъ владычества враговъ и объ обращеніи на путь чести любимаго ею человѣка. Къ вечеру вышла она изъ комнаты блѣдная, разстроенная. Напрасно окружавшіе ее старались ее утѣшить, она плакала, не говоря ни слова.

Между тѣмъ Садовскій ѣхалъ со шведами и есендзомъ, который долженъ былъ совершить брачный обрядъ, и приновлялъ такъ, чтобы сыграть свадьбу въ самую полночь, желая доказать тѣмъ ничтожность словъ, сказанныхъ Валевской. Онъ ѣхалъ, полный радости и надеждъ, когда на дорогѣ встрѣтилъ его посланный къ нему, старый слуга Валевской, и отдалъ ему записку слѣдующаго содержания:

„Если боишься Бога и совѣсти, и если не хочешь моей смерти, то возвратись и не желай видѣться со мною.“

Презрительно улыбнулся Садовскій. „Иди къ своей пани,

сказалъ онъ посланному, и передай ей, что я не могу исполнить ея просьбу; она сама дала слово быть въ нынѣшнюю полночь моею женою и, конечно, сдержитъ свое слово.“

Слуга поворотилъ назадъ и, зная всѣ тропинки, окольною дорогою опередилъ Садовскаго и шведовъ.

Когда посланный возвратился, Валевская стояла у входа одной башни, построенной отдѣльно отъ прочихъ зданій замка, и когда получила отвѣтъ Садовскаго, глаза ея заблистали какою-то чудною рѣшимостію.

Она велѣла всѣмъ отойти отъ башни, а сама взошла на самый верхъ, желая еще изъ-далека видѣть приближеніе жениха.

Окруженный шведами, весело вѣхалъ Садовскій на мостъ, ведшій къ воротамъ замка, и увидѣвъ на башнѣ Валевскую низко ей поклонился; но въ это время мостъ задрожалъ, раздался страшный грохотъ.... Садовскій на нѣсколько минутъ потерялъ и память, и разсудокъ, но когда, пришедши въ себя, взглянулъ на башню, гдѣ стояла Валевская, то увидѣлъ вмѣсто башни—груды камней. Взрывъ, зажженный рукою Валевской, уничтожилъ ее, и Валевская исчезла навсегда среди дыма и развалинъ.

XI.

Юзея.

Много было и въ Литвѣ и въ Польшѣ прехорошенькихъ дѣвочекъ, которыхъ звали Юзей, но вѣроятно не было краше той Юзи, которая росла незамѣтно въ домѣ небогатаго, но добраго и честнаго шляхтича Тадеуша Юницкаго, владѣтеля одного наслѣдственнаго и двухъ небольшихъ арендованныхъ фольварковъ.

Если и не благословилъ Всевышній пана Тадеуша особеннымъ избыткомъ, то все же панъ Тадеушъ жилъ въ полномъ довольствѣ: кладовыя его всегда были полны разными съѣстными припасами, огромныя бочки старой водки, пива и меда и даже нѣсколько боченковъ вытравнаго венгерскаго стояли въ погребу шляхтича, который съ настоящимъ польскимъ радушіемъ принималъ пріѣзжавшихъ къ нему сосѣдей, приговаривая народную польскую поговорку: „Гость въ домъ,—Богъ въ домъ.“

Радушный хозяинъ усердно держался дѣдовскихъ обы-

чаевъ и преданій, въ которыхъ, надобно сказать правду, много было очень хорошаго, хотя конечно и не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Панъ Тадеушъ былъ образцомъ настоящаго польскаго шляхтича прежняго времени, онъ былъ честенъ, добръ, веселъ, ладилъ съ сосѣдями, но высоко однако цѣнилъ права шляхты, горячился на сеймикахъ, побрякивая своею кривою саблею, и не совѣмъ долюбивалъ жидовъ, питая къ нимъ какую-то наслѣдственную неприязнь. Кромѣ того, панъ Тадеушъ, какъ коренной шляхтичъ былого времени, умѣлъ и самъ хорошо поѣсть и хорошо выпить и вмѣстѣ съ этимъ угостить у себя въ домѣ, на славу, всѣхъ своихъ пріятелей.

Сверхъ этихъ качествъ, панъ Тадеушъ отличался, какъ истинный сынъ католической церкви, примѣрною набожностію: онъ строго постился, отдавалъ десятину въ костель и укрощалъ время отъ времени порывы своей бунтующей плоти ременной дисциплиной.

Панъ Тадеушъ, отецъ хорошенькой Юзи, и самую важность молитвы понималъ посвоему: по убѣжденію его, чѣмъ она была длиннѣе, и слѣдовательно утомительнѣе, тѣмъ болѣе она должна была имѣть дѣйствительности. Простодушный панъ Тадеушъ никакъ не могъ отдѣлать понятіе о молитвѣ съ понятіемъ объ усталости, и поэтому самому онъ всегда искалъ случая, какъ бы послушать длинныя проповѣди, потому что онѣ всего болѣе своею нескончаемостію утомляли добраго шляхтича.

Жена пана Тадеуша была тихая женщина, любившая больше всего на свѣтѣ своего мужа, и потомъ чистоту и порядокъ въ домѣ; но однако, когда Богъ даровалъ честной четѣ, на ея радость и утѣшеніе, послѣ долгаго без-

плодія, Юзю, то пани Малгожата (такъ звали жену пана Тадеуша) сама не знала, порою, кого она больше любитъ—своего ли дорогаго сожителя или маленькую Юзю, которая лепеча ласково протягивала къ ней свои пухленькія ручонки.

Жизнь супруговъ, только изрѣдка, и то по необходимости посѣщавшихъ лежавшее вблизи отъ ихъ фольварковъ грязное мѣстечко, набитое евреями, — текла тихо и однообразно. Лѣтомъ вставанье вмѣстѣ съ солнцемъ, а зимою еще и при свѣчкѣ, усердная молитва, утренній завтракъ,—потому что въ ту пору, въ которой относится разсказъ, чай, какъ лекарство, продавали только въ аптекахъ, — потомъ хлопоты по хозяйству, далѣе — плотный обѣдъ, за нимъ послѣобѣденный сонъ, послѣ сна, опять хлопоты по хозяйству или чтеніе душеспасительныхъ книгъ, затѣмъ сытный ужинъ, послѣ ужина вечерняя молитва и наконецъ крѣпкій сонъ—были ежедневною принадлежностію въ мирной жизни родителей Юзи.

Въ праздники и при пріѣздѣ гостей, обычный образъ ихъ жизни измѣнялся впрочемъ весьма немного. Поѣздка въ костель, веселая и откровенная бесѣда, разсказы о томъ, о семъ, а порою и пляска подъ скрипку сосѣда Ицки, разнообразили нѣсколько обычную жизнь небогатаго семьи.

Самымъ ближайшимъ сосѣдомъ и самымъ задушевнымъ пріателемъ пана Тадеуша былъ чиншовый шляхтичъ, панъ Крыштофъ, старый вдовецъ, у котораго, впрочемъ остался отъ жены сынъ, годами десятью постарше Юзи. Когда сыну пана Крыштофа минуло семнадцать лѣтъ, отецъ его (не могшій дать ему для устройства его жизни ничего, кромѣ родительскаго благословенія и одного дуката), слѣ-

дую праотеческому обычаю, разложилъ парня, какъ природнаго шляхтича, на коверъ и собственною рукою отсчитавъ ему нѣсколько десятковъ горячихъ бизуновъ, то есть ременныхъ плетей, съ наставленіемъ быть всегда честнымъ и покорнымъ передъ старшими, — отпустилъ его искать счастье въ домѣ одного богатаго пана, которому панъ Крыштофъ приходился какимъ-то весьма дальнимъ родственникомъ. Но въ старинной Польшѣ родство, даже самое отдаленное, давало право на покровительство и доброе расположеніе.

Молодой Вацлавъ, поклонившись въ ноги родителю и съ глубокимъ почтеніемъ поцѣловавъ родительскую руку, давшую ему такое практическое наставленіе для успѣховъ въ жизни, отправился верхомъ изъ-подъ роднаго крова къ своему ясновельможному покровителю.

Скоро ли добрался Вацлавъ до своего покровителя, намъ до этого нѣтъ дѣла; скажемъ только, что когда молодой паничъ явился къ ясновельможному, то послѣдній спросилъ его:

— А читать и писать умѣешь?

— Учился у піаровъ *), отвѣчалъ Вацлавъ, — и кончилъ у нихъ риторику.

— Ну тѣмъ лучше, замѣтилъ ясновельможный; — а саблей-то ты какъ?

— Отецъ училъ меня этому, бойко сказалъ Вацлавъ и смѣло посмотрѣлъ на шляхтичей, стоявшихъ около ясновельможнаго хозяина.

*) Піары — орденъ монаховъ, существовавшій въ Польшѣ и Литвѣ и заботившійся въ особенности объ образованіи юношества.

— Хорошо, перебилъ хозяинъ, — посмотримъ много ли ты успѣлъ въ этомъ, и обратившись къ Вацлаву велѣлъ ему идти во дворъ и тамъ по очереди помѣриться на сабляхъ съ каждымъ изъ шляхтичей, жившихъ въ домѣ пана.

Конецъ испытанія былъ въ пользу новоприбывшаго. Довольный хозяинъ снова обратился къ шляхтичу съ вопросомъ:

— Ну, а понимаешь ли ты что нибудь въ хозяйствѣ?

— Кое-къ-чему присмотрѣлся у моего отца, отвѣчалъ Вацлавъ.

Послѣдній, свой вопросъ заключилъ ясновельможный слѣдующими словами:

— Ну, а какъ религія? Хорошій ли ты католикъ?... И получивъ на это утвердительный отвѣтъ, панъ объявилъ Вацлаву, что онъ принимаетъ его къ себѣ въ службу.

Въ ту пору въ домѣ cadaго польскаго пана жило много молодыхъ дворянъ. Они по приказанію пана развивали письма, ѣздили за нимъ верхомъ во время его поѣздокъ на охоту, въ гости или на сеймики; спали по очереди въ комнатѣ передъ панскою спальней совсѣмъ одѣтые, на случай какихъ либо особыхъ приказаній пана въ ночную пору.

За молодыми шляхтичами, жившими такимъ образомъ въ панскомъ домѣ, строго наблюдали, чтобъ они не баловались. Не смотря на попойки, которыми такъ славилась старинная Польша, пить шляхтичу, не имѣвшему тридцати лѣтъ, было стыдно, и потому молодой шляхтѣ, служившей при панскихъ дворахъ, строго запрещалось пить вино; имъ не позволялось также играть въ карты, и пойманнаго въ карточной игрѣ или били плетью, или заставляли, при всей молодежи, съѣсть

рубленные карты, приправленные простым соусомъ, называемымъ у поляковъ бигосомъ. Молодымъ шляхтичамъ, служившимъ въ панскомъ домѣ, не позволено было ни подѣ какимъ предлогомъ входить на женскую половину; однако въ большіе праздники и въ именины хозяина, они имѣли право танцовать со всѣми дамами, пріѣзжавшими въ гости къ ихъ пану.

О наукахъ такая молодежь вовсе не думала; напротивъ, если кто нибудь изъ среды ея принимался читать книги, то надъ тѣмъ безпрестанно подсмѣивались, какъ надъ монахомъ, и не давали ему покоя, и напротивъ тотъ, кто показывалъ удалъ, кто умѣлъ ловко биться на сабляхъ, мѣтко стрѣлять изъ пистолета и смѣло управлять бѣшеннымъ конемъ, тотъ приобреталъ и дружбу, и уваженіе всѣхъ своихъ сотоварищей.

Между тѣмъ, какъ Вацлавъ жилъ въ домѣ ясновельможнаго, Юзя росла и хорошѣла: ея свѣтло-голубые глазки дѣлались все темнѣе и темнѣе, ея русые волосы, какъ шелковыя пряди, окаймливали свѣженькое личико, на которомъ бѣлизна, казалось, спорила съ румянцемъ. Подраставшая Юзя, по обычаю всѣхъ польскихъ дѣвицъ того времени, училась весьма мало; она вытвердила на память нѣсколько молитвъ, научилась читать не слишкомъ бѣгло, писать не слишкомъ красиво, обучилась она также и кое-какимъ незамысловатымъ, впрочемъ, рукодѣльямъ; но большую часть года она забавлялась любимой своей кошечкой и ухаживала за цвѣтами, которые она разводила въ небольшомъ садикѣ, бывшемъ передъ домомъ.

Юзѣ было лѣтъ около двѣнадцати, когда однажды она съ отцемъ и матерью сидѣла на крыльцѣ дома. День вече-

рѣлъ, солнце уходило за лѣсъ, золотя его вершины; въ воздухѣ стояла неподвижная тишина, и только порою слышался острый крикъ стрижа, быстро поднимавшагося къ небу. Вдругъ панъ Тадеушъ, заслонивъ глаза рукою, чтобъ защитить ихъ отъ красноватыхъ лучей погасавшаго солнца, сказалъ женѣ своей:

— Посмотри, Малгося, никакъ къ намъ гости.

Малгожата, прищуривъ свои узенькіе отъ излишней полноты глаза, посматривала внимательно на дорогу, по которой, какъ будто легкій дымокъ, поднималась золотистая пыль, пронизываемая послѣдними лучами солнца.

— Да, это къ намъ, отвѣчала утвердительно голосомъ Малгожата.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ передъ домомъ пана Тадеуша стояла уже такъ называемая каламашка, то есть небольшая телѣжка, и изъ нея вылѣзалъ старый шляхтичъ, панъ Крыштофъ, и въ то же время съ лихаго воронаго коня ловко и проворно соскочилъ сынъ его Вацлавъ.

Четыре года, проведенныхъ Вацлавомъ вдалекѣ отъ родительскаго дома, мало измѣнили его; правда, онъ возмужалъ, окрѣпъ и бѣлокурый устъ сталъ сильнѣе пробиваться надъ губами, полными свѣжести.

Послѣ обычныхъ привѣтствій пошли разспросы о томъ, какъ поживаетъ панъ Вацлавъ; изъ этихъ разспросовъ оказалось, что ясновельможный, къ которому онъ поступилъ въ услуженіе, и которому, какъ мы сказали, онъ приходился какимъ-то дальнимъ родственникомъ по бабкѣ, если еще не по прабабкѣ, былъ вовсе не изъ числа магнатовъ того времени, спесиво посматривавшихъ на бѣдную шляхту и оскорблявшихъ ее на каждомъ шагѣ своею надменностію, по-

тому только, что она порою терпѣливо переносила эти оскорбленія. Покровитель Вацлава былъ человѣкъ добрый и сострадательный; онъ не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, что прихоть судьбы поставила одного человѣка въ зависимость отъ другого.

Пріѣзжіе гости остались ночевать; поэтому весь вечеръ, а потомъ и весь слѣдующій день прошелъ незамѣтно въ домѣ пана Тадеуша. Вацлавъ рассказывалъ хозяину и хозяйкѣ о Вильнѣ и о Варшавѣ, въ которыхъ они никогда не бывали и на которыя взглянуть они крѣпко желали. Рассказывалъ имъ также Вацлавъ и о тѣхъ боевыхъ стычкахъ, въ которыхъ ему уже привелось побывать, говорилъ онъ имъ и о королѣ, и о сеймѣ, и мало ли еще о чемъ толковалъ Вацлавъ хозяину и хозяйкѣ, слушавшимъ его рассказы съ жаднымъ любопытствомъ деревенскихъ жителей.

На другой день, когда, какъ говорится, спалъ жаръ, Вацлавъ собрался съ своимъ отцомъ въ дорогу. Вороной конь Вацлава стоялъ у крыльца, выбивая копытами землю.

Вацлавъ, прощаясь съ хозяевами, провожавшими гостей, вышелъ на крыльцо. Онъ былъ, что называется, настоящій молодецъ; а старинный польскій нарядъ придавалъ ему еще болѣе удали. На Вацлавѣ былъ жупанъ изъ кармазиннаго сукна, застегнутый у шеи позолоченными запонками, синій суконный кунтушъ съ шестью большими пуговицами, выточенными изъ кровавика. И кунтушъ, висѣвшій за плечами на толстомъ шелковомъ шнурѣ, и жупанъ были обшиты серебряными галунами. Кривая сабля висѣла съ боку; голову Вацлава покрывала надѣтая ухорски на бекрень небольшая шапка изъ голубаго бархата, съ околышкомъ изъ крымской овчины.

Радужные хозяева провожали своихъ гостей, а панъ Тадеушъ съ большимъ кубкомъ венгерскаго приставалъ къ Вацлаву, прося его выпить на дорогу.

— Не пора мнѣ еще пить, отвѣчалъ Вацлавъ хозяину:— еще молодъ я для этого, но такъ и быть выпью этотъ кубокъ, если только ты, панъ, позволишь мнѣ его выпить за здоровье моей невѣсты; и при этихъ словахъ Вацлавъ показалъ на Юзю, которая тоже вышла на крыльцо провожать гостя.

Всѣ засмѣялись.

— Хорошо, хорошо, панъ Вацлавъ, говорилъ панъ Тадеушъ, подавая ему кубокъ; — пей за здоровье невѣсты; только смотри не позабудь ее; вѣдь вѣрно и въ Вильнѣ и въ Варшавѣ найдется много паненокъ, которыя будутъ и попригоже и побогаче моей Юзи.

— Увидишь, панъ, отвѣчалъ Вацлавъ, что шляхтичъ— господинъ своему слову; и затѣмъ, пожелавъ здоровья своей будущей невѣстѣ, Вацлавъ разомъ осушилъ кубокъ, ловко вспрыгнувъ на коня, и держа одною рукою поводъ, а другою поправляя шапку, сказалъ смѣясь Юзи.

— Смотри же Юзя,—помни своего жениха, черезъ пять лѣтъ я за тобой пріѣду! и прищипоривъ коня, онъ быстро поскакалъ по дорогѣ. За нимъ въ своей каламашкѣ покатилъ и панъ Крыштофъ. Долго смотрѣли хозяева вслѣдъ отбѣжавшихъ гостей, отъ души желая имъ и здоровья и счастья.

Пошелъ опять годъ за годомъ. Старикъ Крыштофъ часто навѣщалъ своего сосѣда и съ подробностями рассказывалъ ему о своемъ сынѣ, который сдѣлался первымъ любимцемъ богатаго магната. Между тѣмъ Юзя подросла и сдѣлалась

прехорошенькой невѣстой; жизнь ея шла попрежнему, только меньше она забавлялась кошкой, но за то больше цвѣтовъ разводила она каждое лѣто. Думала ли она о Вацлавѣ, или нѣтъ,—Богъ ее знаетъ; только Вацлавъ не забывалъ, какъ видно, своей невѣсты, потому что онъ сдержалъ свое слово. Едва, какъ говорятъ поэты, наступила для Юзи семнадцатая весна, какъ Вацлавъ опять съ своимъ отцомъ пріѣхалъ въ домъ Тадеуша, чтобъ выполнить свое слово. Мы не станемъ описывать красоты Юзи, не потому что у всякаго есть свой вкусъ и что слѣдовательно Юзя, пожалуй чего добраго, иному и не понравится, но потому, что описаніе наше не представитъ вполнѣ той кротости и той привлекательности, которыми отличалась Юзя. Мы расскажемъ только о томъ, какъ окончательно сладилась свадьба Вацлава.

Въ первый день пріѣзда Вацлава, отецъ его, послѣ ужина, объявилъ отцу Юзи, что сынъ его проситъ руки его дочери; и когда отцы тутъ же согласились между собою, то женихъ, по стародавнему польскому обычаю, упалъ въ ноги своей невѣстѣ.

Отъ помолвки и до свадьбы срокъ въ прежнее время былъ недолгъ; но между разными хлопотами, которыми обыкновенно бываютъ озабочены родители въ это время, пана Тадеуша занимала въ особенности забота о томъ, гдѣ бы достать для Юзиной свадьбы самаго лучшаго меда.

Въ Литвѣ, гдѣ жилъ панъ Тадеушъ, велся обычай, что если основывалось какое-нибудь новое іезуитское учрежденіе: кляшторъ ли, больница ли, училище ли, то отцами-іезуитами назначался торжественный день для открытія и для освященія новаго учрежденія. Къ этому дню привозили изъ Полоцка:

бочку баторіина, то есть меда, приготовленнаго іезуитами въ то время, когда былъ заложенъ въ Полоцкѣ королемъ Стефаномъ Баторіемъ іезуитскій коллегіумъ. Огромная бочка этого меда висѣла, въ мѣстѣ своего рожденія, на толстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ, тщательно сохраняемая въ монастырскомъ подвалѣ. Привозимая же изъ Полоцка бочка, налитая этимъ медомъ, была краеугольнымъ камнемъ всѣхъ питейныхъ запасовъ новаго іезуитскаго учрежденія и поэтому она принималась отцами-іезуитами съ особымъ, подобавшимъ ей почетомъ. Привезенный изъ Полоцка медъ употреблялся первый разъ при открытіи новаго іезуитскаго учрежденія, и потомъ при празднованіи каждой его годовщины; кромѣ того медъ этотъ употреблялся въ именины ордена, то есть въ день св. Игнатія Лойолы, и въ извѣстныхъ, важныхъ случаяхъ выдавали его не въ слишкомъ большомъ количествѣ особеннымъ благотворителямъ іезуитскаго учрежденія, а также и первымъ его основателямъ и ихъ нисходящимъ потомкамъ; послѣднимъ впрочемъ только тогда, когда они были больны лихорадкой. Взятое количество меда тотчасъ же доливалось самымъ старѣйшимъ медомъ, бывшимъ въ подвалахъ отцовъ-іезуитовъ.

Запасшись, при содѣйствіи своихъ покровителей, этою драгоценностію, панъ Тадеушъ уже не видѣлъ никакого препятствія къ празднованію брака Юзи, и поэтому послалъ, какъ это водилось въ прежнее время, даже въ самыя далекія мѣста запрашивать на свадьбу своей дочери всѣхъ, кто приходился ему какимъ бы то ни было родственникомъ.

Юзя полюбила Вацлава. Нужно ли говорить о томъ, что каждая дѣвушка, покуда не наступила минута брака,

ждетъ ее съ нетерпѣніемъ; она представляетъ въ своемъ воображеніи счастливую жизнь замужества, важность хозяйки дома, свободу женщины, вышедшей изъ-подъ той зависимости, въ которой она находилась прежде, будучи дѣвушкой. Она безпрестанно занимается хлопотами около приданого, и въ этихъ хлопотахъ находитъ для себя и развлеченіе и забаву; ея воображеніе полно самыхъ сладкихъ грезъ, среди которыхъ ей видится она сама въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Но когда наступаетъ пора разставанія съ родимой кровлей, тогда сердце беретъ верхъ надъ воображеніемъ. Въ сердцѣ дѣвушки возникаютъ дорогія и милыя для нея воспоминанія и она, какъ бы навсегда разставаясь съ ними, чувствуетъ какую-то невольную, неодолимую грусть. Ей дѣлается жаль своей скромной горенки и любимаго уголка въ родительскомъ домѣ, и выращенныхъ ея заботою цвѣтовъ; съ печалью вспоминаетъ она о ласкахъ отца и матери; ей становится жаль и добрыхъ подругъ и вѣрныхъ слугъ; все прошлое вдругъ оживаетъ передъ нею въ какомъ то обольстительномъ свѣтѣ, и она, со слезами на опущенныхъ рѣсницахъ, стыдливо подаетъ жениху свою дрожащую руку.

Наканунѣ Юзпной свадьбы справили въ домѣ пана Тадеуша по старопольскому обычаю дѣвичникъ. Вечеромъ въ этотъ день, въ ярко освѣщенной комнатѣ, подружки невѣсты усѣлись въ тѣсный кружокъ готовить для нея вѣнокъ изъ розмариновъ. Мужчины были въ этотъ вечеръ на половинѣ, отведенной для жениха, и пили венгерское. Къ ужину собрались всѣ гости въ одну комнату, а въ числѣ ихъ былъ и знатный панъ, покровительствовавшій Вацлаву и полю-

бившій его, какъ сына. Приѣхала также на Юзпну свадьбу и вдова одного богача-воеводы, считавшаяся какой-то троюродной теткой женѣ пана Тадеуша.

Когда вошелъ почетный гость, то невѣста, по старому обычаю, низко поклонилась ему, а онъ поцѣловалъ ее въ голову и благословилъ ее. Женѣхъ, въ свою очередь, поклонился въ ноги вошедшей знатной пани и получилъ отъ нея позволеніе поцѣловать ея руку.

Послѣ продолжительнаго ужина, окончившагося однако рано, потому что за ужинъ принялись спозаранку, — начались танцы; женихъ въ этотъ вечеръ не имѣлъ права не только говорить съ своей невѣстой, но и не смѣлъ даже подходить къ ней.

Поздно разѣхались и разошлись гости по отведеннымъ имъ хатамъ и комнатамъ.

Наступило ясное лѣтнее утро. Послѣ тревожной ночи, Юзя на разсвѣтѣ крѣпко уснула; крѣпко также снали всѣ гости; не спала только пани Малгожата: грустно ей было при мысли, что она должна будетъ разстаться съ своей Юзей, и она едва сдерживала наворачивавшіяся у нея на глазахъ слезы.

Тихо, на цыпочкахъ, вошла пани Малгожата въ комнату своей дочери. Все было просто въ этой комнатѣ: бѣлая стѣны, чистый полъ, ситцевый пологъ надъ кроватью, а на стѣнѣ образъ Богоматери, окруженный вѣнкомъ изъ свѣжихъ розъ; на окнахъ разставлены были горшки цвѣтовъ.

Мать стала на колѣни передъ образомъ, которымъ ее самую благословилъ отецъ передъ выходомъ ея въ замужество и который потомъ она повѣсила надъ колыбелью Юзи.

Едва пани Малгожата кончила свою усердную молитву, какъ цѣлый рой веселыхъ дѣвушекъ влетѣлъ въ комнату Юзи; это были ея подруги. Онѣ держали въ рукахъ корзины, полныя цвѣтовъ, на которыхъ еще висѣли свѣтлыя крупныя капли утренней росы, и вся комната наполнилась свѣжимъ запахомъ розъ, сирени и жасмина. Дѣвушки звонкимъ смѣхомъ разбудили Юзю и поздравили ее съ наступившимъ днемъ брака.

Между тѣмъ на дворѣ, не смотря на раннее утро, раздавался стукъ экипажей и слышалось хлопанье бичей; въ ту пору, по старинному обычаю, и хозяева и гости вставали слишкомъ рано.

Магнатъ и знатная пани, удостоившіе своимъ посѣщеніемъ свадьбу Вацлава и Юзи, хотѣли, чтобъ обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ польскихъ обычаевъ. Поэтому, когда стали одѣвать молодую къ вѣнцу, то ее посреди комнаты посадили на кадку съ опарой, покрытую богатымъ ковромъ и соболемъ, привезенными ясновельможнымъ паномъ въ подарокъ молодой. Дружки расплели Юзѣ косу и надѣли на нее бѣлое платье, украшенное букетами цвѣтовъ и кружевами. У Юзи не было ни дорогихъ камней, ни золотыхъ бездѣлушекъ; но ихъ, впрочемъ, по тогдашнему польскому обычаю и не надѣвали даже на самую богатую невѣсту, такъ какъ, еслибъ она надѣла ихъ, то это было бы знакомъ ожидающаго ее несчастья и горя. Точно также не надѣвали на невѣсту, по тому же самому повѣрію, ничего краснаго, ни чернаго.

Платья для молодой и для четырехъ ея дружекъ доставила пани-воеводова въ подарокъ. Въ ту пору это былъ обычай, ни мало не считавшійся оскорбительнымъ.

Между тѣмъ всѣ гости собрались въ самой большой комнатѣ дома; двери открылись и двѣ прехорошенькихъ дѣвочки, кузинки невѣсты, внесли на подносахъ маленькіе букеты изъ мирта и розмарина. Онѣ бойко подбѣгали къ холостымъ мужчинамъ, прищипливали къ ихъ кунтушамъ эти букеты и желали имъ жениться. Нѣкоторые, прищипывая изъ ручекъ хорошенькихъ подросточковъ букеты вѣроятно думали про себя: „подожди, плутовка, я женюсь тогда, когда ты сама выростешь,—ждать недолго, годика три, четыре!“ Раздавъ холостякамъ букеты, рѣзвухи побѣжали опять въ комнату невѣсты.

Спустя нѣсколько времени растворились обѣ половинки дверей и вошла молодая, въ сопровожденіи своихъ двухъ близкихъ родственниковъ; за нею ея кузинки несли на блюдѣ миртовый вѣнокъ. Мать надѣла этотъ вѣнокъ на Юзю, и въ это время у Юзи слезы, какъ брильянты, посыпались изъ опущенныхъ внизъ голубыхъ глазъ; послѣ благословенія Юзи отцомъ, мать положила ей за пазуху венгерскій червонецъ съ изображеніемъ Богородицы. Юзя упала въ ноги отцу, женихъ сдѣлалъ тоже.

— Да благословитъ васъ Богъ! сказали разомъ всѣ голоса, и слѣдомъ за молодыми вышли на крыльцо, чтобъ отправиться въ костелъ.

По принятому тогда обычаю, дамы поѣхали въ экипажахъ, мужчины верхомъ; въ костелъ и женихъ и невѣста стояли отдѣльно. Изъ костела молодые вернулись уже вмѣстѣ, сидя рядомъ въ каретѣ. Обѣдъ ждалъ ихъ. Жениха и невѣсту посадили на первое мѣсто и начался веселый обѣдъ.

Послѣ обѣда, пожилые гости принялись за венгерское, а молодежь за танцы. Началось, по обыкновенію, съ поль-

скаго; почтенный гость взял молодую, прошелся съ нею и потомъ передалъ ей руку Вацлаву. Въ это время одинъ изъ родственниковъ Юзи, преподанный адвокатъ, обучавшійся сперва у иезуитовъ, выступилъ съ поздравительною рѣчью; вся напыщенная и восторженная рѣчь адвоката, въ которой перечислялось родство жениха и невесты съ наиболѣе знаменитыми фамиліями въ Литвѣ и Польшѣ, и превозносились добродѣтели родителей брачной четы — была перемѣшена латинскими фразами и изрѣченіями въ родѣ слѣдующихъ: *uxor bona corpora carpitis*, т. е. добрая жена есть вѣнецъ главы и пр.

Послѣ продолжительной рѣчи, которую всѣ гости слушали съ желаніемъ, чтобъ она поскорѣе покончилась, начались непрерывныя танцы и между ними веселая мазурка, въ такомъ видѣ, въ какомъ танцовали ее въ старинной Польшѣ.

Каждый кавалеръ, безъ различія возраста, бралъ ближайшую къ нему даму и становился въ общій кругъ; дѣвицы нѣжно брались за платице и выставляли впередъ свои маленькія ножки. Раздались первые звуки мазурки и нѣсколько паръ разомъ ринулось въ середину круга. Задрожала комната отъ притоптыванія каблуками, и быстро понеслись дѣвушки, извиваясь, какъ змѣйки, около молодцоватыхъ кавалеровъ. Мазурка привела въ восторгъ всѣхъ, и даже самые дряхлые старики, стоя на мѣстѣ, били ногами въ тактъ и отъ удовольствія хлопали молодежи въ ладоши, въ знакъ поощренія.

Долго длились танцы; за ними начался ужинъ. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, дамы усѣлись по одной, а мужчины по другой сторонѣ стола. Веселый говоръ и смѣхъ не

прекращались ни на минуту. Во время ужина пили опять за здоровье молодыхъ и втихомолку отъ молодыхъ желали побывать у нихъ на крестинахъ.

Послѣ ужина, въ полночь, молодая ушла незамѣтно изъ комнаты, гдѣ были гости; а часъ спустя проводилъ къ ней въ спальню съ музыкой и молодого. Въ комнатѣ передъ спальней былъ накрытъ столъ, а на немъ стояли сласти. Мужчины съ рюмками въ рукахъ пожелали молодымъ здоровья....

Все это весьма часто бывало въ прежнее время, которое многіе безусловно хвалятъ и за бывшую въ ту пору скромность, и за царствовавшее тогда строгое благочестіе; но которое однако, какъ замѣтилъ одинъ польскій писатель, „все-таки не было такъ скромно и такъ благочестиво, какъ твердятъ о немъ молодымъ старые люди.“ Въ ту пору, по словамъ этого писателя, крѣпко пили, ссорились, дрались, вѣнчались для приданого или для протекціи, и весьма часто разводились вскорѣ послѣ брака.

Быть можетъ, что и это несомнѣнная правда; но мы также знаемъ и то, что Вацлавъ и Юзи обвѣнчались безъ всякаго расчета, что на ихъ свадьбѣ никто ни съ кѣмъ не поссорился и не подрался, хотя и надобно сказать правду, что вслѣдствіе меда и венгерскаго многіе гости не могли привстать съ своихъ мѣстъ. Знаемъ также и то, что Вацлавъ и Юзи прожили дружно и счастливо сншкомъ тридцать лѣтъ, и что они оставили послѣ себя цѣлую дюжину дѣтей, — дочерей похожихъ на мать, а сыновей — на отца.

ХІІ.

Четыре мѣшка.

На Подолѣ еще донинѣ среди простонародья слышатся въ пѣсняхъ и въ преданіяхъ рассказы о старостѣ каніовскомъ*), ясновельможномъ панѣ Николаѣ Потоцкомъ; много также сохраняется въ Польшѣ и въ Литвѣ разныхъ анекдотовъ и повѣствованій о его странностяхъ и причудахъ; а одинъ изъ его современниковъ, Карпинскій, описалъ подробно всю жизнь старосты каніовскаго. Если вѣрить книгѣ Карпинскаго, староста каніовскій былъ какимъ-то извергомъ, потому что онъ, по словамъ своего біографа, собственною рукою убилъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ. Впрочемъ,

*) Старосты первоначально были правителями областей, судьями и предводителями мѣстной шляхты при выступленіи ея въ походъ. Впослѣдствіи званіе старосты было почетною наградой за заслуги Рѣчи Посполитой; Сигизмундъ ІІІ началъ отдавать старостамъ королевскія имѣнія, съ большою властью и со взносомъ только четвертой части дохода съ этихъ имѣній на содержаніе войска.

такіе рассказы не могутъ заслуживать довѣрія. Карпинскій, какъ извѣстно, былъ противникомъ Потоцкаго въ политическихъ стремленіяхъ; онъ принадлежалъ къ партіи короля Станислава Понятовскаго, съ которымъ такъ настойчиво боролся Потоцкій. Притомъ и народныя преданія, рассказывая о многихъ продолкахъ ясновельможнаго пана, не упоминаютъ о такихъ жестокостяхъ, но представляютъ Потоцкаго только какимъ-то чудакомъ и забіякой, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Много можно привести рассказовъ о странностяхъ своеговольнаго магната, между прочимъ о томъ, какъ онъ жилъ среди базилианскихъ монаховъ въ Почаевѣ, какъ онъ лечилъ ихъ, какъ онъ тамъ каялся и сокрушался сердцемъ о своихъ грѣхахъ. Тѣло Потоцкаго, умершаго 15 іюля 1782 года, донинѣ еще лежитъ въ томъ же монастырѣ.

Любимымъ мѣстопребываніемъ пана Николая Потоцкаго было наслѣдственное его мѣстечко Бучачъ на Подолѣ. Мѣстечко это расположено среди самыхъ живописныхъ окрестностей, на рѣкѣ Стрыпѣ. Здѣсь, по низменнымъ берегамъ извилистой рѣки, текущей между холмами, виднѣются среди зелени пирамидальныхъ тополей нѣсколько костеловъ, базилианскій монастырь, ратуша и сотни полторы небольшихъ домиковъ, разбѣянныхъ по холмамъ и по долинкамъ.

Въ сторонѣ, надъ мѣстечкомъ, на высокой горѣ, поросшей плотнымъ кустарникомъ, стоятъ еще и теперь развалины огромнаго и нѣкогда великолѣннаго замка: здѣсь жилъ староста каніовскій. Не вдалекѣ отъ мѣстечка находился еще въ былое время другой небольшой замокъ, въ которомъ, среди тоски и горя, провела свою жизнь жена старосты, Марія-Анна, славившаяся въ околотѣ красотою и добротою

сердца. Въ то время, когда замокъ Потоцкаго оглашался шумными пирами, веселыми криками и нечестивыми потѣхами, въ жилищѣ его жены слышались только тихія молитвы.

Весело, правда на свой ладъ, жилъ староста въ Бучачѣ; однако и ему одинъ разъ, по мпlosti четырехъ мѣшковъ, привелось испытать такое неожиданное, страшное горе, о какомъ онъ, конечно, никогда не могъ даже и помыслить.

Дѣло началось, для того времени, очень просто.

Недалеко отъ мѣстечка, въ которомъ пировалъ и своевольничалъ Потоцкій, стояла на большой проѣзжей дорогѣ корчма. Былъ жаркій лѣтній день; солнце палило удушливо; въ неподвижномъ воздухѣ было такъ тихо, что золотистая рожь, дозрѣвавшая по окраинамъ большой дороги, не колыхалась даже ни однимъ колосомъ. Проѣзжихъ въ такой жаръ не было; всѣ бѣжали отъ солнечнаго припека въ прохладную тѣнь и укрывались тамъ, ожидая, когда спадетъ дневной жаръ, чтобы отправиться дальше въ дорогу. Поэтому, въ растворенныя настежь ворота корчмы никто не въѣзжалъ въ это время.

На дворѣ корчмы стоялъ конь, привязанный къ деревянной колодѣ; а на столбѣ, близъ колоды, были развѣшаны сѣдло, подпруга, уздечка, пара пистолетовъ и сабля. По всему этому видно было, что въ корчму заѣхалъ освѣжиться какой нибудь странствовавшій шляхтичъ.

Дѣйствительно, въ одной изъ комнатъ корчмы — молодой, высокій и плечистый мужчина добывалъ изъ дорожного въюка разныя мелкія принадлежности, необходимыя въ пути. Пересмотрѣвъ въ порядкѣ ли все имущество, шляхтичъ хотѣлъ прилечь отдохнуть, какъ вдругъ на порогѣ, а вслѣдъ затѣмъ и подъ самыми окнами корчмы, по-

слышались конскій топотъ и шумъ въѣхавшаго въ ворота тяжелаго экипажа.

Извѣстно, что содержатели корчмъ всегда радуются заѣзжимъ гостямъ. Но на этотъ разъ Ицко, содержатель при-бучачской корчмы, сунувшійся было въ окошко, отскочилъ отъ него, какъ опшаренный, и блѣдный, трясаясь всѣмъ тѣломъ, едва могъ вскрикнуть: „ай, вай! старѣстесь!“ Съ этими словами онъ опрометью кинулся изъ корчмы.

Въ сѣняхъ между тѣмъ раздалось множество голосовъ и послышались грозные крики на растерявагося Ицку.

Шляхтичъ, услышавъ шумъ, раздумалъ уже ложиться отдыхать и въ ожиданіи вновь прибывшихъ путешественниковъ усѣлся на лавкѣ подлѣ стола. Вдругъ дверь широко распахнулась. Ицко показался на порогѣ; одной рукой онъ держался за дверную скобку, въ другой рукѣ была у него ермолка, которую онъ, низко нагибаясь всѣмъ тѣломъ, опускалъ до самаго полу, въ знакъ своего уваженія къ шедшему слѣдомъ за нимъ путешественнику.

Вошедшій за Ицкой мужчина былъ человѣкъ уже пожилой, высокаго роста; голова его была выбрита и только на макушкѣ висѣлъ длинный чубъ; длинные усы закрывали ему ротъ, глаза смотрѣли сурово. Лобъ и толстый подбородокъ были покрыты множествомъ глубокихъ морщинъ. На немъ былъ надѣтъ суковный кунтушъ фіолетоваго цвѣта, доходившій до колѣнъ, съ рукавами на-отлетъ; подъ кунтушемъ былъ атласный жупанъ свѣтло-небеснаго цвѣта, застегнутый подъ шеей брильянтовой запонкой. Опоясанъ онъ былъ литымъ серебрянымъ поясомъ, съ золотой бахромой напередѣ; у пояса, на шелковой тесмѣ, была привѣшена кривая сабля съ дорогой рукоятью.

Когда вошелъ новый гость шляхтичъ всталъ съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и отвѣсилъ вошедшему пану низкій поклонъ.

— Откуда и зачѣмъ ѣдешь одинъ? спросилъ грозно важный панъ.

— Служилъ я при дворѣ покойнаго каптеляна Коссаковского, отвѣчалъ почтительно шляхтичъ.

— Такъ-то... проговорилъ протяжно панъ.

— Да, ясновельможный, перебилъ шляхтичъ: — я служилъ у разныхъ пановъ, и служилъ у нихъ и вѣрно и честно.

— Порядочный слуга не третъ угловъ по корчмамъ! крикнулъ сердито староста.

— Я дѣлаю это только во время дороги, пробормоталъ оробѣлый шляхтичъ; — видитъ Богъ, не иначе, ясновельможный панъ.

— Знаю, знаю, и камень прирастаетъ къ мѣсту, а вашъ братъ любить шлаться съ мѣста на мѣсто.

— Что жъ дѣлать, ясновельможный! Человѣкъ ищетъ себѣ хлѣба, и потому дѣлаетъ то что принужденъ дѣлать.

— Да кто жъ тебя-то, братъ, принуждаетъ? Вѣдь ты самъ говорилъ, что у тебя было мѣсто?

— Да, но Богъ скоро прибралъ въ свою славу нашего пана; всѣмъ намъ пришлось промыслить о себѣ, и теперь я ищу куска хлѣба.

— А зачѣмъ искать? спросилъ грозно Потоцкій. — Развѣ мой хлѣбъ твердъ для твоихъ зубовъ?

— Высоки пороги у ясновельможнаго пана, а я человѣкъ неважный, отвѣчалъ смиренно шляхтичъ, почтительно кланяясь Потоцкому.

— Ничего, братъ, это ничего, замѣтилъ Потоцкій, — если идешь собирать грибы, клади каждый грибокъ въ корзину; а то вашъ братъ объѣзжаетъ мой дворъ, какъ будто въ немъ чума.

— Если бѣ я могъ пригодиться на чтонибудь ясновельможному пану, поспѣшилъ замѣтить шляхтичъ.

Съ этими словами онъ опустилъ смиренно глаза, низко нагнулся и прикоснулся къ старостѣ ниже колѣна тремя пальцами.

— Развѣ годится такъ шлаться? ѣдешь какъ какойнибудь старый дѣдъ съ торбой! Что у тебя здѣсь? спросилъ вдругъ староста, взглянувъ на дорожный вьюкъ шляхтича.

— Пустяки, ясновельможный панъ, — такъ, разные вещицы, необходимыя въ дорогѣ и для лошади и для человѣка.

— Это хорошо, замѣтилъ снисходительно Потоцкій. — Что жъ у тебя тамъ?

— Скребица, щетка, гребень, бритва, есть кое-что изъ бѣлья и изъ платья, а также кусокъ полотна и кусокъ кожи для заплатокъ.

— А ножницы есть?

— Есть, ясновельможный.

— А иголка, нитки, шило, дратва?

— И это есть, ясновельможный.

— А обсычка для подковъ, а щипцы, а молотокъ?

— И это есть, ясновельможный.

— Покажи же мнѣ все это.

— Будто бы вашей милости угодно видѣть всю эту дрянъ?... отвѣчалъ шляхтичъ, заминаясь и почесывая свой чубъ.

— Покажи, покажи, любезный, повторилъ привѣтливо Потоцкій;—я хочу убѣдиться не врешь ли ты.

Шляхтичъ развязалъ свой мѣшокъ, вынулъ оттуда все то что спрашивалъ у него ясновельможный и разложилъ на столѣ свое имущество. Староста пересмотрѣлъ все съ большимъ вниманіемъ.

— А гдѣ шниперъ, чтобъ кровь пускать? вдругъ грозно спросилъ Потоцкій, пристально взглянувъ на шляхтича.

Шнипера не оказалось.

— Что жъ ты, братецъ мой, будешь дѣлать, заговорилъ ясновельможный,—если у тебя конь захвораетъ въ дорогѣ, да особенно въ такіе жары? — Настоящій шляхтичъ, продолжалъ поучительнымъ голосомъ Потоцкій, — долженъ имѣть при себѣ все что можетъ понадобится въ дорогѣ и для человѣка и для лошади. Ты долженъ былъ имѣть для лошади шниперъ, а для себя ложку, ножъ, вилку, соль и перецъ. Гдѣ ты все это достанешь въ дорогѣ? У тебя всего этого я что-то не вижу. Такъ какой же ты шляхтичъ, если ты не имѣешь при себѣ всего необходимаго? Эй! Иванка! крикнулъ староста, отворивши дверь въ сѣни.

На зовъ пана вскочилъ въ комнату огромный дѣтина и остановился, какъ вкопанный, ожидая приказаній.

— Взять его, — пусть попляшетъ, сказалъ грозно Потоцкій, показывая на шляхтича. — Онъ ужъ имѣетъ отъ меня грамоту; нужно только приложить печать. Сорокъ плетей ему,—не больше!

Казакъ опрометью кинулся за своими товарищами. Шляхтичъ тоже было кинулся въ двери за своей саблей, но не успѣлъ добѣжать до нея, какъ его обступила толпа казаковъ. Съ храбростію ничего не сдѣлаешь противъ силы.

Какъ ни отбивался, какъ ни барахтался шляхтичъ, казаки повалили его на землю; двое сѣли къ нему на плечи, двое держали за руки и четверо за ноги. Началась расправа. Потоцкій молча смотрѣлъ на это.

— Ясный панъ! Видятъ Богъ, что я шляхтичъ! Ой, ой! кричалъ наказываемый.

Не помогло ничто. Онъ получилъ сполна назначенное ему число плетей.

— Это, братъ, ничего, сказалъ Потоцкій, махнувъ рукой въ то время, какъ шляхтичъ приподнимался съ ковра;—это ничего; ты молокососъ, а я старикъ,—помни, ты самъ поблагодаришь меня за науку; она въ лѣсъ не убѣжитъ.

Казалось, затѣмъ только и пріѣзжалъ ясновельможный въ корчму, потому что тотчасъ же послѣ этого изъ воротъ корчмы выкатила запряженная шестерикомъ коляска; въ ней, полулежа, сидѣлъ Потоцкій; шесть казаковъ ѣхало впереди экипажа и столько же сзади. Послышались потомъ конское ржаніе, гиканье, хлопанье бичей, и весь поѣздъ понесся вихремъ по пыльной дорогѣ.

Отъѣзжая отъ корчмы, Потоцкій дружески кивнулъ шляхтичу головой на прощанье. Бѣднякъ стоялъ какъ ошеломленный; онъ не могъ еще придти въ себя, и самъ не зналъ что съ нимъ сдѣлалось.

Кое-какъ добрался шляхтичъ до корчмы; пуститься верхомъ въ дорогу не было никакой возможности. Заботливый Ицко натаскалъ въ комнату сѣна и уложилъ на него шляхтича. Закрывшись плащомъ, шляхтичъ охалъ и скрежеталъ зубами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Ицко имѣлъ попеченіе о его конѣ, а жена, Ицки грѣла вино съ мыломъ, и этимъ цѣлебнымъ составомъ натирался несчастный

шляхтичъ, проблиная въ душѣ виновника своихъ бѣдъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ въ корчмѣ лежалъ шляхтичъ, туда явился панъ Юзефъ, старинный пріятель больного шляхтича. Онъ возвращался домой и зашелъ въ корчму для того только, чтобъ закурить свою трубку. Увидавъ на дворѣ знакомаго воронаго коня съ бѣлой отмѣткой на ногѣ и со стрѣлкой на лбу, онъ догадался, что въ корчмѣ долженъ быть его пріятель, владѣлецъ этого коня, панъ Янъ. Панъ Юзефъ поспѣшилъ навѣстить своего стараго товарища.

— Что съ тобой сдѣлалось, панъ Янъ? спросилъ Юзефъ.

— Боленъ я не боленъ, но далъ мнѣ знать себя этотъ каніовскій песь, проворчалъ шляхтичъ:—отнял онъ у меня и хлѣбъ и здоровье. Пусть его за меня Господь Богъ накажетъ, да только хорошенько!

— Знаю, знаю, замѣтилъ панъ Юзефъ:—мнѣ кое-что поразсказалъ Ицко о твоёмъ несчастіи. Слушай же однако, продолжалъ панъ Юзефъ:—вѣдь ты будешь нигуда негодная баба, если не отплатишь Потоцкому своей обиды!

— Да что жъ я-то сдѣлаю?... возразилъ печальнымъ голосомъ шляхтичъ:—онъ сильный панъ, ѣздитъ всегда съ огромной дворней, а я человѣкъ ничтожный, одинокій.

— Какъ будто мы съ тобой хуже чѣмъ-нибудь Потоцкаго! съ гордостью возразилъ панъ Юзефъ;—да развѣ мы съ тобой не такіе же шляхтичи, какъ онъ! Вѣдь ты знаешь пословицу: „Шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ.“

— Знаю, знаю, пробормоталъ панъ Янъ, повертываясь съ трудомъ на сѣнѣ.

— Лежи спокойно и слушай что я расскажу тебѣ, зашѣтилъ Юзефъ. — Съ этими словами, онъ подвинулъ ска-

мейку къ сѣну, на которомъ лежалъ его хворый пріятель, и началъ разсказывать слѣдующее:

— Староста поставилъ около Бучача каменный столбъ съ изображеніемъ Божіей Матери и далъ обѣтъ сидѣть подъ этимъ столбомъ каждую субботу и собирать подаяніе. Сидитъ онъ тамъ одѣтый не такъ, какъ всегда, а наряжается для этого въ лохмотья, привѣшиваетъ длинную сѣдую бороду и привязываетъ по бокамъ сумы, — переодѣвается онъ такъ, что его не легко и узнаешь. Онъ дѣлаетъ видъ, будто молится и проситъ подаянія, а на самомъ-то дѣлѣ онъ подслушиваетъ что говорятъ и какъ отзываются проѣзжіе насчетъ разныхъ его остротъ, которыя онъ велѣлъ написать на столбѣ. Когда выздоровѣешь, не забудь объ этомъ и отплати ему хорошенько. Ты вѣдь и самъ по себѣ парень здоровый, справишься съ нимъ и одинъ: а если хочешь, пригласи меня, да еще одного изъ своихъ товарищей. Когда намъ удастся расправиться хорошенько со старостой, мы хорошенько погуляемъ въ Тереховѣ, а побудемъ говѣть у отцовъ-августіановъ.

Янъ не отвѣчалъ ничего, но только раздумывалъ надъ разсказомъ своего добраго пріятеля.

— Да развѣ онъ тебя только одного такъ обидѣлъ! продолжалъ панъ Юзефъ.—Что онъ обидѣлъ нашего брата, бѣднаго шляхтича, такъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; а то вѣдь и равному себѣ онъ не даетъ спуска. Вѣрно ты слышалъ, какъ онъ сбѣжался однажды на мосту съ паномъ Калиновскимъ, старостою винницкимъ, и приказалъ ему уступить дорогу, а тотъ, такой же сорванецъ какъ и онъ, не исполнилъ приказанія; Потоцкій, имѣя при себѣ болѣе дворни, нежели Калиновскій, приказалъ вытащить его

изъ коляски, разложить на дорогѣ и всыпать ему сто пятьдесятъ плетей. Правда, что вслѣдствіе этого была у нихъ большая тяжба; выигралъ ее, конечно, Калиновскій, которому Потоцкій долженъ былъ заплатить двѣсти тысячъ злотыхъ за безчестье. Да на что Калиновскому деньги? онъ и самъ богачъ; староста винницкій даже ихъ и не тронулъ, а приложилъ къ нимъ еще столько же своихъ, да на всѣ эти деньги и построилъ монастырь во имя Богоматери. Оттерпѣлся, значитъ, во славу Божию. — Но, знаешь, староста каніовскій боится смерти, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, ему придется непременно попасть въ когти дьяволу; онъ все вытерпитъ, только-бъ не убили его.

Разсказавъ все это своему пріятелю, панъ Юзефъ набилъ снова трубку, закурилъ ее, пожалъ дружески руку пану Яну и уходя сказалъ ему: „Да не нѣжься долго, а то мнѣ за тебя будетъ стыдно.“

Послѣ отъѣзда пріятеля изъ корчмы, шляхтичъ то лежалъ, то ходилъ по комнатѣ, и когда замѣтилъ, что онъ уже можетъ отправиться въ путь верхомъ, осѣдлалъ своего коня, уложилъ всѣ свои бездѣлки въ мѣшокъ, припоминая сколько онѣ надѣлали ему горя, рассчитался съ добрымъ Ицкой и осторожно сѣвъ на своего скакуна пустился далѣе во имя Божіе.

Послѣ разсказаннаго происшествія прошло нѣсколько недѣль, а быть-можетъ прошло даже и нѣсколько мѣсяцевъ. Шляхтичъ уже изрѣдка думалъ о томъ, какъ бы отомстить магнату за нанесенную обиду; онъ нашелъ для себя очень хорошее мѣсто при дворѣ какого-то воеводы, который полюбилъ его и оказывалъ ему большое довѣріе.

Случилось однажды, что воевода отправилъ куда-то съ

письмомъ пана Яна; при этомъ ему нужно было ѣхать черезъ Бучачъ, гдѣ жилъ въ то время староста каніовскій. Тутъ вспомнилъ панъ Янъ завѣтъ своего добраго пріятеля — отомстить оскорбителю. Недолго думалъ объ этомъ смѣтливый шляхтичъ. Сдѣлалъ онъ себѣ изъ холста четыре большіе мѣшка: въ одинъ изъ нихъ онъ насыпалъ ячменныхъ крупъ, въ другой гречневыхъ, въ третій гороху, а въ четвертый пшеничныхъ крупъ, все это вложилъ въ дорожный вьюкъ и не безъ цѣли отправился по дорогѣ въ Бучачъ, принаровивъ такъ, чтобы тамъ непременно быть въ субботу.

Подъѣхалъ шляхтичъ къ мѣстечку, и когда приблизился къ столбу, на которомъ было поставлено изображеніе Богоматери, то увидѣлъ, что на ступеняхъ подъ этимъ столбомъ сидитъ въ лохмотьяхъ какой-то старикашка, а около пояса у него было съ каждой стороны по большому мѣшку.

Быстро взглянулъ шляхтичъ на старика своимъ соколинымъ взглядомъ и тотчасъ догадался кто такой былъ этотъ попрошайка. Забилося крѣпко сердце шляхтича, когда онъ увидѣлъ предъ собою предметъ своего давняго мщенія.

— Да будетъ похвалено имя Господне! сказалъ шляхтичъ, поравнявшись со старикашкой.

— Во вѣки вѣковъ, отвѣчалъ сѣдобородный, низко кланаясь путнику.

Хриплый голосъ старика окончательно убѣдилъ шляхтича, что это былъ тотъ самый, съ кѣмъ онъ хотѣлъ перевѣдаться. Шляхтичъ слѣзъ проворно съ лошади и привязалъ ее къ дереву. Между тѣмъ старикъ громко и съ воздыханіями читалъ „Отче нашъ.“ Шляхтичъ, слѣзши съ коня, сталъ рыться въ своемъ дорожномъ вьюкѣ и, выта-

щивъ оттуда одинъ за другимъ приготовленные мѣшки, сказалъ:

— Давай-ко, дѣдушка, свою торбу; я тебѣ насыплю ячменныхъ крупъ, а ты помолишься за душу раба Божьяго Яна.

— Пошли ему, Господи, царство небесное, отвѣчалъ старикъ, подставляя прикрѣпленную у бока суму.

Шляхтичъ всыпалъ туда ячменныхъ крупъ до верху, а старикъ завязалъ крѣпко-на-крѣпко свою суму, перегибаясь на бокъ отъ ея тяжести.

— Ну, дѣдушка, сказалъ снова шляхтичъ, — подставь теперь другую торбу; достанешь ты гречневыхъ крупъ, за душу рабы Божіей Катерины.

Старикъ подставилъ суму, прикрѣпленную съ другого бока; шляхтичъ насыпалъ туда гречневой крупы до верху, а старикъ крѣпко завязалъ суму, которая потянула его на другой бокъ.

— Ну, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, — давай теперь третью суму, я насыплю тебѣ гороху, а ты помяни раба Божьяго Францишка.

Съ трудомъ, отъ тяжести двухъ сумъ, наполненныхъ ужъ крупю, повернулся старикъ спиною къ шляхтичу. Оказалось, что у него назадъ была третья торба.

Насыпалъ шляхтичъ эту торбу горохомъ до верху, и уже самъ завязалъ ее какъ можно покрѣпче. Старикъ едва стоялъ на ногахъ подъ тяжестью сдѣланнаго ему подаянія.

— Ну, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, — подставляй теперь четвертую торбу; я насыплю тебѣ пшениныхъ крупъ, а ты помолишься за душу Матеуша.

Но четвертой сумы у старика не оказалось.

— Такъ ты вотъ какой, старый бездѣльникъ! грозно крикнулъ шляхтичъ: — народъ возвращается теперь съ праздника, хочеть подать милостыню во имя Богоматери, а у тебя нѣтъ и торбы, куда бѣ положить подаяніе! Ахъ ты, негодий! Постои же, вотъ я сейчасъ выучу тебя!...

Съ этими словами, шляхтичъ вытащилъ изъ-за пояса пребольшой арапникъ. Старикъ съ крѣпко привязанными къ нему сумами не могъ двинуться съ мѣста; вдобавокъ онъ запутался въ своихъ лохмотьяхъ. Здоровый и молодой шляхтичъ осилилъ его въ минуту, и поваливъ на землю принялся отсчитывать ему съ-плеча двѣ сотни ударовъ арапникомъ. Потоцкій вертѣлся и ѣжился какъ въонъ, но не кричалъ, а только сопѣлъ, пыхтѣлъ и скрежеталъ зубами.

— Будь теперь здоровъ, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, затыкая арапникъ за поясъ; — помни, быть-можетъ ты когда нибудь поблагодаришь меня за науку; самъ ты знаешь, что наука не волкъ: въ лѣсъ она не убѣжитъ. Помни также, дѣдушка, добавилъ шляхтичъ, кивнувъ дружески Потоцкому головою на прощанье, — что какою мѣрою ты мѣряешь, такою же тебѣ возмѣрится.

Сказавъ это шляхтичъ сѣлъ на своего скакуна: пыль взвилась подъ конскими копытами, и шляхтичъ скрылся на большой дорогѣ.

Отвязавъ кое-какъ свои торбы, старикъ кинулся въ свой замокъ, и сбросивъ тамъ съ себя лохмотья созвалъ своихъ надворныхъ казаковъ и крикнулъ имъ:

— Эй, ребята! Сейчасъ черезъ Бучачъ проѣхалъ шляхтичъ на вороной лошади, въ синей шапкѣ. Догоняйте его! А тотъ, кто приведетъ его ко мнѣ, получитъ любого коня изъ моихъ табуновъ и въ придачу сто червонцевъ.

Какъ вихрь помчались казаки въ погоню за шляхтичемъ. Увѣренный въ томъ, что его не скоро еще будутъ преслѣдовать, шляхтичъ ѣхалъ ужъ шажкомъ за Бучачемъ, когда вдругъ на него съ гикомъ налетѣли со всѣхъ сторонъ казаки. Шляхтичъ притворился, что онъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ.

— Съ чего вы вздумали разбойничать на большой дорогѣ? крикнулъ онъ казакамъ, и обнажилъ свою саблю.

Но казаки приперли его ко рву, конь шляхтича споткнулся и упалъ. Дѣло вышло плохо. Казаки схватили его; крѣпко стянули веревками и ремнями по рукамъ и по ногамъ и положивъ, какъ барана, на двѣ лошади потащили его въ замокъ на расправу.

Съ удивленіемъ узнали возвратившіеся казаки, что панъ ихъ сдѣлался вдругъ боленъ и что онъ слегъ въ постель, чего съ нимъ отъ роду не бывало. Одинъ только шляхтичъ смекалъ причину болѣзни ясновельможнаго, но не говорилъ ничего. Когда донесли Потоцкому, что бѣглець пойманъ, то онъ приказалъ привести его къ себѣ. Обмеръ шляхтичъ и пошелъ на вѣрную гибель. Когда онъ вошелъ въ спальню, гдѣ лежалъ староста, то Потоцкій велѣлъ шляхтичу подойти къ постели, и сказавъ казакамъ: „Накормите лошадей!“ бросилъ имъ мѣшокъ червонцевъ. Обрадованные казаки выбѣжали опрометью изъ комнаты, а Потоцкій, вперивъ свои глаза въ бѣднаго шляхтича, спросилъ его какъ-то разсѣянно:

— А что, узналъ теперь ты меня?

— Не имѣлъ еще счастья никогда встрѣчаться съ вами мпlostью, отвѣчалъ бойко шляхтичъ, почтительно кланяясь магнату.

— Не лги, братецъ! замѣтилъ староста:—мы съ тобой знакомы давно, да я - то на бѣду промѣнялъ быка на индѣйку, да вотъ еще даю тебѣ и это въ придачу.

Съ этими словами, вынувши изъ шкатулки коробку, опечатанную съ двухъ сторонъ, Потоцкій бросилъ ее шляхтичу въ шапку.

— Сосчитаешь это дома, сказалъ онъ;— но, братишка, смотри, если ты хоть кому нибудь, если даже хоть матери родной, расскажешь о томъ что между нами было, то не будь я Потоцкій, ежели я не велю отсчитать тебѣ столько же плетей, сколько я получилъ отъ тебя сегодня... а теперь поѣзжай съ Богомъ!...

Задумался шляхтичъ, и не отвѣчая ничего, почтительно поклонился Потоцкому и затѣмъ вышелъ изъ его спальни.

Только за Бучачемъ опомнился шляхтичъ и перевелъ спокойно духъ. Онъ прежде всего поблагодарилъ Бога за свое избавленіе отъ страшной напасти, а послѣ этого раскрылъ ларчикъ, брошенный ему въ шапку старостой, и нашелъ въ этомъ ларчикѣ сто червонцевъ.

Возвратясь домой, шляхтичъ съ молитвой пересчиталъ еще разъ свои червонцы, протеръ глаза, какъ будто не вѣря тому что онъ видитъ и потомъ... взявъ въ аренду фольварокъ, зажилъ самъ настоящимъ паномъ.

XIII.

Анна Ожельская.

По смерти знаменитаго освободителя Вѣны отъ осады турокъ, Яна Собѣскаго, храбраго воина, но постоянно дававшаго слишкомъ много воли женѣ своей, Маріи-Казимірѣ, — сѣлъ, въ 1697 году, на польскій престолъ курфирстъ или электоръ саксонскій Августъ, называемый у поляковъ вторымъ, такъ какъ у нихъ, въ ряду королей, считается первымъ Августомъ—Сигизмундъ II Августъ.

Августъ II, или иначе Августъ Сильный, при избраніи своемъ въ короли польскіе, былъ еще очень молодъ; онъ былъ прекрасенъ собою и одаренъ исполинской силой. Съ этими качествами онъ соединялъ въ себѣ безграничную доброту, вѣчную веселость, откровенность и великодушіе. Молодой король любилъ въ это время всего болѣе пышность, рыцарскія забавы и женщинъ.

Обладая огромными наслѣдственными богатствами, король очень легко могъ удовлетворять свою страсть къ пыш-

ности; и дѣйствительно, вскорѣ дворъ короля-курфирста затмилъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ всѣ европейскіе дворы того времени.

Страсти къ рыцарскимъ забавамъ Августъ II, при своемъ богатствѣ, могъ дать полную свободу, что онъ и сдѣлалъ; а потому блестящіе турниры и многолюдныя карусели привлекали постоянно толпу гостей и въ Варшаву, и въ Дрезденъ. Золото лилось рѣкою для устройства этихъ празднествъ.

Затѣмъ оставалось Августу II удовлетворить еще одну, но за то самую сильную, страсть его,—именно страсть къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, и мы сейчасъ увидимъ, что судьба, слишкомъ уже благосклонная къ Августу, дала ему всевозможныя средства и всѣ способы также и для того, чтобы онъ могъ имѣть вѣрные и постоянные успѣхи у женщинъ.

Правда, въ средніе годы жизни, у короля польскаго Августа II явилась еще новая страсть, а именно: непомѣрная и трудно удовлетворяемая жажда къ венгерскому вину, требовавшая частыхъ и продолжительныхъ попойекъ, которыя представляли какое-то рыцарское состязаніе между королемъ и его собесѣдниками. Впрочемъ, къ этому приучила его Польша; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ разсказѣ, вино не составляло для молодого короля ни потребности, ни развлечения: ему прежде всего нужны были женщины и женщины...

Едва ли кто изъ смертныхъ одерживалъ надъ ними такой длинный рядъ блестящихъ побѣдъ, какими означилъ свое земное бытіе государь Саксоніи и Польши, этихъ двухъ странъ, гдѣ, по молвѣ народной, всего больше красавицъ: „Man sagt in Sachsen schöne Mädchen wachsen“, говорятъ

глубокомысленные нѣмцы. „Нѣтъ на свѣтѣ царицы, краше польской дѣвицы“, сказалъ Пушкинъ, переводя одну изъ балладъ Мицкевича, въ которой идетъ рѣчь о красотѣ полякъ; и надобно сказать правду, что въ этихъ случаяхъ не ошиблись ни нѣмцы, ни славяне.

Но кромѣ удобства мѣстностей, которыя сами по себѣ представляютъ такой обильный урожай красавицъ, и надъ которыми прихотливая судьба опредѣлила царствовать государю-волокутѣ, Августъ II самъ по себѣ имѣлъ все то, что нравится женщинамъ въ мужчинахъ, и безъ королевской короны и безъ электорской шапки. Мы сказали прежде, что онъ былъ щедръ, окруженъ великолѣпьемъ, всегда болѣе или менѣе обаятельно дѣйствующимъ на каждую женщину; скажемъ теперь, что онъ кромѣ того имѣлъ необыкновенный даръ нравиться вообще кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе прекрасному полу, какъ своимъ обращеніемъ, такъ и своею привѣтливостію. Онъ, если хотите, былъ, повидимому, въ одно и то же время, какимъ-то средневѣковымъ рыцаремъ, умѣвшимъ на словахъ высоко цѣнить каждую женскую добродѣтель, и Донъ-Жуаномъ, не щадившимъ на дѣлѣ ничего цѣломудрія. Трудно было устоять самой твердой добродѣтели противъ исканій Августа: однѣхъ женщинъ онъ быстро увлекалъ своею восторженностію, другихъ исподоволь одолевалъ своею притворной холодностію.

Надобно впрочемъ сказать, что и безъ заискиваній со стороны Августа, польки сходили отъ него съ ума. Многія изъ нихъ, боясь своей дѣвической гибели, или страшась разстроить свое семейное счастье, усиливались скрывать свою любовь къ королю; но онъ тотчасъ угадывалъ ее. Король какъ будто подслушивалъ и сдержанные вздохи, и

неровный трепетъ сердца, которые онъ возбуждалъ при своемъ появленіи, подъ крѣпкими корсетами варшавскихъ красавицъ. Но ни корсеты, въ то время твердые какъ панцири, ни непрístupныя фіжмы, вошедшія въ то время въ моду у польскихъ дамъ, не были надежною защитою для женщинъ противъ покушеній Августа II.

Однако король, какъ и вообще всѣ люди, чрезмѣрно балованные постояннымъ счастьемъ, не зналъ истинной цѣны своимъ дорогимъ завоеваніямъ: онъ скоро оставлялъ ихъ, и одна любовь быстро смѣнялась другою. Король очень легко забывалъ и горячія слезы, и страстныя обіятія, и жгучіе поцѣлуи оставленныхъ имъ красавицъ; но долго помнилъ его онѣ, долго онѣ вздыхали о своемъ прекрасномъ обольстителѣ и долго еще ссорились съ своими болѣе счастливыми соперницами, которымъ, впрочемъ, неизбѣжно предстояла та же самая участь.

Надобно однако замѣтить, что въ безгрѣшныхъ завоеваніяхъ блистательнаго короля-курфюрста должно было встрѣтиться одно, повидимому, неодолимое препятствіе, это—чистота польскихъ нравовъ.

Въ прежнее время, супружества въ Польшѣ были вообще безукоризненны; и если порою лукавому удавалось какъ нибудь попутать постоянно-вѣрную жену, то она не изсякаемыми слезами и вѣчнымъ раскаяніемъ хотѣла стереть такое пятно въ своей супружеской жизни. Но не смотря однако ни на слезы, ни на сокрушенія грѣшницы, женщины, которымъ безъ особаго искушенія со стороны лукаваго удалось сохранить неизмѣнную вѣрность къ своимъ мужьямъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на падшую добродѣтель, подавшую собою примѣръ небывалаго соблазна. Однако въ

первые годы XVIII вѣка, стали исчезать эти условія семейной жизни въ Польшѣ. Женщины въ эту пору начали подражать многимъ иноземнымъ обычаямъ, а въ числѣ ихъ и тому, который допускаетъ, кромѣ постоянной, обязательной супружеской любви, еще любовь другого рода.

Женщины и дѣвушки въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не скрывались уже, какъ это было прежде, съ своими пылкими, сердечными чувствами, въ отдаленныхъ покояхъ мужнина или родительскаго дома; напротивъ, онѣ, слѣдуя новымъ обычаямъ, стали свободно являться въ общество и среди его, безъ всякаго стѣсненія, обнаруживать свои душевные порывы и свои сердечныя влеченія. Онѣ начали съ прихотливымъ искусствомъ убирать волосы, заботливо выбирать цвѣта одежды, которые бы шли къ лицу, начали стягивать талии, смѣяться, танцовать, пудриться, веселиться, любезничать и все это стали онѣ дѣлать съ единственною цѣлью понравиться мужчинамъ.

Если же порою начинали подозрѣвать замужнихъ женщинъ въ неточномъ исполненіи ими всѣхъ супружескихъ обязанностей, то онѣ много-что краснѣли, но вовсе не думали плакать навзрыдь, какъ ревѣла нѣкогда старуха Ядвига, королева Польская, когда нѣкто Гитвоишъ Далевичъ насмѣивался на нее ея мужу, королю Ягелло, будто она тайкомъ отъ него продержала нѣсколько недѣль въ своемъ замкѣ проѣзжавшаго черезъ Польшу молодого и красиваго австрійскаго герцога. Польскія дамы временъ Августа II не требовали отъ своихъ клеветниковъ, для возстановленія своей доброй славы, — ни явныхъ уликъ, ни сознанія въ клеветѣ, какъ это сдѣлала Ядвига съ долгоязычнымъ паномъ Далевичемъ, котораго цѣломудренная и невинно окле-

ветенная королева заставила, въ наказаніе за запятнаніе ея супружеской чести, залѣзть подъ лавку, и оттуда, подражая собачьему лаю, просить прощенія за оскорбленіе нанесенное имъ невинной женщиной.

Польскія пани временъ Августа II громко смѣялись надъ выдумкою простодушной Ядвиги. Ни одной изъ нихъ не приходило въ хорошенькую головку обращаться къ такому замысловатому возмездію для возстановленія ихъ доброй славы, въ случаѣ напрасныхъ наговоровъ. Напротивъ, многія изъ нихъ хвалились, что онѣ не только въ молодости заставляли мужчинъ любить ихъ безъ ума, но гордились еще и тѣмъ, что онѣ, несмотря на свое увяданіе, умѣютъ, если захотятъ, прельстить своими прелестями — какъ пылкихъ юношей, такъ и охладѣвшихъ уже стариковъ. Такое измѣненіе прежнихъ семейныхъ нравовъ началось прежде всего въ высшихъ слояхъ польскаго общества и оттуда стало постепенно опускаться въ низшіе его слои. Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, по замѣчанію одной хроникѣ, у польскихъ дамъ высшего круга была „скромность безъ стыда.“

Среди общества такихъ женщинъ суждено было явиться Аннѣ Ожельской; она была замѣчательна не какъ историческая личность, но какъ одно изъ самыхъ хорошенькихъ личекъ, когда либо существовавшихъ въ поднебесной; кромѣ того надобно добавить, что съ воспоминаніемъ объ этомъ хорошенькомъ личикѣ связанъ рассказъ и о странной игрѣ случая.

Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, впрочемъ въ весьма немногихъ, можно найти не слишкомъ большую книжку, изданную въ 1735 году, въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ:

„La Saxe Galante.“ Трудно сказать положительно что было причиною рѣдкости этой книжки въ настоящее время. Должно однако замѣтить, что авторъ ея неизвѣстенъ; но судя по слишкомъ подробнымъ описаніямъ нѣкоторыхъ случаевъ изъ жизни Августа II, короля польскаго, надобно съ полною вѣроятностію заключить, что упомянутая книжка была написана лицомъ, весьма близкимъ къ этому государю; по всему видно, что неизвѣстный ея авторъ жилъ очень долгое время съ тѣмъ лицомъ, похожденія котораго онъ такъ подробно описывалъ. Книжка подъ заглавіемъ: „La Saxe Galante,“ въ любовной исторіи сильныхъ міра сего, особенно замѣчательна тѣмъ, что она описываетъ всѣ похождения короля-курфюрста, какъ знаменитаго покорителя женскихъ сердецъ, безъ всякихъ, между прочимъ, даже самыхъ краткихъ рассказовъ о его подвигахъ, какъ государя Саксоніи, Польши и Литвы. О политикѣ въ этой книжкѣ нѣтъ ни полслова. Быть можетъ, это самое обстоятельство и есть одна изъ главныхъ причинъ, почему упомянутая книжка читается легко и пріятно, какъ занимательная повѣсть, хотя, надобно сказать правду, и не слишкомъ скромнаго содержанія.

Авторъ этой книжки начинаеть исторію любовныхъ похожденій своего царственнаго героя съ поѣздки его въ Испанію, гдѣ онъ, во время самаго жаркаго, самаго ожесточеннаго боя быковъ, успѣлъ влюбиться безъ памяти въ смуглую и чернооую дочь Андалузій, графиню де-Мансера. Далѣе, въ этой книжкѣ слѣдуютъ рассказы о длинной вереницѣ разнородныхъ красавицъ, которыя дарили Августу восторженные мновенья и подъ южнымъ, и подъ сѣвернымъ небомъ.

Но если неизвѣстный авторъ книги „La Saxe Galante“ позаботился разсказать потомству о такого рода подвигахъ Августа II, и постарался подробно передать его блестящіе побѣды и надъ брюнетками, и надъ блондинками, и даже надъ рыженькими, то и самъ король, не менѣе почтеннаго автора, хлопоталъ о томъ, чтобы увѣковѣчить память своихъ многочисленныхъ завоеваній.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть этого, онъ въ своемъ дрезденскомъ дворцѣ посвятилъ особенную, обширную залу для сохраненія памятниковъ своихъ сердечныхъ завоеваній. Зала эта и донинѣ наполнена портретами хорошенькихъ женщинъ, преимущественно же польскихъ красавицъ; всѣ эти женскія лички, смотря на любопытнаго посѣтителя изъ своихъ золоченыхъ рамъ, вѣютъ на него какою-то чудною, какою-то обаятельною нѣгой. Августъ II увозилъ въ свой дрезденскій дворецъ портреты всѣхъ женщинъ, въ которыхъ онъ влюблялся, и влюблялся, конечно, съ полнымъ успѣхомъ. Изъ этихъ-то портретовъ онъ составилъ значительную картинную галерею, вослѣдую извѣстнымъ чешскимъ поэтомъ Колларомъ.

Въ числѣ этихъ портретовъ вы встрѣтите одинъ, на которомъ въ особенности остановится ваше долгое, невольное вниманіе. Трудно изобразить перомъ все то что передала полотну искусная кисть художника. Скажемъ только, что портретъ этотъ былъ снятъ съ Генріетты Дюваль, французки, родившейся въ Варшавѣ, и что прелестная Генріетта, по сказанію однихъ біографовъ, была седьмою, а по сказанію другихъ семнадцатою любовницею Августа II. Впрочемъ, надобно замѣтить, что какъ первое, такъ и послѣднее извѣстіе заслуживаетъ одинаковую вѣроятность

счесть не служить ни малѣйшимъ препятствіемъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, потому что число всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ Августъ и которыя ему платили тѣмъ же, далеко, какъ видно изъ числа портретовъ, превосходить не только 17, но и 117.

Конечно, въ pendant къ портретной галлерей побѣжденныхъ красавицъ не мѣшало бы Августу II, для болѣе точныхъ воспоминаній, составить еще и другую дополнительную коллекцію портретовъ тѣхъ личностей, которыя носили рога, полученные ими по милости короля; но король пощадилъ этихъ несчастливцевъ, и потому на васъ со стѣнъ этой галлерей — то весело, то задумчиво, то лукаво, то простодушно смотрять одни только хорошенькія личики. Среди ихъ вамъ самимъ дѣлается и пріятно и грустно, и вы сами готовы и лукавить, и хитрить, и веселиться, и задумываться.

Пора однако сказать, что влюбчивый Августъ не былъ холостъ, а въ свою очередь испыталъ радости супружеской жизни, сочетавшись бракомъ съ принцессою Христиною Бранденбургскою. Однако нельзя умолчать и о томъ, что сама судьба покровительствовала королю, облегчивъ его брачныя узы тѣмъ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, королева не была ни малѣйшей помѣхой любовнымъ развлеченіямъ своего мужа.

Надобно замѣтить, что королева Христина была самая ревностная лютеранка и что она поэтому ни подъ какимъ предлогомъ не хотѣла жить въ Варшавѣ, въ городѣ, въ то время, истинно-католическомъ. При томъ и самъ Августъ для того, чтобъ пользоваться въ небытность своей жены полной свободой, внушилъ своей супругѣ и полякамъ,

желавшимъ, чтобъ королева жила въ Варшавѣ (съ цѣлю, чтобъ при дворѣ королевскомъ могли бывать ихъ жены и дочери), что не совсѣмъ будетъ, по его мнѣнію, хорошо, если государыня-иновѣрка изберетъ для постоянного своего мѣстопробыванія столицу католическаго государства. Поляки поняли однако хитрость короля; они смекнули, что въ отсутствіе королевы расходы Августа легко могутъ увеличиться по такимъ статьямъ, безъ которыхъ онъ могъ бы обойтись, еслибъ не разставался на долгое время съ своею женою, и потому тарноградская конфедерація формально, вооруженною рукою потребовала, чтобъ королева немедленно оставила Дрезденъ и переѣхала на постоянное жительство въ Варшаву. Августъ умѣлъ однако противостоять этому требованію съ neodолжимымъ упорствомъ.

Между тѣмъ въ то время, когда Августъ II съ такимъ мужествомъ отстаивалъ свою личную свободу отъ бдительнаго надзора супруги, онъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ попался въ строгую опеку къ одному изъ тѣхъ миловидныхъ созданій, портреты которыхъ онъ отправлялъ въ свою дрезденскую галерею. Строгимъ и неумолимымъ опекуномъ Августа—сдѣлалась прекрасная графиня Козель.

Извѣстно почти всѣмъ и каждому, что всего зорче смотреть глазъ влюбленной и честолюбивой женщины: а между тѣмъ молоденькая графиня Козель была влюблена въ Августа донельзя. Кромѣ того, умненькая графиня сумѣла получить надъ королемъ безграничную власть и пользуясь ею вынудила отъ него тайное письменное обязательство вступить съ нею въ бракъ, если бы (чего Боже сохрани!), къ сожалѣнію всѣхъ подданныхъ короля-курфирста, пресѣлись драгоценные дни его супруги.

Устроивъ свою будущность такимъ образомъ, графиня Козель, чтобъ какъ можно вѣрнѣе удержать въ своихъ хорошенькихъ ручкахъ летучее сердце Августа, учредила надъ его особой самый строгій, самый неусыпный надзоръ, давъ королю въ безсмѣнные адъютанты своего роднаго брата. Съ этой поры, графиня совершенно успокоилась насчетъ короля: она была вполне увѣрена, что ей будетъ извѣстенъ каждый его шагъ, и твердо надѣялась на то, что зло, какъ бы оно само по себѣ ужасно ни было, можетъ быть однако легко уничтожено, если только захватить его въ самомъ началѣ, не давая ему развиться. Но обыкновенно расчеты человѣческіе бываютъ почти всегда крайне неосновательны и болѣею частію всегда ошибочны. Это же самое случилось и теперь, потому что тотъ, кто долженъ былъ сдѣлаться неподкупнымъ и неусыпнымъ блюстителемъ вѣрности короля къ графинѣ, — тотъ самый сдѣлался и первымъ его искусителемъ.

Братъ графини Козель былъ молодой человѣкъ, всею душою привязавшійся къ королю и любившій вмѣстѣ съ тѣмъ хорошенько пожить, чему впрочемъ очень часто при, вѣрнѣе сказать, почти всегда препятствовалъ недостатокъ собственныхъ его денежныхъ средствъ, и потому онъ искалъ разнаго рода утѣхъ и забавъ преимущественно насчетъ королевской шкатулки.

— Гдѣ ты бываешь каждый день по вечерамъ? спросилъ однажды король своего адъютанта: — я тебя съ нѣкотораго времени что-то очень рѣдко вижу у себя во дворцѣ. Адъютантъ замаялся.

— Вѣрно снова удалось тебѣ отыскать какую нибудь

красавицу? смѣясь, продолжалъ король. — Ты, я знаю, всегда былъ счастливъ въ этомъ отношеніи.

— Только не въ настоящее время, ваше величество, отвѣчалъ братъ графини Козель, пользуясь разговорчивостію короля.

— А что, видно ты опять безъ денегъ?

— Конечно, ваше величество, неимѣніе денегъ мѣшаетъ исполненію многихъ предпріятій; но въ настоящемъ случаѣ едва ли можно будетъ успѣть и при ихъ помощи.

— А что? развѣ предметъ твоей теперешней страсти уже слишкомъ недоступенъ? спросилъ король съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Испытайте сами, ваше величество, отвѣчалъ адъютантъ, — и вы разрѣшите сдѣланный мнѣ вами вопросъ.

Тогда король началъ допытываться у своего адъютанта о томъ, кто такая была эта недоступная красавица, и наконецъ узналъ, что вся варшавская молодежь сходила съ ума отъ дочери французскаго виноторговца Дювали — Генріетты.

Король почувствовалъ неодолимое желаніе хоть разъ взглянуть на Генріетту; но нелегко было это сдѣлать при неусыпномъ за нимъ надзорѣ графини Козель. Чтобъ достигнуть желанной цѣли, король заговорилъ съ братомъ графини окольными путями о своемъ намѣреніи только взглянуть на Генріетту. Король увѣрялъ своего адъютанта, что онъ желаетъ это сдѣлать вовсе не съ какою либо предосудительною цѣлью, но изъ одного только любопытства, чтобъ самому имѣть возможность убѣдиться, до чего можетъ доходить красота женщины. Увѣрившись же, во время этого разговора, въ преданности къ себѣ и въ скромности

приставленнаго къ нему шпіона, король рѣшился взглянуть на Генріетту.

Августъ II, переодѣвшись въ платье саксонскаго офицера, отправился съ своимъ адъютантомъ въ погребокъ къ Дювалю. Едва только его величество увидѣлъ Генріетту, какъ долженъ былъ сознаться, что Варшава не даромъ дала ей названіе первой красавицы. Дѣйствительно, семнадцатилѣтняя Генріетта Дюваль была хороша, какъ пучокъ махровыхъ, только-что сорванныхъ розъ, спрыснутыхъ лѣтнимъ дождемъ, и король Августъ, отличный знатокъ женской красоты, тотчасъ увидѣлъ, что дочь Дюваля имѣетъ полное право украсить своимъ личикомъ галерею, составляемую въ Дрезденѣ заботою его величества о процвѣтаніи художествъ среди управляемыхъ имъ народовъ.

Адъютантъ короля горько обманулъ довѣріе, оказанное ему его сестрой-ревнивицей; онъ умѣлъ повести дѣло такъ искусно, что Генріетта, въ мундирѣ офицера польскихъ войскъ, явилась на другой день въ королевскій замокъ, для полученія отъ его величества особыхъ секретныхъ приказаній. Приказанія эти несомнѣнно были особенной важности; но странно было только то, что послѣ нѣсколькихъ порученій, данныхъ королемъ молодому офицеру и по прошествіи извѣстнаго срока, король безъ всякаго изумленія узналъ, что являвшійся къ нему офицеръ сдѣлался не отцемъ, а матерью младенца, окрещеннаго подъ именемъ Анны. По свѣденіямъ же, полученнымъ въ то время графиней Козель, оказалось, что мать новорожденной дѣвочки была Генріетта Дюваль.

Замѣчательно, что Генріетта и сама графиня подарили

Августу по дочери въ одинъ и тотъ же день 1702 года.

Дочь графини Козель росла въ изобиліи и роскоши, потому что ее воспитывали какъ дочь короля; но грустна была судьба Анны. Надобно замѣтить, что Августъ II чрезвычайно любилъ своихъ побочныхъ дѣтей, и по всей вѣроятности дочь Генріетты сдѣлалась бы предметомъ его постоянныхъ и нѣжныхъ заботъ, если бы обстоятельства не были противъ Анны. Но горе стало преслѣдовать малютку съ пеленокъ. Война со шведами разгоралась годъ отъ году все сильнѣе и сильнѣе. Не разъ принужденъ былъ бѣгать Августъ II изъ города въ городъ, почти по пятамъ преслѣдуемый своимъ неутомимымъ соперникомъ Карломъ XII, любимцемъ воснаго счастья. Эти обстоятельства не позволяли королю заняться участію Анны; притомъ мать ея вскорѣ умерла, испытывая страшную нищету. Въ семействѣ Дювалей, послѣ смерти Генріетты, не осталось никакихъ доказательствъ, которыя давали бы имъ хотя нѣкоторое право обратиться къ королю съ просьбою объ устройствѣ судьбы несчастной Анны.

Между тѣмъ годъ проходилъ за годомъ. Анна росла въ домѣ своего дѣда и хорошѣла съ каждымъ днемъ; а король изъ красиваго юноши сдѣлался прекраснымъ мужчиной; но прошла вторая его молодость и незамѣтными шагами стала приближаться старость къ Августу II. Часто король, въ бытность свою въ Дрезденѣ, долго съ грустною задумчивостію останавливался передъ портретомъ Генріетты; кто знаетъ, быть можетъ онъ представлялъ себѣ въ это время и ся забытую всѣми могилу, и брошенную на произволъ судьбы бѣдную сироту, въ которой текла его королевская кровь.

Всѣ замѣчали грустное настроеніе короля. Дворецъ его пустѣлъ мало-по-малу. Смолкли въ немъ веселыя игры, не раздавался уже въ немъ звонкій и беззаботный смѣхъ красавицъ, какъ это бывало въ прежніе годы. Но вдругъ все переѣнилось: во дворецѣ короля, неизвѣстно откуда, явилась прелестная лѣтъ двадцати дѣвушка, и всѣ начали говорить, что это, по всей вѣроятности, будетъ уже послѣдняя, но за то самая сильная привязанность короля, который сталъ боготворить эту дѣвушку и приказалъ называть ее во всѣхъ актахъ Анной Ожельской.

Крѣпко ошиблись однако тѣ, которые предполагали грѣшную любовь въ любви короля къ Аннѣ, потому что она, какъ это сдѣлалось вскорѣ извѣстно, была его дочь; но только долгое время скрывалась отъ всѣхъ тайна ея рожденія. Сталъ бытъ, что жребій Анны былъ бы самый печальный, еслибъ въ ея бѣдной долѣ не принялъ самое горячее участіе графъ Рutowскій.

Графъ Рutowскій былъ побочный сынъ короля Августа отъ плѣнной турчанки Фатимы; онъ былъ годами двумя старше Анны, и въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, командовалъ полкомъ королевской гвардіи и отличался рѣдкою добротою сердца. Узнавъ изъ глухой молвы о существованіи въ Варшавѣ, въ семействѣ Дювалей, забытой дочери своего отца, графъ отыскалъ подроставшую Анну и захотѣлъ устроить ея будущую судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовать своего отца находкою потерянной имъ дочери.

Не объявляя Аннѣ тайны ея рожденія, Рutowскій употребилъ всѣ средства для того, чтобы дать ей воспитаніе, сообразное съ тѣмъ положеніемъ, которое ожидало ее въ

будущемъ, и не желая, въ случаѣ нерасположенія къ ней ея отца, разстроить всѣ мечтанія которыя должны были родиться въ головѣ бѣдной дѣвушки при мысли, что она имѣетъ право назвать себя королевскою дочерью, графъ, подъ разными предлогами, уговорилъ Анну надѣть офицерскій мундиръ того полка, которымъ онъ командовалъ, и явиться въ рядахъ этого полка на королевскій смотръ.

День смотра наступилъ. Король съ сумрачнымъ лицомъ ѣхалъ по рядамъ того полка, которымъ командовалъ Рutowскій, и вдругъ съ радостнымъ изумленіемъ остановился передъ однимъ молоденькимъ офицеромъ. Король сдѣлалъ нѣсколько шаговъ далѣе, но не могъ удержаться, чтобы не повернуть назадъ своего коня и не подѣхать снова къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ молоденькій офицеръ, на котораго онъ посмотрѣлъ съ такимъ изумленіемъ.

Нѣтъ!... это не призракъ... это она — Генріетта Дюваль, и въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ она, двадцать лѣтъ тому назадъ, пришла ко мнѣ въ первый разъ, подумалъ про себя Августъ и взволнованный, не спуская глазъ съ молодого офицера, онъ отѣхалъ въ сторону и подозвалъ къ себѣ графа Рutowскаго. Видно было, что король, говоря съ графомъ, въ одно и то же время сдерживалъ и радость и слезы. Ему было не до смотра: онъ нашелъ свою дочь,—живой портретъ Генріетты Дювалей.

Прошло весьма немного дней послѣ этого смотра, и королевскій замокъ въ Варшавѣ оживился опять, съ явленіемъ въ немъ Анны Ожельской, которую спустя нѣсколько времени онъ призналъ своею дочерью. Фамильное же прозваніе для Анны король позаимствовалъ отъ польскаго слова *ogieł* (ожель), что значитъ порусски орелъ, желая

тѣмъ показать, что Анна по рожденію своему принадлежитъ Польшѣ, такъ какъ польскимъ гербомъ былъ бѣлый одноглавый орелъ.

Король хотѣлъ, чтобы Анна пользовалась всѣми правами его дочери; поэтому залы королевскаго дворца были отдѣланы заново; въ нихъ начались блестящіе балы, напомнившіе Варшавѣ пышную и шумную молодость короля-курфирста. Сначала польскія матроны не совсѣмъ охотно отправлялись на эти балы, на которыхъ не только хозяйкою, но и царницею была очаровательная Анна. Но за то отъ молодежи рѣшительно не было отбою: что только было въ ней лучшаго, — спѣшило съ радостію на гостепріимный зовъ короля, чтобы любоваться его Анной, и конечно многіе изъ среды этой молодежи, а статься можетъ и немало стариковъ, мечтали о счастіи сдѣлаться мужемъ Ожельской.

Августъ II очень охотно и притомъ съ большимъ приданымъ выдавалъ еще и прежде своихъ побочныхъ дочерей за поляковъ. Анна же была самая любимая его дочь; при бракѣ съ нею можно было надѣяться на многое; для ней одной король поддерживалъ непомерную роскошь своего двора: ему весело было смотрѣть, какъ забавлялась его рѣзвая Анна.

Между тѣмъ въ огромной толпѣ вздыхателей, окружавшихъ Анну, явился одинъ молодой человѣкъ Цетнеръ, изъ фамиліи нѣмецкаго происхожденія, но еще въ давнихъ временахъ поселившейся въ Польшѣ. Онъ былъ счастливый избранникъ Анны. Бракъ съ нимъ былъ возможенъ, но на Анну уже повѣяла нравственная порча того времени. Она нисколько не скрывала своей любви къ Цетнеру, и онъ являлся всюду, гдѣ только была Анна; но Анна хотѣла

прежде всего пользоваться полною свободой и не рѣшалась стѣснить себя узами брака. Долго ли противилась она исканіямъ Цетнера, опредѣлить нельзя; но извѣстно только то, что въ 1729 году она сдѣлалась отъ него матерью.

Впрочемъ, все это уладилось и легко и скоро: около этого времени явился въ Варшавѣ одинъ изъ иностранныхъ принцевъ; родословное его древо терялось своею широко разросшейся вершиной чуть ли не въ самыхъ облакахъ; но фамилія, къ которой онъ принадлежалъ, владѣла какимъ-то микроскопическимъ государствомъ. Последнее обстоятельство заставляло недостаточного принца искать, по обычаю того времени, службы на чужой сторонѣ, если не съ чиномъ генерала, то по крайней мѣрѣ хотъ бы съ чиномъ полковника. При стѣсненномъ положеніи домашнихъ дѣлъ принца, такая богатая неvěста, какъ Анна Ожельская, была для него давно желанною находкой, а сама Анна, утомившись разсѣянною жизнью, хотѣла семейнаго покоя.

Скоро сватовство окончилось бракомъ, совершеннымъ въ Дрезденѣ съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, въ присутствіи двухъ королей и многихъ владѣтельныхъ герцоговъ и князей.

Такимъ образомъ, бѣдная, заброшенная нѣкогда сирота, а потомъ избалованная вѣтренница, сдѣлалась одной изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ въ цѣлой Европѣ, и грѣхъ своего рожденія и свой собственный прикрыла герцогской мантией.

XIV.

Ranie Kochanku.

Около половины прошедшаго столѣтія, старинный домашній бытъ въ Польшѣ и въ Литвѣ началъ исчезать слишкомъ замѣтно. Иноземные обычаи и иноземный образъ жизни, усвоенные первоначально только королевскимъ дворомъ и самыми знатными панами, проникали мало-по-малу и въ другія сословія.

Въ это время при дворѣ короля польскаго подражательность французамъ развилась уже до такой степени, что, какъ казалось, при этомъ дворѣ напудренные версальскіе придворные были скорѣе на своемъ мѣстѣ, нежели одѣтые въ кунтушъ чубатые воеводы—виленскій Радзивиль и кievскій Потоцкій. Оба они, придерживаясь старо-польскихъ обычаевъ, казались уже какими-то чудаками среди офранцузившихся польскихъ царедворцевъ, — въ особенности же Радзивиль, который, и по своему личному характеру и по образу своей жизни, былъ представителемъ старинной поль-

ской народности, уже исчезнувшей въ кругу перерожденныхъ магнатовъ.

Между тѣмъ низшая польская и литовская шляхта, не поддавшаяся еще иноземному влиянію и слѣдовавшая дѣдовскимъ обычаямъ, видѣла въ Радзивилѣ представителя стараго времени, слѣдовательно и представителя своихъ коренныхъ правъ и наслѣдственныхъ преданій. По этому самому, виленскій воевода пользовался между польскою, и особенно между литовскою шляхтою, такою популярностію, какой, вѣроятно, никому, никогда и нигдѣ не удавалось достигнуть. Не было ни поляка, ни литвина, который не зналъ бы о „Ranie Kochanku“ и не любилъ бы его. Преданіе о немъ живетъ и донинѣ.

Всѣ называли князя Карла Радзивила, воеводу виленскаго, ни по княжескому его титулу, ни по его крестному имени, ни по его знаменитой фамиліи, ни по его воеводскому званію, но означали его обыкновенно словами: „Ranie Kochanku“; это значитъ почти то же самое что по-русски: „мой любезнѣйшій!“ Прозвище это дали Радзивилу потому, что онъ, обходясь со всѣми, по старопольскому обычаю, за панибрата, говорилъ всѣмъ и каждому, а въ томъ числѣ даже и самому королю—„Ranie Kochanku“!

Придерживаясь польской старини, Радзивиль уже по одному этому не могъ быть въ ладу съ послѣднимъ польскимъ королемъ, Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ, бывшимъ скорѣе иностранцемъ, нежели полякомъ, перепивавшимся съ Вольтеромъ и умѣвшимъ приобрѣсти себѣ корону не единодушнымъ выборомъ шляхты, но посредствомъ чужеземнаго влиянія.

При вступленіи Понятовскаго на престолъ, Радзивиль

составилъ - было конфедерацію, но король одолѣлъ ее, и предводитель уничтоженной конфедераціи подвергся изгнанію изъ отечества. При такихъ обстоятельствахъ, Карлу Радзивилу, владѣтелю двухъ-сотъ тысячъ душъ и несмѣтныхъ радзивиловскихъ богатствъ, накопленныхъ вѣками, угрожала самая печальная участь: онъ долженъ былъ изъ богача-магната обратиться въ бѣдняка-странника.

Но любовь шляхты къ Радзивилу спасла его отъ этой горькой участи; потому что, какъ только сдѣлался извѣстенъ приверженцамъ Радзивила состоявшійся надъ ними приговоръ, они тотчасъ на общей сходкѣ постановили: взять отъ казны за собою въ аренду все описанныя имѣнія Радзивила за самую ничтожную плату. Никто не смѣлъ состязаться съ многочисленными пріятелями Радзивила, называвшимися албанчиками и отличавшимися неограниченной отвагой, и потому все описанныя имѣнія изгнанника перешли въ руки его горячихъ приверженцевъ, которые постановили между собою—посылать ему полугодовой доходъ со всехъ его имѣній, заарендованныхъ ими.

Между тѣмъ Радзивиль, принужденный оставить родную Литву, страствовалъ на чужбинѣ; и куда онъ только ни являлся — въ Стамбулъ ли, въ Венецію ли, въ Римъ ли,—всюду ожидали его у мѣстныхъ банкировъ огромныя суммы, переведенныя албанчиками на его имя. Поддерживаемый дружбою своихъ приверженцевъ, Радзивиль удивлялъ всехъ иностранцевъ своею непомѣрною роскошью; а между тѣмъ они, зная о судьбѣ изгнанника, повидимому лишеннаго всего, не могли никакъ объяснить себѣ источниковъ его изумительнаго богатства. И поэтому мало-по-малу распространилась за границею молва, будто Радзивиль обла-

даетъ какимъ-то волшебнымъ, неразмѣннымъ червонцемъ, величиною съ жерновъ камень, доставшимся ему по наслѣдству.

Странствуя изъ одной страны въ другую, въ ожиданіи возможности вернуться на родину, Радзивиль и на чужбинѣ хотѣлъ сохранять родные обычаи; поэтому, однажды, находясь въ Венеціи, онъ устроилъ такъ называемые у поляковъ „свенцёны“.

Свенцёнами у поляковъ называется холодная закуска, выставляемая, какъ и у насъ, на столъ въ теченіе Свѣтлой недѣли; только надобно замѣтить, что польскіе свенцёны далеко превосходятъ подобныя наши закуски, и по обилію, и по разнообразію.

Устроивъ свенцёны, Радзивиль пригласилъ къ себѣ свѣтлѣйшаго дожа и всехъ сенаторовъ, и изумилъ всехъ своихъ гостей необыкновенною вмѣстимостію польскаго желудка, потому что въ то самое время, когда итальянцы, съ ужасомъ посматривая на слишкомъ тяжелыя и слишкомъ жирныя кушанья, обходили ихъ и прикасались только къ маслу и къ макаронамъ, Радзивиль показывалъ своимъ воздержнымъ гостямъ образецъ литовскаго аппетита, употребляя въ изумительномъ количествѣ и жгучую водку, и жирную ветчину, и аршинныя колбасы и пр. и пр.

Благоразумный правитель Венеціанской республики опасался дурныхъ послѣдствій невиданнаго имъ до того времени обжорства, и по совѣщанію съ превосходительными сенаторами прислалъ тотчасъ же, послѣ своего возвращенія во дворецъ, двухъ самыхъ искусныхъ докторовъ, которые должны были, сохраняя самое строгое инкогнито, оставаться на сторожѣ въ палаццо, занятомъ Радзивиломъ, на

случай болѣзненныхъ припадковъ знаменитаго гостя, послѣ описанной закуски.

Само собою разумѣется, излишне было бы говорить, что опасенія свѣтлѣйшаго дожа и сената были совершенно напрасны. Можно только добавить, что если Радзивиль умѣніемъ выпить и плотно закусить изумлялъ итальянцевъ, то онъ этими же самыми качествами пріобрѣталъ себѣ особенное расположеніе своихъ соотечественниковъ: у нихъ въ то время крѣпкая противъ водки голова и вмѣстительный желудокъ, — эти двѣ необходимыя принадлежности гостепріимнаго хозяина, обязаннаго давать примѣръ своимъ гостямъ, — считались вообще не послѣдними достоинствами порядочнаго человѣка.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи, Радзивиль получилъ наконецъ позволеніе возвратиться на родину, и съ этого времени началась его необыкновенная популярность.

Осуждая вообще польскихъ магнатовъ послѣдняго времени за ихъ холодное равнодушіе къ благу родины, за ихъ стремленіе отдѣлиться отъ общей массы народа, за предпочтеніе ими ихъ собственнаго довольства и честолюбія прямымъ потребностямъ погибавшей отчизны, за своеволие ихъ съ низшими своими собратіями, — нельзя не сказать, что князь Карлъ Радзивиль составлялъ среди подобныхъ личностей совершенное исключеніе. Онъ былъ образецъ богача, жившаго не столько для себя, сколько для другихъ. Къ чести Радзивила надобно сказать также и то, что въ то время, когда современные ему магнаты отдавали, изъ корыстныхъ видовъ, своихъ бѣдныхъ холоповъ въ жертву жаднымъ арендаторамъ, Карлъ Радзивиль постоянно думалъ о благѣ подвластныхъ ему крестьянъ, и малѣйшую обиду,

малѣйшее притѣсненіе, оказаннаго кому нибудь изъ нихъ, онъ уже считалъ лично сдѣланнымъ ему оскорбленіемъ.

Привѣтливость, равное со всѣми обхожденіе, простодушіе, откровенность, отсутствіе надменности, пышность — тамъ, гдѣ ее нужно было выказать, — и наконецъ желаніе помочь каждому — слишкомъ выдвигали впередъ личность князя Карла Радзивила и пріобрѣтали ему общее уваженіе, не смотря на всѣ его причуды и странности, которыя, конечно, безъ множества добрыхъ качествъ, могли бы сдѣлать его только предметомъ общихъ насмѣшекъ.

Мы сказали, что Радзивиль не прочь былъ отъ пышности, но надобно прибавить, что онъ былъ далекъ отъ той тщеславной выставки своихъ богатствъ, которая доставляетъ удовольствіе только тѣмъ, кто имѣетъ возможность пользоваться ими, и которая въ то же время какъ бы оскорбляетъ другихъ. Напротивъ, Карлъ Радзивиль обнаруживалъ пышность и выставялъ свои богатства тамъ, гдѣ то и другое, по понятіямъ того времени, могло доставлять общее удовольствіе: тамъ, гдѣ богатство одного человѣка дѣлалось предметомъ зрѣлища, любопытнаго для всѣхъ, и какъ бы забавляло цѣлую толпу, не давая ей чувствовать преобладаніе пышнаго магната. Всѣ очень хорошо знали, что Карлъ Радзивиль, изумлявшій всѣхъ своею пышностью въ извѣстныхъ, только весьма не многихъ, случаяхъ, въ обыкновенной своей жизни, не смотря на несмѣтныя богатства, хотѣлъ жить и жилъ такъ, какъ жилъ въ его время простой, небогатый шляхтичъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно было заглянуть въ Несвижъ, любимое и обыкновенное мѣстопробываніе князя. Побывавшіе въ Несвижѣ могли видѣть, что Карлъ Радзи-

вилъ, если ему не было надобности измѣнять образа жизни, строго держался, по обычаю предковъ, и старинной простоты и строгой умѣренности тамъ, гдѣ соблюденіе той и другой повелось изстари.

Дѣйствительно, въ то время, когда польскіе магнаты, побывавши за границею и присмотрѣвшись къ тамошнему быту дворянства, строили въ своихъ помѣстьяхъ и огромные замки и великолѣпные дворцы, — первый богачъ Литвы и Польши жилъ подъ простою дѣдовскою кровлей.

У Радзивила, въ его несвижскомъ домѣ, въ подвалахъ котораго хранились несмѣтные сокровища, не было ни пышной мебели, ни зеркалъ, ни бронзы; были только драгоценныя ковры, и то развѣшанные по стѣнамъ, тогда какъ гладкій дубовый полъ былъ, какъ это велось у его отца и дѣдовъ, старательно натертъ воскомъ.

Правда, надобно сказать, что обѣденная зала въ домѣ Карла Радзивила отличалась слишкомъ дорогою диковинкою для того времени, потому что вся была обита гобеленовыми обоями. Но это не было собственной тратой князя Карла, потому что дорогіе обои достались ему въ наслѣдство отъ отца, который самъ получилъ ихъ въ подарокъ отъ французскаго короля Людовика XIV. Самый рисунокъ обоевъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовалъ назначенію той комнаты, въ которой они висѣли; такъ какъ на одной ихъ части было изображено насыщеніе 5000 человѣкъ пятью хлѣбами, а на другой — бракъ въ Канѣ Галилейской.

Въ дополненіе къ этимъ обоямъ, отецъ князя Карла велѣлъ нарисовать на стѣнахъ охоту, на которой погибъ лучший его другъ Илинчъ, и въѣздъ въ Краковъ королевы Варвары, жены короля Сигизмунда II, урожденной Радзи-

вилъ. Всѣ лица, изображенныя на этихъ картинахъ, были сняты съ родныхъ, пріятелей, знакомыхъ и слугъ покойнаго князя.

Надобно впрочемъ замѣтить, что еще двѣ вещи, по своей цѣнности, обращали на себя въ домѣ Радзивила общее вниманіе его многочисленныхъ гостей: это были — двѣ огромныя люстры, каждая въ 300 свѣчей, перешедшія къ Радзивиламъ по наслѣдству отъ князей Вишневецкихъ.

Такимъ образомъ въ домѣ магната не попадались въ глаза убогой шляхты тѣ прихотливыя и вычурныя украшенія, которыя въ жилищахъ другихъ польскихъ богачей слишкомъ рѣзко напоминали гостямъ о ихъ бѣдности и о богатствѣ хозяина.

Но ограничивая пышность въ своемъ домѣ, князь Карлъ выказывалъ ее тамъ, гдѣ она могла дѣлаться какъ бы общою для всѣхъ: такъ гостямъ его, всѣмъ безъ различія, подавали обѣдать и ужинать на серебрѣ и на фарфорѣ, что, надобно замѣтить, не очень водилось у другихъ магнатовъ, на обѣды которыхъ являлись шляхтичи, неся за пазухой собственные свои ножи, вилки и ложки. Кормилъ своихъ гостей радушный хозяинъ опять всѣхъ безъ различія, не одними простыми кушаньями — крупникомъ и рубцами, но кромѣ этихъ, самыхъ обыкновенныхъ польскихъ блюдъ, у него на столѣ являлись медвѣжьи лапы подъ вишневымъ соусомъ, бобровые хвосты съ икрой, лоси ноздри съ миндалемъ, жаренные ежи и кабаньи головы. Само собою разумѣется, что обильно изобили водки, пива, меда и венгерскаго говорить нечего.

При пріѣздѣ каждаго гостя, трубачъ трубилъ; и Радзивиль по этому знаку выходилъ въ сѣни, для встрѣчи пріѣзжаго гостя. Обыкновенно у него набиралось столько гостей,

что, не смотря на огромность княжескихъ палатъ, въ нихъ не могли всѣ гости обѣдать разомъ, и потому обѣдали по очереди, такъ что иногда накрывали столъ раза по четыре.

Обходясь, какъ замѣчено, со всею шляхтою за панибрата „паве-коханку“ не требовалъ отъ нея для себя особаго почета; но сами гости, любя и уважая своего хозяина, вставали съ своихъ мѣстъ и низко кланялись князю, при каждомъ его выходѣ въ залу, хотя бы это случилось сряду двадцать разъ. На эту вѣжливость гостей хозяинъ отвѣчалъ тою же самою вѣжливостію.

Особенный приливъ гостей въ Несвижъ былъ ежегодно 4 ноября, въ день святаго Карла, такъ какъ въ этотъ день князь былъ именинникъ. Понятовскій, примирившійся съ Радзивиломъ, никогда не забывалъ этого дня, и присылалъ нарочно въ Несвижъ къ этому дню одного изъ каштеляновъ, чтобъ поздравить князя съ его ангеломъ, отъ имени короля.

Еще за нѣсколько дней до 4 ноября, по дорогамъ, шедшимъ въ Несвижъ, не было уже проѣзду; онѣ были загромождены множествомъ каретъ, кочей, повозокъ и бричекъ, набитыхъ гостями, ѣхавшими въ Несвижъ; всѣ придорожные корчмы и гостиницы были заняты проѣзжими. Хлопанье длинныхъ бичей не умолкало ни на минуту.

Впрочемъ было два особенныхъ случая, гдѣ пышность Радзивила превзошла всякое вѣроятіе; именно,—одинъ разъ, при вѣздѣ его въ Вильно, какъ виленскаго воеводы, а другой разъ, при пріѣздѣ короля Станислава-Августа въ Несвижъ, въ гости къ своему бывшему сопернику.

О вѣздѣ виленскаго воеводы долго говорили и въ Литвѣ и въ Польшѣ. Вѣздъ начался въ 6 часовъ утра и кончился

только въ 8 часовъ. Цѣлыхъ два часа безостановочно тянулся торжественный поѣздъ князя-воеводы. Послѣ множества каретъ, бывшихъ въ поѣздѣ, ѣхала княжеская кухня, за нею княжескій гардеробъ, при особой стражѣ; всего было 100 пуговъ или 600 лошадей въ упряжи; кромѣ того, за воеводой ѣхали 2000 его конныхъ козаковъ и шло 6000 человекъ его собственной пѣхоты.

Въ этотъ день во всѣхъ пяти радзивилловскихъ палатахъ, принадлежавшихъ въ то время въ Вильнѣ Радзивилу, были приготовлены роскошные обѣденные столы для шляхты; а на всѣхъ виленскихъ рынкахъ были разставлены въ изобиліи жаренные волы, а также бочки съ медомъ и пивомъ. Каждый ѣлъ и пилъ, сколько было душѣ угодно, на счетъ щедрого воеводы. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ площадяхъ были пущены фейерверки, устроены иллюминаціи, маскарады, и представляли комедіанты разныя штуки.

Еще большее великолѣпіе выказалъ Радзивиль при посѣщеніи Несвижа королемъ Станиславомъ-Августомъ въ 1782 году. Въ этомъ случаѣ, князь, уже не боясь раздражить шляхту, но зная, что она будетъ довольна, если короля поразитъ богатство литовскаго шляхтича, онъ рѣшился показать королю и гостямъ богатство Радзивилловъ. Открылась вѣковая сокровищница: изъ нея вынесли золотую, золоченую и серебряную посуду, столы и экраны для каминовъ, вылитые изъ серебра, и разставили ихъ въ комнатахъ, назначенныхъ для короля. Развѣсили рѣдкія gobelены и разостлали драгоцѣнные турецкіе ковры. Въ шести огромныхъ комнатахъ разложили наслѣдственные рѣдкости: булавы, жезлы, знамена, изображенія апостоловъ, вылитыя изъ золота, мощи въ ковчегахъ, украшенныхъ дра-

гоцѣнными камнями, старинное оружіе, египетскія муміи, китайскіе и японскіе фарфоры и пр.

На зовъ хозяина, къ приѣзду короля поспѣшила почти вся литовская шляхта въ Несвижъ, а какъ извѣстно, ее было не мало.

По случаю посѣщенія королемъ Несвижа, князь обмундировалъ заново все свое восьмьтысячное войско, выписалъ музыкантовъ изъ Италіи, а также и поетовъ, плохихъ и хорошихъ, какъ изъ ближайшихъ околдовъ, такъ и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Литвы и Польши. Наконецъ были сдѣланы огромныя приготовленія къ королевской охотѣ.

Начиная далеко за Слуцкомъ, съ самаго Полѣся, стали сгонять къ Несвижу звѣрей; чтобы удержать ихъ въ этихъ мѣстахъ до королевскаго приѣзда, строили заборы, дѣлали заѣмки и составляли неразрывныя цѣпи изъ людей, иногда по протяженію нѣсколькихъ миль. Тѣснимые такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, и волки, и медвѣди, и лисцы, и лоси, и вепри сбѣгались во множествѣ на мѣсто, предназначенное для королевской охоты. Тамъ устроили великолѣпный павильонъ; охота удалась какъ нельзя лучше: король самъ застрѣлилъ медвѣдя.

Гостей, кромѣ дамъ, собралось двѣ тысячи; для нихъ были разбиты палатки подъ Несвижемъ. Все содержаніе ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, производилось на счетъ Радзивила.

Когда король, въ сопровожденіи литовскаго подканцлера Хрептовича и знаменитаго польскаго историка, епископа Нарушевича, подѣзжалъ къ Несвижу, то князь Карлъ встрѣтилъ его за милою отъ своей резиденціи.

Князь выѣхалъ навстрѣчу королю на конѣ чистой арабской породы; на конѣ была золотая уздечка, осыпанная драгоценными камнями, а подкованъ онъ былъ золотыми подковами. На Радзивилѣ былъ надѣтъ богатый кунтушъ съ брильянтовыми пуговицами, а сабля, украшенная брильянтами, стоила, по увѣренію знатоковъ, по крайней мѣрѣ 80.000 польскихъ злотыхъ, — сумма огромная для тогдашней цѣнности денегъ.

При встрѣчѣ короля княжеская пѣхота стояла вытнутою по несвижской дорогѣ въ два ряда; по бокамъ королевскаго поѣзда ѣхала конница; надъ домомъ развѣвался флагъ съ гербомъ Радзивиловъ; съ валовъ, окружавшихъ Несвижъ, непрерывно стрѣляли изъ пушекъ; во всѣхъ костелахъ раздавался неумолкаемый колокольный звонъ.

Король остановился у несвижской приходской церкви и вошелъ въ нее. Тамъ онъ сѣлъ на приготовленное для него кресло, а шесть рыцарей огромнаго роста, въ тяжелыхъ стальныхъ доспѣхахъ, заняли мѣста по бокамъ королевскаго трона. Духовникъ Радзивила произнесъ королю привѣтственную рѣчь, въ которой онъ сказалъ, между прочимъ, что не зачѣмъ дивиться Радзивиламъ, если къ нимъ приходятъ короли, такъ какъ въ Несвижѣ былъ у нихъ блаженной памяти король польскій Сигизмундъ II Августъ, желая вступить въ бракъ съ Варварою Радзивилъ; былъ и король Михайлъ Вишневецкій, близкій родственникъ Радзивиламъ; что былъ наконецъ здѣсь и знаменитый освободитель Вѣны Янъ Собѣскій, родившійся отъ княжны Радзивилъ, но что все-таки, не смотря на это, прибытіе его величества короля Станислава-Августа князь Радзивилъ считаетъ для себя за особенную честь.

Король провелъ пять дней въ Несвижѣ. Въ это время праздниѣ смѣнялся праздниѣмъ. Между прочими увеселеніями была представлена на несвижскихъ прудахъ осада Гибралтара.

Быль впрочемъ еще и третій случай, выказавшій богатство князей Радзивилловъ — это похороны отца князя Карла, великаго гетмана литовскаго. „Пане-коханку“ къ похоронамъ отца готовился нѣсколько лѣтъ: многія украшенія костела,—куда былъ внесенъ стоявшій до того времени въ склепѣ гробъ гетмана,—были выписаны изъ Парижа. Къ похоронамъ гетмана съѣхалась въ Несвижъ почти вся литовская шляхта; сто экипажей, каждый запряженный четырьмя конями, были готовы во всякое время къ услугамъ гостей. Похороны гетмана стоили болѣе 1.000.000 польскихъ золотыхъ, не считая огромныхъ издержекъ на вина.

Богатство и могущество Радзивила и его вліяніе на шляхту обнаруживались также и при его поѣздкахъ въ гости, при отправленіи на охоту и приѣздахъ его на шляхетскіе сеймики.

Пріемъ такого гостя, какъ Радзивиль, обходился тому, кого онъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ, иногда до 30.000 золотыхъ. Когда „пане-коханку“ приѣзжалъ въ гости къ какому-нибудь шляхтичу, то хозяинъ, со всѣми своими гостями, спѣшилъ встрѣтить его на границахъ своихъ владѣній; при появленіи князя раздавались громкія восклицанія: „Да здравствуетъ нашъ князь, краса литовской провинціи!“ Въ знакъ же уваженія къ дорогому гостю вся шляхта, встрѣчавшая Радзивила, соскакивала съ коней, хотя бы въ то время лежалъ самый глубокій снѣгъ, или была бы грязь по колѣни; но за то и самъ князь, въ свою

очередь, выходилъ изъ саней, здоровался, стоя въ сѣгѣ или въ гризи, съ каждымъ изъ шляхтичей, такъ что иногда такая встрѣча длилась по нѣскольѣу часовъ.

Поздоровавшись и перецѣловавшись со всѣми шляхтичами, князь ужъ не влѣзалъ въ свои сани, но садился на коня и отправлялся верхомъ вмѣстѣ со всѣми. При подъѣздѣ къ дому и хозяинъ и гости поспѣшали обогнать князя, чтобы снова встрѣтить его на крыльцѣ всей ватагой. Во время обѣдовъ и ужиновъ, гости, очарованные любезностію князя, нерѣдко стаскивали съ него сапогъ, и пили изъ этого сапога венгерское за здоровье добродушнаго магната.

Отправленіе „пане-коханку“ на охоту тоже было дѣломъ не послѣднимъ. Кстати замѣтимъ при этомъ, что онъ, проѣзжая отъ Нѣмана до Двины и отъ Двины къ Вислѣ, могъ всегда ночевать въ своихъ владѣніяхъ,—такъ широко раскидывались они по всей Литвѣ.

При поѣздкахъ Радзивила на охоту, впереди его ѣхало нѣсколько вершниковъ, впереди которыхъ находился придворный маршалокъ Радзивила. Маршалокъ замѣчалъ вязками соломы дорогу, если она выходила на проселки, и отправлялъ въ лѣсъ одного изъ ловчихъ, который замѣчалъ тропинки, посыпая ихъ ельникомъ. На дорогѣ поѣздъ увеличивался, какъ снѣжный комъ, все болѣе и болѣе, потому что безпрестанно выѣзжали навстрѣчу князю всѣ околные шляхтичи и присоединялись къ слѣдовавшей за нимъ толпѣ.

Маршалокъ распоряжался заготовленіемъ на дорогѣ всего необходимаго; по его распоряженію, на всемъ пути строили будки и шалаши; по вечерамъ, если останавливалась княжескій поѣздъ на ночлегъ, около того мѣста зажи-

галцъ безчисленные огни, вокругъ которыхъ, и въ лѣсу и въ полѣ, широко размѣщались спутники князя. Ночевка ихъ напоминала цыганскій таборъ: кони ржали, пощипывая траву; слышалось безпрестанно ворчаніе и лай гончихъ собакъ, и раздавался веселый говоръ и пѣсни охотниковъ, отзывавшіяся и удалю и беззаботностью.

Мѣстечки, черезъ которыя проѣзжалъ Радзивиль, были рады гостямъ, потому что князь обращался со всѣми не такъ, какъ другіе магнаты,—онъ былъ постоянно и добръ и привѣтливъ.

Шляхетскіе сеймики, на которые пріѣзжалъ Радзивиль, обнаруживали не столько его значеніе, какъ магната, сколько любовь къ нему шляхты и собственное его желаніе пріобрѣсти для себя расположеніе своихъ однословниковъ.

Обыкновенно „пане-коханку“ являлся на сеймики въ Новогрудокъ, и останавливался въ кельѣ настоятеля тамошняго монастыря. Весь городъ при пріѣздѣ князя кипѣлъ жизнью. Дворъ монастыря загромождали фуры съ мукой, солониной, съ пивомъ, назначеннымъ для угощенія шляхтичей, которые, разведя огромные костры, укладывались спать на монастырскомъ дворѣ. На счетъ князя, во все продолженіе сеймиковъ, убивали каждый день двухъ воловъ для кормленія шляхты. Въ теченіе этого времени онъ обѣдалъ каждый день два раза: разъ со всею шляхтою на дворѣ, а другой разъ только съ избранными своими гостями въ настоятельскихъ покояхъ.

Желая какъ можно болѣе расположить къ себѣ шляхту, бывшую на сеймикахъ, „пане-коханку“, окруженный толпою шляхтичей, нерѣдко начиналъ съ того, что снималъ

съ себя шапку и дарилъ ее одному изъ близъ-стоявшихъ около него согражданъ, потомъ снималъ дорогой поясъ и съ нимъ дѣлалъ то же; далѣе доходила очередь до брилліантовъ булавки, до кунтуша; и такимъ образомъ подобная раздача оканчивалась обыкновенно тѣмъ, что Радзивиль, раздѣвшись почти до-нага, садился въ простую телѣгу, на которой стояла огромная бочка вина, и шляхта, приведенная въ восторгъ любезностью и щедростью магната, впрягшись въ телѣгу, тащила ее на себѣ по улицамъ Новогрудка. Поѣздъ останавливался время-отъ-времени, и каждый шляхтичъ, который только хотѣлъ, могъ получить или кубокъ, или цѣлый гарнецъ вина изъ бочки, находившейся на телѣгѣ; причемъ самъ князь вытаскивалъ изъ бочки затычку и уговаривалъ шляхтичей избрать тѣхъ, кому онъ покровительствовалъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ на умы шляхты, „пане-коханку“ прибѣгалъ порою и къ другимъ, болѣе замысловатымъ средствамъ. Такъ однажды, для большаго привлеченія на свою сторону новогрудской шляхты, онъ рассказывалъ ей, что разъ какъ-то ему пришло на мысль оставить Литву и поселиться на Волыни; но что, однако, когда онъ молился въ Боремлѣ, услышалъ голосъ, который сказалъ ему: „Радзивиль! иди опять въ Литву и не имѣй никакого дѣла съ волынской шляхтою; потому что она тебя не стоитъ. Иди въ Литву, говорю тебѣ я, и кланяйся отъ меня новогрудской шляхтѣ!“

Такими способами князь-воевода привлекалъ къ себѣ толпу приверженцевъ, которые видѣли въ немъ магната, неотступно слѣдовавшаго обычаемъ своихъ предковъ, уравнивавшимъ всѣхъ шляхтичей между собою, какъ родныхъ

братевъ. Такъ, самая одежда князя Карла Радзивила отличала въ немъ любителя стараго, а не новаго порядка, потому что въ то время, когда знатные паны, побывавши за границей и возвратившись на родину, покидали праотческую одежду, Радзивиль и среди варшавскаго двора не снималъ старопольскаго жупана, присвоеннаго виленскому воеводству. Надобно также сказать, что любимый бѣлый жупанъ Радзивила былъ обыкновенно весь въ пятнахъ и истасканъ до крайности. Въ такомъ нарядѣ князь-воевода, въ битность свою въ Варшавѣ, зачастую являлся къ щеголеватому Понятовскому, всегда напудренному, раздушенному, подшнурованному и завитому. Король, любившій щегольство и опрятность, рѣшился однажды замѣтить Радзивилу ветхость его наряда.

— Наяснѣйшій государь! отвѣчалъ Радзивиль, — хорошо вамъ все новое да новое, а вѣдь такой кунтушъ, какъ на мнѣ, ужъ тринадцатый Радзивиль, виленскій воевода, носить, — такъ не удивительно, что онъ и поистерся.

Этими словами Радзивиль намекнулъ Понятовскому на древность и знатность рода Радзивила и на недавнюю извѣстность Понятовскихъ.

Но кромѣ одежды, Радзивиль отличался отъ другихъ современныхъ ему магнатовъ и религіозными вѣрованіями, и образомъ жизни.

Въ его время ученіе французскихъ философовъ, покровительствуемое королемъ, все сильнѣе и сильнѣе проникало въ высшій классъ общества. Внѣшнія проявленія религіозности, вслѣдствіе того, замѣтно ослабѣли; но Карлъ Радзивиль, выросшій въ глуши Литвы на глазахъ отца, который билъ его батогами, не смотря на то, что Карлъ былъ

уже въ совершенномъ возрастѣ, занималъ должность литовскаго мечника, и имѣлъ станиславскую ленту, — сохранилъ стародавнія понятія и обычаи.

Вслѣдствіе этого, князь Карлъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ блюстителей внѣшняго богопочитанія. Онъ обнаруживалъ это при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, когда однажды, въ сраженіи съ русскими, упало почти у самыхъ ногъ Радзивила пушечное ядро и онъ остался невредимъ, то избавленіе свое отъ смерти онъ приписалъ особенному за него заступленію Богородицы, и поэтому онъ приказалъ поднять ядро и взвѣсить его, и когда оказалось что ядро, подлетѣвшее къ Радзивилу, было двѣнадцати-фунтовое, то онъ велѣлъ сдѣлать серебряное ядро въ столько же фунтовъ и въ память благодарности повѣсилъ его передъ иконою Борунской Богоматери.

Слѣдуя во всемъ, сколь можно болѣе, старымъ обычаямъ, „пане-коханку“ проводилъ всегда послѣдніе дни масланицы самымъ веселымъ образомъ; но за то въ первый день великаго поста онъ начиналъ свое покаяніе съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ обрядовъ.

Обыкновенно въ послѣдній день масланицы, уже на разсвѣтѣ, Радзивиль заговлялся; на столъ подавали постное кушанье, и когда поднимали съ миски крышку, то изъ подъ нея вылеталъ воробей. Это по старопольскому обычаю должно было означать, что мясная пища кончилась и что постъ ужъ начался. Въ это время Радзивиль приглашалъ своихъ собесѣдниковъ говѣть вмѣстѣ съ нимъ.

Поутру, при первомъ ударѣ колокола въ несвижскомъ костелѣ, Радзивиль съ своими пріятелями, надѣвъ на себя власяницу, съ веревкой на шеѣ и съ головой, покрытой

пепломъ, шелъ къ костелу, и онъ и спутники его пѣли покаянные псалмы и каждый изъ нихъ, въ томъ числѣ и князь, несъ подъ мышкой по огромной плотно-скрученной, ременной плети.

Войдя въ костелъ, князь раздѣвался до пояса и приказывалъ дѣлать то же самое и своимъ кающимся пріятелямъ, и потомъ, читая псаломъ: „Помилуй мя Боже!“ принимался хлестать по плечамъ сокрушавшихся грѣшниковъ; каждый изъ нихъ былъ и самъ бить, и въ свою очередь билъ каждого изъ своихъ товарищей. Однажды, когда въ одинъ изъ такихъ дней, очередь быть битымъ дошла и до Радзивила, то сначала всѣ били его плетью слегка, по чувству особеннаго къ нему уваженія, но одинъ изъ кающихся шляхтичей, котораго самъ Радзивиль за особенные его грѣхи отхлесталъ безъ сожалѣнія, началъ отплачивать ему тѣмъ же. „Довольно! довольно, пане-коханку, закричать тогда Радзивиль: — остальное покаянiе отложимъ лучше до великой пятницы!“

Много разныхъ забавныхъ разсказовъ сохранилось о Радзивилѣ. Всѣ они обнаруживаютъ его доброту и ненадменность: онъ любилъ шутить съ другими, но не оскорблялся, если и съ нимъ поступали такъ же. Стараясь не отличаться въ образѣ жизни отъ убогой шляхты, Радзивиль самъ очень часто чистилъ въ несвижской конюшнѣ своихъ лошадей, сѣдлалъ и запрягалъ ихъ; славно пилъ, многу ѣлъ, не любилъ картъ и сѣкъ безъ милосердія всѣхъ евреевъ, которые продавали ихъ.

Онъ не дѣлалъ ни шагу безъ огнива, нѣсколькихъ карманныхъ часовъ, шнипера для пусканія крови, табакерки, четоу, печати, запонки, кошелька для денегъ, пустаго

мѣшочка, зажигательнаго стекла, складнаго ножа и сабли.

Онъ чрезвычайно боялся чертей и привидѣній, и лежа въ постелѣ, крестился безпрестанно.

Наружность Радзивила можно описать въ слѣдующихъ словахъ: онъ былъ высокаго роста, довольно тучный, имѣлъ огромную голову и былъ въ старости до такой степени лысъ, что у него торчало на вискахъ только нѣсколько волосъ; усы у него были большіе; онъ опускалъ ихъ книзу, когда бывалъ не въ духѣ, и наоборотъ — поднималъ ихъ вверхъ и крутилъ ихъ, если былъ веселъ; голубые его глаза смотрѣли пріятливо.

Князь Карлъ умеръ въ Варшавѣ, въ 1788 году, старымъ холостякомъ. Его пышность и щедрость къ шляхтѣ поразили доставшееся ему радзивиловское богатство; такъ что, по выраженію одного современника, у него долги росли, какъ грибы.

„Пане-коханку“ остался донинѣ, и въ польской литературѣ и въ преданіяхъ, символомъ исчезавшаго въ его время народнаго польскаго характера. Онъ, когда иноземные обычаи стали ужъ запираеть передъ убогой шляхтой великолѣпные палацы магнатовъ, давалъ въ Несвижѣ гостепріимный пріютъ не только ей самой, но и всѣмъ ея обычаямъ и преданіямъ.

XV.

Станиславъ-Августъ, король польскій.

Фамилія Понятовскихъ, отъ которой происходилъ послѣдній король польскій, не отличалась въ Польшѣ ни знатностью, ни богатствомъ.

Впрочемъ, надобно замѣтить, по польскимъ гербовникамъ, составленнымъ послѣ возвышенія Понятовскихъ, Понятовскіе вели свое начало отъ Лудольфа, герцога саксонскаго, жившаго около 886 года, и отъ Гвидона Салингуэры, перваго владѣтеля Феррары. По родословнымъ, тамъ помѣщеннымъ, король былъ въ 29-мъ колѣнѣ потомкомъ Лудольфа и въ 20-мъ потомкомъ Гвидона. По сказаніямъ же польскихъ геральдиковъ вообще, прямой родоначальникъ Понятовскихъ, графъ Торели, выѣхалъ въ Польшу изъ Италіи только въ первой половинѣ XVII вѣка; онъ женился здѣсь на наслѣдницѣ имѣнія Понятова и принялъ фамилію Понятовскаго, приписавшись къ гербу „Телецъ“. Извѣстно, что въ польской геральдикѣ не каждая дворянская фами-

лія имѣла свой гербъ, но всего было около двухъ съ половиною сотенъ гербовъ, къ которымъ и приписывались лица, поступившія въ сословіе польскаго дворянства.

Первый изъ Понятовскихъ былъ храбрый воинъ и имѣлъ сына Францишка, родившагося 3 октября 1651 г. и отличившагося въ послѣдствіи въ рядахъ Собѣскаго, подъ стѣнами Вѣны; отъ брака съ Еленою Невяровскою онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей и въ числѣ ихъ былъ Станиславъ, отецъ будущаго короля.

Станиславъ Понятовскій родился въ 1675 году. По своему характеру и по своимъ дѣяніямъ онъ принадлежить къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ польской исторіи. Молодость свою онъ провелъ въ австрійской службѣ, подъ знаменами принца Евгенія Савойскаго. Король польскій Августъ II, вступивши на престолъ, конфисковалъ имѣнія Понятовскаго, за приверженность его къ королю Станиславу Лещинскому. Будучи преданъ послѣднему, Понятовскій естественно былъ приверженцемъ Карла XII, къ которому онъ и удалился въ 1709 году. Когда Карлъ XII жилъ въ Бендерахъ, Понятовскій отправился въ Константинополь и тамъ успѣлъ вооружить Порту противъ Россіи. Слѣдствіемъ этого былъ прутскій походъ, такъ неудачно кончившійся для Петра Великаго.

Когда Карлъ XII былъ убитъ, Лещинскій, потерявъ надежду возратить утраченную имъ корону, подписалъ свое отреченіе отъ польскаго престола, и отправилъ это отреченіе съ тѣмъ, кто дѣлилъ всѣ его невзгоды и всѣ опасности: онъ желалъ этимъ самымъ сблизить Понятовскаго со своимъ счастливымъ соперникомъ—королемъ Августомъ. Смѣло и даже гордо явился тогда Понятовскій

передъ Августомъ II, и объявивъ ему, что такъ какъ законный король польскій и великій князь литовскій Станиславъ Лещинскій добровольно сложилъ съ себя корону и уступилъ ее курфирсту саксонскому Августу, то онъ, Понятовскій, признаетъ теперь законнымъ государемъ Польши и Литвы курфирста саксонскаго Августа II.

Августъ II оцѣнилъ благородное упорство Понятовскаго; онъ принялъ его чрезвычайно ласково, сдѣлалъ ловчимъ великаго княжества Литовскаго, потомъ старѣстой любельскимъ, потомъ воеводой мазовецкимъ, а наконецъ каштеляномъ краковскимъ. Достигнувъ этого званія, Станиславъ Понятовскій сталъ первымъ сановникомъ королевства; на этой должности, вмѣстѣ съ доходами съ возвращенныхъ ему родовыхъ имѣній, онъ получалъ по крайней мѣрѣ 300.000 злотыхъ ежегодно. Почести и общее уваженіе окружали заслуженнаго воина. Оцѣнивъ вполне умъ и твердость Понятовскаго, Августъ II посылалъ его два раза польскимъ посланникомъ въ Парижъ.

Непреклонный въ бояхъ и въ несчастіяхъ, каштелянъ краковскій не устоялъ однако передъ миловидной дѣвушкой, и ужъ подъ-пятьдесятъ лѣтъ женился на княжнѣ Констанціи Чарторыжской, которой въ день свадьбы было не болѣе 18-ти лѣтъ. Этотъ бракъ, несоразмѣрный по годамъ жениха и невесты, не принесъ особеннаго счастья каштеляну краковскому; его молодая супруга была женщина гордая и строптивая въ отношеніи къ мужу—и, какъ говорила молва, была вѣтрена въ супружеской жизни. Она подарила каштеляну двухъ дочерей: Людвигу и Изабеллу, и пять сыновей; изъ нихъ четвертому, Станиславу, судьба опредѣлила носить польскую корону. Онъ родился 17 января

1732 года, въ мѣстечкѣ Волжинѣ, въ то время, какъ его мать была во всемъ блескѣ женской красоты, а отецъ, удрученный годами и тревогами, испытанными въ жизни, казался уже слабымъ и болѣзненнымъ старикомъ.

Дѣтство свое провелъ будущій король въ деревенскомъ уединеніи, подъ надзоромъ своей матери, которая позаботилась о томъ, чтобъ дать ему если не основательное, то блестящее и разностороннее образованіе. Въ самые молодые годы онъ объѣхалъ почти всю Европу. Съ перваго вступленія своего въ свѣтъ, красивый, ловкій и остроумный Понятовскій нашелъ счастье у женщинъ; а извѣстно, что кого полюбить женщины того полюбить и судьба.

Въ Парижѣ Понятовскій пользовался всѣми земными удовольствіями; но они вовлекли его въ неоплатные долги, и будущій король былъ, какъ несостоятельный должникъ, посаженъ въ тюрьму, и только усиленные хлопоты знаменитой г-жи Жоффренъ, прельщенной прекраснымъ узникомъ, избавили Понятовскаго отъ тюремнаго заключенія.

Изъ Парижа Понятовскій поѣхалъ въ Лондонъ, а отсюда въ 1756 году отправился въ качествѣ секретари при англійскомъ посланникѣ Вильямѣ Гембари. Побѣды надъ женщинами слѣдовали повсюду за Понятовскимъ. Нѣкоторыя изъ хорошенькихъ грѣшницъ, поддававшихся его очаровательному вліянію, сохранили въ своихъ запискахъ откровенные рассказы о первой роковой встрѣчѣ со своимъ искушителемъ, а также и о томъ, какъ онѣ для него обманывали своихъ зорко-сторожившихъ мужей, и какъ онѣ пробирались украдкой къ счастливцу, подъ тѣнью ночи, этой вѣрной подруги всѣхъ любовныхъ свиданій.

Въ 1757 году Понятовскій былъ назначенъ польскимъ

посланникомъ въ Петербургъ; близость его къ канцлеру Бестужеву, подвергнувшемуся опалѣ, а быть можетъ и другія обстоятельства—заставили петербургскій дворъ просить польскаго министра, графа Брюля, объ отзывѣ Понятовскаго изъ Петербурга. При вступленіи на престолъ Екатерины II, Понятовскій былъ, по ея желанію, назначенъ опять польскимъ посланникомъ въ Петербургъ, и здѣсь этого любимца счастья и женщинъ ждала королевская корона.

Когда умеръ польскій король Августъ II, Екатерина пригласила къ себѣ Понятовскаго и предложила ему домогаться короны Піастовъ. Понятовскій выразилъ императрицѣ свое удивленіе и замѣтилъ невозможность этого домогательства; но русскія войска и сорокъ тысячъ прусаковъ двинулись къ Варшавѣ.

Обстоятельства между тѣмъ благопріятствовали Понятовскому. Сильнѣйшею въ то время партіей въ Польшѣ была партія князей Чарторыжскихъ, ближайшихъ родственниковъ молодаго Понятовскаго по матери. Чарторыжскіе, не надѣясь достигнуть короны сами, такъ какъ они не пользовались расположеніемъ шляхты, замыслили посадить на польскій престолъ своего племянника, разсчитывая, что при этомъ они будутъ властвовать его именемъ. Кромѣ опоры въ партіи Чарторыжскихъ, Понятовскій имѣлъ опору въ общемъ расположеніи и уваженіи къ его отцу. Притомъ вся почти молодежь была на сторонѣ умнаго и образованнаго Понятовскаго, какъ такого молодаго человѣка, который имѣлъ достаточно силъ для того, чтобы произвести необходимыя реформы во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ Рѣчи Посполитой. Не малое число при-

верженцевъ имѣлъ очаровательный Понятовскій въ женскомъ полѣ, и надобно сказать, вліяніе молодыхъ и хорошихъ женщинъ на дѣла государственныйя всегда и вездѣ бываетъ сильнѣе, нежели обыкновенно думаютъ.

Но если Понятовскій лично привлекалъ къ себѣ въ Польшѣ много сочувствія и подавалъ много надеждъ, то вся его семья (за исключеніемъ только старика отца), а въ особенности мать его, Констанція, была предметомъ общей ненависти. Гордая и властолюбивая Констанція, не хотѣла вспомнить незнатность Понятовскихъ; она воспитывала своихъ сыновей хотя и весьма тщательно, но въ духѣ высокомерія, и мечтала пріобрѣсти для одного изъ нихъ польскую корону. Пронски и интриги Понятовской озлобляли противъ нея всѣхъ; вся Варшава называла ее не иначе, какъ „градовой тучей.“

Между тѣмъ молодые Понятовскіе, жившіе въ Варшавѣ и избалованные матерью, принадлежали къ той безпечной молодежи, которая дѣлала долги безъ всякаго разсчета и безъ всякой надежды на уплату, влюблялась въ каждую хорошенькую женщину (и преимущественно въ актрису), бѣгала отъ кредиторовъ, ничего не дѣлала, ничего не со-вѣстилась и веселилась каждый день до утренней зари, а иногда и подольше.

Одинъ случай въ особенности увеличилъ неприязнь въ Варшавѣ къ Констанціи и къ ея семейству. Однажды у воеводы сандомирскаго, маршала Бѣлинскаго, былъ великолѣпный и многолюдный балъ. Яркими огнями блестяли огромныя палаты воеводы, громко раздавались рѣзвые звуки мазурки, сливаясь съ веселымъ смѣхомъ варшавскихъ красавицъ. Но танцы вдругъ были прерваны сильнымъ шу-

момъ; началась, неизвестно изъ за чего, ссора между старшимъ сыномъ Понятовскаго и молодымъ, богатымъ и знатымъ паномъ Тарло. Казиміръ Понятовскій вызвалъ своего противника на поединокъ; на этотъ поединокъ собрались съѣхаться родственники обоихъ соперниковъ со своими надворными войсками, и такимъ образомъ частная ссора могла обратиться въ общее кровопролитіе.

Однако поединокъ состоялся прежде пріѣзда родственниковъ обѣихъ сторонъ. Въ день, назначенный для поединка, вся Варшава побѣжала за Маримонтскую заставу; жены оставили своихъ мужей, мужья своихъ женъ, родители своихъ дѣтей и дѣти своихъ родителей, и наконецъ даже ученики самовольно оставили классы. Духовенство опасалось, что при этомъ дѣло дойдетъ до общей схватки, и потому объявило, что не допустить въ костелы тѣхъ, кто пойдетъ смотрѣть на поединокъ. Это однако не удержало любопытныхъ, и на другой день послѣ побоища костелы наполнились множествомъ кающихся грѣшниковъ и въ особенности грѣшницъ, и обрядъ присоединенія ихъ къ церкви былъ совершенъ по тому же самому уставу, по которому совершается этотъ обрядъ надъ отлученными отъ церкви за тяжкіе грѣхи. Между тѣмъ наставники отпускали розги ученикамъ, не бывшимъ въ классъ въ день поединка. Вслѣдствіе этого, былъ плачъ въ костелахъ и вопль въ школахъ.

На этомъ поединкѣ погибъ Тарло, любимецъ Варшавы. Народная молва громко говорила, что онъ былъ убитъ своимъ противникомъ вѣроломно; а это обстоятельство въ Польшѣ, гдѣ понятія о рыцарской чести на поединкѣ были сильно развиты,—усилило еще болѣе общую нелюбовь къ Понятовскимъ.

Впрочемъ къ той порѣ, когда Станиславъ Понятовскій явился искателемъ польской короны, время уже изгладило до нѣкоторой степени это печальное событіе изъ памяти народной.

За нѣсколько дней до избранія короля, шляхта расположилась подъ Варшавой, раздѣлившись на воеводства и повѣты; надъ каждой изъ такихъ стоянокъ вѣялъ особый значокъ съ гербомъ воеводства и повѣта. Въ день избранія, примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій, Лубенскій, выѣхалъ изъ своего дворца въ коляскѣ, залитой золотомъ и обитой внутри пунцовымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ. По старопольскому обычаю, въ этомъ случаѣ примасъ, не смотря на то, что онъ былъ духовное лицо, долженъ былъ вѣхатъ въ поле верхомъ на конѣ, но Лубенскій былъ слабъ и ходилъ сторбившись, а потому онъ отправился въ экипажѣ, окруженный блестящими всадниками; золотая сбруя ихъ коней ярко блистала на утреннемъ солнцѣ.

При приближеніи примаса, сенаторы пошли къ нему на встрѣчу. Примасъ вышелъ изъ коляски и, стоя среди первыхъ сановниковъ королевства, пропѣлъ „Veni creator“. Послѣ этого онъ сѣлъ снова въ экипажъ и поѣхалъ по воеводствамъ. Обѣзжая шляхту, раздѣленную на повѣты и земли, примасъ говорилъ: „Привѣтствую васъ, господа и братья, на этомъ полѣ, и спрашиваю васъ, кого вы избираете въ король?“

Три раза спрашивалъ примасъ шляхту и три раза она повторяла имя Станислава Понятовскаго. Избраніе новаго короля было исполнено стародавнимъ порядкомъ.

Тогда примасъ, на другой день, объявилъ на полѣ государемъ Польши и Литвы Станислава Понятовскаго и,

ставъ на колѣни, заплѣлъ подъ открытымъ небомъ: „Te Deum“. Звукъ трубъ и громъ литавръ возвѣстили, что наступило новое царствованіе. Окруженный сенаторами и панами, примасъ поѣхалъ къ Понятовскому извѣстить его о высокомъ, выпавшемъ для него жребіи; послѣ этого, примасъ въ каретѣ, а за нимъ король верхомъ на конѣ — поѣхали въ костелъ святаго Яна; густая толпа конныхъ пановъ слѣдовала за Станиславомъ. Въ дверяхъ костела примасъ привѣтствовалъ новаго государя торжественной рѣчью, и принявъ отъ него присягу въ томъ, что новый избранникъ на престолъ будетъ въ точности соблюдать предложенныя ему обязательства такъ называвшіяся „Pacta conventa“.

Такимъ образомъ воцарился Понятовскій.

Въ это время Польшѣ грозили духъ внутреннихъ раздоровъ и замыслы сосѣдей, и только государь, твердый характеромъ и напоминавшій собою тѣни Баторіевъ и Собѣскихъ, могъ отвратить опасность, предстоящую Рѣчи Посполитой. Но вновь избранный король былъ не таковъ; ему были милы роскошные чертоги, а не воинскій шатеръ; его плѣняло не бранное поле и не звукъ оружія, но офранцузенное общество съ его остроумной бесѣдой. На его сердце болѣе дѣйствовалъ шорохъ шелковаго платья хорошенькой женщины, нежели шумъ родныхъ знаменъ, разорванныхъ и разстрѣлянныхъ въ бояхъ и запечатлѣнныхъ кровью. Новый король не былъ воинъ, и хотѣлъ прославить свое царствованіе такими дѣлами, которыя не пахнутъ порохомъ. При томъ онъ хотѣлъ пожить среди роскоши и нѣги.

Какъ частный человѣкъ, Станиславъ-Августъ былъ замѣчательной личностью, не говоря уже о его обаятельной внѣшности и о томъ чарующемъ голосѣ, которому невольно под-

давался каждый, кто проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ хоть нѣсколько минутъ. Надобно замѣтить, что онъ объяснялся по-французски, по-нѣмецки, по-русски, по-турецки, по-англійски, по-испански и по-итальянски, какъ на своемъ родномъ языкѣ, а по игривости своего ума могъ смѣло мѣряться съ Вольтеромъ, съ которымъ и былъ постоянно въ самой дружеской перепискѣ. Корреспонденція его съ разными дамами всѣхъ націй была обширна, и отличалась той утонченной любезностью и той изящностью, которыя были необходимыми условіями въ сердечныхъ сношеніяхъ свѣтскаго человѣка XVIII вѣка съ прекраснымъ поломъ.

Переписки этого рода занимали послѣдняго короля польскаго гораздо болѣе, нежели всѣ дѣла государственныя и судьбы того народа, главою котораго его сдѣлала слѣпая прихоть счастья.

Мы не будемъ говорить здѣсь о дѣлахъ политическихъ, но взглянемъ собственно на личность короля Станислава-Августа. Въ этой личности было много страннаго и противоположнаго. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, король окружилъ себя послѣдователями Вольтера; но часто, послѣ долгой вечерней бесѣды, проведенной въ ихъ кругу, въ которой онъ не жалѣлъ насмѣшекъ, его можно было видѣть падавшимъ ницъ передъ Распятіемъ, или иконой Богоматери. Каждую пятницу запирался онъ на два часа со своимъ духовникомъ, калялся передъ нимъ въ своихъ грѣхахъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ. Каждый великій четвергъ онъ исповѣдывался всенародно, падая на землю передъ ксендзомъ, сидѣвшимъ посреди костела передъ главнымъ алтаремъ. Каждый праздникъ и каждое воскресенье онъ бывалъ у обѣдни. Но и послѣ обѣ-

день, и послѣ тайныхъ и явныхъ покаяній, онъ принимался опять за прежнее въ кругу своихъ остроумныхъ собесѣдниковъ.

Тоже самое было и въ управленіи государствомъ: и здѣсь была видна нетвердость и переменчивость его убѣжденій. Первый его взглядъ на каждое дѣло былъ вѣренъ и находчивъ, но все послѣдующее было никуда не годно. При открытіи какойнибудь должности, онъ тотчасъ же выбиралъ на нее кандидатомъ такое лицо, на сторонѣ котораго было общественное мнѣніе, но потомъ измѣняя свое намѣреніе, безъ всякой видимой причины отдавая открывшуюся вакансію какомунибудь своему любимому придворному или какомунибудь ничтожному человѣку, бывшему подъ покровительствомъ молодой или знатной дамы. Дамы знали слабость короля къ ихъ полу и ежедневно бсыпали его записочками и личными просьбами, а Станиславъ-Августъ ни въ чемъ не отказывалъ имъ.

Характеръ короля представлялъ тѣ же противоположности. Станиславъ-Августъ былъ чрезвычайно кротокъ и не могъ безъ живаго участія не только видѣть чужія страданія, но даже и слушать разсказы объ нихъ; а между тѣмъ, въ теченіе своего царствованія, онъ допустилъ столько жестокостей, надъ которыми бы остановился въ раздумьи самый грозный властитель. При томъ, жестокости эти были сдѣланы безъ всякой надобности и вдобавокъ нѣкоторыя изъ нихъ надъ лицами, совершенно невинными.

Хотя король не былъ вовсе мстителенъ, — онъ былъ скорѣе забывчивъ на все дурное, — однако онъ преслѣдовалъ нѣкоторыхъ изъ провинившихся передъ нимъ разными способами, недостойными его высокаго сана. Такъ, напримѣръ,

если ктонибудь обидѣлъ чѣмъ-либо короля и потомъ имѣлъ какоенибудь частное тяжёбное или судебное дѣло, то король секретными письмами склонялъ его судей на сторону его противниковъ или же внушалъ имъ, чтобы они постановили надъ нимъ приговоръ безъ малѣйшаго послабленія. Этими поступками онъ потерялъ общее уваженіе. Преслѣдуя однихъ до мелочности, Станиславъ-Августъ въ то же время осыпалъ иногда безконечными милостями самыхъ явныхъ своихъ враговъ.

Въ обращеніи короля проявлялись опять тѣ же крайности: учтивый, любезный и снисходительный безъ мѣры, онъ иногда разгорячался до того, что давалъ пощечины своей прислугѣ или билъ своихъ лакеевъ палкой; но потомъ щедро награждалъ обиженныхъ имъ и просилъ у нихъ извиненія.

Что касается женщинъ, то и въ этомъ отношеніи у короля были свои особенныя странности: часто онъ оставался совершенно равнодушнымъ къ такой очаровательной женщинѣ, отъ которой сходили всѣ съ ума, и влюблялся до безумія въ такую женщину, въ которой не было ничего привлекательнаго. Однѣхъ изъ своихъ любовницъ, съ которыми онъ расходился не мирно, онъ награждалъ съ немѣрною щедростью; другихъ же, которымъ онъ былъ какъ нельзя болѣе преданъ, оставлялъ въ нуждѣ, очень близкой къ нищетѣ. Вообще, завоеваніе женскихъ сердецъ было едва ли не главною дѣятельностію этого миролюбиваго государя. У однихъ магнатовъ онъ соблазнялъ хорошихъ молодыхъ женъ, у другихъ сманивалъ и увозилъ любовницъ. Волокитство короля доставляло ему множество враговъ, которые при каждомъ удобномъ случаѣ обраца-

лись въ его политическѣхъ непріятелей и колебали твердость его трона. Такъ, напримѣръ, Станиславъ-Августъ за похищенную имъ коварно у гетмана Огннскаго молодую дѣвушку—нажилъ себѣ въ гетманѣ, одномъ изъ сильнѣйшихъ магнатовъ Польши и Литвы, непримиримаго и опаснаго врага, долго безпокоившаго короля своею непокорностью и своими происками.

При всемъ этомъ, король любилъ науки и искусства. Обыкновенно въ то время, когда по утру завивалъ короля, въ продолженіе двухъ часовъ, парикмахеръ-англичанинъ, онъ былъ окруженъ учеными, поэтами и художниками, разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ о чемъ нибудь очень дѣльно, или приказывалъ читать себѣ какое-нибудь сочиненіе, весьма метко оцѣнивая всѣ его слабыя и хорошія стороны.

Обращеніе короля вообще было чрезвычайно любезно; съ шляхтой онъ постоянно обходился какъ нельзя болѣе привѣтливо. Обыкновенно во время королевскаго туалета, шляхтичи, пріѣзжавшіе въ Варшаву изъ воеводствъ и областей, собирались въ сосѣдней комнатѣ, для того, чтобы представиться королю послѣ его туалета. Привыкшіе свободно и безцеремонно толковать на сеймахъ и сеймикахъ, шляхтичи не оставляли своей кровной привычки и въ чертогахъ королевскихъ. Унять шляхту прямо поведѣніемъ его величества было неловко, а между тѣмъ ея громкіе разговоры и нерѣдко запальчивые споры въ покояхъ королевскихъ — мѣшали королю заниматься въ сосѣдней комнатѣ ученой бесѣдой въ подобающей для этого тишинѣ. Одинъ изъ дежурныхъ камергеровъ поднимался однако на хитрость: въ то самое время, какъ шляхта, забывавшая, что

она находится въ королевскомъ дворцѣ, начинала слишкомъ громко толковать между собою, канарейки подъ шумный говоръ принимались (какъ онѣ дѣлаютъ это всегда) пѣть все громче и громче. Догадливый камергеръ выходилъ въ это время изъ королевской уборной и, махая платкомъ на клѣтки, въ которыхъ сидѣли канарейки, сердито кричалъ на нихъ: „Ахъ вы, безпокойныя, тише! Королю мѣшаете!“ Шляхтичи смекали, къ кому относилось это, и переглянувшись другъ съ другомъ прекращали на время громкую болтовню.

Когда входилъ король въ приемную, всѣ почтительно склонялись передъ нимъ и старались выслушать каждое его слово. Король говорилъ увлекательно, то серьезно, то шутливо, полнымъ звучнымъ голосомъ, внушавшимъ къ нему довѣріе и расположеніе, такъ что всякій, говорившій съ нимъ, поддавался какому-то пріятному обаянію.

Любя самъ непринужденный и откровенный разговоръ, король очень скоро допускалъ его и со стороны своихъ подданныхъ. Онъ самъ повторялъ по нѣскольку разъ тѣ остроумные отвѣты, которые приводилось ему слышать въ разговорахъ съ ними. Такъ, между прочимъ, онъ рассказывалъ, что въ какомъ-то воеводствѣ жилъ шляхтичъ, нѣсколько помѣшанный на томъ, что онъ король польскій. Во время проѣзда Станислава-Августа мнимый король представился настоящему.

— Привѣтствую мнѣ равнаго, сказалъ ласково король шляхтичу.

— Ваше величество, отвѣчалъ шляхтичъ почтительно:— дѣйствительно, по рожденію я равенъ съ вами, и по смерти мы опять будемъ равны между собою; но въ настоящее

время вы мой государь, избранный мною вмѣстѣ съ другими моими братьями шляхтичами, а я — вѣрный подданный вашего величества.

Король любилъ роскошь и пышность. До него польскіе короли жили лѣтомъ въ Вилановѣ. Жилище это, въ которомъ умеръ славный Собѣскій и которое сохранилось донынѣ въ своемъ первобытномъ видѣ, было скорѣе домомъ богатаго польскаго пана, чѣмъ жилищемъ короля одного изъ самыхъ обширнѣйшихъ государствъ въ Европѣ того времени. Понятовскій не удовольствовался этой скромной резиденціей и выстроилъ подъ Варшавою лѣтній королевскій дворецъ Лазенки, не уступавшій въ ту пору, по своей роскоши, ни одному изъ увеселительныхъ дворцовъ тогдашнихъ европейскихъ государей. Около Лазенокъ явились обширные пруды съ лебедями, страусами и павлинами; на деревьяхъ, въ дорожныхъ клѣткахъ, были развѣшаны обезьяны, попугаи и разныя рѣдкія птицы, а между темной зеленью тополей и каштановъ мелькали бѣлыя мраморныя статуи, купленные въ Италіи дорогою цѣною. Роскошные цвѣты, разсаженные въ клумбахъ, наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ. Въ этомъ прекрасномъ убѣжищѣ король польскій, какъ частное лицо, съ любезностью и предупредительностью свѣтскаго человѣка, встрѣчалъ пріѣзжавшую къ нему въ гости варшавскую публику, и съ большимъ удовольствіемъ показывалъ каждому всѣ свои постройки, свои статуи, картины, древнія монеты и разныя рѣдкости. Само собою разумѣется, что прекрасный полъ пользовался въ этомъ случаѣ со стороны короля особымъ почетомъ и особымъ вниманіемъ.

Вообще, царствованіе Понятовскаго имѣло большое влія-

ніе на утонченность и развитіе общественной жизни. Тѣ попойки, которыми такъ щеголяла Польша при короляхъ изъ саксонскаго дома, стали исчезать при дворѣ Понятовскаго. Самъ король отличался необычайною трезвостью, хотя и любилъ роскошный столъ; повара его, нѣмецъ Шютцъ и французъ Тремо, пользовались за свое искусство громадною, европейскою извѣстностью. Изъ всѣхъ любимцевъ короля только одинъ генералъ Конаржевскій славился страстью къ попойкамъ и неодолимою въ нихъ крѣпостью своей головы; всѣ же другія лица, приближенные къ королю, были въ этомъ отношеніи люди новаго покроя, — люди ученые, предпочитавшіе серьезный или остроумный разговоръ продолжительнымъ вакханаліямъ.

Въ толпѣ щеголеватыхъ и пудренныхъ царедворцевъ короля Станислава-Августа являлись: ученый историкъ Польши Нарушевичъ, неразлучный спутникъ короля въ его поѣздкахъ по государству; Богомолецъ, жизнеописатель древнихъ поляковъ; поэты: Венгерскій, Трембицкій и Красицкій; Богуславскій, творецъ польской сцены; глубокомысленные законовѣды: Віельгорскій и Сташицъ; славный польскій граматикъ, монахъ піарскаго ордена Коптинскій, Ваза, Осинскій, двое Потоцкихъ, Игнатій и Станиславъ, Парамовичъ и Оадей Чацкій. Всѣ эти лица, приближенные къ королю, славились своимъ умомъ и образованіемъ; а Чацкій былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятельнѣйшихъ и благороднѣйшихъ ревнителей просвѣщенія, какихъ мало вообще встрѣчалось въ цѣлой Европѣ.

Но многія хорошія качества Станислава-Августа, какъ частнаго человѣка, были недостаточны для той поры, когда ему привелось править судьбами Польши. Среди то-

гдашних бурь необходимъ былъ Польшѣ король-воинъ; но Понятовскій не былъ рожденъ воиномъ. Притомъ, къ сожалѣнію, онъ свои личные выгоды и удобства своей жизни предпочиталъ истинному благу возвеличившей его родины.

Противъ короля составлялись частыя конфедераціи шляхты, и въ іюнѣ 1767 года было уже 178 конфедерацій, условившихся соединиться въ Радомѣ; а въ 1771 году даже составилъ заговоръ овладѣть особою короля. Во главѣ заговорщиковъ были: Косинскій, Стравинскій и Лукавскій; и только счастливое стеченіе обстоятельствъ избавило короля отъ замысла этихъ заговорщиковъ. Въ это время жилъ въ Парижѣ одинъ изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, которыми въ ту пору изобиловала Германія и которые искали по всей Европѣ или службы, если были храбры, или престола при помощи брачныхъ союзовъ, если были милостивы собой и имѣли длинную родословную. Владѣтельный князь, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не думалъ ни о томъ ни о другомъ, но веселился въ столицѣ Франціи до тѣхъ поръ, пока кредиторы не рѣшились упрятать его въ тюрьму, какъ несостоятельнаго должника. Заговоръ противъ Понятовскаго помогъ нѣмецкому принцу избавиться отъ преслѣдованій займодавцевъ.

Какъ только его свѣтлость, а быть-можетъ и его высочество, изволилъ узнать объ этомъ, тотчасъ, по совѣту бывшаго въ то время въ Парижѣ варшавскаго банкира Теппера, учрежденъ орденъ „Вожьего Провидѣнія“, въ память избавленія польскаго короля отъ грозившей ему опасности. Звѣзда этого ордена была золотая, съ изображеніемъ посредникъ всевидящаго ока и съ надписью: „Vide cui fide“. Лента была самая щегольская—небеснаго цвѣта

съ золотыми каймами. Тепперъ открылъ у себя бюро этого ордена. Сначала патенты на этотъ орденъ продавались по 100 червонцевъ, потомъ упали въ цѣнѣ до 25. Въ Варшавѣ, въ Вильно, въ Парижѣ, на Волыни и Подолѣ явилось множество кавалеровъ этого ордена, не сознававшихъ въ чемъ состояло ихъ отличіе и за что они украшены такой блестящей звѣздой и такою великолѣпною лентой. Вскорѣ все это обратилось въ смѣхъ; на кавалеровъ нѣмецкаго ордена стали показывать пальцами; звѣзды и ленты исчезли; но тѣмъ не менѣе нѣмецкій принцъ поправилъ свои дѣла: онъ не только вывернулся изъ своихъ долговъ, но еще зашибъ, при помощи ордена, кое-какія деньжонки.

Гетманъ Браницкій публично укорялъ Понятовскаго въ томъ, будто бы онъ самостоятельностью своей родины пожертвовалъ своему личному честолюбію... Область за областью отходила отъ Рѣчи Посполитой, и король утверждалъ эти отдѣлы, довольствуясь тѣмъ, что ему были оставляемы доходы съ отбираемыхъ отъ Польши областей.

Современныя польскія сказанія передаютъ, между прочимъ, о присоединеніи къ Пруссіи польскихъ областей слѣдующія подробности: отъ Пруссіи въ каждый повѣтъ было послано два комисара; они пріѣзжали въ городъ, собирали народъ и объявляли ему по-нѣмецки, оффиціально; а затѣмъ частнымъ образомъ объясняли на ломаномъ польскомъ языкѣ, что такой-то городъ принадлежитъ его величеству королю прусскому, и что здѣсь уже не Польша, а Пруссія. Послѣ этого ставили столбъ, прибывали къ нему бляху съ чернымъ орломъ и отправляли въ приходскій костель столько экземпляровъ о присоединеніи какой-либо области

въ Пруссіи, сколько было въ этомъ приходѣ шляхетскихъ дворовъ.

Король переносилъ все это безъ особеннаго соболѣзнованія, и былъ озабоченъ болѣе собственными, нежели государственными дѣлами. Самая главная его забота состояла въ томъ, какъ бы добывать деньги. Онъ жилъ роскошно, тратилъ много, раздавалъ не мало на убогихъ и на госпитали, а самъ, вслѣдствіе всего этого, былъ постоянно безъ денегъ. Его факторы бѣгали по Варшавѣ съ готовыми росписками, даже въ 500 злотыхъ, и занимали деньги въ особенности у монаховъ, пугая ихъ отнятіемъ монастырскихъ имуществъ.

Скажемъ кстати, что послѣ своего отреченія отъ престола Понятовскій оставилъ долгу на 34.000.000 польскихъ флориновъ. Онъ былъ долженъ и Евангелическому Обществу въ Варшавѣ, и какой-то вдовѣ Якобсонъ, и кармелитскому монастырю, и купцу Ришару 1800 флориновъ, и за книги 2700 флориновъ, и своимъ камергерамъ, Трембицкому, Пжецкому, и графинѣ Тышкевичъ, и своему повару, и графинѣ Мнишекъ за брильянты, и нѣкоей г-жѣ Камели 1.187.535 флориновъ по невыплаченнымъ пенсіонамъ. Ородѣ пенсіоновъ, подлежащихъ вѣденію этой кассирши, догадаться не трудно. Такъ, однажды, королю устроили на Вислѣ особаго рода праздникъ: на великолѣпной лодкѣ посадили шесть самыхъ красивыхъ, полуобнаженныхъ дѣвушекъ въ видѣ сиренъ. Онѣ пѣли гимны въ честь короля. Послѣ этого каждую дѣвушку ему представили порознь, и каждая изъ нихъ получила пожизненную пенсію, смотря по тому, въ какой мѣрѣ понравилась его величеству. Кромѣ того на королѣ было множество долговъ по заложеннымъ въ разныхъ мѣстахъ

брильянтамъ, а также золотымъ и серебрянымъ вещамъ.

Въ 1795 году, послѣ взятія Варшавы, Суворовъ объявилъ королю волю императрицы Екатерины о выѣздѣ изъ Варшавы. Король медлилъ; а народъ, не оказывавшій до того времени расположенія къ Понятовскому, собирался съ шумомъ передъ королевскимъ дворцомъ... Король выѣхалъ изъ Варшавы между двумя рядами солдатъ, разставленныхъ Суворовымъ по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ двигаться королевскій поѣздъ.

25 ноября 1795 года Станиславъ-Августъ отрекся въ Гроднѣ отъ престола.

Онъ собирался отправиться на житье въ Римъ, когда неожиданно получилъ отъ императора Павла приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. Король долго не соглашался на это, но его жена и окружавшія его дамы уговорили Станислава отправиться въ Петербургъ... Всѣ королевскія драгоценности, при посредствѣ евреевъ, были проданы въ Гамбургъ, и король отправился въ Петербургъ.

Здѣсь онъ поселился въ Мраморномъ дворцѣ и жилъ уединенно.

Въ первый день 1798 года Павелъ пріѣхалъ въ гости къ Понятовскому. Съ радостнымъ лицомъ проводилъ король императора, послѣ продолжительной съ нимъ бесѣды, и обратившись къ окружавшимъ его придворнымъ весело сказалъ имъ: „Наконецъ судьба устала преслѣдовать насъ, — скоро мы увидимъ Варшаву!“

Ожиданія короля не сбылись. 12 февраля, въ полдень, онъ сталъ жаловаться на головную боль. Призванный для поданія пособія, докторъ Бедлеръ пустилъ ему кровь. Узнавъ о болѣзни короля, Павелъ поспѣшилъ къ нему, но засталъ

его ужъ лишеннымъ сознанія. Императоръ не отходилъ отъ умирающаго короля ни на минуту. Послѣ исповѣди Станиславъ-Августъ скончался въ 10 часовъ вечера. Веденныя имъ записки перешли, какъ пишутъ нѣкоторые, въ руки императора. Говорятъ, что король простудился, присутствуя на Иорданѣ.

На мертваго короля самъ императоръ надѣлъ корону, а въ день его погребенія ѣхалъ за гробомъ верхомъ до самаго костела, съ опущенной къ низу шпагой. Прахъ Понятовскаго лежитъ въ Петербургѣ, въ римско-католической церкви св. Екатерины, по правую сторону главнаго алтаря.

Король былъ женатъ на Грабовской, урожденной Шидловской, съ которой онъ жилъ долго внѣ брака и съ которой обвинчался тайно въ 1784 году, но до своего выѣзда изъ Варшавы не объявлялъ ее своей женой, потому что, предъ избраніемъ его въ короли, сеймъ обязалъ его жениться только на той, на которую ему укажутъ государственныя чины, а между тѣмъ выборъ ихъ не падалъ на Грабовскую.

Понятовскіе герба „Телець“, получившіе въ 1764 году, 18 декабря, по опредѣленію сейма, княжеское достоинство, существуютъ и понынѣ въ потомкахъ братьевъ короля; одни изъ нихъ носятъ свою родовую польскую фамилію, а другіе живутъ въ Италіи подъ именемъ князей ди Монте-Ротондо.

XVI.

Свадьба Каси.

Въ позднюю дождливую осень, въ сумерки, когда на колокольнѣ костела въ одномъ многолюдномъ мѣстечкѣ замолеъ уже протяжный и унылый звонъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ, тихо плелся къ этому мѣстечку, подъ мелкимъ, моросившимъ цѣлый день дождемъ, отставной служивый капралъ польскихъ войскъ—Бурчимуха.

Въ мѣстечкѣ, къ которому подходилъ старый служака, была въ это время ярмарка; много набралось въ мѣстечко отовсюду разнаго народа. Здѣсь цѣлый день, по грязнымъ и тѣснымъ улицамъ, съ самаго ранняго утра, медленно двигались фуры, колымаги, кочи и нетычанки, раздавалось хлопанье бичей, и слышались крики и перебранки. Цѣлый день шныряли изъ одного конца мѣстечка въ другой факторы, приподнимая на бѣгу долгиа полы своихъ черныхъ, прадѣдовскихъ халатовъ. Одни изъ факторовъ или доставали, или размѣнивали деньги; другіе улаживали куплю или про-

дажу; третьи бѣжали только къ смазливенькимъ обитательницамъ мѣстечка съ разными порученіями отъ пановъ и паничей. Но теперь, когда подходилъ Бурчимуха позднимъ вечеромъ къ мѣстечку, въ немъ не было никакого движенія; на улицахъ не было видно ни души, такъ что можно было бы подумать, будто вымеръ весь городъ, если бы на огромныхъ лужахъ, стоявшихъ на улицахъ, не отражались огни, горѣвшіе въ окошкахъ небольшихъ домиковъ, да посреди общей тишины не доносились изъ ярко-освѣщенной корчмы звуки скрипки и цымбаловъ, сопровождаемые то веселымъ припѣвомъ то громкимъ топаньемъ каблуковъ въ разгульной, нескончаемой мазуркѣ.

Старого служаку, усталого отъ большого перехода, не слишкомъ занимало веселье, разгоравшееся въ корчмѣ все болѣе и болѣе съ каждымъ часомъ. Ему хотѣлось только добраться поскорѣе до теплаго угла, хорошенько высушиться и расправить свою спину, на которой онъ тащилъ довольно увѣсистую котомку съ разными пожитками.

Вошелъ наконецъ Бурчимуха въ первый домъ, стоявшій при входѣ въ мѣстечко, и освѣдомился, нельзя ли ему пріютиться здѣсь на ночлегъ? Отвѣчали ему, что весь домъ набитъ биткомъ пріѣзжими на ярмарку гостями и посовѣтовали ему, чтобъ онъ шелъ подальше. Дальше было тоже самое. Обошелъ такимъ образомъ Бурчимуха домовъ десять: гдѣ онъ ни постучится, гдѣ ни попросится на ночлегъ, вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ—нѣтъ мѣста, да и только!

Посообразилъ, однако, служивый и то, что стоянки военного человѣка не очень любятъ ни по городамъ, ни по мѣстечкамъ, ни по деревнямъ, и что быть-можетъ нарочно отказываютъ ему въ ночлегѣ, побаиваясь, что служивый, по

своей привычкѣ или побуянить, или, что еще хуже, прихлопнется, пожалуй, за хозяйской женой или за хозяйской дочерью, если только онѣ для этого покажутся пригодными.

„Нарочно спровожаютъ они меня,—думалъ Бурчимуха: военного народа не любятъ!“ Потому, обходя далѣе мѣстечко, служивый заявлялъ всѣмъ, что онъ человѣкъ смирный и что съ утренней же зарей взвалитъ себѣ на плечи котомку и пойдетъ дальше во имя Божіе своимъ путемъ-дорогой, не обидѣвъ ни стараго ни малаго, ни молодицы ни старухи.

Ничто однако не помогало; во всемъ мѣстечкѣ не нашель себѣ капраль уголка для ночлега.

— Не отыщешь нигдѣ здѣсь для себя мѣста, сказалъ наконецъ Бурчимухъ въ одномъ домѣ хозяинъ, вышедши на крыльцо;—давнымъ-давно здѣсь все занято; придется отправляться тебѣ за мѣстечко; тамъ есть на большой дорогѣ хата; видишь, гдѣ свѣтится огонекъ (и при этомъ хозяинъ указалъ рукою на мерцавшій вдаль слабый свѣтъ). Да впрочемъ, добавилъ въ раздумьѣ хозяинъ,—туда идти тебѣ нестать...

— А что? спросилъ торопливо служивый.

— Да струсишь, пожалуй, потому что въ той хатѣ водится теперь нечистая сила, никому она не даетъ покоя.

— Такъ только-то, улынувшись перебилъ служивый;—ну, пріятель, это намъ ни по чемъ!

Поблагодаривъ за совѣтъ хозяина, Бурчимуха поплелся на огонекъ. Далеко показалось служивому колесить въ обходъ по дорогѣ; извѣстное дѣло, по прямому пути дойдешь поскорѣе, и вотъ Бурчимуха живо, по военному, разобралъ

высокій плетень и пошелъ впередъ на привѣтный огонекъ, не сворачивая ни шагу въ сторону.

Было уже совсѣмъ темно въ это время; не безъ труда перелѣзалъ служивый то черезъ гряды, то черезъ рытвины, то черезъ ямы, рѣшительно добираясь до ночлега прямо безъ малѣйшаго обхода. Вотъ наконецъ очутился онъ передъ хатой, постучался въ двери и послѣ опроса тоненькимъ женскимъ голосомъ: „кто тамъ?“ двери отворились.

Бурчимуха вошелъ въ чистенькую комнатку и увидѣлъ передъ собой прехорошенькую дѣвушку. Дѣвушка, впустивъ служиваго, опрометью выбѣжала сама изъ каморки и позвала отца и мать.

— Гость въ домъ—Богъ въ домъ, сказалъ отецъ дѣвушки служивому, повторяя, вмѣсто привѣтствія, старопольскую пословицу.—Радъ я, пріятель, твоему приходу, да уложить тебя на бѣду негдѣ; тамъ спимъ мы сами въ большой тѣснотѣ, а здѣсь тебѣ оставаться не приходится, добавилъ хозяинъ, боязливо озираясь.

— Отчего-жь? спросилъ твердымъ голосомъ служивый.

— Ходитъ здѣсь нечистая сила, робко сказалъ хозяинъ,—и при этихъ словахъ мужъ и жена проговорили набожно: „Іезусъ-Марія!“

— Трусъ вы, трусы! сказалъ презрительно капралъ, покачивая головою и поглядывая пристально на хозяйскую дочь.

Посмотрѣть на нее стоило. Кася (уменьшительное имя отъ Катерины) была дѣвушка лѣтъ восемнадцати; прямо въ строиности ея стана могли позавидовать любыя красавицы Варшавы и Кракова; густая, крѣпко заплетенная коса высокимъ бугоркомъ поднималась надъ темными волосами; на

смугломъ лицѣ Каси пробивался яркій румянецъ, на щекахъ ея были ямочки, а глазки блестѣли, какъ блестятъ два огонька въ бессарабской степи, когда ихъ разведутъ тамъ въ темную осеннюю ночь кочевые цыгане около своего табора.

„Славная дѣвушка“, думалъ про себя служивый: „а кому-то она достанется? старъ я для нея, да и грудь-то у меня на вылетъ прострѣлена пулей.“

Покуда такъ думалъ служивый, хозяинъ, хозяйка и ихъ дочь суетились, готовы для прохожаго горѣлку, тютюнъ и вареную печенку. Разговаривая съ добрыми хозяевами о мѣстномъ ксендзѣ, о ярмаркѣ, о костелѣ, о томъ и другомъ, капралъ попивалъ горѣлку, покуривалъ трубку и закусывалъ печенкой.

Но вотъ пора и спать; уже долетѣлъ до хаты глухой бой одиннадцати часовъ на костельной колокольнѣ. Сжалось сердце добрыхъ хозяевъ, когда они, пожелавъ Бурчимухѣ пріятнаго сна, пошли спать, оставивъ завернушаго къ нимъ прохожаго въ добычу нечистой силѣ. Одна только Кася улыбулась: лукаво, проговоривъ скороговоркой капралу „Покойная ночь!“

— Вздоръ, сказалъ Бурчимуха, оставшись одинъ въ страшной комнатѣ,—вздоръ! скорѣй я поймаю чорта за чушунъ, нежели онъ схватитъ меня за усь,—и при этомъ старый служивый, съ горделивой осанкой, покрутилъ свой сѣдой усь, доходявшій до самаго плеча.

Затѣмъ онъ налилъ себѣ порядочный шкаликъ горѣлки; выпилъ одинъ, выпилъ другой, выпилъ и третій, закуривъ трубку и положивъ подлѣ себя толстую дорожную палку сталъ поджидать нечистой силы.

Вотъ опять слышался бой костельныхъ часовъ. Они ударили полночь. За каждымъ медленнымъ ихъ ударомъ, капраль сѣвшиль выпивать по шкалику горѣлки. При послѣднемъ ударѣ часовъ, Бурчимухъ показалось, что вмѣсто одного шкалика—стоятъ на столѣ два, вмѣсто одной свѣчки—горятъ двѣ, и наконецъ вмѣсто одной трубки—у него изъ рту торчатъ двѣ.

— Такъ вотъ гдѣ она, эта дьявольская сила! крикнулъ громко служивый, швырнувъ съ размаху о полъ опорожненную имъ стеклянную фляжку. Звонко задребезжали на полу разбитые куски стекла; но еще не кончилось ихъ дребезжаніе, какъ вдругъ за дверями слышался явственный звонъ цѣпей. Двери распахнулись, и въ комнату вошло какое-то черное страшилище съ оковами на рукахъ.

Капраль не струсиль, онъ даже не выпустилъ трубки изъ рту и со всего разбѣга подскочилъ къ привидѣнію, схватилъ его за чубъ и принялся колотить его палкой изъ всей мочи. Видно было, что нечистая сила не приучила себя къ такому обращенію. Нечистый упалъ передъ капраломъ на колѣни и сталъ просить о помилованіи, ударя себя въ грудь такъ сильно, какъ никогда не бьетъ себя передъ исповѣдью самый тяжкій грѣшникъ.

— Кто ты такой, пріятель? грозно спросилъ капраль, держа нечистаго за чубъ и замахиваясь на него палкой.

— Я.... я.... работникъ въ здѣшнемъ домѣ, отвѣчало привидѣніе, дрожа всѣмъ тѣломъ;—имя мнѣ Блажекъ; я крѣпко люблю Касю, и она не смотритъ на меня искоса, да вся бѣда наша въ томъ, что отецъ и мать не хотятъ ее за меня выдать...

— Ну, такъ что-жъ? перебилъ Бурчимуха.

— Такъ вотъ я—продолжалъ оправляясь Блажекъ, — и шлюсь такъ, какъ ты меня теперь видишь, каждую ночь, и кричу что есть силы: „не дамъ вамъ ни покоя, ни отдыха, пока не выдадите вы Касю за Блажека!“

Служивый выпустилъ изъ своей руки чубъ Блажека.

— Эту черную накидку съ серебрянымъ крестомъ на спинѣ, продолжалъ чистосердечно Блажекъ,—далъ мнѣ костельный сторожъ; ей накрываютъ въ костелѣ покойниковъ, а цѣпи я отбилъ отъ плуга. Вотъ все что могу сказать вамъ, вельможный панъ, добавилъ Блажекъ; — только не выдавайте меня хозяину, а лучше всего устройте дѣло такъ, чтобъ Кася была моей женой.

Служивый сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, потирая себѣ лобъ.

— Если вельможный панъ сдѣлаетъ мнѣ это, заговорилъ снова Блажекъ,—то онъ можетъ приходить ко мнѣ и къ Касѣ во всякое время и пить у насъ горѣлку, сколько его душѣ будетъ угодно.

— Славно! крикнулъ Бурчимуха: — иди теперь съ Богомъ, а завтра увидимся.

Блажекъ чуть не повалился капралу въ ноги передъ своимъ уходомъ, а Бурчимуха разлегся на скамейкѣ и захрапѣлъ, подумавъ однако напередъ о томъ, какъ онъ лихо будетъ пить на даровщину.

Только-что забрежжилось утро, какъ хозяйка и хозяинъ заговорили между собой о капралѣ.

— Нужно будетъ, сказала печально хозяйка, — послать заказать гробъ, да попросить отца плебана со святой водой: вѣрно нашего гостя ужъ задушила нечистая сила.

— Вѣчный покой его душѣ, отвѣчалъ заунывнымъ го-

лосомъ хозяинъ;—охота же ему была самому искать смерти! На то впрочемъ и рождаются военные люди, добавилъ онъ, махнувъ рукой.

Медленнымъ шагомъ и съ сильнымъ замираніемъ сердца поплелись хозяева къ той комнатѣ, гдѣ они оставили почевать капрала.

— Всякое дыханіе да хвалить Господа!... крикнули въ одинъ голосъ испуганный мужъ и жена, увидѣвъ шедшаго къ нимъ на встрѣчу Бурчимуху, и ужъ хотѣли бѣжать отъ него въ запуски, какъ колѣни у нихъ подкосились отъ страха, и они остановились на одномъ мѣстѣ, будто вкопанные.

— Да, да, хозяева, плохо у васъ въ хатѣ, заговорилъ зловѣщимъ голосомъ капралъ;—помучился я было въ нынѣшнюю ночь; хорошо еще, что я натенулся на такого же служиваго, какой я самъ.

Съ ужасомъ начали хозяева спрашивать Бурчимуху о томъ что съ нимъ было въ продолженіе ночи.

Прежде всего онъ потребовалъ себѣ горѣлки, а потомъ разсказалъ, что въ хатѣ хозяевъ поселился покойный прадедъ хозяина, который согрѣшилъ передъ прадедомъ Блажека, и который теперь за это не можетъ имѣть покоя на томъ свѣтѣ, до тѣхъ поръ, пока правнучка его не выйдетъ замужъ за Блажека.

— Плохо вамъ будетъ отъ него! добавилъ Бурчимуха.— Поразсказалъ мнѣ покойникъ, что онъ былъ также капраломъ и въ томъ самомъ regimentѣ, въ которомъ служилъ я; а извѣстно, что наши полковые не даютъ никому спуску.

Простаки повѣрили старому капралу, порѣшили выдать

Касю за Блажека, и весело отпраздновали ихъ свадьбу. Хитрый сватъ пилъ въ этотъ день за четверыхъ; на другой день молодые повели его, на свой счетъ, въ сосѣдную корчму, на третій день въ другую, а потомъ стали угощать его горѣлкой каждый день на дому.

Скучно было капралу только то, что ему приходилось пить одному. И вотъ онъ началъ пріискивать для себя товарищей въ мѣстечкѣ. На что на другое не скоро подищешь годнаго человѣка, а для вышивки найдешь людей цѣлыми десятками; и дѣйствительно, сегодня капралъ угощалъ на счетъ Блажека трехъ, а завтра угощалъ на его счетъ пятерыхъ, а тамъ сталъ уже созывать пьяницъ десятками. До послѣдняго гроша издержался Блажекъ: пришлось ему забирать горѣлку въ долгъ.

— Господинъ капралъ, сказалъ наконецъ Блажекъ своему свату, — пейте сами, по нашему уговору, сколько вашей чести будетъ угодно, — хоть купайтесь сами каждый день въ горѣлкѣ, пусть все это будетъ вамъ на здоровье, но только оставьте вашихъ пріятелей. Я-то съ моей Касей пробьюсь какъ нибудь всю жизнь, но у насъ будутъ и дѣтки, — вѣдь мы не для шутки обвѣнчались; а имъ придется, по милости вашей, идти по міру...

Вспыхнулъ отъ гнѣва капралъ при такомъ замѣчаніи.

— Такъ вотъ ты, пріятель, каковъ! крикнулъ онъ на Блажека, и не говоря болѣе ни слова побѣждалъ къ его тестю, которому и разсказалъ начисто всѣ продѣлки его зятя.

Обомлѣлъ съ перваго раза панъ Ваврекъ, когда узналъ, что его Кася досталась Блажеку не совсѣмъ чисто, похристіански, а при помощи какихъ-то дьявольскихъ затѣй;

онъ опрометью кинулся къ войту, въ главному блюстителю порядка и тишины во всемъ мѣстечкѣ. Войтъ созвалъ тотчасъ же старостъ и понятыхъ и начался у нихъ судъ надъ Блажекомъ.

Всѣ засѣданія этого суда сопровождались непомѣрнымъ истребленіемъ горѣлки, которою подчивалъ судей отецъ Каси, стараясь этимъ способомъ возбудить въ нихъ беспощадную строгость къ обманщику. Въ этомъ судѣ, не подводя никакихъ статутовъ, а только подъ вліяніемъ горѣлки, постановили: „посадить Блажека въ одну кѣтку, а Касю въ другую, и обо всемъ что случилось рассказать отцу плебану.“ Последнее исполнили тотчасъ, но первое рѣшеніе было трудно выполнить на дѣлѣ, потому что подсудимые не ждали своего приговора и давнымъ давно улетѣли изъ мѣстечка...

Между тѣмъ осеннее ненастье прошло; вѣтеръ разогналъ густыя тучи на югъ и на сѣверъ, и въ то время, какъ судьи произносили надъ Касей и надъ Блажекомъ свой окончательный приговоръ, на голубомъ вечернемъ небѣ проглянулъ серебряный ноготокъ молодого мѣсяца.

Само собою разумѣется, что упоминать въ нашемъ разсказѣ о молодомъ мѣсяцѣ было бы вовсе не кстати, если бы у всѣхъ рядившихъ и судившихъ дѣло Каси и Блажека, а въ особенности у перваго его зачинщика, у Бурчи-мухи, не болѣла отъ горѣлки голова, начиная съ перваго появленія молодого мѣсяца и до конца полнолунія...

XVII.

Албанская банда.

Часовъ около двѣнадцати ночи все смолкло въ Новогрудскомъ монастырѣ, гдѣ остановился князь Кароль или Карлъ Радзивиль, воевода Новогрудскій, пріѣхавшій въ городъ на шляхетскій сеймигъ. На обширномъ монастырскомъ дворѣ, между множествомъ нагроможденныхъ въ безпорядкѣ фуръ, нетычанокъ, повозокъ и телѣгъ, кое-гдѣ догорали еще костры, разложенные съ вечера. Сентябрьская ночь была свѣжа, а полный мѣсяцъ высоко стоялъ на темноголубомъ небѣ, обливая серебристымъ свѣтомъ старинныя монастырскія зданія. Въ длинномъ монастырскомъ корридорѣ, съ низкими сводами, который велъ къ настоятельской кельѣ, вспыхнулъ въ послѣдній разъ догорѣвшій ночникъ и погасъ, а яркій лучъ луннаго свѣта, ударивъ въ узкое окно корридора, легъ длинной полосой на кирпичномъ его полу. Затишь въ корридорѣ и шумъ шаговъ, отдававшійся подъ сводами непрерывно въ теченіе цѣлаго дня, потому что комна-

ты настоятельскія были отданы подъ помѣщеніе князя-воеводы, а къ нему и отъ него весь день, съ утра до вечера, валила шляхта и бѣгала многочисленная прислуга.

Князь въ комнатѣ настоятеля лежалъ на постели, накрывъ одѣяломъ и голову; въ ногахъ его, подъ постелью, улеглась любимица князя большая собака Непта, неразлучной ночной сторожъ князя; а на другой постели, въ той же комнатѣ, улегся отецъ Идзій, духовникъ князя, пользовавшійся особеннымъ его расположеніемъ.

Казалось, всѣ успокоились: и князь, и Идзій, и Непта; но вдругъ собака заворчала, какъ бы почуя въ комнатѣ незримаго гостя, потому что свѣтъ мѣсяца, какъ день, озарялъ ее, въ ней не было видно никого изъ постороннихъ, а между тѣмъ Непта продолжала ворчать оскаливая зубы.

— Да будетъ похваленъ Иисусъ Христосъ! сказалъ громко Радзивиль, высунувъ боязливо голову изъ-подъ одѣяла.

— И во вѣки вѣковъ! добавилъ ксендзъ.

— А ты не спишь еще, отецъ Идзій? спросилъ князь.

— Сталъ было засыпать, и мнѣ начало сниться....

— А слышалъ-ли, какъ ворчитъ Непта? вѣрно ко мнѣ пришелъ Володкевичъ.

— Да будетъ похваленъ Иисусъ Христосъ, сказалъ ксендзъ, перекрестившись; князь сдѣлалъ тоже. Между тѣмъ Непта, устремивъ глаза на свѣтлую полосу, которую на полу образовалъ свѣтъ мѣсяца, все еще сердито ворчала.

— А что, спросилъ Радзивиль, правда-ли, отецъ Идзій, что души умершихъ приходятъ на этотъ свѣтъ изъ чистилища для того, чтобы просить родныхъ и друзей молиться за нихъ.

— Такъ такъ, ясный князь, отвѣчалъ отецъ Идзій, приходятъ, конечно, приходятъ.

— Такъ видно и ко мнѣ пришелъ теперь Володкевичъ, сказалъ Радзивиль: онъ все стоитъ у меня передъ глазами. Ты лучше всѣхъ долженъ знать, отецъ Идзій, какъ я любилъ его, и чего я только не дѣлалъ для успокоенія души его. Въ Пизѣ, во время страшной чумы я собственными руками хоронилъ умершихъ отъ этой болѣзни, давши обѣтъ исполнять это за упокой души Володкевича; пощусь, какъ тебѣ, отецъ Идзій извѣстно—и какъ еще пощусь: каждую годовщину смерти Володкевича ничего не ѣмъ; какіе богатые вклады давалъ я монастырямъ, сколько отслужилъ обѣднъ и поминовений, но видно душа его все еще не успокоилась.

— Да, ясный князь, воля Божія для насъ тайна непроницаемая. При этомъ и князь, и ксендзъ набожно перекрестились.

Помолчавъ немного, князь сказалъ: — А что, отецъ Идзій, ты не спишь еще?

— Сталъ было засыпать; а что угодно вашей княжеской милости?

— Сотвори прежде молитву за упокой души Володкевича, а потомъ я скажу новость.

Ксендзъ исполнилъ желаніе князя.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, что отецъ Матій получить завтра 50 дисциплинъ за упокой души Володкевича; вѣдь онъ проигралъ закладъ, венгерское было не сорока, а только тридцатипятилѣтнее.

— Ничего, отвѣчалъ позѣвывая ксендзъ, онъ человекъ здоровый, — и повернувшись на другой бокъ громко захрапѣлъ.

Для объясненія новости, сообщенной Радзивиломъ своему духовнику, нужно замѣтить слѣдующее: Въ католическихъ монастыряхъ есть родъ покаянія, или, вѣрнѣе сказать, вообще богоугоднаго дѣла, состоящій въ томъ, что смиренный рабъ Божій стегаетъ себя самъ, или, по его просьбѣ, его стегаютъ другіе ременной плеткой, называемой дисциплиной. Радзивиль, который, какъ мы видѣли, всего болѣе заботился объ упокоеніи души своего прежняго друга и сподвижника пана Володковича, придумалъ съ этою цѣлью особое средство. Онъ держалъ съ ксендзами, а особенно съ бернардинами, о чемъ нибудь закладъ съ тѣмъ условіемъ, что если проиграетъ онъ, то онъ платитъ, смотря по уговору, десять, тридцать, пятьдесятъ и болѣе дукатовъ; а если проиграетъ противникъ, то онъ долженъ получить, тоже смотря по уговору, извѣстное число дисциплинъ за упокой души Володковича. Много такимъ образомъ было выдано дукатовъ, но за то и много спинъ было изхлестано порядкомъ. Въ тотъ день, къ которому относится нашъ рассказъ, князю пошастливилось выиграть закладъ, и потому онъ, чрезмѣрно боявшійся и чертей, и домовыхъ, а въ особенности Володковича, былъ нѣсколько покойнѣе обыкновеннаго, зная, что завтра утромъ жирная спина бернардина будетъ искупать земные грѣхи Володковича. Подъ вліяніемъ этой успокоительной мысли, князь поцѣловалъ висѣвшій у него на груди образъ Богоматери, наслѣдственно дошедшій къ нему чрезъ длинный рядъ радзивилловскихъ поколѣній, перекрестился, вздохнулъ и, по примѣру отца Идзія, перевернувшись на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ, скоро захрапѣлъ.

Непта тоже успокоилась и только изрѣдка ворчала сквозь сонъ.

Но кто же былъ Володковичъ, такъ пугавшій Радзивила своимъ приходомъ съ того свѣта? Объ немъ мы расскажемъ, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ характеристическихъ представителей своего буйнаго времени, но прежде нужно рассказать объ албанской бандѣ, къ которой принадлежалъ Володковичъ, будучи однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ ея членовъ.

Князь Кароль Радзивиль основалъ албанскую банду, или союзъ албанчиковъ, изъ людей ему преданныхъ, въ имѣніи своемъ близъ Несвижа, называемомъ Алба, въ то время когда онъ еще былъ мечникомъ литовскимъ. Чтобы попасть въ это общество нужно было быть порядочнымъ, ослѣдлымъ шляхтичемъ, удалымъ рубакой, лихимъ наѣздникомъ на самой бѣшеной лошади, хорошимъ охотникомъ и вообще бодрымъ и отважнымъ; нужно было, какъ говорятъ поляки, умѣть держать черта за рога. Князь не могъ дать никому патента на званіе албанца безъ согласія, по крайней мѣрѣ, двухъ третей всего общества. Обязанность членовъ была: на всякій призывъ князя являться къ нему на конѣ въ полномъ вооруженіи и, не смотря на опасность, подставлятъ лобъ за честь князя-воеводы, за свою собственную и каждого изъ членовъ. Въ уставѣ банды между прочимъ было сказано, что два албанчика, поссорившись между собой, не должны были тягаться судебнымъ порядкомъ, но должны были обратиться къ посредничеству одного изъ своихъ товарищей, который, смотря по существу дѣла и по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, могъ назначить соперникамъ поединокъ на сабляхъ, или кончить между ними дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Вельможи вѣняли себѣ за честь быть членами албанской банды. Патенты на званіе

членовъ подписывались княземъ, канцлеромъ банды былъ упоминаемый нами панъ Володьковичъ, а уставъ этого полурыцарскаго и полуразгульнаго общества написалъ панъ Пицалло, бывший наставникъ князя и, какъ увидятъ читатели, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и древнихъ, и среднихъ, и новѣйшихъ временъ.

Какъ-то однажды, послѣ жаркаго іюльскаго дня, панъ Пицалло, чиншовой шляхтичъ, вышелъ на крыльцо своего небольшого домика; солнце уходило на ночной отдыхъ и яркими багровыми лучами обливало верхушки литовскихъ сосенъ. Передъ домикомъ пана Пицалло вилась изгибами и терялась въ опушкѣ лѣса проселочная дорога, ведущая на Несвижъ; часто съ томительнымъ ожиданіемъ поглядывалъ на эту дорогу бѣдный шляхтичъ, ожидая то княжескаго гонца, то своего фактора изъ Несвижа. Но въ настоящее время панъ Пицалло смотрѣлъ на дорогу какъ-то безсознательно, любясь только тою картиною, которую такъ привлекательно рисовала для него сама природа.

Вдругъ на концѣ дороги показался несшійся во весь опоръ всадникъ; зоркій глазъ Пицалло тотчасъ увидалъ, что это не былъ одинъ изъ тѣхъ наѣздниковъ, которыми въ то время славилась Польша, и которые были настоящими центаврами, т. е. людьми, приросшими къ лошадямъ. Напротивъ, всадникъ, который явился предъ паномъ Пицалло, казалось, каждую минуту готовъ былъ свалиться съ лошади; онъ не только подпрыгивалъ на ней, но длинныя ноги, перетягиваемыя тяжестью туловища, теряли равновѣсіе и поднимались по временамъ до самыхъ ушей лошади. Въ этомъ наѣздникѣ панъ Пицалло узналъ несвижскаго фактора, Ицку. Отломивъ огромный сукъ, сынъ Израиля нещадно ко-

лотилъ по бокамъ тощее животное, на хребтѣ котораго онъ сидѣлъ безъ сѣдла и безъ стремятъ; разныя понуканія скакавшему коню онъ перемѣшивалъ съ восклицаніями: ню, ню, ай, ай, ихъ велѣ диръ гебенъ, т. е. я тебѣ дамъ, и безъ милосердія валялъ хворостиной своего бупефала.

Ицко подѣхавъ, противъ обыкновенія, почти къ самому крыльцу панскаго дома, соскочилъ съ коня, который, пользуясь освобожденіемъ отъ ноши, сталъ тяжело вздыхать; а Ицко, приподнимая свою широкополую шляпу, подогнувъ коленни, съежась и кланяясь на каждомъ шагу, подошелъ къ пану Пицалло.

На вопросы Пицалло Ицко прежде всего отвѣчалъ обыкновенными возгласами евреевъ: уй! ой! причмокивалъ языкомъ, что служить у нихъ выраженіемъ сильныхъ ощущений, потомъ обнаруживалъ удивленіе, какимъ образомъ панъ Пицалло не знаетъ еще о чемъ толкуютъ не только „жиди“, но и всѣ большіе паны въ Несвижѣ, Слуцкѣ, Минскѣ, Варшавѣ и Краковѣ, и наконецъ заговорился до того, что началъ увѣрять пана Пицалло, будто самъ великій князь литовскій, напяснѣйшій панъ круль, егомосць, только о томъ и толкуетъ цѣлый день съ бискупами, сенаторами воеводами, гетманами.

Выведенный изъ терпѣнія болтовней Ицки, панъ Пицалло рѣшительно потребовалъ, чтобы онъ объяснилъ въ чемъ дѣло, и тогда Ицко, сложивъ на правой рукѣ большой палецъ съ указательнымъ въ видѣ кружка, сталъ мѣрно помахивать ими и сказалъ торжественно-таинственнымъ голосомъ, что княгиня Радзивиль хочетъ непремѣнно научить своего сына князя Кароля читать и писать, и въ

заключение вскрикнулъ: ой! аклоцень, кто бендзе у него рабитомъ? ой! т. е. кто же будетъ у него учителемъ.

Конечно, присканіе учителя не могло быть, особенно въ то время, важнымъ событіемъ въ Литвѣ; но въ настоящемъ случаѣ важно было слѣдующее обстоятельство: княгиня Радзивилъ объявила, что она подаритъ два самыхъ лучшихъ изъ всѣхъ своихъ фольварковъ тому, кто научитъ сына ея Кароля читать и писать безъ принужденія, по собственной его охотѣ. Такимъ образомъ къ педагогическому ремеслу примѣшалось феодальное право, и, конечно, получить два радзивилловскихъ фольварка было дѣло не шуточное. Только что объ этомъ провѣдали жиды въ Несвижѣ, какъ каждый изъ нихъ поскакалъ къ своему пану съ объявленіемъ объ этомъ. Что нужды, если самъ панъ едва умѣетъ читать и писать, разсуждали они; на то онъ и панъ, чтобы выдумать, какъ поступать въ трудномъ дѣлѣ. Съ этою вѣстію посѣщилъ и Ицко къ пану Пицалло, который самъ былъ вовсе не грамотѣй, но готовъ былъ взяться за что угодно; учить-ли въ Сморгоняхъ медвѣди ходить на заднихъ лапахъ, или просвѣщать князя Радзивила.

Получивъ такую вѣсть отъ Ицки и давши ему за труды злотъ, панъ Пицалло на другой день, подъ предлогомъ, что хотѣлъ засвидѣтельствовать свое почтеніе княгинѣ, отправился въ Несвижъ, желая на самомъ дѣлѣ узнать изподтишка тѣ условія, которыя княгиня предлагаетъ воспитателю своего сына. Тамъ онъ узналъ, что уже маленькаго князя пытались учить ксендзы, но дѣло кончилась тѣмъ, что они, выведенные изъ терпѣнія его неохотою учиться, принимались хлестать его огурками, т. е. деревянными

головками кисточекъ, которыя находятся на концахъ толстыхъ шнуровъ, служащихъ вмѣсто поясовъ для католическихъ монаховъ нѣкоторыхъ орденовъ. Панъ Пицалло узналъ также, что одинъ запальчивый ксендзъ отхлесталъ бѣднаго Кароля чуть не до полусмерти; что вслѣдствіе этого княгиня, дѣйствительно, ищетъ наставника, который бы научилъ ея сына читать и писать, безъ помощи розогъ, дисциплины и огурковъ.

Панъ Пицалло думалъ не долго и рѣшился предложить себя въ наставника молодому князю. Дѣло было слажено. Едва-ли всѣ методы преподаванія представляютъ что нибудь похожее на ту, которой придерживался шляхтичъ, неожиданно попавшій въ педагоги, изъ желанія владѣть двумя фольварками.

Въ день, назначенный для перваго урока, панъ Пицалло не взялъ ни букваря, ни понудительныхъ инструментовъ, бывшихъ въ то время въ большомъ ходу, а велѣлъ притащить въ садъ, гдѣ хотѣлъ давать уроки, большую бѣлую деревянную доску и кусокъ угля, а самъ между тѣмъ зарядилъ шесть пистолетовъ.

— Ну, князь, сказалъ Пицалло Радзивилу, примемся съ помощію Божію за ученіе, и отмѣривъ сорокъ шаговъ отъ скамейки, на которую онъ положилъ пистолеты, поставилъ въ этомъ разстояніи доску и потомъ на ней написалъ углемъ букву А.

— То А! громко крикнулъ Пицалло, указывая князю своею саблею, замѣнившіею указку; помни же, что это А; палъ-го, т. е. стрѣлай въ него, вдругъ вскрикнулъ Пицалло, показавъ Радзивилу глазами на лежавшіе передъ нимъ пистолеты. Князь схватилъ одинъ изъ нихъ, быстро отки-

нулъ назадъ рукава своего кунтуша, раздался выстрѣлъ и А было подстрѣлено въ самую перекладину.

Такимъ образомъ почтенный педагогъ перешелъ къ буквѣ В, тамъ къ С, потомъ къ D и такъ далѣе. Послѣ этого онъ сталъ учить князя складывать по слѣдующему способу: написавъ цѣлый алфавитъ, онъ приказывалъ своему ученику стрѣлять въ одну букву, потомъ въ другую, и такимъ образомъ выходили склады, а потомъ и слова.

Маленькій Радзивиль сдѣлалъ непомѣрные успѣхи, а Пицалло получилъ обѣщанное вознагражденіе, и кромѣ того въ Литвѣ заговорили, что многіе государи убѣдительно просятъ пана Пицалло въ наставники къ своимъ дѣтямъ. Какъ бы то ни было, но панъ Пицалло имѣлъ въ глазахъ князя Кароля значеніе челоѣка необыкновенно-ученаго, и потому, учреждая албанскую банду, онъ поручилъ Пицалло написать ея уставъ.

Число албанчиковъ было огромное: они составляли главную опору могущества князя Радзивила. Въ Слонимскомъ уѣздѣ число албанчиковъ доходило до того, что если, какъ говорили современники, замахнешься палькою на собаку, то непременно ударишь албанчика. Хотя главнымъ образомъ большинство албанчиковъ состояло изъ убогой шляхты, было привязано къ Радзивилу за его щедрость, потому что они ѣли его хлѣбъ, и хлѣбъ вкусный, а онъ, какъ сильный магнатъ, помогалъ членамъ основаннаго имъ общества всѣмъ — и деньгами, и силою, однако къ чести албанчиковъ надобно сказать, что они не измѣнили своему покровителю и въ то время, когда его постигло несчастіе, когда онъ, по приговору короля и сейма, былъ наказанъ баниціей, то-есть изгнаніемъ изъ предѣловъ отечества, и когда несмѣтныя его богатства

были конфискованы. Конфискованное имѣніе слѣдовало по закону отдавать въ аренду, и албанчики условились между собою взять на себя всѣ конфискованныя имѣнія князя Кароля. Только что провѣдала объ этомъ шляхта, какъ нѣкто не рѣшился брать въ аренду имѣнія изгнанника, боясь мщенія его приверженцевъ — албанчиковъ, поэтому они сами и разобрали радзивилевскія волости за самую ничтожную плату въ пользу казны и постановили между собою посылать къ князю за границу половину всѣхъ доходовъ; такимъ образомъ миліоны переходили ежегодно чрезъ варшавскихъ банкировъ въ Римъ, Венецію, Стамбулъ, всюду, куда ни являлся изгнанникъ, по видимому лишенный насущнаго хлѣба, а мѣжду тѣмъ жившій съ такою роскошью, которая, какъ чудо, поражала современниковъ, и которая потомъ уже казалась баснословною. Это обстоятельство породило, между прочимъ, выдумку о какомъ-то неразѣмномъ радзивилевскомъ дукатѣ, величиною съ жерновой камень.

Каждый членъ албанской банды подписывался „радзивилевскій пріятель“ и назывался другомъ дома, „домовникомъ“. Въ разговорѣ съ албанчикомъ князь называлъ его „пане-коханку“, т. е, почти то же, что: мой любезный, а такъ какъ онъ постоянно говорилъ съ албанчиками, то онъ до того привыкъ къ этимъ словамъ, что они сдѣлались его постоянною поговоркою, и онъ кстати и не кстати повторялъ ихъ въ разговорѣ съ кѣмъ бы то нибыло, даже съ самимъ королемъ, и это было причиною, что онъ во всей Польшѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ: „пане-коханку!“ Хотя между албанчиками съ ихъ главою ясно проглядывали отношенія покровительствуемыхъ къ своему покровителю, тѣмъ не менѣе однако князь Радзивиль переносилъ ихъ дерзости

не съ запальчивостію магната, но съ снисходительностію добраго человѣка. Такъ однажды онъ крѣпко поссорился съ однимъ изъ албанчиковъ паномъ Игнатіемъ Боровскимъ; долго продолжалась эта ссора, наконецъ пріятели уговорили Боровскаго отправиться къ Радзивилу на мировую. Богато-разодѣтый Боровскій явился къ князю въ день его ангела, когда князь былъ окруженъ огромною толпою гостей.

— Ну что слышно новаго? спросилъ Радзивиль Боровскаго, стараясь заговорить съ нимъ.

— Что слышно новаго? повторилъ Боровскій. Слышно, что въ Литвѣ явилось два дурака.

— Кто-жъ они? спросилъ Радзивиль.

— Кто они? повторилъ опять Боровскій, одинъ — князь Радзивиль, а другой — шляхтичъ Боровскій.

— Отчего-жъ это?

— Оттого, что оба поссорились другъ съ другомъ, сами не зная за что.

Радзивиль, вмѣсто того, чтобы разсердиться, дружески поцѣловалъ шляхтича, сказавъ ему отъ сердца: — Ну пане-коханку, перестанемъ же быть дураками, помпримся.

И пріязнь между магнатомъ и шляхтичемъ скрѣпилась еще болѣе.

Для членовъ банды былъ особый мундиръ, онъ состоялъ въ слѣдующемъ, весьма-красивомъ одѣяніи: при желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ были надѣваемы красныя шаровары, крѣпко стянутыя пониже талии, на желудкѣ, шелковымъ шнуркомъ съ кисточками, жупанъ или нижнее платье изъ голубаго атласа, застегнутый на шеѣ и на груди четырьмя шелковыми пуговками того же цвѣта, а среди ихъ запонки изъ голубой эмали съ брилльянтовыми буквами Х. К. R. какъ

начальными литерами титула, имени и фамиліи Радзивила; на шеѣ, пзъ-за жупана выпускался пальца на два бѣлый воротничекъ рубашки. Сверхъ жупана надѣвался кунтушъ соломеннаго цвѣта изъ плотной шерстяной матеріи, въ родѣ сукна, называсмой сайета, съ синимъ воротникомъ, подбитый шелковою матеріею такого же цвѣта, какъ былъ цвѣтъ жупана. Литой серебряный поясъ перехватывалъ кунтушъ; на этомъ поясѣ были разсѣяны незабудки и астры; пояса эти выдѣлывались въ Слуцкѣ для однихъ албанчиковъ; съ боку привѣшивалась большая кривая сабля; на рукоятку ея, украшенную иногда дорогими камнями, клалъ голубую бархатную шапку съ околышемъ изъ крымской мерлушки. Рукава кунтуша забрасывали назадъ и зашпиливали на крючекъ.

Въ этомъ мундирѣ нужно было ходить въ Несвижѣ, а если кто нибудь надѣвалъ его, не имѣя на то права, то съ того албанчики снимали его силою. Радзивиль самъ носилъ такой же мундиръ, только на запонкѣ былъ у него не его вензель, а буквы F. A. F., что значило: *fiduciā amicorum fortis*, т. е., силенъ вѣрностію друзей.

Одѣтые такимъ образомъ албанчики, большею частію, были молодецъ къ молодцу, кто съ черными, кто съ свѣтлорусыми, кто съ сѣдыми усамп. Особенно живописна была та минута, когда они, стоя плотною толпою въ несвижскомъ костелѣ, вдругъ, во время чтенія молитвы Богородицѣ, по старо-польскому обычаю, всѣ надѣвали на головы шапки, и обнаживъ сабли, махали ими, выражая этимъ, что они готовы идти ратовать во имя Пресвятой Дѣвы.

Среди этихъ молодцовъ особенно отличался панъ Володковичъ, и тотъ кто видалъ его портретъ не пожелалъ бы встрѣтиться съ подлинникомъ не только ночью, но и днемъ—такой

ражій изъ себя и такой съ виду привѣтливый былъ этотъ дѣтина!

Въ молодости Радзивиль любилъ тоже пошалить, какъ и вся польская молодежь того времени, а поэтому палбанская банда была сборище не безгрѣшное. Въ Польшѣ, по смерти короля начиналось еще болѣе неурядицы, чѣмъ бывало даже при самомъ слабомъ королѣ; страсти начинали кипѣть; до собранія большого сейма бывали маленькіе мѣстные сеймы, слѣдовательно были многочисленные сѣзды шляхты, а сѣзды эти, само собою разумѣется, не обходились безъ попойекъ и разгула. Въ такомъ состояніи была Литва и Польша по смерти послѣдняго короля изъ саксонскаго дома Августа III и предъ воцареніемъ Понятовскаго. Трибуналы, въ небытность короля, бездѣйствовали, ихъ временно замѣняли такъ называемые каптуровые суды. И вотъ однажды возный новогрудскаго каптуроваго суда повѣстилъ албанчикамъ, чтобы всѣ они явились въ этотъ судъ для объясненій по жалобамъ, принесеннымъ на нихъ въ судъ, касательно безчинствъ и гвалтовъ въ шляхетскихъ домахъ. Когда повѣстка объ этомъ дошла до Володковича, онъ тотчасъ далъ подписку въ томъ, что явится въ судъ съ своимъ адвокатомъ. При этомъ, чтобы познакомить вознаго съ своимъ адвокатомъ, онъ показалъ ему его — это была ременная нагайка. У Володковича ихъ было три: ременная на судью Хрептовича, другая на Понятовскаго, о которомъ уже громко говорили, что онъ будетъ королемъ, тоже была ременная, но обвитая шелкомъ, и третья на виленскаго епископа князя Мосальскаго, тоже ременная, но обвитая золотой нитью. Возный пожалъ плечами и уѣхалъ, исполнивъ свою обязанность.

Но выполнилъ также и Володковичъ свою подписку: онъ собралъ немедленно шесть самыхъ лихихъ рубакъ изъ албанчиковъ и отправился на судъ въ Новогрудокъ. Только что издали завидѣлъ судья своего подсудимаго, какъ убѣжалъ задними дверями въ монастырь. Володковичъ вошелъ въ судъ и спросилъ гдѣ судья?

— Онъ вышелъ, отвѣчалъ регентъ.

— Нечего сказать, хорошъ судья, замѣтилъ Володковичъ, зовешь подсудимыхъ, а самъ уходитъ. Впрочемъ, добавилъ онъ, въ небытность судьи мѣсто его заступитъ регентъ.

Спутники Володковича поняли смыслъ этого замѣчанія, и чрезъ нѣсколько минутъ несчастный регентъ лежалъ растянутый на присутственномъ столѣ, крѣпко придерживаемый шестерней дюжнхъ парней, а самъ Володковичъ съ широкаго своего плеча отсчитывалъ сотню нагаекъ исправляющему должность судьи. Отсчитавъ сполна регенту то что было назначено его начальнику, Володковичъ забралъ изъ суда всѣ производившіяся въ немъ дѣла и уѣхалъ изъ Новогрудка, какъ ни въ чемъ не бывало.

Но когда воцарился Понятовскій, въ Новогрудкѣ собрался трибуналъ; къ этому же времени, какъ будто для свиданія съ княземъ Каролемъ Радзивиломъ пріѣхалъ туда же виленскій епископъ князь Мосальскій. Въ это же время стоялъ въ Новогрудкѣ королевскій полкъ, которымъ командовалъ братъ епископа. Положено было расправиться съ Володковичемъ.

Одинъ изъ маіоровъ полка, переодѣвшись евреемъ, отправился въ Несвижъ къ Радзивилу — увѣрить князя, что полкъ Мосальскаго готовъ пристать къ конфедераціи, и просилъ только, чтобы Радзивиль отпустилъ съ нимъ Волод-

ковича, какъ самага дѣятельнаго ея члена, къ которому королевскіе солдаты окажутъ всего болѣе расположенія. Володковичъ согласился и предъ самымъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ Новогрудокъ, прямо на квартиру маіора. Едва успѣлъ Володковичъ осмотрѣться вокругъ, какъ цѣлый полкъ Мосальскаго окружилъ домъ, въ которомъ остановился Володковичъ. Онъ увидѣлъ западню, ему приготовленную, но уже было поздно. Однако онъ успѣлъ выбить дверь и кинулся въ садъ, думая пробраться въ поле между деревьями; но всѣ дороги были пресѣчены, куда ни кидался онъ, всюду встрѣчалъ рядъ штыковъ; солдаты не стрѣляли въ него, имъ было приказано взять его живымъ, и 100 червонцевъ было обѣщано тому, кто исполнитъ это. Не смотря на неравный бой, Володковичъ, одаренный необыкновенной силой, успѣлъ пробиться черезъ нѣсколько рядовъ; смѣльчаки подступили было къ нему, стараясь схватить его, но онъ или убивалъ ихъ, или наносилъ имъ тяжелыя раны. Противникамъ Володковича хотѣлось взять его живымъ, чтобы придать этому дѣлу не видъ насилія, но законнаго суда.

Наконецъ силы Володковича истощились; онъ спустился въ яму, бывшую въ саду, и оттуда продолжалъ обороняться чѣмъ ни попало. Любопытные евреи, которымъ, надо сказать правду, крѣпко доставалось отъ Володковича, толпами бѣжали смотрѣть на его схватку съ цѣлымъ полкомъ. Уй! ой! вай! и прочее слышались во всемъ Новогрудкѣ; но никто не догадывался, какъ овладѣть Володковичемъ безъ новыхъ потерь въ людяхъ. Тогда одинъ изъ евреевъ подалъ слѣдующій совѣтъ: бросать въ яму, въ которой укрылся Володковичъ, разный хламъ; всѣ жида отъ малаго до великаго кинулись за работу: кто тащилъ ломанный стулъ, кто столъ,

кто доску, кто полѣно, кто ведро, кто лохань, кто перину, и все это летѣло въ яму, гдѣ отбивался Володковичъ. Тѣсно въ ней стало молодцу, и онъ сдался.

Тогда его взяли, связали, отнесли въ судъ и тамъ прочитали ему декретъ, обвиняя его во множествѣ преступленій. Менѣе чѣмъ черезъ часъ Володковичъ былъ уже разстрѣлянъ, вслѣдствіе приговора суда. Спусти шесть часовъ, Радзивиль, узнавшій о бѣдственномъ положеніи своего друга, пришелъ къ нему на выручку, но уже было поздно, и онъ въ отмщеніе за смерть Володковича разбилъ на голову полкъ князя Мосальскаго.

Со смертію Володковича значительно ослабѣла разгульная дѣятельность албанской банды.

XVIII.

ПАНЬ ЛАДА И ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ *)

Въ 1772 году совершился первый раздѣлъ Польши, и вотъ началось межеваніе между новыми владѣльцами и Рѣчью-Посполитой. Проще всѣхъ распоряжался въ этомъ случаѣ король прусскій Фридрихъ Великій. Въ ту часть Польши, которая при первомъ ея дѣлежѣ досталась Пруссіи, было послано въ каждый уѣздъ по два комисара: комисары пріѣзжали къ приходскому ксендзу и заговаривали съ нимъ по нѣмецки, но какъ, въ большей части случаевъ,

*) Анекдотъ о соперничествѣ польскаго пана съ знаменитымъ прусскимъ королемъ служилъ не разъ сюжетомъ и для серьезныхъ и для комическихъ разсказовъ въ польской литературѣ. Основой же для настоящаго очерка послужилъ разсказъ, напечатанный въ издавшейся три года тому назадъ въ Петербургѣ польской газетѣ „*Slowo*.“ Съ своей стороны мы измѣнили этотъ разсказъ во многихъ частностяхъ, стараясь принаровить его главнымъ образомъ къ общей цѣли нашихъ очерковъ, а именно къ ознакомленію читателей съ особенностями стариннаго быта Польши. *Авт.*

ксендзы не понимали по нѣмецки, то между ними и представителями новой власти начинался разговоръ на ломаномъ полу-польскомъ и полу-нѣмецкомъ языкѣ. Въ заключеніе разговора, ксендзъ и собиравшіеся около него прихожане догадывались, о чемъ идетъ дѣло; они подъ конецъ узнавали, что мѣстность, посѣщенная пруссаками, принадлежитъ уже не свѣтлѣйшей республикѣ, но его величеству, королю прусскому, которому она досталась при раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой, подъ именемъ южной Пруссіи.

Послѣ такого объясненія, комисары вынимали изъ кармановъ нѣсколько листовъ печатныхъ бумагъ, которые они называли королевскими патентами. Четыре экземпляра такихъ патентовъ вручались мѣстному владѣльцу, четыре ксендзу для прочтенія съ амвона въ первое воскресенье или въ первый праздничный день и для прибитія къ дверямъ костела, и наконецъ еще четыре экземпляра слуга, состоявшій при комисарѣ, относилъ въ ближайшую корчму, для сообщенія во всеобщее свѣденіе.

За распоряжавшимися такимъ образомъ королевско-прусскими комисарами, являлись прусскіе солдаты; они ставили на указанномъ комисарами мѣстѣ столбы, съ прусскими черными орлами, и въ заключеніе всего оставлялось у ксендза столько экземпляровъ объявленій на нѣмецкомъ языкѣ, сколько считалось въ окологдѣ шляхетскихъ домовъ.

Излишнимъ кажется говорить, что патенты и объявленія извѣщали о присоединеніи къ королевству прусскому тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ ставились солдатами столбы съ королевскими орлами. Разставляя столбы нѣмцы упорно торговались съ поляками, отстаивая въ свою пользу каж-

дый клочекъ земли. При этомъ, для избѣжанія недоразумѣній на будущее время, они старались проводить границу вдоль рѣкъ, ручьевъ, болотъ и вообще по такимъ мѣстамъ, гдѣ сама природа уже провела свою собственную границу. Пруссакн крѣпко держались такого способа размежеванія; но весьма часто случалось, что земли, принадлежавшія одной и той же деревнѣ, были расположены по обоимъ берегамъ пограничныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и такъ какъ оказывалось невозможнымъ дѣлить деревню, то возникало множество столкновеній и споровъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ Берлинѣ, послѣ разныхъ толковъ и недоразумѣній, постановили наконецъ правиломъ, что положеніе помѣщичьей усадьбы должно рѣшать вопросъ, къ какому государству принадлежить все помѣстье.

Идя съ патентами и столбами вдоль новой прусско-польской границы, королевскіе комиссары и сопровождавшіе ихъ солдаты приближались къ обширному имѣнію, расположенному на одномъ изъ пограничныхъ ручьевъ. Въ этомъ имѣніи крестьянскія хаты живописно были раскинуты подъ тѣнью развѣсистыхъ липъ, дубовъ и кленовъ, за ними не въ дальнемъ разстояніи виднѣлся большой замокъ причудливой архитектуры. Это имѣніе и этотъ замокъ принадлежали пану Яну Ладѣ, потому древняго шляхетскаго рода.

Пану Ладѣ въ ту пору, когда собиравшись навѣстить его прусскіе комиссары, было уже лѣтъ за пятьдесятъ, и не смотря на рану, которую ему пришлось получить въ бою, сражаясь въ рядахъ конфедератовъ, онъ крѣпко стоялъ на ногахъ, и не прочь былъ опять отправиться въ походъ противъ своихъ недруговъ. Панъ Лада былъ широкоплечій

мужчина высокаго роста, и отличался такой величавой и молодецкой осанкой, которой могъ бы позавидовать каждый сенаторъ и каштелянъ. Панъ Лада происходилъ изъ обѣднѣвшей шляхты, но ему посчастливилось жениться на внучкѣ воеводы Сѣрадзскаго; за женой онъ получилъ много богатыхъ помѣстьевъ, а въ числѣ ихъ и то, къ которому приближались теперь неожиданные и непрошенные гости. Не смотря на богатство и отвагу, панъ Лада былъ человѣкъ весьма добрый, обходительный, и потому во всемъ околodѣ пользовался любовью и преданностію шляхты.

Не безъ сильнаго волненія узналъ панъ Лада о приближеніи пруссаковъ, и волненіе его обратилось въ ужасъ, когда ему сообщили правила, которыми руководствуются при размежеваніи комиссары. Старый замокъ пана Лады стоялъ на прусской сторонѣ ручья, и слѣдовательно по силѣ правилъ, принятыхъ въ Берлинѣ, владѣлецъ этого замка долженъ былъ перейти къ пруссакамъ. Этой ужасной мысли никакъ не могъ перенести панъ Лада.

Извѣстно, что въ виду близкой опасности люди бываютъ находчивѣе, нежели въ ту пору, когда ихъ ничто не пугаетъ порядкомъ; такъ было и съ паномъ Ладой. Не ожидая онъ къ себѣ въ скоромъ времени прусскихъ комиссаровъ, онъ бы не догадался, какимъ способомъ можно отдѣлаться отъ подданства Пруссіи, но теперь, въ виду неминуемой опасности, вдругъ озарила его голову свѣтлая мысль.

Панъ Лада поспѣшно собралъ всѣхъ своихъ крестьянъ, далъ имъ заступы и лопаты, и послѣ трудной, но непродолжительной работы, успѣлъ отвести русло ручья за свой садъ. Быстрый токъ, бросившійся стремглавъ по покати-

стому мѣсту въ новое узкое ложе, рвалъ и уносилъ землю, и къ прибытію комисаровъ, граница, за которую съ такимъ удовольствіемъ хватался нѣмцы, была уже на новомъ мѣстѣ. Шумно бѣжалъ теперь ручей не передъ садомъ, но за садомъ. Находчивый шляхтичъ вздохнулъ свободно, и спокойно ожидалъ королевскихъ комисаровъ. Явились они въ помѣстье пана Лады, походили кругомъ да около, потолбовали между собою, и затѣмъ, къ общему удовольствію, вскорѣ удалились, поставивъ граничныя столбы далеко за лѣсомъ, который принадлежалъ пану Ладѣ и тянулся сплошной, широкой полосой по его владѣніямъ.

Успѣшная сдѣлка пана Лады съ обманутыми комисарами была отпразднована въ его замѣѣ достойнымъ образомъ. Множество гостей, послѣ трехдневныхъ пировъ, уѣхали отъ пана, жалуясь на тяжесть въ головѣ, и не совсемъ отчетливо припоминая все что имъ привелось видѣть и слышать въ домѣ радушнаго хозяина.

Оправившись отъ лихой выпивки съ пріятилами и сосѣдями, панъ Лада вдругъ началъ сильно хмуриться. Въ головѣ его, вмѣсто пріятнаго чада отъ токайскаго, стали бродить самыя тяжелыя думы.

— Я радуюсь, но чему? — спрашивалъ самъ себя панъ Лада: — развѣ тому только, что я спасся отъ нѣмцевъ?.. Но неужели же мнѣ не позоръ принадлежать къ такой безсильной, разслабленной республикѣ? Нѣтъ! Польша не стоитъ меня: она не сумѣла удержать за собою такого гражданина, и чуть было не выдала меня нѣмцамъ... Развѣ я заслужилъ подобное пренебреженіе отъ своей родины?.. Я докажу, что я человѣкъ не дюжинный.. Я знаю что сдѣлаю...

Проговоривъ эти слова самымъ рѣшительнымъ голосомъ, панъ Лада пріосанился и гордо посмотрѣлъ вокругъ себя, но въ комнатѣ на этотъ разъ не было никого.

Черезъ нѣсколько дней разнесся въ замѣѣ слухъ, что скоро пріѣдутъ польскіе комисары для постановки пограничныхъ столбовъ со стороны Рѣчи-Посполитой. Снова скликнуть панъ Лада всѣхъ своихъ крестьянъ, снова роздалъ имъ заступы и лопаты, и спустя нѣсколько времени, ручей бѣжалъ по прежнему руслу. Грустно посмотрѣли польскіе комисары на великолѣпное имѣніе, отошедшее къ Пруссіи, и поставили столбы далеко за лугомъ, за орѣшникомъ и песчанымъ холмомъ.

Производя постановку столбовъ съ бѣлыми польскими орлами, комисары пытались было навѣстить пана Ладу, но вмѣсто гостепріимнаго приглашенія получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Я пересталъ быть подданнымъ Рѣчи-Посполитой и не принимаю гражданъ ея въ моемъ домѣ.“

Съ грустью прочли этотъ обидный отвѣтъ прежніе соотечественники пана Лады; они въ раздумѣ покачали головами, пожали плечами, и принимая подобный отвѣтъ, какъ выраженіе скорби, перенесли обиду и постановили между собою избѣгать на будущее время всякихъ сношеній съ паномъ Ладой.

Послѣ этого происшествія панъ Лада видимо измѣнился. Изъ человѣка, прежде веселаго и общительнаго, онъ сдѣлался суровъ и молчаливъ. Большую часть дня онъ сидѣлъ безвыходно у себя въ комнатѣ, а если проходилъ

ногда через залы, то шель мѣрными, медленными шагами, не обращая вниманія ни на прислугу, ни на шляхтичей, жившихъ въ его замкѣ.

Всѣ начали перешептываться между собою, недоумѣвая о причинѣ такой быстрой перемѣны. Даже супруга ясно-вельможнаго пана не могла объяснить себѣ нѣкоторыхъ странностей своего сожителя, который сталъ смотрѣть на нее свысока и говорилъ съ ней только изрѣдка, да и то какъ-то важно и отрывисто.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и долгихъ колебаній, обитатели замка положили, наконецъ, разрѣшить мучившее ихъ сомнѣніе. Для того они избрали изъ своей среды старика-шляхтича, пана Онуфрія, любимца пана Лады, и поручили ему освѣдомиться обо всемъ подробно. Пять разъ приближался старикъ къ ясно-вельможному, пять разъ раскрывалъ ротъ и пять разъ, не пробормотавъ ни слова, отступалъ почтительно передъ величавымъ взглядомъ пана Лады.

Всѣ были недовольны депутатомъ. На него со всѣхъ сторонъ сыпались укоры и насмѣлки. Приходилось, для избѣжанія непріятностей, дѣйствовать съ большею рѣшимостью, и старикъ, помолвившій усердно Богу и подкрѣпивъ себя порядочной чаркой, явился снова передъ сумрачнымъ паномъ.

При появленіи пана Онуфрія панъ Лада быстро вскочилъ съ кресель.

— Что тебѣ нужно отъ меня?... грозно, почти бѣшено закричалъ онъ.

— Простите великодушно, проговорилъ запинаясь оторопѣлый старикъ; — простите великодушно, но ваша печаль,

ваше одиночество беспокоить всѣхъ, кто вамъ преданъ и кто любить васъ...

— А кто тебѣ сказалъ, что я печаленъ... Напротивъ, мнѣ весело, да и какъ еще весело,—какъ никогда не бывало!... Ну что ты смотришь на меня такимъ бараньимъ, безтолковымъ взглядомъ?...

— Я... я сомнѣваюсь...

— Сомнѣваешься! а въ чемъ?... Неужели же ты или кто нибудь другой можетъ сомнѣваться, что я теперь государь, что я король, ни отъ кого независимый?

Изумленный панъ Онуфрій разинулъ ротъ и съ явнымъ недовѣріемъ смотрѣлъ на стоявшаго передъ ними пана Ладу.

— Я хотѣлъ сказать... заговорилъ оправившійся немного старикъ,—я хотѣлъ сказать, что мы очень радовались, когда увидѣли, что вы такъ искусно спасли насъ отъ нѣмцевъ.

— Ну такъ что же? Говори скорѣй!... крикнулъ нетерпѣливо панъ Лада.

— А теперь мы съ грустію видимъ, что вы, надумавшись, предполагаете, по своей доброй волѣ, передаться пруссакамъ.

— Чортъ ихъ побери! гаркнулъ громовымъ голосомъ панъ Лада;—кто это тебѣ навралъ, старый пустомеля?...

— Но вѣдь ваша милость не приняли польскихъ комисаровъ, и столбы, которые бѣлѣются теперь за орѣшникомъ и песчанымъ холмомъ, ясно показываютъ...

— Что ты просто на просто глупъ... Да, ты глупъ, панъ Онуфрій, заговорилъ съ замѣтнымъ хладнокровіемъ панъ Лада, не давая вымолвить старику ни полслова.—Я хотѣлъ было сдѣлать тебя канцлеромъ, но вижу, что ты къ этому неспособенъ. Убирайся съ Богомъ... Да и всѣ вы оставьте

меня въ покоѣ и знайте только одно, что всякія перешептыванія и догадки вамъ строго воспрещаются... Ждите:—придетъ время, и узнаете то, чего теперь никакъ не можете понять.

Растерявшійся старикъ пошелъ назадъ: въ головѣ его былъ невообразимый переполохъ.

Между тѣмъ панъ Лада, запершись въ своей комнатѣ, все читалъ и писалъ. Никто не смѣлъ потревожить его, кромѣ гайдука Игнація, который получалъ непосредственно отъ него какія-то таинственныя приказанія. Гайдуку почти не слѣзаль съ лошади. Едва успѣвалъ онъ отвезти одно письмо, какъ долженъ былъ скакать, сломя шею, съ новымъ посланіемъ своего пана. Но отъ этого вѣрнаго слуги нельзя было добиться ни слова: онъ всегда молчалъ и имѣлъ привычку раскрывать ротъ только тогда, когда нужно было ѣсть или пить.

Прошло еще нѣсколько недѣль, среди тревожныхъ ожиданій всѣхъ проживавшихъ у пана Лады и среди постоянныхъ его занятій писаніемъ и чтеніемъ. Между тѣмъ изъ Торна и Познани, по его приглашенію, явились въ замокъ обойщики, драпировщики и разные мастеровые; въ замкѣ закипѣла дѣятельная работа, и дней черезъ пять жилище пана Лады явилось въ полномъ блескѣ. Въ главной залѣ замка стѣны покрылись дорогими обоями, голубого и бѣлаго цвѣта, а на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, устланномъ краснымъ сукномъ, поставлено великолѣпное золоченое кресло съ пунцовою бархатною подушкою и гербомъ пана Лады подъ королевскою короною. По обѣимъ сторонамъ этого кресла, на низшихъ уступахъ возвышенія, было поставлено двое другихъ креселъ, хотя и весьма искусной работы, но

уже не столь великолѣпныхъ, какъ среднее. Прямо передъ сѣдалщицею были двѣ рѣзныя скамьи, а остальная часть залы осталась пустою, какъ это принято для тронныхъ залъ.

Потолокъ залы украсился позолотой и разными лѣпными фигурами и изображеніями, служащими символами для означенія верховной власти и разныхъ царственныхъ добродѣтелей. На стѣнахъ залы были развѣшаны гербы тѣхъ благородныхъ фамилій, съ которыми была въ родствѣ фамилія пана Лады, а по бокамъ возвышенія, какъ эмблема могущества и силы, были поставлены военные трофеи и рыцарскіе доспѣхи.

Наружность замка тоже подновилась; на фасадахъ его явилось много фигуръ и изображеній, сходныхъ съ тѣми, которыя были помѣщены на потолокъ парадной залы; надъ главнымъ подъѣздомъ замка былъ прибитъ огромный гербовый щитъ подъ королевскою короною, а на самой возвышенной точкѣ кровли, на высокомъ древкѣ, величественно развѣвался огромный флагъ съ гербовыми цвѣтами пана Лады, бѣлымъ и голубымъ.

Всѣ работы, какъ внутри, такъ и снаружи замка, производились съ чрезвычайною поспѣшностію, подъ надзоромъ самаго пана, но никто, даже проникательный капеланъ пана Лады, не могъ угадать цѣль этихъ необыкновенныхъ приготовленій.

Когда замокъ былъ совсѣмъ отдѣланъ и убранъ, то наканунѣ праздника рождества Богородицы стали являться къ пану Ладѣ гости, приглашенные имъ черезъ письма, развезенныя Игнаціемъ.

Великолѣпные новомодные экипажи, старинные рыдваны и колымаги, телѣжки и повозки постоянно подъѣзжали къ

главному крыльцу замка; тутъ же останавливались и приѣзжавшіе верхомъ въ гости. Панъ Лада радушно встрѣчалъ гостей, и сообразно съ важностію каждаго изъ нихъ приказывалъ отводить помѣщеніе или во флигелѣ или въ крестьянской избѣ. Затѣмъ, когда по повѣркѣ списковъ всѣ приглашенные оказались налицо, гости, по особому зову хозяина, собрались къ назначенному времени въ праздничныхъ нарядахъ въ главной залѣ замка, и тамъ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки непонятныхъ для нихъ затѣй.

Появленіе пана Лады положило конецъ мучительному ожиданію.

Двери залы широко распахнулись на обѣ половинки, и въ дверяхъ показался хозяинъ. На головѣ у пана Лады была дорогая мѣховая шапка съ цаплинымъ перомъ, пристегнутымъ большою брилліантовой запонкой; одѣтъ онъ былъ въ кунтушъ изъ бархата пурпуроваго цвѣта съ золотымъ поясомъ, на которомъ висѣла кривая сабля, осыпанная драгоценными камнями. Но въ глаза гостей не столько бросался этотъ великолѣпный нарядъ хозяина, сколько его повелительный видъ и величественная осанка.

Панъ Лада велъ подъ руку свою жену; ея роскошный нарядъ и блескъ дорогихъ каменьевъ и яркая бѣлизна жемчуга еще рѣзче выставляли смущеніе скромной женщины. Видно было, что она смиренно подчинилась волѣ своего мужа, но что сердце ея какъ будто предчувствовало что-то недоброе. Съ выраженіемъ грусти и сдержаннаго ужаса смотрѣла она на все что окружало ее теперь, и какъ будто хотѣла спросить: что же все это значитъ, къ чему всѣ эти приготовления? За паномъ Ладой и его женой шель ихъ сынъ, прехорошенькій десятилѣтній мальчикъ, един-

ственный наслѣдникъ имени, славы и богатства своихъ родителей; онъ былъ одѣтъ въ дорогой венгерскій костюмъ.

При появленіи пана Лады мгновенно смолкнулъ говоръ присутствующихъ. Онъ медленнымъ шагомъ прошелъ мимо изумленной и ошѣмѣвшей толпы, поднялся на возвышеніе, и поставивъ подлѣ себя съ одной стороны жену, а съ другой сына, приподнялъ немного свою шапку, въ знакъ поклона, и громко произнесъ слѣдующую рѣчь:

„При новомъ разграниченіи Польши и Бранденбурга, оба эти государства обошли мои владѣнія, какъ это ясно показываютъ пограничные столбы, разставленные и прусскими, и польскими комисарами. Такимъ образомъ, земли мои остались независимыми!.. Вознося благодарственную молитву Господу за явленную его къ намъ милость, мы, Янъ-Капистранъ-Идзіѣ I, общаемся употребить всѣ усилія, чтобы доказать міру, что простой нѣкогда шляхтичъ Янъ Лада, по гербу, впрочемъ, не хуже Понятовскихъ, сумѣетъ править подвластными ему, хотя не многочисленными, но за то храбрыми, вѣренными ему Богомъ народами!... Мы не оставимъ границъ нашихъ владѣній безъ обороны, казны безъ денегъ и законовъ безъ исполненія и опоры.

„Я учреждаю отнынѣ отдѣльную державу подѣ наследственнымъ правленіемъ моего дома. Кто захочетъ споспѣшествовать новому государству и остаться въ его предѣлахъ, тотъ пусть громогласно изъявитъ свое желаніе... Будьте увѣрены, что со временемъ, когда все устроится, какъ слѣдуетъ, ни одинъ благонамѣренный гражданинъ и ни одинъ истинно-храбрый воинъ не будутъ скучать въ тѣсныхъ, по видимому, границахъ моей державы.

„Законы и конституція уже готовы, остается только присягнуть имъ. Должности военные, гражданскія и придворныя уже учреждены и ожидаютъ только достойныхъ кандидатовъ. Теперь же, братья-шляхта, предлагаемъ вамъ объявить ваше мнѣніе: кто со мной, тотъ пусть остается, а тотъ, кто хочетъ служить республикѣ, тотъ пусть скорѣе убирается изъ моихъ владѣній.“

Рѣчь эта произвела странное впечатлѣніе на слушателей. Одни изъ нихъ во все время, пока говорилъ панъ Лада, стояли разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, другіе почесывали затылки, третьи потирали лбы, четвертые легонько откашливались, и хотя каждый изъ гостей еще заранѣе ожидалъ чего-то необыкновеннаго, но то что они теперь слышали далеко превзошло всѣ ожиданія.

По окончаніи рѣчи, гости зашумѣли; они принялись съ жаромъ толковать между собою о сдѣланномъ имъ предложеніи, и такъ какъ всѣ чрезвычайно любили пана Ладу, какъ добраго сосѣда, и такъ какъ смѣлость его понравилась, то послѣ непродолжительныхъ совѣщаній общій шумъ и говоръ слились въ единодушный, со всѣхъ сторонъ раздавшійся крикъ: „да здравствуетъ панъ Лада!“

Увидѣвъ, что дѣло съ перваго разу идетъ удачно, панъ Лада, привѣтливо поклонившись своимъ новымъ подданнымъ, величественно помѣстился на тронѣ, посадивъ на стоявшихъ по бокамъ его креслахъ жену и сына, и когда, по данному имъ знаку, все смолкло, онъ заговорилъ снова:

„Итакъ, пусть по единодушному желанію, изъявленному предстоящими здѣсь моими соотечественниками, начнется отнынѣ благополучное наше царствованіе. Граматы на долж-

ности уже готовы, нужно только вписать въ нихъ имена и фамиліи назначенныхъ мною лицъ.“

— Вы, отче, сказалъ панъ Лада, обращаясь къ ксендзу, — займете должность канцлера.

Ксендзъ осмотрѣлся, и видя со всѣхъ сторонъ одобрительный взглядъ, почтительно поклонился новому государю и отошелъ къ указанному ему мѣсту.

— Вы, панъ Балтазаръ, будете моимъ государственнымъ казначеемъ, проговорилъ панъ Лада, смотря на шляхтича Годзембу.

Шляхтичъ покраснѣлъ отъ удовольствія и, низко поклонившись пану Ладѣ, отошелъ въ сторону и занялъ мѣсто подлѣ канцлера.

— Вамъ, Якубъ Наленчъ, ввѣряется гетманская булава, произнесъ торжественно панъ Лада, и тотъ, къ кому относились эти слова, послѣдовалъ примѣру канцлера и казначея, а между тѣмъ новый повелитель продолжалъ:

„Въ большомъ числѣ сановниковъ мы пока не нуждаемся, и жезлъ нашего придворнаго маршала остается въ рукахъ пана Онуфрія Побоча. Учреждаемъ, впрочемъ, новую должность съ титуломъ оберегателя государственныхъ нашихъ границъ, и поручаемъ ее племяннику нашему, пану Юзефу. Обязанность его будетъ заключаться въ неусыпномъ надзорѣ за цѣлостію и неприкосновенностію границъ и во внимательномъ наблюдении, чтобы въ предѣлы наши не допускались люди вредныхъ правилъ и еретики, то есть нѣмецкая саранча изъ-за Одера.“

„Завтра, послѣ торжественной службы въ честь Пресвятой Богородицы, мы разставимъ наши пограничныя столбы, дабы каждый изъ сосѣдей нашихъ зналъ наши предѣлы и

почиталъ бы въ насъ коронованную особу. Но такъ какъ, по этому случаю, дворъ нашъ долженъ будетъ явиться въ полномъ блескѣ, то мы повелѣваемъ нашему канцлеру раздать всѣмъ надлежащія грамоты, а казначею нашему—выплатить впередъ мѣсячное жалованье по утвержденнымъ нами окладамъ.

„Въ заключеніе приглашаемъ васъ, благородные гости, раздѣлить съ нами нашъ королевскій пиръ.“

Окончивъ эту рѣчь, панъ Лада всталъ съ своего сѣдлица при громкихъ крикахъ: „Да здравствуетъ король!“ Затѣмъ гости, предшествуемые державнымъ хозяиномъ, отправились въ залы, гдѣ были накрыты столы. Много въ этотъ день было съѣдено, а еще болѣе выпито, какъ гостями, такъ и сановниками новаго королевства.

На другой день происходило въ Ладовѣ, по особому церемонаіу, поставленіе пограничныхъ столбовъ. Торжественное шествіе сопровождали два отряда: одинъ конный, состоявшій изъ сорока человѣкъ шляхтичей, а другой пѣхотный, состоявшій изъ шестидесяти крестьянъ, вооруженныхъ алебардами и пиками.

Гимнъ, пропѣтый передъ статуей Богородицы, стоявшей на каменномъ столбѣ при въѣздѣ во владѣнія пана Лады, завершилъ торжество этого дня, съ котораго и положено было считать воцареніе въ Ладовѣ короля Яна-Капистрана-Идзія I.

Вскорѣ вѣсть о продѣлкахъ пана Лады разнеслась во всѣ стороны. Одни подсмѣивались надъ нимъ, считая его за самодура, другіе же, напротивъ, хвалили его смѣлость и

рѣшительность. Короче, о немъ шли самые разнорѣчивые толки. Впрочемъ, такъ какъ новый владѣтель былъ богатъ, щедръ, обходителенъ и гостепріименъ, то замокъ его не оставался пустымъ, и во владѣнія его со всѣхъ сторонъ густыми толпами валили новые граждане. Пиръ въ Ладовѣ не прекращался.

Что же касается сосѣднихъ государствъ, то отношенія ихъ къ новому королевству были неодинаковы. Польшѣ, обуреваемой въ то время внутренними смутами и угрожаемой извнѣ сосѣдями, некогда было обращать вниманія на отпаденіе пана Лады отъ Рѣчи Посполитой, но акуратные нѣмцы посмотрѣли на поступокъ польскаго пана нѣсколько иначе, и тогда какъ въ Варшавѣ, при дворѣ Понятовскаго кромѣ самого короля, подсмѣивались надъ Ладой, какъ надъ чудакомъ, въ Берлинѣ, при дворѣ великаго Фридриха, толковали о немъ очень серьезно и методически обсуждали послѣдствія подобныхъ поступковъ. Прусское правительство придавало дѣйствіямъ пана Лады характеръ государственной измѣны и не было вовсе намѣрено выпустить изъ своихъ рукъ превосходное его имѣнье.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ политическихъ и финансовыхъ соображеній, къ пану Ладѣ послано было объявленіе, предлагавшее ему уплатить, безъ малѣйшаго сопротивленія, въ окружную королевскую кассу всевозможныя подати и налоги: подушныя, дорожныя, рѣчныя, лѣсныя, трубныя и т. д.

Нешуточное требованіе Пруссіи заставило опомниться пана Ладу; онъ какъ будто очнулся отъ непріятнаго сна, всѣ его мечтанія о независимости разлетѣлись въ прахъ при видѣ бумаги, запечатанной печатью съ прусскимъ орломъ. Но такое состояніе духа продолжалось самое корот-

кое время. Панъ Лада скоро оправился и въ пылу негодованія велѣлъ, къ общему удовольствію своихъ гостей, заставить гончими пруссака, доставившаго ему объявленіе.

Такое самоволіе пана Лады должно было накликать на него со стороны Пруссіи грозную расправу. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ травли чиновника, оберегатель границъ, панъ Юзефъ, извѣстилъ своего царственного дядю, что во владѣнія его идутъ двадцать человѣкъ пѣхоты и столько же конницы въ зеленыхъ бренденбургскихъ мундирахъ, съ красными отворотами и такими же отложными воротниками, въ низенькихъ треуголкахъ, бѣлыхъ чулкахъ, башмакахъ и съ напудренными косами. Посмѣялся панъ Лада надъ нарядомъ своихъ недруговъ, но на дѣлѣ они были для него опасны. Онъ положилъ дѣйствовать рѣшительно, и собравъ десять человѣкъ вооруженной шляхты, принялъ надъ ними начальство и смѣло двинулся противъ приближавшихся пудренныхъ бренденбургцевъ.

Панъ Онуфрій, посланный къ приближавшимся пруссакамъ въ качествѣ парламентаря, добился наконецъ отъ нѣмцевъ объясненія, что войско, вторгнувшееся во владѣнія пана Лады, имѣетъ предписаніе арестовать его за неуваженіе къ королевскому чиновнику и за разные другіе самовольные поступки, совершенные имъ въ противность прусскихъ узаконеній. Съ трудомъ выслушалъ панъ Лада эту вѣсть; онъ кипѣлъ отъ сильнаго гнѣва и вмѣсто отвѣта бросился прямо съ своимъ небольшимъ отрядомъ на неприветлившагося къ отпору и озадаченнаго непріятеля. Нѣмцы не выдержали быстрого натиска и показали свои бѣлыя косы. Въ это же время, на подкрѣпленіе пану Ладѣ

подоспѣло окольными путями нѣсколько вооруженныхъ шляхтичей. Появленіе ихъ въ тылу нѣмецкаго отряда было какъ нельзя болѣе кстати. Пруссаки, считая себя окруженными со всѣхъ сторонъ, сдались всѣ военно-плѣнными, и только одинъ капралъ, благодаря быстротѣ своего коня, могъ принести на родину печальную вѣсть о пораженіи и плѣнѣ своихъ ратныхъ товарищей.

Послѣ этой блистательной побѣды начались въ замкѣ пана Лады шумныя празднества, но торжество побѣдителей было весьма непродолжительно, потому что, спустя одинъ день, панъ Юзефъ снова извѣстилъ своего дядю, что на него наступаютъ пруссаки, и что теперь ихъ уже гораздо болѣе, нежели въ первый разъ.

Призадумался сначала панъ Лада при полученіи этой вѣсти, но потомъ вскорѣ оправился и собралъ на военный совѣтъ всю находившуюся въ его замкѣ шляхту. Въ то же время онъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны Рѣчи-Посполитой, съ извѣщеніемъ о томъ что съ нимъ случилось, и съ приглашеніемъ пановъ-братій подать помощь. Между тѣмъ крестьяне принялись работать надъ возведеніемъ укрѣпленій; они копали рвы, устраивали западни и волчьи ямы, перекапывали дорогу, огораживали инныя мѣста засѣками и тыномъ, и послѣ трехдневной работы панъ Лада укрѣпился довольно прочно.

Всѣ эти приготовленія были не напрасны. Послѣ пятидневнаго томительнаго ожиданія, на большой дорогѣ, пролегавшей къ владѣніямъ пана Лады, показался со стороны Пруссіи огромный столбъ пыли. Передовые стражники немедленно извѣстили объ этомъ пана Ладу, который далъ приказаніе — взять оружіе и занять каждому свое мѣсто.

Приказанія эти были исполнены въ такой тишинѣ и въ такомъ порядкѣ, что когда прусскій отрядъ, состоявшій на этотъ разъ уже изъ двухъ-сотъ человѣкъ кавалеріи и пѣхоты, вышелъ изъ лѣсу на поляну, то все было кругомъ такъ тихо и спокойно, какъ будто жители, испуганные приближеніемъ храбрыхъ прусскихъ войскъ, разбѣжались во всѣ стороны.

Съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства двигался впередъ непріятель, и безъ особыхъ предосторожностей вступилъ на ту мѣстность, гдѣ были устроены западни, волчьи ямы и завалы. Но каково же было его изумленіе, когда вдругъ со всѣхъ сторонъ раздался страшный гикъ, загремѣли ружейные выстрѣлы, разверзлись закрытые до толѣ ямы и рвы, и отрядъ увидѣлъ себя лишеннымъ всякой возможности къ отступленію! И опять только нѣсколько человѣкъ, составлявшихъ аріергардъ прусскаго отряда, спаслись бѣгствомъ, чтобы принести въ Пруссію вѣсть о новомъ пораженіи...

Между тѣмъ въ деревнѣ завязалась отчаянная борьба, которая, впрочемъ, длилась не долго. Пруссакъ, стѣсненные въ узкихъ проходахъ, не имѣли возможности развернуть правильно свои силы противъ хорошо прикрытаго непріятеля. Бой кончился тѣмъ, что пруссакъ сданысь въ плѣнъ.

Плѣнныхъ заперли въ амбаръ, и послѣ шумныхъ совѣщаній о томъ что съ ними дѣлать, постановили: перевязать ихъ по четыре человѣка и переслать, въ видѣ подарка, Рѣчи-Посполитой. На этомъ въ особенности настаивалъ панъ Лада, желая подражать такимъ образомъ слав-

ному побѣдителю турокъ — Яну Собѣскому, приславшему въ подарокъ Польшѣ турецкихъ плѣнниковъ.

Къ счастію пана Лады пруссакъ въ эту пору не имѣли подъ рукою достаточнаго числа войскъ: приходилось стягивать отряды съ разныхъ сторонъ, и этимъ обстоятельствомъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться ладовскій повелитель. Пруссакъ торопились, но не медлили и ихъ противникъ.

Извѣстивъ немедленно всю окрестную шляхту о случившемся, панъ Лада встрѣтилъ въ своихъ собратяхъ полное сочувствіе. Всѣ шляхтичи, сидѣвшіе, по случаю мира, у себя дома, и всѣ крестьяне, свободные въ эту пору отъ сельскихъ занятій, повалили на защиту новаго государства, а окрестные паны прислали въ Ладовскій замокъ необходимый провіантъ и фуражъ.

Вскорѣ панъ Лада увидѣлъ въ своемъ распоряженіи значительныя силы. Большая часть его защитниковъ были люди самые рѣшительные, не разъ уже окуренные порохомъ въ битвахъ. Предводитель ихъ воспользовался всѣмъ этимъ.

Получивъ самыя точныя свѣденія о числѣ прусскаго отряда, назначеннаго для усмиренія непокорныхъ, панъ Лада собралъ военный совѣтъ, и на этомъ совѣтѣ единогласно было положено — дать отпоръ прусскому войску. Здѣсь же было соображено, что ожидать въ деревнѣ непріятеля, имѣющаго съ собою артиллерію, не слѣдуетъ; и вообще встрѣтиться съ нимъ на территоріи Ладовскаго королевства признано было неудобнымъ, потому что въ этомъ случаѣ можно было подвергнуть разоренію свои земли. Но къ этимъ стратегическимъ соображеніямъ присоединились еще особыя политическіе расчеты: до сихъ поръ всѣ дѣйствія пана Лады могли быть оправданы — онъ только оборонялся отъ

наступавшихъ на него враговъ; нападеніе же на прусскія земли было бы равносильно объявленію войны, и такой образъ дѣйствій нельзя было оправдать. Подобное нашествіе отнесено было бы къ политикѣ Рѣчи Посполитой, и панъ Лада могъ бы лишиться покровительства Польши, на которое онъ, хотя весьма слабо, но все же рассчитывалъ въ крайнемъ случаѣ.

Сообразивъ все это, военный совѣтъ постановилъ принять бой съ пруссаками во владѣніяхъ независимыхъ отъ польскаго королевства, а чтобъ ввести своихъ противниковъ въ заблужденіе, панъ Лада отослалъ свою жену и всѣхъ женщинъ, проживавшихъ въ его государствѣ, въ свои польскія помѣстья и, разсыпавъ свои войска по окрестнымъ лѣсамъ, распустилъ слухъ, будто бы вся окольная шляхта разбѣжалась, испугавшись нѣмецкаго нашествия.

Молва объ этомъ была, конечно, доведена до отряда прусскихъ войскъ, кочевавшаго вблизи ладовскихъ владѣній и готовившагося съ разсвѣтомъ перейти ихъ границу. Между тѣмъ, ловкій и смѣлый лазутчикъ пана Лады, переодѣвшись угольщикомъ, успѣлъ проникнуть въ прусскій лагерь, освѣдомился хорошенько о непріятельскихъ силахъ и возвратившись ночью домой представилъ обо всемъ видѣнному и слышанному самый подробный отчетъ. Полученныя свѣдѣнія придали обороняющимся еще болѣе смѣлости; правда, прусскій отрядъ состоялъ теперь изъ двухъ тысячъ пѣхоты и конницы, и имѣлъ при себѣ четыре пушки, но за то солдаты, по рассказамъ лазутчика, были люди старые, неповоротливые, и казались весьма не бойкими.

Всю ночь провелъ панъ Лада въ объѣздѣ своихъ отрядовъ, разставленныхъ по сторонамъ дороги, проходи

почти цѣлую милю черезъ густой лѣсъ. Съ наступленіемъ утра, легкой свистъ, передаваясь отъ поста къ посту, далъ знать, что непріятель тронулся съ своей ночной стоянки. Утро было туманное и это обстоятельство весьма много способствовало удачной засадѣ, устроенной противъ пруссаковъ.

Съ громкимъ барабаннымъ боемъ и при звукахъ трубъ двигался впередъ прусскій отрядъ, и вскорѣ остановился возлѣ лѣса. Высланный впередъ конный разъѣздъ прошелъ безпрепятственно тѣсную дорогу. Дойдя до деревни, онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ и возвратившись къ отряду объявилъ, что дорога свободна, а деревня не имѣетъ никакой обороны. Получивъ это извѣстіе, пруссаки смѣло, въ боевомъ порядкѣ, тронулись впередъ; за передовымъ отрядомъ конницы, съ торжественной медленностію двинулась артиллерія, прикрываемая со всѣхъ сторонъ пѣхотою.

Едва только пруссаки вышли на середину лѣсной дороги, какъ панъ Лада выстрѣломъ изъ небольшой мортиры подалъ сигналъ къ нападенію. Непріятель съ ужасомъ увидѣлъ, что лѣсъ, до того времени безмолвный, какъ будто ожилъ: вѣтви затрепали, мохъ зашевелился, раскрылись кусты терновника, отовсюду засвистали пули и раздались ободрительные крики; трескотня ружейныхъ выстрѣловъ озадачила пруссаковъ.

Генералъ, командовавшій прусскими войсками, принадлежалъ къ числу людей слишкомъ самоувѣренныхъ; онъ никакъ не воображалъ, чтобы предводительствуемому имъ отряду могло сопротивляться войско пана Лады. Увидя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ въ лѣсной тѣсотѣ, онъ пересталъ думать о легкой побѣдѣ, и далъ приказаніе отступить, но отступленіе уже было отрѣзано, а между тѣмъ,

къ ужасу пруссаковъ, зашатались и начали валиться на нихъ громадные сосны, сверкнулъ огонь, показалось пламя и смолистый дымъ понесся густыми клубами въ глаза прусскимъ солдатамъ. Послѣ самаго непродолжительнаго неровнаго боя, пруссаки бросились въ безпорядкѣ бѣжать; а небольшое число ихъ, успѣвшее кое-какъ выбиться изъ лѣсу, начало строиться на полянѣ. Едва панъ Лада завидѣлъ это, какъ по приказанію его отрядъ конной шляхты, выскочивъ изъ засады, смялъ противниковъ и тѣмъ окончательно довершилъ побѣду.

Теперь панъ Лада чувствовалъ себя вправѣ отплатить пруссакамъ за нападеніе нападеніемъ, и потому сталъ преслѣдовать бѣгущихъ на ихъ собственной землѣ. Побѣдитель напалъ на ближнія мѣстечки, забралъ прусскія кассы, и послѣ трехдневнаго похода возвратился въ свои владѣнія, гдѣ ему была приготовлена торжественная встрѣча.

Гордо поднявъ теперь голову панъ Лада, а между тѣмъ шумъ пировъ не умолкалъ въ Ладовѣ, и каждый день прибывали туда новые охотники. Обнадеженный этой поддержкой, Лада хотѣлъ воспользоваться зимнимъ временемъ и предпринять наступательное движеніе на Пруссію. Панъ Лада горячился и надѣялся, а разсудительный канцлеръ совѣтовалъ своему государю пустить ручей по новому руслу и признать надъ собою власть Рѣчи-Посполитой. Сердце отважнаго короля шляхтича испытывало при этихъ совѣтахъ жесточайшее искушеніе: съ одной стороны, привязанность къ родинѣ заставляла его соглашаться съ совѣтомъ своего канцлера, а съ другой стороны, честолюбіе шептало ему о королевскомъ санѣ.

Надобно сказать, что прусскій генералъ, командовавшій войскомъ противъ пана Лады, былъ, какъ почти всѣ люди самонадѣянные, человѣкъ способностей весьма посредственныхъ, хотя и слылъ человѣкомъ ученымъ. Претерпѣвъ пораженіе и не находя средствъ поправить неудачу, онъ, чтобы избѣжать королевскаго гнѣва, поскакалъ въ Берлинъ, намѣреваясь предупредить вѣсти о своемъ пораженіи и представивъ войско пана Лады въ преувеличенномъ видѣ, выпросить себѣ болѣе сильный отрядъ для наказанія мятежниковъ.

На пятый день генералъ былъ уже въ Берлинѣ.

Въ это время Фридрихъ-Великій, исполнивъ часть своихъ политическихъ плановъ, отдыхалъ на лаврахъ въ государствѣ, прославленномъ его гениемъ и множествомъ побѣдъ. Въ то время, когда, окруженный учеными и философами, которые со всѣхъ сторонъ стремились къ его двору, король бесѣдовалъ о какой-то головоломной философской задачѣ, дежурный камергеръ доложилъ его величеству о прибытіи генерала изъ области, взятой у Польши. Король велѣлъ немедленно пригласить его къ себѣ. Явившись къ государю, военачальникъ выразилъ желаніе поговорить съ его величествомъ наединѣ, но Фридрихъ, не подозрѣвая ничего особеннаго, приказалъ генералу начать докладъ о его подвигахъ въ присутствіи всѣхъ.

Заминаясь, робкимъ голосомъ, началъ генералъ реляцію о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Король, сдвинувъ брови, внимательно слушалъ его, не прерывая ни на одномъ словѣ.

Генералъ кончилъ. Наступило глубокое молчаніе. Какъ ни прикрашивалъ генералъ свое донесеніе, но король ясно видѣлъ въ чемъ заключалось дѣло. Онъ насупился болѣе

прежняго и грозно взглянул на лживаго рассказчика. Генераль поблѣднѣлъ, и всѣ ожидали, что король, въ справедливымъ гнѣвѣ, примѣрно накажетъ генерала и за опрометчивость, и за ложь. Но общія ожиданія не оправдались. Лицо короля вдругъ приняло привѣтливое выраженіе; онъ медленно поднялся съ креселъ, запустилъ пальцы въ карманъ своего коричневаго камзола, гдѣ находился нюхательный табакъ, втянулъ въ носъ хорошую дозу и, остановившись передъ генераломъ, полунасмѣшливо и полуласково спросилъ его:

— Чего же вы теперь отъ меня желаете?

Ободренный такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла, генераль видимо расхрабрился.

— Ваше величество! проговорилъ онъ энергическимъ голосомъ—я желаю получить отъ васъ войско; я пойду уничтожить скопище разбойниковъ и кровью смою обиду, нанесенную побѣдоноснымъ знаменамъ вашего величества.

— Все это весьма похвально, хладнокровно замѣтилъ Фридрихъ;— но вѣдь вы уже имѣли войско,—гдѣ же оно?... Если же дать вамъ другое, то безъ всякаго сомнѣнія и его постигнетъ та же самая участь... Нѣтъ, любезный мой генераль, я вамъ войска не дамъ, но вы отправитесь одни къ этому непокорному шляхтичу... Понимаете?

— Понимаю, проговорилъ невнятно генераль, подъ вліяніемъ нашедшаго на него столбняка.

— Вы овладѣете Ладовымъ и его жителями одни, безъ войска; я не дамъ вамъ для этого ни одного солдата. Понимаете?

Генераль растерялся въ конецъ, и почти-что прошепталъ:

— Нѣтъ, этого я не понимаю...

— Потому вы этого не понимаете, что у васъ не развиты всѣ способности, необходимыя, чтобъ быть толковымъ и догадливымъ человѣкомъ... Явитесь завтра утромъ ко мнѣ, я вамъ сообщу инструкцію, съ которой вы отправитесь немедленно, а теперь отдайте коменданту вашу шпагу, а сами потрудитесь переночевать на гаубтвахтѣ.

Генераль почтительно поклонился королю и вышелъ изъ залы, а король возвратился къ прерванной бесѣдѣ. Поздно вечеромъ оставилъ Фридрихъ свое любимое общество и перешелъ въ кабинетъ. Надъ чѣмъ трудился въ это время король, неизвѣстно; извѣстно только, что когда утромъ явился къ нему арестованный генераль, то Фридрихъ далъ ему словесную инструкцію и вручилъ письмо съ адресомъ: Іоанну-Капистрану, королю въ Ладовѣ, троекратному побѣдителю моихъ войскъ.

Озадаченный генераль прямо изъ дворца поскакалъ въ Ладовъ.

Воинственность пана Лады нисколько не уменьшилась, и зимній походъ въ Пруссію былъ его завѣтною мечтою въ то время, когда прискакалъ къ нему въ замокъ, подъ парламентерскимъ флагомъ, передовой гонецъ съ извѣстіемъ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ изъ Берлина посланникъ короля прусскаго къ Іоанну Капистрану, верховному повелителю Ладовскаго государства.

Остолбенѣлъ отъ удовольствія шляхтичъ, узнавъ, что гордый побѣдитель Австріи такъ легко призналъ его державныя права, и что король прусскій сносится съ нимъ черезъ своего посланника.

Гонцу было объявлено, что королевскій посолъ будетъ принять въ Ладовѣ съ честію, подобающею его высокому званію.

Едва только усѣлся панъ Лада на своемъ тронѣ, какъ въ залу паномъ Онуфріемъ былъ введенъ прусскій посланникъ, въ полномъ мундирѣ, въ лентѣ, въ звѣздахъ и орденѣхъ. Посланникъ, какъ мы сказали, принадлежалъ къ числу ученыхъ своего времени, и потому зналъ весьма недурно латинскій языкъ, на которомъ онъ и началъ объясняться съ ладовскимъ державцемъ.

— „Во мнѣ, высокій государь, началъ генераль, — вы можете узнать начальника того войска, которое потерпѣло поражение въ вашихъ владѣніяхъ. Теперь же, мой августѣйшій повелитель прислалъ меня къ вамъ, чтобы выразить вамъ извиненіе по поводу несправедливаго вторженія въ вашу державу, вторженія, происшедшаго отъ дурно понятыхъ мною предписанія его величества. Вы одержали три побѣды, доставившія вамъ громкую славу и дружбу короля, который тоже, какъ вамъ извѣстно, пользуется во всей Европѣ военною славой, не смотря на нѣкоторыя испытанныя имъ неудачи.“

„Король чтитъ вашу храбрость, ваше мужество, ваши военныя дарованія и, по свойственному его великодушію, ищетъ не мести, но дружбы и мира съ вами, какъ съ достойнымъ своимъ сосѣдомъ. Въ подтвержденіе же моихъ словъ, король соизволилъ прислать вамъ со мною собственноручное письмо, а мнѣ дать лестное порученіе пріобрѣсти для него вашу дружбу.“

Всѣ изъ присутствовавшихъ, которые могли понять эту рѣчь, были поражены изумленіемъ, и только одинъ разсу-

дительный канцлеръ недовѣрчиво покачивалъ головою. Между тѣмъ, панъ Лада прочиталъ самъ и при помощи канцлера сталъ переводить во всеуслышаніе письмо короля Фридриха, написанное превосходною латынью. Письмо это приблизительно было слѣдующаго содержанія:

„Любезный и дорогой нашъ братъ и государь! Посылаемъ вамъ наше королевское привѣтствіе и просимъ васъ быть нашимъ другомъ. Мы питаемъ особое уваженіе къ вашему мужеству. Такихъ героевъ, какъ вы, должны покорять не мечомъ, но любовью, и потому мы, имѣя непреодолимое желаніе познакомиться съ вами лично, приглашаемъ васъ пожаловать ко двору нашему въ Потсдамъ, гдѣ мы найдемъ средства устроить наши дальнѣйшія отношенія. На случай же, если вы, судя по началу нашихъ отношеній, опасаетесь дерзости со стороны нашихъ подданныхъ, мы посылаемъ вамъ охранительную грамоту, которая доставитъ вамъ свободный проѣздъ и должныя почести во время вашего путешествія въ Берлинъ и обратно, и вмѣстѣ съ тѣмъ королевскимъ нашимъ словомъ удостовѣряемъ васъ, что въ небытность вашу не будетъ предпринимаемо никакихъ мѣръ противъ независимости вашихъ владѣній отъ нашей короны.“

Королевское письмо произвело всеобщій восторгъ между приверженцами пана Лады, и только немногіе изъ нихъ, люди уже черезчуръ запальчивые, совѣтовали пану Ладѣ отказать отъ всякихъ сношеній съ королемъ; другіе же напротивъ изъявляли желаніе отправиться въ Берлинъ въ свитѣ пана Лады.

Самолюбіе слишкомъ сильно заговорило въ сердцѣ шляхтича, и онъ захотѣлъ, если не окончательно сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, то быть по крайней мѣрѣ другомъ

великаго государя, на котораго вся Европа смотрѣла тогда съ какимъ-то благоговѣніемъ. Панъ Лада рѣшился принять предложеніе короля и собравъ всю свиту изъ самыхъ важныхъ и молодцоватыхъ шляхтичей отправился въ столицу Пруссіи.

Вѣсти объ этомъ донеслись въ скоромъ времени въ Варшаву до короля Станислава Августа, который въ это время готовился къ поѣздѣ въ Каневъ для свиданія съ императрицею Екатериною. Услышавъ любопытныя подробности о панѣ Ладѣ, а также и о его побѣдахъ, Станиславъ Августъ призадумался, и въ засѣданіи тайнаго совѣта предлагалъ ободрить смѣлаго шляхтича, и даже помочь ему денежными средствами и военными снарядами. Говорили даже, будто бы Понятовскій собственноручно писалъ къ пану Ладѣ, изъявляя желаніе увидѣть его и приобрести его дружбу. Съѣздить въ Ладовъ съ королевскими предложеніями было поручено молодымъ вѣтреникамъ того времени, потерявшимъ при веселомъ дворѣ Станислава Августа всякую энергію. Королевскіе посланцы обыкновенно ѣздили медленно, въ тяжелыхъ, спокойныхъ каретахъ; они безпрестанно останавливались для почлеговъ, и въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ наряжались какъ куклы, пудрились и ухаживали за красавицами. Вслѣдствіе этого, королевскій посланецъ пріѣхалъ въ Ладовъ, спусти уже недѣлю послѣ отъѣзда пана.

Ладовскій замокъ былъ пустъ, и только, какъ свидѣтели воинскихъ подвиговъ пана Лады, оставались слѣды укрѣпленій. Запоздавшій паничъ увидѣлъ свою оплошность и погнался было за паномъ Ладой въ Пруссію, желая пе-

редать ему королевское посланіе, но и тутъ ему не посчастливилось: пруссаки заподозрили его въ шпіонствѣ, схватили и засадили въ крѣпость Шпандау, гдѣ онъ отсидѣлъ довольно долго въ ожиданіи свободы.

Съѣздъ въ Каневъ, имѣвшій, какъ извѣстно, цѣлью ослабить могущество Фридриха Великаго, устраивался съ большою тайнственностію. Но блестящая свита придворныхъ и рой королевскихъ любовницъ разглашали всѣ дипломатическія тайны, такъ что король прусскій зналъ обо всемъ и успѣвалъ принимать мѣры, а потому едва только онъ слышалъ, что въ Варшавѣ думаютъ сдѣлать изъ смѣлаго шляхтича Лады орудіе противъ его плановъ, какъ предупредилъ Понятовскаго и сумѣлъ склонить смѣльчака на свою сторону.

Между тѣмъ панъ Лада совершалъ торжественной путь; мелкія почести усыпляли его, и любопытныя толпы народа собирались на станціяхъ, чтобы взглянуть на пана Ладу, какъ на какое-то чудовище. Генераль, сопутствовавшій пану, торопилъ его съ особеннымъ усердіемъ, увѣряя, что король нетерпѣливо ждетъ своего знаменитаго гостя, а между тѣмъ, тотчасъ по проѣздѣ пана Лады, опускались шлагбаумы и пресѣкались всѣ сообщенія съ Польшей. Послѣ восьмидневнаго путешествія, владѣтель Ладова увидѣлъ резиденцію своего новаго друга. У берлинской заставы ждала его королевская карета, а на встрѣчу ему былъ посланъ королевскій адъютантъ съ разными любезностями. Гостю Фридриха Великаго было отведено помѣщеніе въ роскошныхъ покояхъ королевскаго дворца; здѣсь онъ отдохнулъ послѣ дороги и на другой день отправился въ Потсдамъ, гдѣ въ ту пору находился Фридрихъ. При-

бывъ въ Потсдамъ, онъ окончательно смутился и началъ уже раскаяваться въ своемъ прїѣздѣ, предчувствуя, что ему трудно будетъ устоять противъ искушеній.

Предчувствія пана Лады сбылись на самомъ дѣлѣ. Фридрихъ отлично понималъ всю суетность шляхтича и сообразилъ, что съ такимъ простакомъ легко совладать при пышномъ и хитромъ дворѣ.

Король встрѣтилъ своего гостя разными любезностями, и ласки Фридриха окончательно покорили сердце пана Лады, который тотчасъ же объявилъ, что считаетъ за счастье знакомство съ полководцемъ, занимающимъ первое мѣсто послѣ Юлія Цесаря.

Веселясь съ нѣмцами на разные способы, добродушный шляхтичъ легко сблизился съ ними, и спустя нѣсколько недѣль послѣ своего прїѣзда принялъ отъ короля титулъ графа и орденъ Чернаго Орла. Когда же ему предложили на выборъ государство, къ которому онъ желаетъ присоединиться, то панъ Лада объявилъ рѣшительно, что не хочетъ отдѣляться отъ своей родины. Но король уже достигъ своей цѣли: онъ пріобрѣлъ себѣ сочувствіе въ чловѣкѣ, имѣвшемъ тогда сильное вліяніе на своихъ соотечественниковъ, и тѣмъ самымъ искусно разрушилъ одно изъ предположеній каневского съѣзда.

Возвратившись въ свое государство, шляхтичъ немедленно перенесъ межевые столбы къ новому руслу ручья, и такимъ образомъ, присоединившись опять къ Польшѣ, отказался навсегда отъ своей политической независимости. Но тяжело было пану Ладѣ, послѣ пиршествъ и побѣдъ, сжиться опять съ деревенскимъ затишьемъ. Онъ никогда никому не показывалъ ни графскаго диплома, ни получен-

наго ордена, а шляхта, видя смиреніе пана Лады передъ пруссаками, терялась въ догадкахъ и дѣлала различныя, иногда даже оскорбительныя для него предположенія.

Все это мучило пана Ладу, и когда кто нибудь напоминалъ ему о его государствѣ, онъ видимо терялъ веселое расположеніе духа.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ среди этой томительной жизни, началась борьба Рѣчи-Пресполитой съ ея сосѣдями, и вскорѣ панъ Лада сложилъ свою сѣдую голову.

XIX.

Неправедное наследство.

Польскій король Михалъ Вишневецкій въ молодости своей, когда онъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, испытывалъ нужду, близкую къ нищетѣ. Одинъ изъ витебскихъ помѣщиковъ Цѣхановецкій полюбилъ молодаго князя, и не предвидя его будущей судьбы помогалъ ему, какъ бы онъ помогалъ самому близкому своему родственнику. При многихъ своихъ слабостяхъ князь Вишневецкій отличался однако благодарностію и поэтому, когда поляки избрали его въ короли, то первымъ его дѣломъ было призвать къ себѣ молодаго Цѣхановецкаго, сына своего благодѣтеля, и щедро наградить, какъ его самого, такъ и его отца. Король почувствовалъ къ сыну Цѣхановецкаго особое расположеніе и удержалъ его при себѣ въ Варшавѣ.

Прошло нѣсколько времени, и Цѣхановецкій получилъ извѣстіе о смерти своего отца; огромное родовое наследство, увеличенное еще болѣе щедростію короля, ожидало

его на родинѣ, и Цѣхановецкій, не теряя времени, поспѣшилъ въ Витебскъ. Едва разнеслась тамъ молва о его пріѣздѣ, какъ въ то же самое время страшная новость дошла до него. Его потребовали въ гродской судъ, для очныхъ ставокъ съ его матерью, но не Цѣхановецкою, а съ простою женщиною, которая прежде была его кормилицею.

Женщина эта, за нѣсколько дней до пріѣзда Цѣхановецкаго, явилась въ гродской судъ и объявила, что у нея есть на душѣ страшный грѣхъ, что молодой Цѣхановецкій—вовсе не Цѣхановецкій, но ея сынъ, простой деревенскій холопъ, что настоящій паничъ, котораго она кормила грудью, умеръ внезапно на ея рукахъ, и что она, думая осчастливить своего сына, тайно законала въ лѣсу умершаго младенца и подмѣнила его своимъ, что долгое время совѣсть мучила ее, что наконецъ, для ея спокойствія и для избѣжанія божіей кары по смерти, одинъ ксендзъ велѣлъ ей покаяться во всемъ чистосердечно. Женщина эта привела въ доказательство справедливости своихъ словъ такіа улики, которыя не могли оставить никакого сомнѣнія, что настоящій Цѣхановецкій умеръ, и что пріѣхавшій подъ именемъ его изъ Варшавы былъ не кто другой, какъ самозванецъ.

Не столько потеря имуществъ, сколько позоръ, а главное невозможность жениться на той, которую молодой Цѣхановецкій полюбилъ всей душой, и которая была уже его невѣстой, заставили Цѣхановецкаго рѣшиться на ужасное преступленіе. Между тѣмъ родственники Цѣхановецкихъ, воспользовавшись доносомъ, требовали для себя, какъ для ближайшихъ наслѣдниковъ покойнаго Цѣхановецкаго, все его имѣніе. Цѣхановецкій, съ помощію другаго ксендза,

уговорилъ свою бывшую мамку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящую мать, сознаться, что весь доносъ, ею сдѣланный, нарочно выдуманъ ею съ цѣлью получить отъ Цѣхановецкаго значительную сумму. Ксендзъ представилъ матери Цѣхановецкаго всѣ послѣдствія ея доноса; онъ объяснилъ ей, что и она сама не избѣгнетъ наказанія за прежнюю вину, и что вмѣстѣ съ тѣмъ она разрушитъ совершенно все счастье своего сына, для котораго въ настоящее время переходъ къ ничтожеству будетъ ужасенъ, тогда-какъ если бы съ самаго ребячества она воспитывала его, какъ крестьянина, то онъ не могъ бы роптать на свою долю и проклинать свою мать.

Въ свою очередь Цѣхановецкій убѣдилъ мать, что онъ навсегда обезпечить ее, увѣрилъ ее, что онъ немедленно поскачетъ въ Варшаву и выпроситъ у короля такъ называемый желѣзный листъ, то-есть повелѣніе, которое могло не только останавливать, но и уничтожать вовсе исполненіе смертной казни, а что между тѣмъ для истребленія всякаго подозрѣнія онъ сдѣлаетъ такъ, что гродской судъ приговоритъ ее къ смертной казни, какъ клеветницу; но что онъ спасетъ ее, предъявивъ желѣзный листъ.

Бѣдная женщина изъ любви къ сыну согласилась и объявила, что все показанное ею—ложь. Цѣхановецкій уѣхалъ въ Варшаву, повторивъ матери, что онъ ѣдетъ за желѣзнымъ листомъ; дѣло приняло другой оборотъ, и судъ приговорилъ клеветницу къ смертной казни. Наступилъ ужасный день; Цѣхановецкій не пріѣзжалъ, мать его была выведена на площадь и тамъ обезглавлена; до послѣдней минуты не теряла она бодрости, думая, что явится сынъ ея съ королевскимъ помилованьемъ.

Между тѣмъ не отказъ короля въ просьбѣ своего любимца и не какія-нибудь особенныя обстоятельства не позволили Цѣхановецкому пріѣхать во-время въ Витебскъ для спасенія своей матери отъ смертной казни. Не спасъ онъ ее вслѣдствіе холоднаго разчета, что она, по слабости своего характера, можетъ снова навлечь на него бѣду, отъ которой уже не такъ легко будетъ ему избавиться. Онъ ни слова не сказалъ королю о помилованіи виновной, а напротивъ требовалъ ея казни, называя ее орудіемъ своихъ корыстныхъ родственниковъ, желавшихъ воспользоваться его богатствомъ. По стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый день, когда обезглавленный трупъ матери Цѣхановецкаго лежалъ на городской площади, въ Варшавѣ была великолѣпная свадьба Цѣхановецкаго, удостоенная присутствіемъ короля, который за нѣсколько дней предъ этимъ далъ своему любимцу званіе старобы оршанскаго.

Дни проходили за днями, счастье благопріятствовало Цѣхановецкому во всемъ; милости, отличія, награды сыпались на него безпрестанно, онъ былъ отцемъ шестерыхъ дѣтей, которымъ предстояла самая блестящая будущность. Всѣ завидовали Цѣхановецкому, ничто, по видимому, не смущало его спокойствія; но что происходило въ душѣ грѣшника — это пзвѣстно одному Богу.

Выросли дѣти Цѣхановецкаго, посѣдѣлъ онъ, умерла и жена его: но онъ былъ бодръ и веселъ. Вдругъ однажды онъ собралъ къ себѣ въ комнату всѣхъ дѣтей и заперъ за ними дверь.

— Послушайте, дѣти, сказалъ онъ, вы ни въ чемъ не виноваты, но знайте, что вы носите имя, которое не принадлежитъ вамъ, и будете послѣ моей смерти владѣть бо-

гатствами, на которыя ни я, ни вы не имѣемъ никакого права, и которыя пріобрѣтены страшнымъ грѣхомъ.

Дѣти съ изумленіемъ взглянули на отца, а потомъ другъ на друга.

— Вы дивитесь, друзья мои, что я говорю вамъ такія рѣчи, но выслушайте мою исповѣдь.

Тогда староста оршанскій покался предъ своими дѣтьми въ томъ, что онъ для удержапія за собою чужаго имени и чужихъ богатствъ пролилъ подъ мечемъ палача кровь своей матери.

— Я иду въ монастырь, добавилъ Цѣхановецкій, и если вы хотите искупить хотя немного ужасный грѣхъ вашего отца, то сдѣлайте то же. Все мое имѣніе я отдаю тѣмъ, кому оно должно принадлежать по праву.

Дѣти согласились обречь себя вѣчнымъ молитвамъ за преступленіе отца и удалились вмѣстѣ съ нимъ въ монастырь св. Эразма, и тамъ, послѣ смерти старика Цѣхановецкаго, дожившаго въ постоянныхъ терзаніяхъ совѣсти до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, и послѣ смерти шестерыхъ его сыновей, пресѣклась ложная фамилія Цѣхановецкихъ, а настоящіе обладатели этого имени, прежде обѣднѣвшіе, получили все то что у нихъ было отнято.

XX.

Янъ Деквертъ.

Утвердительно можно сказать, что ни одно племя не представляло столько разнообразныхъ видовъ государственнаго управленія, сколько представило ихъ племя славянское: на сѣверѣ, въ Новгородѣ, оно образовало могущественную торговую республику; на югѣ, въ Малороссіи, — военную; посреди ихъ сперва являлась держава, дѣлившаяся между членами одного рода, потомъ изъ соединенія этихъ раздробленныхъ государственныхъ участковъ возникло московское единодержавіе; далѣе на юго-западѣ, въ Черногорьѣ, одна изъ славянскихъ отраслей составила другую военную общину, въ которой съ властью народнаго вождя соединился санъ святителя. Несомнѣнно однако, что самое своеобразное государственное устройство представляла Польша.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь очерковъ и рассказовъ читатель можетъ составить себѣ общее понятіе о томъ поло-

женіи, въ которомъ находилась Польша предъ концомъ своего самобытнаго существованія, и поэтому въ настоящемъ разсказѣ пояснимъ только тѣ событія, которыя приготовили 3-е мая 1791 года, день, когда могла начаться для Польши новая политическая жизнь.

Около второй половины XVIII столѣтія, безпорядки въ правленіи Рѣчи-Посполитой, развращенность и подкупность большей части лицъ высшаго класса, буйство мелкой шляхты и угнетеніе низшихъ сословій достигли крайнихъ предѣловъ, и очевидно было, что для прекращенія всей внутренней неурядицы и для избавленія Польши отъ вліянія на нее ея сосѣдей, пользовавшихся такимъ ходомъ дѣлъ, необходимо было сдѣлать коренныя государственныя преобразования. Потребность ихъ стали сознавать и сами поляки, но стремленія къ новизнѣ и происходящія отъ нихъ замѣшательства породили въ Польшѣ недовѣріе одного сословія къ другому, взаимную боязнь и зависть и наконецъ открытую вражду между разными партіями, доходившую нерѣдко до ожесточенія и заставлявшую, изъ личныхъ видовъ, забывать пользу и честь роднаго края.

Августъ II, а потомъ и Понятовскій замыслили сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ; вообще поляки сознавали пользу этого преобразования, которое могло отвратить отъ Польши прямое участіе сосѣдей въ выборѣ короля и подчиненіе его черезъ это чужеземному вліянію; но вмѣстѣ съ тѣмъ польская шляхта видѣла въ наслѣдственности престола уничтоженіе всего того что было ей такъ дорого и что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ такъ тѣсно слилось съ государственнымъ бытомъ Польши. Среднее сословіе, для котораго желательно было установить

наслѣдственность престола, какъ средство, уничтожавшее отяготительное вліяніе шляхты на гражданъ Рѣчи-Посполитой, не имѣло никакого вліянія на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ; о крестьянствѣ, или хлопствѣ, и говорить нечего; казалось, что въ Польшѣ всѣ позабыли даже о его существованіи. Такимъ образомъ весь ходъ государственныхъ дѣлъ сосредоточился къ описываемому времени на сеймахъ, гдѣ всего болѣе проявлялся духъ магнатскихъ партій, гдѣ завязывалась борьба ихъ между собой и возникали рѣшительныя противодѣйствія нѣкоторымъ королевскимъ намѣреніямъ.

Августъ II, не присмотрѣвшись еще хорошенько къ современному быту Польши, надѣялся сдѣлать престолъ ея наслѣдственнымъ въ саксонскомъ домѣ съ помощію своего нѣмецкаго войска и при содѣйствіи нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ. Поэтому, чтобы предотвратить вліяніе шляхты, крѣпко отстаивавшей свое избирательное право, онъ старался отучить поляковъ отъ сеймовъ и не собиралъ ихъ почти въ продолженіе тридцати лѣтъ своего царствованія; впослѣдствіи, увидѣвъ свою ошибку и убѣдившись въ невозможности достигнуть своихъ намѣреній безъ содѣйствія шляхты, онъ рѣшился дѣйствовать иначе. Его приверженцы разбѣжались по Литвѣ и Польшѣ и старались склонить даже самыхъ убогихъ дворянъ къ подаванію голосовъ въ пользу наслѣдственности польскаго престола въ саксонскомъ домѣ; но шляхта поняла въ чемъ дѣло: она предвидѣла, что если соберется въ Варшавѣ сеймъ, то королю удастся осуществить свои замыслы, и потому она теперь въ свою очередь старалась не допускать собранія общаго сейма. Средство къ этому было легкое: стоило только,

чтобы не составлялись мѣстные сеймики, и шляхта дѣйствовала съ этою цѣлью неутомимо. Наконецъ въ январѣ 1733 года королю удалось собрать давно-желанный сеймъ; на немъ онъ хотѣлъ рѣшить дѣло о наслѣдii польскаго и литовскаго престоловъ въ саксонскомъ домѣ, но смерть не допустила его исполнить давно-затѣянныя замыслы; Августъ II умеръ въ Варшавѣ 1-го февраля 1733 года, и сеймъ разошелся.

Въ царствованіе Августа III внутренній раздоръ въ Польшѣ усилился еще болѣе; наконецъ дошло до того, что въ послѣдніе годы его правленія послы на сеймахъ сажались уже не на тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ, какъ представителямъ извѣстнаго края, были назначены по закону и по обычаю, но разсаживались по партіямъ, приходили на засѣданія не одни, но въ сопровожденіи вооруженныхъ приверженцевъ и большею частію надѣвали панцыри подъ платья. Когда оканчивалось засѣданіе, то послы опасались расходиться по одиночѣ и выходили вдругъ. Соединившись партіями, они отправлялись домой уже не въ каретахъ, какъ пріѣзжали, но верхомъ, боясь, что послѣ бурныхъ засѣданій можетъ на улицахъ Варшавы завязаться бой между приверженцами разныхъ партій, и рассчитывали на то, что среди общаго смятенія въ каретѣ не такъ легко будетъ пробраться сквозь разъяренную толпу, какъ ускользнуть отъ нея верхомъ.

Особенно, по бурливости своей, былъ замѣчателенъ сеймъ 1761 года; на немъ нѣкоторые послы, чтобы обмануть своихъ противниковъ, выставляли свои имена на спискахъ всѣхъ партій, но когда наступала рѣшительная минута, тогда они неожиданно поддерживали только ту партію, къ кото-

рой они дѣйствительно принадлежали. Такой способъ дѣйствія не только обезсиливаль противную сторону, но и отнималъ у нея бодрость и поселялъ въ ней недовѣріе къ прочимъ приверженцамъ; короче, уничтожалъ всѣ ея планы, всѣ ея расчеты.

На сеймѣ 1761 года распри пословъ дошли до того, что двухъ князей Радзивиловъ съ ихъ гусаромъ выбросили въ окно изъ комнаты, въ которой происходили засѣданія. Наконецъ, по смерти Августа III, въ 1763 году, въ Польшѣ явился небывалый случай: противники князей Чарторижскихъ, имѣвшихъ въ то время огромное вліяніе на ходъ дѣла въ Рѣчи-Посполитой, чтобы уничтожить это вліяніе, дѣйствовали такъ, что сеймъ, собранный для избранія короля, долженъ былъ прекратиться, и Польша оставалась безъ короля, въ ужасномъ безпорядкѣ, около одиннадцати мѣсяцевъ.

Въ 1764 году былъ избранъ въ короли Станиславъ-Августъ Понятовскій. Поляки весьма основательно укоряютъ Понятовскаго, что онъ предпочиталъ личныя свои выгоды и свой личный санъ, а также утвержденіе на польскомъ престолѣ рода Понятовскихъ, не только славѣ, но даже и самобытности своего роднаго края. Съ послѣднимъ намѣреніемъ короля, конечно, никакъ не могли освоиться ни магнаты, которые сами мечтали о коронѣ, ни шляхта, которая могла располагать ею по своему произволу. Съ другой стороны, спокойствіе Польши и устраненіе на дѣла ея чужеземнаго вліянія требовали уничтоженія партій, а этого можно было достигнуть только двумя способами: установленіемъ наслѣдственности престола и укрощеніемъ своеволія шляхты. Первое трудно было исполнить, для исполне-

нія же втораго королю вскорѣ представился удобный случай.

Въ 1789 году начался такъ-называемый великій сеймъ; два вопроса занимали его главнымъ образомъ: одинъ—какъ добыть денегъ на содержаніе войска, которое предполагалось увеличить до 100.000, другой — какой учредить въ Польшѣ образъ правленія, который былъ бы проченъ, утвердилъ бы общее спокойствіе и пришелся всѣмъ по сердцу. Въ это время явился въ Польшѣ новый дѣятель: это былъ—Янъ Деккертъ. Казалось, судьба не предназначала ему никакого блеска. Съ молодости Янъ Деккертъ занимался только двумя предметами—торговлею и охотою; послѣдняя страсть сблизила его съ саксонскими офицерами; они, какъ пріатели Деккерта по охотѣ, сдѣлались постоянными его покупателями и доставили ему по торговлѣ большіе успѣхи. Около того же времени богатый варшавскій купецъ Марциновскій имѣлъ красавицу дочь Юлію. Цѣлая Варшава не могла надивиться ея прелестямъ; блестящая польская молодежь ухаживала за нею, стараясь получить ея руку; но какъ обыкновенно бываетъ, что богатые дѣвушки, окруженные толпою поклонниковъ, дѣлаются слишкомъ разборчивыми, такъ точно и Юлія, не замѣчая того, что время летитъ быстро, и отказывая по очереди всѣмъ женихамъ въ ожиданіи еще лучшаго, засидѣлась въ дѣвкахъ; между тѣмъ явилась новая красавица, всѣ отхлынули отъ Юліи, и она принуждена была выдти замужъ за Деккерта. Ея значительное состояніе, при бережливости Деккерта и при капиталѣ, имъ самимъ нажитомъ, составили замѣчательное состояніе. Деккертъ сталъ употреблять его на пользу общую, и Рѣчь-Посполитая, признательная ему за его добрыя дѣла, дозволила ему купить населенное имѣніе. Деккертъ легко могъ

получить дворянское достоинство, но онъ самъ не хотѣлъ этого: онъ желалъ лучше быть первымъ мѣщаниномъ, чѣмъ послѣднимъ шляхтичемъ; онъ хотѣлъ облагородить свое неизвѣстное еще имя чѣмъ-нибудь болѣе высокимъ, чѣмъ дворянствомъ, короче—онъ рѣшился доказать, что сословіе городскихъ обывателей было, должно и можетъ быть равнымъ шляхтѣ.

Достигнувъ почетнаго званія президента Варшавы, которое соотвѣтствуетъ званію городского головы, и постановивъ употребить свои богатства на пользу того сословія, къ которому онъ принадлежалъ самъ, Деккертъ сталъ приводить въ исполненіе свои похвальные намѣренія. Онъ началъ съ того, что собралъ вокругъ себя людей, хорошо изучившихъ исторію Польши, и съ помощію ихъ отыскалъ тѣ акты объ избраніи польскихъ королей, которые были подписаны мѣщанами вмѣстѣ съ шляхтою, также такіе, изъ которыхъ видно было, что паны вступали въ число городскихъ обывателей, и что они, безъ утраты шляхетскаго достоинства, подчинялись городскому праву; что сенаторы занимали городскія должности, и что мѣщане имѣли право пріобрѣтать помѣстья, что они могли подлежать аресту только въ такихъ случаяхъ, какъ и шляхтичи, что города управлялись сами собою, и что наконецъ мѣщане представляли свободное сословіе, пользовавшееся такими же преимуществами, какъ и шляхта. Собравъ всѣ эти акты въ одну книгу, Деккертъ оповѣстилъ города, что если они хотятъ узнать свои права и выйти изъ того униженія, въ которомъ они находятся, то пусть они къ извѣстному сроку пришлютъ въ Варшаву своихъ делегатовъ; собраніе городскихъ представителей Деккертъ назвалъ коалиціею горо-

довъ, а не конфедераціею, такъ-какъ съ послѣднимъ словомъ соединялось въ Польшѣ понятіе о своеволіи и насилии.

На зовъ Деккерта собрались въ Варшаву городскіе депутаты; казалось, шляхта забыла совсѣмъ, что въ Рѣчи-Посполитой есть, кромѣ ея, и другіе еще люди, но Деккертъ и созданные имъ представители городовъ напомнили дворянству, что не оно одно составляетъ цѣлый народъ и что всѣ граждане должны быть равны предъ лицомъ отечества. Деккертъ, въ сопровожденіи депутатовъ, одѣтыхъ въ черное платье, отправился къ королю и почтительно предъявилъ ему тѣ права, которыми при его предшественникахъ пользовались въ Рѣчи-Посполитой городскія сословія. Король милостиво принялъ городовыхъ депутатовъ, призналъ представленіе ихъ основательнымъ; но въ то же время объявилъ имъ, что онъ самъ по себѣ ничего для нихъ сдѣлать не можетъ, и что они должны обратиться къ сейму.

Исполняя волю короля, представители городовъ вошли попарно въ залу сеймовыхъ засѣданій. Скромно объявилъ Деккертъ членамъ сейма причину своего появленія и прибытія лицъ, его сопровождавшихъ; онъ выразилъ ихъ желанія и изложилъ предъ сеймомъ тѣ факты, на которыхъ городскія сословія основывали свои права; въ это время, по распоряженію Деккерта, членамъ сейма роздана была составленная имъ записка, объяснявшая, что города не требуютъ для себя никакихъ новыхъ преимуществъ, но только просить о восстановленіи тѣхъ правъ, которыя имъ принадлежали издревле.

Сеймъ, какъ казалось, благосклонно принялъ представ-

леніе городскихъ сословій и обѣщался заняться ихъ дѣломъ. Между тѣмъ черное одѣяніе городскихъ депутатовъ стали объяснять двояко: одни принимали это какъ знакъ покорности, другіе — какъ предвѣстіе той печали, которою угрожаютъ Рѣчи-Посполитой возстающіе горожане. Вообще же, видя стремленіе ихъ къ уравниенію своихъ правъ съ правами шляхты, члены сейма, стараясь остановить это стремленіе, положили дать дворянство почетнѣйшимъ мѣщанамъ, и 300 изъ нихъ получили это достоинство. Послѣ этого тщетны были дальнѣйшія попытки Деккерта возвратить своимъ сословникамъ ихъ древнія права. Измученный неравною борьбою и неизбѣжными съ нею неудачами, Деккертъ умеръ съ горя, оставивъ сейму письмо, исполненное горькихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливыхъ укоризнъ. Казалось, со смертію его, шляхта не могла опасаться городскихъ сословій, потому что они остались безъ руководителя; казалось, король лишился всякой поддержки противъ шляхты; онъ старался поднять городскія сословія, чтобы ими подавить своеволие шляхты, недопускавшей наслѣдственности польскаго престола; но дѣло вышло иначе: 3-е мая было уже недалеко.

Предметы, подлежавшіе обсужденію сейма, не могли быть рѣшены въ скоромъ времени, и поэтому 18-го ноября 1790 года было объявлено о продолженіи сейма и въ 1791 году. По обычаю, издавна существовавшему въ Польшѣ, универсалы о сеймикахъ, предшествовавшихъ сейму, должны были выходить за четыре недѣли до начатія самыхъ сеймиковъ, которые обыкновенно открывались 8-го сентября, въ день Рождества Богородицы. Въ настоящее же время сеймъ объявилъ, что, видя способности находящихся на немъ по-

словъ, онъ намѣренъ продолжать съ ними и дальнѣйшія свои засѣданія. Обстоятельство это весьма неблагоприятно подѣйствовало на умы поляковъ. Обыкновенно сеймовые послы спѣшили, какъ можно скорѣе, оканчивать дѣла на сеймѣ, потому что пребываніе пословъ въ Варшавѣ не только могло разстроивать ихъ домашія дѣла, но и требовало часто особыхъ значительныхъ издержекъ. Поэтому въ прежнее время обыкновенно послы сѣтовали на продолженіе сейма, указывая на это обстоятельство, какъ на причину своего разоренія. На великомъ же сеймѣ случилось противное: сами послы желали оставаться представителями своего края на дальнѣйшее время.

Предъ разсужденіемъ о продолженіи сейма началась рѣчь объ избраніи будущаго короля. Самъ Понятовскій заговорилъ объ этомъ; но рѣшеніе вопроса, избрать-ли только ему преемника, или сдѣлать вмѣстѣ съ этимъ польскій престолъ наслѣдственнымъ въ томъ родѣ, на который падетъ выборъ, король предоставилъ государственнымъ чинамъ. Надобно замѣтить, что еще до 1791 года являлась въ рѣчахъ и въ печати мысль о томъ, какое правленіе лучше для Польши: избирательное или наслѣдственное? Объ этомъ нѣсколько разъ пытался заговорить при началѣ сейма и Понятовскій; но обыкновенно дѣло это какъ-то заминали и откладывали на будущее время. Теперь вопросъ объ этомъ вдругъ получилъ быстрое движеніе. Послѣ долгихъ разсужденій и упорныхъ споровъ рѣшено было большинствомъ голосовъ—сдѣлать престолъ польскій наслѣдственнымъ. Но такой способъ рѣшенія этого дѣла былъ недостаточенъ, возникъ вопросъ: утвердить-ли это постановленіе тотчасъ на сеймѣ, или послать его на предварительное разсмотрѣніе сей-

миковъ. Большинство держалось послѣдняго мнѣнія, и мнѣніе это взяло верхъ. Сеймовымъ маршаламъ поручено было, чтобы при универсалахъ, собиравшихъ шляхту на сеймики, была приложена повѣстка съ приглашеніемъ шляхты давать свое рѣшеніе и по дѣлу о наслѣдственности престола, съ тѣмъ, что если они согласятся на это, то обратили бы свой выборъ на саксонскій домъ, такъ какъ память о царствованіи его въ Польшѣ, въ продолженіе слишкомъ полувѣка, живетъ еще въ памяти народной.

Такимъ образомъ Понятовскій достигъ только сущности дѣла, но не исполненія своихъ давнишнихъ замысловъ. Не ожидая однако рѣшенія, которое состоится на сеймикахъ, онъ отважился идти впередъ и, конечно, могъ надѣяться, что, дѣйствуя въ пользу городского населенія и подавляя свѣжею его силою упадавшую крѣпость шляхты, онъ достигнетъ своей цѣли.

Наступило 3 е мая 1791 года. Наканунѣ этого дня король оповѣстилъ всѣ магистраты и цехи Варшавы, чтобы всѣ ихъ старшины собрались въ сенаторской избѣ, а прочіе горожане были бы вооружены, кто чѣмъ можетъ, кто пистолетомъ, кто ружьемъ, кто топоромъ, кто саблей, и чтобы въ то время, когда начнется засѣданіе, они заняли всѣ выходы изъ сеймовой избы и дворъ замка, и были бы готовы исполнять все то что имъ прикажутъ старшины. Въ день 3-го мая король окружилъ себя преданными ему офицерами и расположилъ отряды войска по разнымъ частямъ королевскаго замка. Когда собрались члены сейма, король явился среди ихъ и объявилъ имъ, что онъ получилъ донесенія польскихъ посланниковъ изъ Берлина, Вѣны, Парижа и Гаги о томъ, что Польша угрожаетъ новый раз-

дѣлъ. Тогда бывшіе на сторонѣ короля послы, а между ними первый краковскій посолъ Линовскій, обратились къ королю и въ лестныхъ выраженіяхъ высказали, что только мудрость его одного можетъ спасти отечество отъ угрожающей опасности. Въ отвѣтъ на рѣчи своихъ приверженцевъ, король объявилъ, что онъ не видитъ другихъ средствъ для предотвращенія опасности, какъ только предоставить городамъ вольность, чтобы тѣмъ самымъ соединить городскія сословія со шляхтою, и немедленно объявить польскій престолъ наследственнымъ.

Сообщивъ сейму свое мнѣніе, король приказалъ прочитывать заранѣе приготовленный проектъ по этимъ двумъ статьямъ. Секретарь сталъ читать, но вдругъ не только въ залѣ засѣданій, но и въ корридорѣ и на дворѣ раздались громкія восклицанія: „Вивать вольность городовъ! Вивать наследственность престола!“ Противники короля стали возражать, что рѣшеніе этихъ постановленій надлежитъ предоставить всѣмъ государственнымъ чинамъ, что половины пословъ нѣтъ на сеймѣ, что нельзя окончить этихъ дѣлъ такъ поспѣшно; нѣкоторые объявили, что самое согласіе членовъ сейма должно считать вынужденнымъ угрозою, потому что толпы горожанъ созваны королемъ не для спасенія государства, но для гибели шляхты. На эти возраженія сеймовый маршалъ Малаховскій отвѣчалъ, что предметы эти столь важны, что нельзя терять времени, откладывая ихъ рѣшеніе.

Напрасно калишскій посолъ Сухоржевскій растянулся крестомъ на полу залы, бился, рвалъ волосы, колотилъ ногами и кулаками по полу крича во все горло: „стойте, подождите, разрубите меня на части, а потомъ уже гиб-

ните!“ вопли его были заглушены криками: „Вивать!“ Королю поспѣшили подать Евангеліе, и онъ предъ Турскимъ, епископомъ краковскимъ, далъ присягу защищать уложеніе 3-го мая до послѣдней капли крови. Послѣ этого король пригласилъ всѣхъ наличныхъ членовъ сейма въ приходскій костелъ для подобной же присяги и такимъ образомъ дѣло о вольности городовъ и о наследіи польскаго престола, длившееся два года, было кончено въ нѣсколько минутъ.

XXI.

Хозяинъ и гость.

Старинная Польша отличалась гостеприимствомъ. „Гость въ домъ, Богъ въ домъ“ говоритъ одна польская пословица. Принять въ своемъ домѣ гостя и отпустить его отъ себя вполне довольнымъ, взявъ съ него обѣщаніе пріѣхать снова было для поляковъ прежняго покроя однимъ изъ высшихъ наслажденій.

Чтобы какъ можно яснѣе выразить это чувство, сродное впрочемъ всему славянскому племени, одинъ богатый шляхтичъ приказалъ на своемъ домѣ сдѣлать слѣдующую надпись: „для пріятелей, земляковъ и соотчичей и во славу Бога построилъ я этотъ замокъ.“ Недостаточно было, однако, только накормить заѣзжаго гостя, нужно было умѣть напоить его. Не будемъ удивляться, что страсть пить была необыкновенно развита въ Польшѣ; это было, впрочемъ, не пьянство, а удалыя попойки въ пріятельскомъ кругу. Быть самому крѣпкоголовымъ и спить своихъ гостей считалось

въ прежнее время у поляковъ однимъ изъ главныхъ условий радушнаго пріема. Люди, умѣвшіе лихо пить, пріобрѣтали себѣ почетную извѣстность. Въ этомъ искусствѣ были своего рода конкурсы и преміи. Такъ, въ началѣ царствованія Августа II, воевода равскій Валицкій велѣлъ сдѣлать огромный серебряный кубокъ, осыпалъ его драгоценными камнями и объявилъ по всей Польшѣ и по всей Литвѣ, что тотъ, кто выпьетъ разомъ этотъ кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ гарнецъ, тотъ получитъ его въ подарокъ, но что тотъ кто возьмется за это, и этого не исполнить, вмѣсто кубка, получитъ 50 батоковъ. Множество гостей-конкурентовъ пріѣзжали къ воеводѣ; иные посмотрятъ на кубокъ, пошепчутся между собой, поѣдутъ, попьютъ у воеводы, да и съ Богомъ домой: нечего напрасно и искушать себя. Но были и такіе, которые уѣзжали отъ воеводы, увозя съ собою, вмѣсто кубка, память о полсотнѣ батоковъ и сознаніе своей немощи. Были наконецъ и такіе, которые разставались съ гостеприимнымъ хозяиномъ, не по полученіи отъ него 50-ти, но цѣлой сотни батоковъ, потому что, жадно посматривая на дорогой кубокъ, они принимались за него два раза, и каждый разъ исполненіе обоюдныхъ условій оканчивались батогами. Чтобы не сдѣлать расправу позорною въ глазахъ братьи-шляхты, воевода приказалъ вырѣзать на кубкѣ надпись: Volenti non fit injuria въ томъ смыслѣ, что въ полученіи пятидесяти батоковъ, по своему собственному согласію, нѣтъ ничего предосудительнаго для шляхтича. Прошелъ годъ въ такихъ напрасныхъ попыткахъ. На другой годъ явился изъ Литвы одинъ удалецъ и успѣлъ увести кубокъ съ собою.

Позднѣе Валицкаго, Адамъ Малаховскій, этотъ образецъ благородства и рыцарства, поставилъ себѣ въ обязанность

улаивать своих гостей, но онъ улаивалъ ихъ до того, что всѣ наконецъ стали объѣзжать мимо радушнаго хозяина. Нѣсколько гостей были жертвою его дружескаго приѣма и улеглись на кладбищѣ въ имѣніи Малаховскаго. Если нужно было кому нибудь непременно видѣть Малаховскаго, то они предварительно вступали съ нимъ въ переговоры о количествѣ, которое должно быть выпито въ его домѣ, и брали отъ него особня въ этомъ случаѣ подписки. Малаховскій былъ честенъ, и слѣдовательно на него можно было положиться, но только трудно было добыть отъ него тагое обязательство. Притомъ слуги, которые посылались къ Малаховскому для подобныхъ переговоровъ, были опаиваемы имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и поэтому паны, желавшіе видѣть Малаховскаго, должы были жить въ его сосѣдствѣ иногда очень долго, поджидая возвращеніе своихъ загулявшихъ посланцевъ.

На большихъ пирахъ и на пріятельскихъ сходкахъ дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что сперва гостей, одного за другимъ, а потомъ и самого хозяина выносили изъ-за стола въ безпамятствѣ и укладывали на постели, другіе предупреждали такіе выносы тѣмъ, что сами спускались подъ столъ и тамъ оставались покуда не приходили въ себя.

Такая страсть къ выпивкѣ еще въ началѣ XVIII вѣка существовала и у насъ; стоитъ только заглянуть въ дневникъ гольштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, чтобъ видѣть, какъ славно пили при дворѣ Петра I, какъ онъ заставлялъ пить и пословъ, и придворныхъ дамъ, а для того, чтобы никто не могъ утѣнаться отъ этого, ставилъ къ дверямъ вседневный караулъ.

У поляковъ угощеніе и попойка, кромѣ значенія ехъ какъ

проявленія гостепріимства, имѣли еще политическую важность. Магнаты поддерживали свое вліяніе среди мелкой шляхты, кормя ее и поя на свой счетъ. Такъ извѣстный Карлъ Радзивиль, имѣвшій прозвание „Ranie Kochanki“, пріѣзжая на сеймикъ въ Новогрудокъ, обѣдалъ два раза, сперва ѣлъ съ мелкою шляхтою рубцы (фляки) и крупничекъ, а потомъ обѣдалъ во второй разъ съ значительными шляхтичами. Для такихъ угощеній убивали на счетъ Радзивила ежедневно двухъ воловъ.

Конечно, это было злоупотребленіе гостепріимства людьми сильными, но задушевное польское радушіе встрѣчалось въ среднемъ кругѣ, у не слишкомъ важныхъ шляхтичей. Туда собирались толпы гостей, обыкновенно къ именинамъ хозяина и хозяйки.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія самые богатые поляки жили очень просто. Первые роскошные замки, въ итальянскомъ вкусѣ, стали являться у подольскихъ и волинскихъ магнатовъ, вслѣдствіе открытія русскимъ оружіемъ торговли на берегахъ Чернаго моря; туда изъ своихъ помѣстій стали отправлять хлѣбъ и пшеницу польскіе паны и оттуда стали получать большія деньги. Въ прежнее же время было не такъ. Въмѣсто англійскихъ садсвъ, которыми зажиточные паны стали окружать свои жилища, стояло обыкновенно передъ помѣщичьимъ домомъ нѣсколько липъ; иногда передъ домомъ было озеро или прудъ, и по берегамъ ихъ были посажены гряды табаку, капусты, свекловицы и иныхъ овощей. Между домомъ и липовыми аллеями росли махровыя розы, сирень и маргаритки. Къ одной изъ сторонъ дома, противоположной главному фасаду, примыкалъ обширный дворъ, и часть его была засѣяна макомъ и анисомъ.

Заборъ дѣлали изъ высокаго дубоваго частокола; за внѣшней сторовой забора былъ широкій выгонъ, который большею частію замыкался полукругомъ хатъ. На дворѣ былъ панскій домъ, иногда, смотря по состоянію хозяина, и на каменномъ фундаментѣ; подлѣ дома была кухня и особая изба для гостей, нарочно выстроенная заботливымъ хозяиномъ. Напротивъ кухни устроивался амбаръ; въ немъ хранились водка, солонина, ветчина и прочее. Годовые запасы амбара истреблялись иной разъ совершенно въ нѣсколько дней прѣхавшими гостями, которымъ ни въ чемъ не было отказа.

У воротъ устроивались голубятня и коптильня.

Но прежде, чѣмъ намъ удастся побывать въ палатахъ магната, посмотримъ жилище, довольно зажиточнаго шляхтича. Домъ его, если только онъ былъ довольно великъ, слылъ въ околѣхъ подѣ громкимъ именемъ замка. Надъ крыльцомъ висѣлъ гербъ владѣльца. Крыша дома была высока и покатица; подѣ нее обыкновенно ссыпалась мука.

Съ крыльца гости входили въ просторныя сѣни, отопляемыя зимой; тамъ, если не было въ домѣ гостей, сидѣла прислуга, занимаясь весьма-часто приготовленіемъ неводѣ. Изъ сѣней гости входили прямо въ гостиную; надъ дверьми, ведшими въ эту комнату, висѣлъ образъ или Бѣрунской, или Ченстоховской, или Остробрамской Божіей Матери. Въ этомъ лучшемъ покоѣ всего дома мебель состояла изъ двухъ дивановъ, дюжины стульевъ, обитыхъ простой холстиной, окрашенной въ клѣточки, изъ двухъ столиковъ и одного комода, окрашенныхъ черною краской. На окнахъ были кисейныя занавѣски, надъ каминомъ было вѣдѣано зеркало, а на стѣнахъ висѣли изображенія святыхъ, портреты королей, особенно Августа III, весьма разошедшіеся по всей

Польшѣ, и фамилные портреты, писанные неприхотливою кистью мѣстнаго художника, всѣ на одинаковый образецъ, какъ бы для подтвержденія фамилнаго единства ихъ ординаловъ.

Изъ гостиной одна дверь вела въ спальню, назначенную для самыхъ почетныхъ гостей. Тамъ стояли двѣ широкія лавки съ сѣнниками, закрытыми коврами домашней работы, два дубовыхъ стола, ничѣмъ не покрытые; на одномъ изъ нихъ стояла туалетка съ шашепникою, на другомъ — деревянное распятіе; въ этой комнатѣ было еще шесть стульевъ, а на стѣнѣ висѣлъ образъ. Одинъ изъ двухъ входовъ въ эту комнату былъ обыкновенно запертъ и отпирался только передъ тѣми гостями, которымъ хозяинъ дома оказывалъ особенную честь, помѣщая ихъ на ночлегъ въ этой, а не въ другой комнатѣ. За перегородкою этой комнаты стояла кровать самаго хозяина подѣ шерстянымъ или ситцевымъ пологомъ; надъ нею обыкновенно висѣлъ образъ, переходившій посредствомъ благословеній, отъ одного поколѣнія къ другому въ родѣ хозяина. Подѣ образомъ была прилѣплена свѣча, называемая у поляковъ громница, освещаемая въ праздникъ Свѣтенія Господня и даваемая въ руки умирающимъ; подѣ образомъ же висѣла въ кувшинчикѣ святая вода съ кропиломъ, нѣсколько вербъ и вѣнковъ, сдѣланныхъ для католическаго праздника „Божьяго Тѣла“. У хозяйской постели стоялъ большой столъ, покрытой иногда сукномъ, иногда скатертью; на этомъ столѣ было поставлено распятіе, съ которымъ во время грозы бѣгали мальчики кругомъ дома, спасая его отъ ударовъ молніи.

Сѣни отдѣляли столовую отъ гостиной. Въ столовой находился столъ, за которымъ могло помѣститься сорокъ че-

ловѣкъ; кругомъ стола были лавки, обитыя зеленымъ сукномъ. Въ столовой были часы съ кукушкой и шкалъ для буфета.

Вотъ всѣ главные комнаты хозяина; въ особой сторонѣ дома находились спальни для его жены и дѣтей, не отличавшіяся своимъ убранствомъ и мебелью отъ прочихъ покоевъ.

Гости, пріѣзжавшіе къ пану, останавливались, смотря по личной своей важности, или въ домѣ самого хозяина, или въ домѣ его эконома, или въ избахъ, нарочно устроенныхъ для гостей; въ случаѣ же большого прилива гостей, молодежь размѣщалась по-крестьянскимъ избамъ. Въ гости ѣздили не только на нѣсколько дней, но и на нѣсколько недѣль, съ цѣлыми семьями. Покуда гости оставались у пригласившаго ихъ, хозяинъ каждый день обходилъ или объѣзжалъ своихъ гостей, если они останавливались у эконома или въ деревнѣ; онъ это дѣлалъ для того, чтобы пожелать имъ добраго утра. Хозяинъ большею частію будилъ гостей, потому что по старопольскимъ обычаямъ не годилось, чтобы гости вставали раньше хозяина; обязанность хозяина была какъ можно болѣе быть внимательнымъ и предупредительнымъ къ своимъ гостямъ.

Въ то же время хозяйка навѣщала гостей женскаго пола, разославъ имъ передъ этимъ кофе съ обильнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба и со сливками, ею самою вскипяченными.

Посѣщеніе гостей хозяиномъ и хозяйкою происходило очень рано, часовъ въ 6 или 7; около полудня гости собирались въ хозяйскій домъ. Хозяинъ встрѣчалъ каждого гостя въ сѣняхъ и провожалъ къ женѣ. Почетъ отъ хозяина всѣмъ гостямъ былъ одинаковъ; но за то уже сами гости старались выразить или свое старшинство, или свою

малость передъ хозяиномъ. Поэтому, когда послѣдній всѣмъ своимъ гостямъ безъ различія только кланялся, гости, соображаясь съ своимъ собственнымъ значеніемъ, цѣловали хозяина или въ плечо, или въ колѣно. Входя въ гостиную, всѣ мужчины подходили къ ручкѣ сперва къ хозяйкѣ дома, потомъ къ ея дочерямъ, а потомъ и ко всѣмъ дамамъ.

Когда всѣ гости собирались, то слуга приносилъ водку и закуску; хозяинъ снималъ саблю и говорилъ: господа, прошу быть гостями! Вслѣдъ за хозяиномъ всѣ гости снимали сабли и ставили ихъ по угламъ; но если въ это время являлся сенаторъ, или другой какой-нибудь знатный сановникъ, то всѣ снова надѣвали свои сабли и выходили вмѣстѣ съ хозяиномъ на встрѣчу ясновельможному гостю. Особенно-важныхъ гостей хозяинъ дома, со всѣми своими гостями, встрѣчалъ на границахъ своихъ владѣній; такому гостю всѣ встрѣчавшіе кричали: вивать! называя его краскою своего околотка. Всѣ сходили съ коней, даже въ самый глубокой снѣгъ; то же самое дѣлала и встрѣчаемая знатная особа, не смотря на просьбы встрѣчающихъ, чтобы ясновельможный не беспокоился и не вылѣзалъ изъ саней. Такія встрѣчи продолжались иногда нѣсколько часовъ, потому что знатный гость обходилъ всѣхъ встрѣтившихъ его шляхтичей и цѣловался съ каждымъ, а потомъ ужъ садился не въ сани, а на коня. Послѣ того высшей степенью вѣжливости было опередить такого гостя и встрѣтить его всею ватагой у крыльца хозяйскаго дома.

По прибытіи знатнаго гостя хозяинъ уже не снималъ сабли, а ожидалъ, покуда это сдѣлаетъ почетный посѣтитель, и только тогда предлагалъ прочимъ гостямъ поставить по угламъ свои сабли; но чуть только старшій гость

брался за саблю, какъ всѣ кидались по угламъ, чтобъ надѣть свои сабли.

По прибытіи всѣхъ гостей и по принесеніи водки, хозяинъ наливалъ первую рюмку и самъ выпивалъ ее (обычай этотъ и донинѣ сохраняется въ польскихъ домахъ) и потомъ рюмку вмѣстѣ съ бутылкою передавалъ самому почетному гостю, этотъ слѣдующему и такъ далѣе. Послѣдній изъ гостей, пившій водку, наливалъ рюмку слугѣ, который, опорожнивъ ее тутъ же, уносилъ водку. Тогда всѣ принимались за копченое. Но если среди гостей былъ ксендзъ, то питье водки начиналось съ него, хотя бы въ числѣ гостей и былъ сенаторъ. Послѣ закуски, поджидая обѣда, садились играть въ карты; обыкновенно играли въ марьяжъ по золоту.

Неигравшіе мужчины толковали о сеймахъ, о послахъ, женщины толковали о хозяйствѣ и руководѣляхъ; сплетничали въ ту пору довольно рѣдко.

Около втораго часу входилъ человѣкъ съ салфеткою на плечѣ и докладывалъ тихо хозяину, что столъ готовъ, а хозяинъ, обращаясь къ своей женѣ, громко говорилъ ей: проси такого-то къ столу! Разумѣется, избирался для этого самый почетный гость. Тогда мужчины брали дамъ подъ руку и шли въ столовую. Всѣ садились за столъ, кромѣ хозяина, который переходилъ отъ гостя къ гостю, предупреждая желаніе cadaго.

Во время обѣда старые слуги имѣли право вмѣшиваться въ разговоры хозяина и гостей, особенно если рѣчь шла объ умершихъ панахъ. Послѣ перваго кушанья, начиналось угощеніе виномъ и медомъ изъ малаго круговаго бокала. Обѣдъ былъ продолжителенъ; въ числѣ прочихъ блюдъ

подавали: борщъ, росоль, говядину съ хрѣномъ, рубцы съ инбиремъ, утокъ съ капорцами, индѣекъ съ миндальной подливкой, каплуновъ и тетеревей со свеклою, и разную жареную дичь. Эти блюда перемѣшивались щуками, приготовленными подъ шафраномъ, карпями, поджаренными въ меду, ершами и селявой (родъ ряпушки), подправленной гвоздикой и мускатомъ. У большихъ пановъ, кромѣ этого, подавали медвѣжьи лапы съ вишневымъ соусомъ, бобровые хвосты съ икрой, лоси ноздри съ грибами, печеныхъ ежей, сернъ, поджаренныхъ съ фисташками, и кабаньи головы.

У магнатовъ только для важныхъ гостей былъ во время обѣда токай, для простой же шляхты и молодежи подпиво, рѣдко медъ, на томъ основаніи, что простые и молодые желудки не требуютъ поддержки. Послѣ обѣда хозяинъ приглашалъ гостей помолиться Богу. Чубатые головы пожилыхъ гостей благоговѣнно склонялись на широкія волюби груди, и старое поколѣніе набожно шептало молитву, но молодежь около того времени уже начинала шаркать ногами, а нѣкоторые изъ среды ея, жалѣя недопитаго, спѣшила опорожнить стоявшіе передъ ними кубки и рюмки. Поѣвши хорошенько, всѣ распускали пояса.

Послѣ обѣда молодые паны и паничи, а также панны и паненки пускались въ танцы. У старинныхъ поляковъ, до введенія вальсовъ, экосезовъ и т. д., были дзигунъ, гайдукъ, цыганка, подолянка и проч., замѣненные потомъ мазуркой, краковикомъ и обертасомъ. Но пока молодежь плясала, пожимая другъ другу ручки, паны тоже не теряли времени, у нихъ начиналась настоящая польская попойка. Подгулявши, они принимались пѣть хоромъ извѣстную польскую пѣсню: „Kociubrusze,“ и когда доходили до словъ:

kurdesz kurdesz, то вскрикивали разомъ *kochaj my się*, т. е. обнимемся, и тутъ-то начинались и объятія, и поцѣлуи, и усиленная выпивка.

Послѣ нѣкотораго времени, кубки и стаканы казались уже маловаты, а къ вечеру брались за такъ-называемые *kip*, огромные бокалы, вышиною чуть-ли не въ аршинъ. Эти *kip* нужно было выпивать разомъ, кто же не могъ этого сдѣлать, тѣхъ обрызгивали виномъ и лили имъ воду за воротникъ. Послѣ такихъ пооекъ, если у хозяина и у гостей оставались еще силы, всѣ пытались стать на ноги и начинали читать молитвы, а для облегченія отъ послѣдствій сильной выпивки каждый съѣдалъ огромную миску кислой капусты.

Если гостей было слишкомъ много, такъ что не всѣ могли помѣститься въ домѣ, а время было теплое, то угощеніе происходило на открытомъ воздухѣ. Это всего чаще случалось при сборахъ шляхты для конфедераций. Въ такихъ случаяхъ шляхтичи размѣщались у хозяина, смотря по своему значенію: одни оставались на дворѣ, другіе сидѣли на крыльцѣ, а третьи были приглашаемы въ домъ. Впрочемъ хозяинъ выражалъ особенную заботливость и о гостяхъ нисшаго разряда, прохаживался между ними, обнималъ, цѣловалъ ихъ, дружески разговаривалъ со всѣми, нѣкоторымъ самъ подносилъ и кушанье, и вино. Но гости этого разряда являлись къ хозяину съ своими ложками, вилками и ножами, которые они имѣли при себѣ за пазухой. Пили же они изъ серебрянныхъ хозяйскихъ кубковъ.

Расходы на угощеніе были различны; угощеніе бѣдной шляхты стоило весьма не дорого, но пріемъ инаго гостя обходился перѣдко въ 30.000 злотыхъ; разумѣется, что

такого рода пріемы могъ давать только магнатъ магнату или самому королю.

Часто случалось, что при съѣздахъ гостей происходило сватовство; одинъ изъ гостей просилъ руки хозяйской дочери для своего сына, или на оборотъ, и тогда попойка еще болѣе увеличивалась. Гости, поздравляя невѣсту съ помолвкой, снимали узенькій башмачекъ съ ея ножки и пили за здоровье нареченной.

Молодежь оканчивала свое веселье танцемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ драбанта и занесеннымъ въ Польшу шведами; это было нѣчто въ родѣ нынѣшняго лансье.

Если пиръ происходилъ наканунѣ заговѣнья, и если въ числѣ гостей былъ ксендзъ, то онъ тутъ же начиналъ свою проповѣдь, и гости, слѣдуя его поученіямъ, утихали и начинали мало по малу приходить въ себя, а по утру всѣ отправлялись въ костель, и въ слѣдующіе дни за тѣмъ не было видно на столѣ ни вина и ни одного скоромнаго блюда, хотя бы гости и оставались еще нѣкоторое время.

XXII.

Сѣверскіе послы.

Княжество Сѣверское было въ Рѣчи Посполитой удѣльнымъ владѣніемъ князя епископа краковскаго, а потому, когда на епископскую каѳедру въ Краковѣ сѣлъ Петръ Гембицкій, то сѣверская шляхта опредѣлила отправить къ новому владыкѣ двухъ пословъ, которые привѣтствовали бы отъ имени ея князя-епископа и представили ему о нѣкоторыхъ потребностяхъ его княжества. Выборъ пословъ сопровождался шумнымъ сѣздомъ мѣстной шляхты. Дружеская веселая пирушка была необходимымъ условіемъ подобныхъ сѣздовъ тогдашняго времени.

На пирушкѣ сѣверской шляхты, послѣ многихъ круговыхъ обходовъ огромной стопы съ крѣпкимъ прадѣдовскимъ медомъ, каждый изъ присутствовавшихъ шляхтичей началъ давать избраннымъ посламъ свои собственныя инструкціи, кто какъ могъ, и кто какъ сумѣлъ. Широки и длинны были эти инструкціи, а между тѣмъ круговая стопа по преж-

нему продолжала обходить какъ избирателей, такъ и избранныхъ. Весело, по старинному обычаю, пировали сѣверскіе шляхтичи, а между тѣмъ мало по малу одни изъ нихъ, вслѣдствіе забористаго меда, попадали какъ отравленные мухи, а другіе кое-какъ доплелись домой и улеглись спать.

Не смотря однако на пирушку, длившуюся далеко за полночь, послы встрепенулись чѣмъ-свѣтъ, и сѣвши на коней отправились къ князю-епископу по краковской дорогѣ.

Долго ѣхали они то рядомъ, то обгоняя одинъ другаго, по произволу своихъ коней, такъ какъ сѣдоки едва держали въ рукахъ поводья, и кони ихъ шли какъ хотѣли. Послѣ безсонной ночи и послѣ лихой выпивки, ихъ одолѣвала еще сладкая утренняя дремота. Но вотъ все выше и выше стало подниматься майское солнце, и все теплѣе и теплѣе начало оно пригрѣвать путниковъ. Послы мало по малу стали разгуливаться и позѣвывать, но въ это время показалась небольшая корчма. При видѣ ея ободрился сперва панъ Вацлавъ, а потомъ и товарищъ его панъ Михалъ. Оба они, пріостановивши своихъ коней, вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— День добрый! сказалъ, позѣвывая панъ Вацлавъ.

— День добрый! отвѣчалъ панъ Михалъ, тоже позѣвывая.

— Вѣдь мы, кажется, ѣдемъ въ Краковъ послами къ князю-епископу?... спросилъ первый.

— А развѣ ты не помнишь данныхъ намъ порученій?... перебилъ хитроватымъ голосомъ его спутникъ.

— Вѣдь о нихъ-то я только что хотѣлъ спросить тебя, отозвался панъ Вацлавъ.

— У меня рѣшительно все вышло изъ памяти послѣ того угощенія, какое намъ задали, проговорилъ панъ Михалъ.

— И у меня медь отбилъ всю память, замѣтилъ товарищъ пана Михала.

— А вѣдь я полагался на тебя...

— А я такъ на тебя...

— Хороши же мы! Нечего сказать!... крикнули оба шляхтича въ одинъ голосъ и опять вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Только конскій топотъ раздавался по дорогѣ.

— Что жъ намъ дѣлать? спросилъ наконецъ панъ Вацлавъ у своего товарища, придерживая коня и въ недоумѣніи пожимая плечами.

Вернуться назадъ, замѣтилъ довольно равнодушно панъ Михаль.

— Стыдно!...

— Такъ поѣдемъ впередъ; что будетъ, то будетъ...

— Пусть будетъ по твоему, отвѣчалъ панъ Вацлавъ — видишь ли не вдалекѣ передъ нами стоитъ корчма: не закусить-ли тамъ? Вѣдь извѣстно, что во время ѣды мысли дѣлаются свѣжее и спокойнѣе, мы станемъ припоминать по немногу обо всемъ что съ нами было, и такимъ образомъ по ниткѣй дойдемъ кое-какъ и до клубка...

— Совѣтъ твой сдѣланъ здѣсь кстати, замѣтилъ панъ Михаль: — онъ кстати, во-первыхъ, потому что желудокъ просить перехватить чего-нибудь, а во-вторыхъ, намъ непременно должно подумать о томъ, зачѣмъ мы ѣдемъ послами отъ нашей братьи-шляхты къ его милости князю-епископу.

Припоровивъ разомъ своихъ коней, которые прежде шли шагомъ, какъ будто желая дать сѣдокамъ возможность подремать на разсвѣтѣ оба шляхтича молодецки подскакали

къ корчмѣ. [У воротъ] стоялъ старый еврей Азикъ, въ шелковомъ потертомъ жупанѣ; онъ поглаживалъ свою бороду и подергивалъ свои пейсики въ ожиданіи проѣзжихъ пановъ. Вѣжливо встрѣтилъ онъ своихъ гостей, объявляя имъ, еще при входѣ ихъ на крыльцо, что у него не только есть овесъ, сѣно, молоко, рыба и яйца, но что у него найдется и такое отличное вино, какого нельзя достать даже и въ Краковѣ.

— А вотъ, панъ арендаторъ, мы это сейчасъ увидимъ!.. крикнули Вацлавъ и Михаль.

Спрыгнувши проворно съ коней, они вошли въ корчму. Покуда гости расправляли ноги и осматривались кругомъ, Азикъ успѣлъ сбѣгать въ кладовую и вскорѣ явился къ своимъ вельможнымъ гостямъ, неся имъ на пробу нѣсколько фляжекъ венгерскаго.

Проѣзжіе усѣлись за столомъ и въ ожиданіи закуски опершись на столъ локтями, крѣпко призадумались о цѣли своего посольства, стараясь припомнить данныя имъ на этотъ случай инструкціи. Какъ однако они ни силились, все было напрасно, а между тѣмъ поставленное Азикомъ на столъ венгерское манило ихъ къ себѣ своимъ золотистымъ цвѣтомъ.

— Ну что, панъ Михаль, припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— А ты?

— А вотъ закусимъ, такъ быть можетъ и вспомнимъ.

Пріатели дружно принялись за поставленную передъ ними закуску. Закуска поубавилась скоро.

— Ну что теперь, ты вспомнилъ? спросилъ Михаль.

— Нѣтъ еще.

— И я еще нѣтъ.

— Попробуемъ пополоскать горло, сказалъ Вацлавъ — такъ, быть можетъ, память послѣ этого сдѣлается свѣжѣе.

Съ этими словами оба шляхтича принялись за венгерское, которое, по своему превосходному качеству, упрочило въ ихъ мнѣніи славу Азика на вѣки-вѣчные.

Послы однако призадумались крѣпче прежняго, а между тѣмъ передъ ними замѣтно опорожнилась большая миса квашенной капусты, и быстро исчезло все венгерское. Не смотря однако ни на закуску, ни на выпивку, шляхтичи не припомнили данныхъ имъ порученій; мало этого — оказалось даже, что послѣ часовой ѣзды и часового питья въ корчмѣ Азика, они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ, почему они растянулись тутъ же около стола, на скамейкѣ, бормоча другъ другу, что сонъ и отдыхъ необходимы послѣ ѣзды верхомъ и въ особенности послѣ хорошей закуски и отличнаго венгерскаго. Выспавшись порядкомъ они вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что жъ теперь, припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— Снилось что-то, а теперь забылъ опять все!... А ты?...

— И со мной было тоже самое: припоминалъ что-то во снѣ, а теперь хоть по лбухвати, ровно ничего не помню, знаю только то, что мнѣ рѣдко приходилось пить такое славное вино, какимъ поподчивалъ насъ Азикъ.

— А знаешь, пріятель, что намъ нужно сдѣлать для того, чтобъ вспомнить наши порученія? сказалъ Михаль — намъ нужно не торопиться. Вѣдь когда женибудь мы вспомнимъ все то что намъ поручили. Переночуемъ-ко лучше здѣсь. Неужели же мы и на завтра ничего не вспомнимъ... Хотя бы

чтонибудь вспомнить, а тамъ по ниткѣ доберемся до клубка, повторилъ панъ Михаль.

— А вотъ я помолюсь хорошенько св. Антонію Падуанскому. Молитва его помогала мнѣ всегда находить то что мнѣ случалось терять, замѣтилъ Вацлавъ.

На такіе убѣдительные доводы очень легко сдались оба пріятеля, и они рѣшились выспаться хорошенько гдѣнибудь въ сараѣ — въ холодкѣ, на душистомъ сѣнѣ. Шляхтичи объявили Азика о своемъ намѣреніи переночевать въ его корчмѣ и спросили обѣдать. Услужливый корчмарь угостилъ ихъ за обѣдомъ рыбой, еврейской лапшой, а за ужиномъ опять подаль имъ рыбу съ горячительными приправами и яичницу, съ прибавкой отличнаго венгерскаго какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ.

Послѣ ужина пріятеля весело поболтали между собой, и запивая свою бесѣду венгерскимъ дошли уже наконецъ до того, что уже не узнавали другъ друга. Они не отправились спать въ холодокъ, какъ думали прежде, но въ той же комнатѣ улеглись на сѣнѣ и, какъ въ послѣдствіи рассказывалъ Азикъ, храпѣли такъ богатырски, что отъ храпу ихъ дрожали стекла.

— Уй!... Я боялся, что стекла выскочатъ изъ рамъ, добавлялъ Азикъ, передавая проѣзжимъ о ночлегѣ шляхтичей и въ изумленіи покачивая головой и поправляя на ней свою засаленную ермолку.

На разсвѣтѣ оба шляхтича вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что, ты вспомнилъ? спросилъ панъ Михаль.

— Нѣтъ.

— А ты?

— И я тоже.

— Видно, нечистый обморочилъ насъ, сказали въ гость оба пріятеля.

— Что-жъ дѣлать, вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, сказалъ утѣшающимъ голосомъ панъ Вацлавъ — поѣдемъ лучше дальше; дорога не то, что корчма, гдѣ сидишь въ заперти, на чистомъ воздухѣ другое дѣло, тамъ все вспоминается какъ-то легче.

Оба пріятеля безпрекословно согласились въ справедливости этихъ словъ. Разсчитавшись съ Азикомъ и привѣтливо поблагодаривъ его за радушное угощеніе и за умѣренность въ разсчетѣ, шляхтичи отправились далѣе, во имя божіе. Воздухъ былъ чудный, на поляхъ и въ лѣсахъ пѣли птички; гдѣ жужжалъ жукъ, гдѣ трещала стрекоза, гдѣ шелестѣлъ жузнчикъ. Шляхтичи ѣхали молча, и каждый изъ нихъ силился припомнить данныя имъ инструкціи, и только время отъ времени то Вацлавъ у Михала, то Михаль у Вацлава спрашивалъ:

— А что вспомнилъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ обыкновенно и тотъ, и другой.

И затѣмъ оба начинали припоминать позабытое.

Въ каждой встрѣчной корчмѣ послы останавливались на ночлегъ, закусывали, обѣдали, ужинали, пили и спали и потомъ отправлялись далѣе, твердо надѣясь, что если не сонъ, то закуска, если не закуска, то обѣдъ, если не обѣдъ, то ужинъ, если не ужинъ, то чистый воздухъ помогутъ имъ припомнить цѣль ихъ поѣздки къ князю-епископу. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго странствованія, они добрались наконецъ до Кракова и остановились въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ.

Сидя за столомъ, опершись на него локтями, они крѣпко

думали о томъ что имъ слѣдуетъ говорить, явившись передъ княземъ-епископомъ, и вопросительно посматривали другъ на друга, выжидая, кому изъ нихъ посчастливится первому вспомнить забытыя порученія.

— А вѣдь рано или поздно, но все же намъ нужно будетъ идти къ его княжеской и епископской милости, говорилъ Вацлавъ, послѣ долгаго молчанія.

— Разумѣется, въ глубокой задумчивости отозвался Михаль.

— Ну, а чтожъ ты ему скажешь отъ имени нашей брательи—шляхты? спросилъ первый.

— Господь какъ нибудь поможетъ намъ. Кто знаетъ, не вспомнимъ-ли мы на пути къ его дворцу, зачѣмъ мы сюда пріѣхали.

— И то правда.

— Что будетъ, то будетъ, крикнули разомъ оба пріятеля;—пойдемъ поскорѣе къ князю-епископу. И съ этими словами они принялись одѣваться.

Цирульникъ проворно и ловко подбрилъ имъ головы и расчесалъ ихъ длинныя чубы. Шляхтичи надѣли кунтуши только-что съ иглочки, и прицѣпивъ сабли отправились въ княжескій дворецъ, думая во всю дорогу о чемъ они будутъ говорить съ его княжескимъ преосвященствомъ.

Не долго представителей сѣверской шляхты заставили ждать въ епископской пріемной. Осторожно вошли шляхтичи въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ князь - епископъ, и робко поднявъ глаза они увидѣли предъ собою еще бодрого старика, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, въ фіолетовой суктанѣ и въ темной бархатной шапочкѣ на головѣ.

Почтительно поклонились шляхтичи преосвященному владыкѣ.

Епископъ, при входѣ ихъ, всталъ съ креселъ, подошелъ къ нимъ и подалъ правую руку, которую они и поцѣловали.

— Здравствуйте, дорогіе мои братья—сѣверяне, проговорилъ ласковымъ голосомъ князь-епископъ. Что же скажете вы мнѣ отъ имени всей вашей братии — сѣверской шляхты?...

Панъ Вацлавъ подтолкнулъ изподтишка пана Михала локтемъ, промолвивъ въ полголоса:

— Ну, начинай!...

Панъ Михалъ сдѣлалъ тоже, пробормотавъ:

— Начинай ты, вѣдь ты старше меня.

Но ни тотъ, ни другой, какъ говорится, ни п-р-у, ни ну.

Не безъ нѣкотораго удивленія посмотрѣлъ князь-епископъ на молчаливыхъ пословъ, которые мялись на одномъ мѣстѣ, откашливались, блѣднѣли, краснѣли итирали потъ, выступавшій крупными каплями на ихъ лицахъ.

Въ это затруднительное время вдругъ мелькнула въ головѣ пана Вацлава ужасная мысль, что позоръ его и его товарища падетъ на всю сѣверскую шляхту, избравшую такихъ нерасторопныхъ представителей. Въ отчаяніи отъ этой мысли панъ Вацлавъ одушевился, откашлялся и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ясноосвященный князь-епископъ! Жители сѣверскаго княжества избрали насъ для того, чтобы мы сложили къ стопамъ вашей княжеской и епископской милости ихъ покорнѣйшую просьбу. Судьбѣ однако угодно было, чтобы и мы, и отправлявшіе насъ не поняли содержанія этой прось-

бы. Кто тутъ правъ, кто виноватъ—разбирать этого мы не можемъ. Довольно, что намъ или не умѣли передать порученій, или мы не умѣли ихъ выслушать. Поэтому—заключилъ съ почтительнымъ поклономъ панъ Вацлавъ—всенижайше просимъ вашу княжескую и епископскую милость благосклонно принять высокое къ вамъ уваженіе всей сѣверской шляхты; что же касается собственно насъ, то мы впередъ такими послами не будемъ...

Въ продолженіе этой рѣчи панъ Михалъ то раскланивался съ княземъ-епископомъ, то поддакивалъ своему товарищу, то мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ.

Добродушно улыбнулся ученый князь-епископъ, выслушавъ рѣчь пана Вацлава и потрепавъ обоихъ пословъ по плечу, сказалъ имъ:

— Передайте отъ меня братьи моей, шляхтѣ сѣверской, что я сдѣлаю для нихъ все что могу. Если же вамъ что-нибудь понадобится, то не издерживайтесь напрасно на поѣздку ко мнѣ въ Краковъ, а лучше напишите на бумагѣ, добавивъ его преосвященство, закусывая отъ смѣха нижнюю губу.

Почтительно поцѣловали шляхтичи руку снисходительнаго архипастыря и съ радостію вышли изъ его дворца

— А вѣдь и правду говорятъ, что не святые горшки лѣпятъ, сказали оба шляхтича въ одинъ голосъ, возвращаясь въ гостинницу въ отличномъ расположеніи духа.

— Только не надобно рассказывать, какъ было дѣло, а то, пожалуй, въ другой разъ и въ послы не выберутъ, замѣтилъ панъ Вацлавъ.

По приѣздѣ пословъ домой, шляхта встрѣтила ихъ таковой же пирушкой, какой прежде напутствовала ихъ въ

Краковъ. Заходила снова круговая стопа, и такъ какъ въ старое время люди были и откровеннѣе, и проще, то и послы не утерпѣли, чтобъ не рассказать своимъ землякамъ какъ было дѣло. Всѣ отъ души посмѣялись, — и прослыли съ тѣхъ поръ панъ Вацлавъ и панъ Михалъ людьми хоть и съ слабою памятью, но за то весьма находчивыми...

XXIII.

ЯНЪ СОБѢСКИЙ ПОДЪ ВѢНОЮ.

Недалеко отъ Варшавы, на небольшомъ пригоркѣ, называемомъ Маримонтомъ, т. е. горою Маріи (Mariae mons), королева Марія-Казимира, жена короля Яна III Собѣскаго, построила маленькій загородный дворецъ. Дворецъ этотъ былъ окруженъ въ ту пору густымъ лѣсомъ, который обхватывалъ кругомъ почти всю тогдашнюю Варшаву, и въ которомъ водилось много дикихъ звѣрей. Въ этомъ лѣсу любилъ охотиться Собѣскій.

Однажды, въ исходѣ августа 1683 года, громкіе звуки охотничьихъ роговъ и лай собакъ дали знать королевѣ Маріи-Казимірѣ, что къ Маримонту приближается король, возвращавшійся въ то время съ охоты на пиръ, устроенный для него королевой. На этомъ пирѣ Янъ III, окруженный первѣйшими сановниками королевства, далъ слово, что онъ не приметъ мира, предложеннаго ему грозною въ ту пору Турціею, и что онъ пойдетъ для избавленія Вѣны,

къ которой, какъ страшныя тучи, приближались съ юга турецкія полчища.

Храбрый Собѣскій сдержалъ свое слово.

11-го сентября того же года король, при заходѣ солнца, располагался лагеремъ на горѣ Каленбергъ вблизи Вѣны. Громадныя башни церкви Св. Стефана величаво возвышались передъ королемъ на гаснувшемъ небѣ, а съ занятой Собѣскимъ горы онъ могъ ясно видѣть всю столицу римско-нѣмецкаго кесаря, которая какъ будто лежала у его ногъ. Турецкія войска были въ это время расположены подѣ Вѣною на протяженіи слишкомъ полмили. Вскорѣ послѣ прихода поляковъ къ Вѣнѣ поднялся сильный вихорь, съ ожесточеніемъ подулъ онъ противъ польскаго лагеря, подымая въ воздухѣ огромныя клубы пыли и засыпая ею глаза польскихъ всадниковъ, которые отъ сильныхъ порывовъ вихря едва могли удержаться на коняхъ. Двадцать шесть часовъ сряду бушевала непогода.

Между тѣмъ для короля на опушкѣ дубовой рощи разбили небольшой наметъ и въ немъ разостлали на землѣ его походную постель. Король усѣлся на постели, а передъ нимъ стали въ почтительномъ молчаніи вожди польской рати.

— Не знаю я, на кого мнѣ положиться, сказалъ въ раздумьи Собѣскій: — самъ я усталъ, и мнѣ непременно нужно отдохнуть передъ завтрашней работой, а между тѣмъ ныѣшней ночью вѣнскій комендантъ будетъ давать мнѣ сигналы, нельзя пропускать ихъ, но я такъ усталъ, что никакъ не могу наблюдать за ними самъ.

— Положитесь на меня, ваше величество! громко и торпливо сказалъ королевскій конюшій, стараясь предупре-

дить этиими словами всѣхъ находившихся въ наметѣ, изъ которыхъ, какъ онъ зналъ, каждый наперерывъ готовъ былъ предложить королю свои услуги.

— Хорошо, сказалъ ласково король и затѣмъ отдалъ по своему войску слѣдующій лозунгъ: „Во имя Богородицы помощи намъ Господи!“

Послѣ этого распоряженія король привѣтливымъ поклономъ далъ знакъ своимъ сподвижникамъ, чтобъ они удалились изъ намета. По выходѣ ихъ, Собѣскій улегся на постели и вскорѣ заснулъ. Между тѣмъ конюшій сѣлъ въ дверяхъ намета, на деревянной скамеечкѣ, которую королевскій стремянной всегда возилъ за Яномъ III, такъ какъ онъ, по своей тучности, не могъ сѣсть на коня, не ставши одной ногой на скамейку. Ровно въ полночь взвилась ракета надъ башней Св. Стефана.

— Ваше величество! крикнулъ громко конюшій, — первый сигналъ поданъ.

— Это значить, отвѣчалъ пробудившійся Собѣскій, что они переправились благополучно черезъ Дунай.

Спустя нѣсколько времени, на темномъ небѣ разсыпалась красными искрами другая ракета.

— Ваше величество! крикнулъ такъ же громко конюшій, — второй сигналъ поданъ.

— Это значить, проговорилъ король, — что они двинулись изъ укрѣпленій.

Прошло немного времени, и снова надъ тихой и погруженной во мракъ Вѣной сверкнула и лопнула ракета.

— Ваше величество! уже третій сигналъ поданъ! громче прежняго крикнулъ конюшій, входя въ королевскій наметъ.

Король быстро поднялъ съ подушки голову, и сталъ набожно креститься, приговаривая:

— Да будетъ прославлено имя Господне!—это значитъ, что они подошли къ намъ на помощь.

Сказавъ это, король завелъ часы съ будильникомъ, поставивъ стрѣлку на трехъ часахъ; послѣ этого онъ улегся на постель, закрылъ глаза и заснулъ богатырскимъ сномъ. Конюшій между тѣмъ дремалъ на скамейкѣ, покачивая голову то внизъ, то изъ стороны въ сторону. Вскорѣ послѣ полуночи вихорь унялся, звѣзды ярко засверкали на темномъ небѣ, тихая и ясная ночь предвѣщала погодное утро.

Въ три часа будильникъ въ наметѣ Собѣскаго сперва зашипѣлъ, а потомъ принялся стучать и звенѣть. Король встрепенулъся на постели.

— Кто тутъ? крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.

На зовъ короля прибѣжалъ одинъ изъ шляхтичей, спавшихъ подлѣ королевскаго намета.

— Бѣги поскорѣе къ всендзамъ-капелланамъ, сказалъ Собѣскій,—разбуди ихъ и скажи, чтобы они велѣли составить алтари изъ барабановъ, и чтобы сами готовились служить обѣдню.

Опрометью побѣжалъ шляхтичъ исполнять королевское предписаніе. Между тѣмъ проснулся и конюшій; король взялъ отъ него скамеечку, положилъ на нее листъ бумаги, и сидя на постели принялся писать письмо къ женѣ. Настоящее письмо короля, какъ и вообще всѣ его письма къ королевѣ Маріи-Казимірѣ, начиналось слѣдующимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

„Единственная отрада моей души и моего сердца, моя прехорошенькая и моя премиленькая Маруся!“

Въ письмѣ своемъ Собѣскій подробно рассказывалъ женѣ о своей счастливой переправѣ черезъ Дунай, онъ описывалъ ей имперскихъ князей, которые съ своими небольшими отрядами прибыли къ Вѣнѣ на подмогу, и которые поступили подъ его главное начальство; Собѣскій сообщалъ Маріи-Казимірѣ о трудахъ и лишеніяхъ войска во время похода, а также о той страшной непогодѣ, которую пришлось испытать полякамъ передъ Вѣной. Ужасный, двадцати-шести-часовой вихорь Собѣскій простодушно приписывалъ колдовству великаго визиря, который, по словамъ короля, былъ великій чародѣй. Письмо свое король окончилъ замѣчаніемъ о томъ, что по всей вѣроятности рѣшительный бой между поляками и турками будетъ не ранѣе, какъ дня черезъ два: королевскому войску, утомленному не близкимъ походомъ, необходимъ былъ порядочный отдыхъ; нужно было также построить батареи и полевые укрѣпленія; а между тѣмъ на дѣлѣ Собѣскому пришлось биться съ турками въ тотъ же день, въ который онъ отправилъ свое письмо въ Варшаву.

Окончивъ письмо, король вышелъ къ войску и въ виду его благоговѣнно отслушалъ обѣдню подъ открытымъ небомъ, а какъ только стало подниматься солнце, король и гетманъ приказали войскамъ садиться на коней. Скоро загремѣли трубы, литавры и барабаны, а спустя немного времени, съ вершины Каленберга потянулись густыми рядами конница, пѣхота и артиллерія, занимая назначенныя имъ мѣста.

На широкомъ пространствѣ растиался передъ поляками укрѣпленный лагерь великаго визиря Кара-Мустафы и его сподручника — крымскаго хана. Съ изумленіемъ слышалъ

визирь о томъ, что на него наступаютъ поляки; онъ сперва не повѣрилъ этой грозной вѣсти и опрометью выбѣжалъ изъ своей ставки, стараясь убѣдиться своими глазами въ справедливости этой вѣсти. Легко убѣдился визирь, что онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ, кто еще и прежде такъ безпощадно громилъ турецкія полчища, потому что утреннее солнце ярко освѣщало знамена Собѣскаго.

— О, король! воскликнулъ съ отчаяніемъ визирь, — какъ жестоко ты поступаешь со мной!

Между тѣмъ войска Яна III становились въ боевой порядокъ. Король былъ постоянно впереди ихъ. На немъ, въ это славное для него утро, былъ надѣтъ суконный куптущъ голубаго цвѣта, бѣлый шелковый жупанъ и литой золотой поясъ, на головѣ былъ серебряный шишакъ съ золотымъ одноголовымъ орломъ. Король былъ верхомъ на конѣ золотисто-гнѣдой масти. На правой сторонѣ королевскаго сѣдла былъ притороченъ небольшой барабанъ, въ который, время отъ времени, ударялъ король, призывая къ себѣ условленнымъ числомъ ударовъ того или другаго изъ польскихъ военачальниковъ.

За Яномъ III безотлучно слѣдовали стремянной и щитоносецъ; послѣдній держалъ въ рукѣ щитъ съ королевскимъ гербомъ, въ которомъ на золотомъ полѣ была изображена черная воловья голова, пронзенная мечомъ. За Яномъ III слѣдовалъ также королевскій хорунжій, на древкѣ его значка горделиво развѣвались соколиныя перья; по этимъ перьямъ королевскія войска должны были узнавать то мѣсто, гдѣ во время боя находился Собѣскій.

Королевичъ Якубъ не отставалъ ни на шагъ отъ своего отца; онъ былъ въ серебряномъ шишакѣ, въ латахъ и имѣлъ

у сѣдла такъ называемый кончаръ, оружіе въ родѣ меча, заостренное съ обѣихъ сторонъ.

Когда все войско окончательно стало въ боевой порядокъ, то король приказалъ сѣрадскому воеводѣ Щенскому Потоцкому, чтобъ онъ первый ударилъ на турокъ съ своей гусарской хоругвью. Исполняя приказанія государя, воевода выѣхалъ впередъ передъ своимъ отрядомъ; по командѣ его гусары нагнули къ землѣ пики, и склонивъ немного свои головы, покрытыя блестящими шишаками, пустились, какъ вихорь, во весь опоръ противъ показавшейся передъ ними турецкой конницы. Шумѣли и вѣяли холодомъ крылья изъ орлиныхъ и соколиныхъ перьевъ, прикрѣпленные, по обычаю того времени, за плечами гусаровъ. Съ пронзительнымъ свистомъ прорѣзывали воздухъ ихъ длинныя пики, шелестя своими разноцвѣтными значками. Все это сливалось въ какой-то неопредѣленный, но грозный гулъ; казалось, что на врага неслась теперь стая какимъ-то чудовищныхъ птицъ, закованныхъ въ стальные доспѣхи.

Не выдержала турецкая конница дружнаго и неожиданнаго натиска поляковъ; ошеломленная и разстроенная, она въ безпорядкѣ попятилась назадъ; турецкіе кони, испуганные видомъ крылатыхъ всадниковъ, бѣшено метались изъ стороны въ сторону, закусывали удила, ржали, становились на дыбы и сбрасывали съ себя оробѣвшихъ турокъ. Опомившись однако отъ перваго испуга и видя малочисленность поляковъ, турки собрались снова и съ грознымъ гикомъ окружили со всѣхъ сторонъ отрядъ сѣрадскаго воеводы. Вѣрная гибель угрожала его хоругви. Въ это время проворно спѣшилась съ коней панцерная хоругвь другаго

Потоцкаго, Станислава, старосты калишскаго, и винулась на выручку своихъ погибавшихъ товарищей.

Завязалась жестокая сѣча. Между тѣмъ на другомъ концѣ равнины засѣвшіе за окопами янычары осыпали поляковъ градомъ пуль. Три раза ходили на штурмъ окоповъ поляки и три раза устилали къ нимъ путь своими трупами. Наконецъ, только послѣ четвертой ожесточенной и самой продолжительной схватки, окопы достались полякамъ.

Въ это время Собѣскій двинулъ часть своихъ войскъ прямо на визирскую ставку; съ неудержимымъ напоромъ рванулись впередъ поляки. Тщетно визирь, окруженный плотною толпою своихъ тѣлохранителей, приказалъ распустилъ большое знамя Магомета, желая этимъ воодушевить свои оробѣвшія рати во имя Аллаха и его пророка. Но горсть храбрецовъ скоро пробилась до этого знамени и къ ужасу Кара-Мустафы овладѣла имъ.

— Спасай меня, если можешь! вскрикнулъ въ отчаяніи визирь, обращаясь къ бывшему близъ него татарскому хану.

— Я знаю короля польскаго, отвѣчалъ татаринъ:—онъ спуска не дастъ! Мнѣ теперь не до тебя, только бы самому мнѣ улизнуть отсюда! Прощай!...

И съ этими словами ханъ ударилъ нагайкою своего коня и поскакалъ во весь опоръ съ поля битвы. Слѣдомъ за нимъ помчался и великій визирь. Видя, что на обоихъ крылахъ непріятель дрогнулъ, самъ король ударилъ на турецкій лагерь. Тщетно отстаивали его янычары съ мужествомъ, доходившимъ до отчаянія. Собѣскій скоро овладѣлъ турецкимъ укрѣпленіемъ.

Но опасность для Вѣны, не смотря на успѣхъ Яна III, еще не миновала; часть янычаровъ пошла на штурмъ императорской столицы, а между тѣмъ турецкіе полки, обратившіеся въ бѣгство, оставались безъ преслѣдованія. Собѣскій выходилъ въ это время изъ себя, досадуя на то, что комендантъ Штаренбергъ не воспользовался удобной минутой для того, чтобы, сдѣлавъ вылазку, отбить штурмъ и потомъ преслѣдовать бѣжавшихъ.

— Не будь я король, сказалъ онъ въ припадкѣ гнѣва,—если завтра не велю повѣсить Штаренберга посреди Вѣны; непріятель бѣжитъ, а онъ съ двадцати-тысячнымъ гарнизономъ точно дремлетъ!

Впрочемъ, отбивать штурмъ янычаровъ отъ Вѣны было напрасно: едва только они узнали, что великій визирь и ханъ бѣжали съ поля битвы, какъ сами послѣдовали ихъ примѣру. Густыя толпы янычаровъ поспѣшно отхлынули отъ стѣнъ Вѣны и пустились въ разсыпную во всѣ стороны.

Но Собѣскій былъ не Штаренбергъ. Онъ воспользовался разстройствомъ турокъ. Быстро ударивъ въ тылъ бѣгущихъ, онъ на большомъ пространствѣ кололъ, рубилъ и топталъ непріятеля. Увидя же, что турки разбиты и разсѣяны окончательно, Собѣскій приказалъ прекратить преслѣдованіе.

Солнце было уже высоко и припекало сильно. Король и войско были утомлены, и по удаленіи турковъ они расположились на отдыхъ въ захваченномъ ими турецкомъ лагерѣ. Король занялъ ставку визиря и тотчасъ же принялся писать письмо къ своей дорогой Марусѣ. Въ этомъ письмѣ Янъ III передавалъ своей женѣ всѣ подробности славнаго боя и упоминалъ, что турецкій лагерь былъ такъ обширенъ, какъ Львовъ или Варшава. Слова короля были вполне спра-

ведливы, потому что лагерь Кара-Мустафы могъ вмѣстить въ себѣ не только трехъ-сотъ тысячное турецкое войско, но и огромный турецкій обозъ, а также множество плѣнниковъ, захваченныхъ турками. Когда же въ этомъ лагерѣ расположилось польское войско съ вспомогательными отрядами имперскихъ князей, то въ общей сложности вся армія Собѣскаго заняла только четвертую часть турецкаго лагеря. Это обстоятельство ясно показывало какой неравный бой выдержалъ Янъ III подъ Вѣною.

Среди торжества побѣдителей наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Король, не смотря на утомленіе, не ложился спать, но продолжалъ писать письмо къ своей женѣ. Въ полночь страшный грохотъ встревожилъ все войско, всѣ проснулись и засуетились, стали заряжать ружья, садиться на коней, а плѣхота выстроилась въ боевой порядокъ. Самъ король былъ уже верхомъ, когда оказалось, что тревога была напрасна. Весь ночной переполохъ объяснился тѣмъ, что поляки въ нѣсколькихъ мѣстахъ подожгли огромные пороховые склады, оставленные близъ лагеря убѣжавшими турками. Отъ взрыва пороха дрогнула земля. Описывая этотъ случай своей Марусѣ, король замѣчалъ, что онъ „видѣлъ подобіе страшнаго суда.“ Къ счастью, однако, не смотря на ужасный взрывъ, никто не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Богатая добыча досталась побѣдителямъ. По словамъ короля, цѣнность того, что поляки забрали въ турецкомъ лагерѣ подъ Вѣною, нельзя даже было сравнить съ тѣмъ что они отбили у турокъ подъ Хотиномъ, хотя и тамъ досталось имъ слишкомъ много. Кромѣ палатокъ, обоза, коней, стоимость однихъ сѣделъ, униженныхъ рубинами и

сапфирами, оцѣнивали на нѣсколько тысячъ тогдашнихъ червонцевъ. Добыча эта пополнялась множествомъ сабель въ золотыхъ ножнахъ, кинжаловъ въ драгоценной оправѣ, ружей, пистолетовъ и дорогой сбруи. Число захваченныхъ наметовъ простиралось до ста тысячъ. Въ письмѣ Собѣскаго къ женѣ, написанномъ, какъ мы сказали, въ ту же самую ночь, онъ между прочимъ замѣчалъ: „не укоришь меня теперь, моя душечка, какъ укоряютъ татарскія жены своихъ мужей, возвращающихся съ войны безъ поживы, говоря имъ: „видно, что вы не молодцы, если вернулись безъ добычи, потому что она достается только тѣмъ, кто бѣгаетъ впереди.“

Въ числѣ трофеевъ была и хоругвь Магомета. Огромное это знамя, древко котораго было въ вышину 12 футовъ, имѣло въ длину 8 футовъ. Оно было сдѣлано изъ зеленой шелковой матеріи, богато и узорчато вышитой серебромъ и золотомъ. На этой хоругви, кромѣ арабской надписи, было изображеніе двухъ звѣздъ и полумѣсяца, обращеннаго рогами внизъ. Хоругвь, отбитую подъ Вѣной, король отправилъ въ Римъ съ однимъ изъ польскихъ епископовъ, и папа Иннокентій XI приказалъ повѣсить ее на вѣчныя времена въ храмъ св. Петра, на память торжества христіанъ надъ невѣрными.

Послѣ взятія турецкаго лагеря, въ немъ найдено было множество христіанскихъ плѣнниковъ, и въ особенности плѣнницъ. Убѣжавшіе турки, въ дикой злобѣ, предавали смерти беззащитныхъ невольниковъ.

„Много оставили они живыхъ людей въ лагерѣ—писалъ въ другой разъ король къ своей женѣ, — но и убили тѣхъ кого успѣли, въ особенности же много убитыхъ женщинъ.

Мы нашли также множество раненыхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, нѣкоторые останутся въ живыхъ. Вчера, продолжаетъ король, я видѣлъ одного ребенка, прехорошенькаго мальчика лѣтъ трехъ, которому негодяй турокъ отрѣзалъ губы и разсѣкъ голову.“

Только мужествомъ и рѣшимостью польскаго короля была освобождена Вѣна отъ страшнаго погрома, а вся Австрія была избавлена отъ конечнаго разоренія, потому что въ ту пору всюду, гдѣ только проходили турки или крымцы, оставались однѣ безлюдныя пустыни. Случалось, что крымцы, при своихъ набѣгахъ на пограничныя польскія области, выводили иногда оттуда въ одинъ разъ болѣе 60.000 плѣнныхъ дѣвушекъ! Долго бы не забыла Австрія грозившій ей турецко-татарскій разгромъ, если бы на выручку ей не послѣшилъ Собѣскій.

На другой день послѣ битвы, т. е. 13-го сентября, король въѣхалъ въ Вѣну. Комендантъ Штаренбергъ просилъ короля пожаловать въ императорскую столицу не черезъ главные ворота, которыя были завалены во время осады, но просилъ его въѣхать въ Вѣну какимъ-то темнымъ и узкимъ проходомъ, устроеннымъ для вылазокъ и освѣщеннымъ на этотъ разъ нѣсколькими факелами. Едва король показался въ городѣ, какъ народъ кинулся на встрѣчу Собѣскому и бѣжалъ за нимъ, цѣлуя его руки и ноги и провозглашая его своимъ избавителемъ. Вѣна, которая могла бы продержаться лишь нѣсколько дней, представляла въ это время ужасную картину опустошенія: императорскій дворецъ, почти до основанія разметанный турецкими ядрами, лежалъ въ печальныхъ развалинахъ; стѣны большей части домовъ были прострѣлены и едва держались; не мало было

и такихъ зданій, отъ которыхъ остались однѣ только груды камней.

Въ сопровожденіи ликующей толпы, заступавшей дорогу, король шагомъ едва могъ добраться до церкви св. Стефана. Здѣсь встрѣтилъ его проповѣдникъ и началъ свою привѣтственную латинскую рѣчь примѣненіемъ къ королю Яну или Іоанну слѣдующихъ евангельскихъ словъ: „И бысть посланъ отъ Бога человекъ нѣкій, имя ему Іоаннъ.“ Съ подобающимъ благоговѣніемъ выслушалъ Собѣскій обѣдню и благодарственное молебствіе, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, и затѣмъ, окруженный снова плотною толпою, отправился на обѣдъ къ коменданту; а послѣ обѣда тотчасъ оставилъ спасенную имъ Вѣну.

Съ грустью увидѣлъ король, что возвратъ его въ лагерь изъ Вѣны не сопровождался уже тѣми радостными кликами, которыми привѣтствовалъ народъ въѣздъ его въ столицу Леопольда I. Зависть успѣла въ нѣсколько часовъ сдѣлать свое дѣло — и толпѣ запрещено было величать Собѣскаго освободителемъ Вѣны. Въ молчаніи, только протягивая къ королю руки, жители Вѣны проводили Яна до городскихъ воротъ, которыя были теперь уже распахнуты настежь, для его выѣзда; между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ побѣдитель турокъ долженъ былъ какъ будто украдкой пробираться въ освобожденную имъ столицу!

Тщеславный императоръ Леопольдъ I оказалъ Собѣскому за его богатырскій подвигъ черную неблагодарность. Король, не смотря на свое добродушіе, не могъ сдержать справедливаго негодованія противъ надменнаго кесаря и въ письмахъ къ женѣ горько сѣтовалъ на то, какъ отпла-

тила ему Австрія за польскую кровь, пролитую подъ стѣнами Вѣны.

Двѣ поговорки остались у поляковъ въ память этого славнаго, но неоцѣненнаго Австріей похода; первая изъ нихъ насмѣшливо твердить людямъ, растерявшимъ свое добро въ чужую пользу, что они ходятъ „съ саблей и съ босыми ногами“ (z kordem a boso), намекая этими словами на то, что храбрые отряды польскихъ гусаровъ и польскихъ панцырниковъ, потерявъ на обратномъ походѣ изъ Вѣны своихъ лихихъ коней по недостатку корма, вернулись домой хоть и съ саблями, но за то цѣпкомъ и притомъ съ босыми ногами. Другая поговорка употребляется для оцѣнки труда, не приносящаго самому трудящемуся никакого вознагражденія: „это стоитъ столько же, сколько сражаться за Вѣну“, приговариваютъ въ иныхъ случаяхъ поляки.

Замѣчательно, что ни одна пѣсня, ни народная, ни шляхетская, не сохранила въ Польшѣ памяти о славной побѣдѣ подъ Вѣною. Народъ какъ будто оцѣнилъ это событіе прежде, чѣмъ исторія произнесла ему свой справедливый приговоръ. Между тѣмъ какъ будто въ противоположность этому грустному забвенію родной славы, у поляковъ, за десять лѣтъ до вѣнскаго похода, явилась народная пѣсня о побойцѣ съ турками подъ Хотиномъ, гдѣ Янъ Собѣскій, въ то время еще только гетманъ коронный, разбилъ на голову огромное турецкое войско. Пѣсня о хотинской побѣдѣ быстро разнеслась по всей тогдашней обширной Польшѣ, которая растилалась отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Днѣпра до Эльбы. Пѣснь о хотинскомъ побѣдителѣ распѣвали долгое время и въ богатыхъ замкахъ магнатовъ, и въ уголку скромной хаты поселянина; еще

дольше пѣли ее во всѣхъ походахъ и на всѣхъ стоянкахъ польскаго рыцарства. Пѣсня эта увѣковѣчила въ народѣ память о Собѣскомъ, а между тѣмъ, не смотря на то, что побѣда подъ стѣнами Вѣны, изумившая всю Европу, была гораздо славнѣе побѣды хотинской,—нието однако не сложилъ въ честь вѣнскаго побойца никакой пѣсни.

Скажемъ, впрочемъ, что между словаками и венгерцами сохранилась память о Собѣскомъ въ народной пѣснѣ. Пѣсня эта рассказываетъ о томъ, какъ на гнѣдомъ конѣ съ золотыми поводьями съѣзжалъ съ вершины бѣлой горы король Янъ, готовясь на битву съ турчинами, окружившими Вѣну...

XXIV.

Святослава Бандецкая.

Замокъ богатой и славной фамиліи Тенчинскихъ былъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ великолѣпныхъ замковъ, существовавшихъ когда-либо въ Польшѣ и въ Литвѣ. Въ этомъ замкѣ, обратившимся теперь въ груды развалинъ, старинное преданіе еще не такъ давно показывало на одну башню, въ которой, по распоряженію главы уже угаснуваго рода Тенчинскихъ, лѣтъ за триста назадъ, содержалась одна изъ представительницъ этого имени. Изъ окна башни, какъ добавляетъ преданіе, молодая и прекрасная узница рассказывала проходившимъ о своей любви къ бѣдному и незнатному юношѣ, бывшей причиною ея томительнаго заключенія. Разказами о своей грѣшной любви она хотѣла разгласить всюду тотъ позоръ, какой она нанесла имени Тенчинскихъ, и тѣмъ самымъ отмстить своей жестокой родиѣ за ея надменность. Несчастная дѣвушка, какъ добавляетъ преданіе, насильственной и преждевременной смертью искупила пылъ своего сердца. Она не нашла мстителя, который разбилъ бы окружавшія ее стѣны, и только потомъ

время и непогоды обратили въ развалины ея мрачную и тѣсную темницу.

Надобно замѣтить, что вся польская шляхта вообще, а магнаты въ особенности, дорожили въ старинной Польшѣ честью ихъ родового имени, и позорившій или позорившая его подвергались жестокой карѣ не только со стороны общественнаго мнѣнія, но и со стороны своихъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Кары этого рода кончались иногда насильственной смертью виновнаго или виновной. Въ эти расправы сильныхъ пановъ съ ихъ родными не смѣлъ мѣшаться никто, кромѣ духовника; притомъ расправы эти всегда совершались въ глубокой тайнѣ, и лѣтописи оставили весьма мало разказовъ о подобныхъ случаяхъ. Только мѣстное преданіе, измѣняясь при переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому, гласило въ околоткѣ о кровавой развязкѣ семейнаго суда. Эта безпощадная строгость къ лицу, опозорившему носимое имъ фамильное прозваніе, объясняется не столько родовой спесью, сколько общей чистотою семейныхъ нравовъ, которою такъ отличалась Польша прежняго времени. Еще въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія показывали въ одномъ изъ старинныхъ краковскихъ домовъ обширную залу, которая, какъ передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, была въ XVIII вѣкѣ свидѣтельницей кровавой семейной драмы. По разсказамъ краковскихъ старожиловъ, въ этой залѣ была отрублена голова молодой дѣвушкѣ, опозорившей знаменитое имя своего отца грѣшною любовью къ юношѣ, неравному ей по происхожденію.

Проводникъ, показывавшій путешественникамъ эту залу, рассказывалъ между прочимъ, что есендзъ, котораго привезли для исповѣди дѣвушки, обреченной на смерть, успѣлъ какъ-то

ослабить повязку. Вошедши въ залу, онъ увидѣлъ передъ собою женщину, лицо которой было закрыто черной бархатной маской, но густая темная коса, бѣлизна открытыхъ плечъ и рукъ, а также и стройность стана этой женщины безошибочно заставляли предполагать, что подъ таинственной маской скрывалось личико только-что разцвѣтшей красавицы. Подлѣ дѣвушки стоялъ высокій и статный мужчина пожилыхъ лѣтъ, съ гордымъ и суровымъ выраженіемъ лица. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него находился палачъ, у котораго въ рукахъ былъ широкій обнаженный мечъ. Выходя изъ залы, всендѣзъ сосчиталъ ступеньки и успѣлъ украдкой отъ своихъ проводниковъ сдѣлать знакъ на перилахъ лѣстницы. Этимъ способомъ онъ узналъ впоследствии то мѣсто, гдѣ ему привелось видѣть осужденную на смерть дѣвушку. Глухая молва о страшномъ происшествіи разнеслась по Кракову, а вмѣстѣ съ молвой пошло повѣрье, будто бы въ домъ, гдѣ погибла дѣвушка, являлось обезглавленное привидѣніе, и что появленіе его каждый разъ предвѣщало смерть домового владѣльца или особенное несчастье въ его семействѣ.

Въ замкѣ Тенчинскихъ, о которомъ мы сказали прежде, жилъ воевода Навуй, храбрый и безукоризненный боецъ, честно служившій своей родинѣ и на полѣ брани, и въ совѣтѣ королевскомъ. Въ замкѣ воеводы жила племянница его Святослава Сандецкая, оставшаяся молодой вдовой послѣ смерти своего мужа. Святослава, въ замкѣ своего дяди, вела жизнь чрезвычайно роскошную; огромная толпа слугъ и служанокъ окружала ее. Всѣ въ замкѣ оказывали почетъ вдовѣ знаменитаго каштеляна, и во всей тогдашней Польшѣ не было ни одной пани богаче Святославы, у которой было много обширныхъ волостей, доставшихся ей отъ отца и пере-

шедшихъ къ ней отъ мужа; много было также у нея и серебра, и золота, и драгоценныхъ камней. Старикъ дядя любилъ Святославу, какъ родную дочь; онъ гордился ею и передъ своими близкими сосѣдами, и передъ гостями, заѣзжавшими издалека въ его пышный замокъ. Воевода надѣялся, что молодая вдова скоро выдетъ опять замужъ, и что она своимъ бракомъ еще разъ породнитъ фамилію Тенчинскихъ съ какимъ нибудь самымъ знатнымъ домомъ. Воевода не безъ основанія рассчитывалъ, что тогда, вслѣдствіе подобнаго брака, влияние его будетъ еще сильнѣе и на сеймѣ, и въ войскѣ, и въ сенатѣ. Воевода однако обманывался; старикъ плохо зналъ сердце молодой женщины.

Вскорѣ послѣ того, какъ поселилась Святослава Сандецкая въ домъ своего дяди, къ пану Тенчинскому явился на службу молодой и красивый юноша Иштванъ, родомъ венгерецъ. Въ непродолжительномъ времени Иштванъ успѣлъ приобрести особенное расположеніе воеводы. Живя подъ одной кровлей съ Святославой, Иштванъ имѣлъ случай довольно часто встрѣчаться съ нею. Молодая парочка не совсѣмъ равнодушно посматривала другъ на друга. Началось съ того, что они сперва робко заговорили между собою о какихъ-то пустякахъ, потомъ стали говорить о другихъ болѣе заманчивыхъ предметахъ, близкихъ къ любви и къ сердцу. Погодя немного, они стали видѣться украдкой. Страстнымъ шопотомъ и горячими поцѣлуями начинались и оканчивались эти таинственныя свиданія. На первыхъ порахъ и онъ, и она были чрезвычайно осторожны, ихъ пугали и ихъ собственная тѣнь, и отдаленные шаги, раздававшіеся иногда вдаль отъ нихъ, подъ сводами длинныхъ корридоровъ. Они дрожали и боязливо прислушивались, если порою какой-нибудь слабый

звукъ долеталъ до ихъ слуха. Извѣстно, однако, что тайна влюбленныхъ, не смотря на всѣ ихъ хитрости и осторожности, открывается довольно скоро. Это самое было и съ Иштваномъ и со Святославой. Вскорѣ заговорили въ замкѣ о ихъ свиданіяхъ, а вслѣдъ затѣмъ о любви венгерца къ Святославѣ провѣдалъ и самъ воевода. Впрочемъ, Тенчинскій не далъ много вѣры носившейся около него молвѣ. Надменный воевода никакъ не предполагалъ, чтобъ такая богатая и знатная пани, какъ Святослава, могла когда нибудь полюбить бѣднаго и незнатнаго красавца.

Прошло нѣсколько времени. Взаимная страсть Иштвана и Святославы не только не охладѣла, но еще съ каждымъ днемъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, а между тѣмъ панъ Тенчинскій получилъ приглашеніе пріѣхать на сеймъ въ Варшаву. По окончаніи же сейма, воеводѣ предстояла вѣроятность далекаго похода. Въ замкѣ стали готовиться къ отъѣзду, а воевода изъ жившихъ при немъ шляхтичей и драбантовъ составилъ значительный отрядъ, который долженъ былъ сопровождать его на сеймъ и потомъ сопутствовать ему въ предстоящемъ походѣ. Въ ту пору такіе отряды показывали богатство и могущество польскихъ магнатовъ.

Уѣзжая въ Варшаву, воевода призвалъ къ себѣ Иштвана.

— Я уѣзжаю сегодня изъ замка и самъ не знаю, когда опять вернусь сюда, сказалъ онъ молодому человѣку. — Я оставляю тебѣ здѣсь на моемъ мѣстѣ, оберегай мой замокъ и охраняй всѣхъ, кто живетъ въ немъ. Но берегись, однако, и самъ, добавилъ строгимъ голосомъ воевода, погрозивъ Иштвану пальцемъ: — веди себя такъ, чтобы до меня не дошли другой разъ вѣсти о твоей любви къ моей племянницѣ.

— Милостивый панъ, отвѣчалъ не совсѣмъ твердымъ

голосомъ венгерецъ, — вы убѣдитесь сами, что прежнія вѣсти были ничего болѣе, какъ только пустыя выдумки тѣхъ, которые хотѣли лишить меня вашего расположенія.

— Вѣрю тебѣ, какъ честному шляхтичу, проговорилъ отрывисто воевода, — но во всякомъ случаѣ не забывай того что я сказалъ тебѣ сейчасъ, а то погубишь ты и ее, и себя...

— Все будетъ исполнено по волѣ ясновельможнаго пана, сказалъ Иштванъ, почтительно кланяясь Тенчинскому.

Кивнувъ головой на прощаніе Иштвану, воевода спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ колымагу и выѣхалъ изъ замка, въ сопровожденіи своихъ прислужниковъ. Вскорѣ облако пыли застлало поѣздъ Тенчинскаго, но еще долго тянулся по дорогѣ его длинный обозъ.

Послѣ отъѣзда пана, Иштванъ не сейчасъ рѣшился повидаться съ Святославой; онъ не могъ забыть строгаго взгляда, брошеннаго на него воеводой, и угрозъ Тенчинскаго, которыя, какъ зналъ Иштванъ, никогда не были напрасны. Оставшись главнымъ лицомъ въ замкѣ, Иштванъ первый день охотился въ окрестномъ лѣсу; на другой день онъ отправился оборонять проѣзжихъ купцовъ отъ разбойниковъ, показавшихся послѣ отъѣзда Тенчинскаго въ окрестностяхъ его замка. Какъ ни старался Иштванъ позабыть о Святославѣ, но вскорѣ любовь взяла свое.

На третій день Иштванъ не зналъ что ему дѣлать, и вотъ онъ принялся думать о томъ, какъ бы провѣдать Святославу. Искушеніе взяло верхъ надъ благоразуміемъ, и Иштванъ поведенъ съ нею тайкомъ. Потомъ влюбленные, какъ это впрочемъ всегда бываетъ, сдѣлались и смѣлѣе, и безпечнѣе, и въ заключеніе начали видѣться уже безъ всякихъ предосторожностей. Цѣлые дни, такъ быстро пролетавшіе

для счастливаго Иштвана, онъ проводилъ у ногъ Свято-
славы, положивъ на ея колѣни свою кудрявую голову. И онъ,
и она забывали объ опасности, которая ждала ихъ, еслибы
о любви ихъ повѣдалъ воевода, а между тѣмъ старшій
слуга зорко сторожилъ за безпечными счастливыми.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой; предположенный по-
ходъ не состоялся, а потому воевода прямо съ сейма воз-
вратился домой. Тотчасъ же, по своемъ прїѣздѣ, онъ узналъ
отъ вѣрнаго слуги обо всемъ что дѣлалось въ замкѣ во
время его отсутствія, и о чемъ, еще къ большому его не-
удовольствію, заговорили даже во всемъ околоткѣ. Тенчинскій
велѣлъ слѣдить за Иштваномъ, и вскорѣ донесли воеводѣ,
что смѣлый венгерецъ прокрадывается по ночамъ въ комнаты
Святославы. Вспылилъ воевода и заскрежетавъ отъ ярости
зубами приказалъ окружить замокъ многочисленной стражей
и не выпускать оттуда ни Иштвана, ни Святославы, а самъ
между тѣмъ созвалъ на совѣтъ нѣкоторыхъ близкихъ род-
ственниковъ, гостившихъ у него въ это время.

Дрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ объявилъ имъ Тенчин-
скій о томъ позорѣ, который положила на всѣхъ ихъ вѣ-
тренная Святослава. До утренней зари продолжалось семей-
ное совѣщаніе: кто совѣтовалъ одно, кто другое. Вслѣдствіе
этого разногласія, совѣщаніе не кончилось ничѣмъ опредѣ-
леннымъ, и тогда воевода, подумавъ немного, покрутилъ
свой сивый усъ и тяжело вздохнувъ положилъ рѣшить
судьбу Святославы по-своему.

Насупившись вышелъ онъ въ залу, съ мрачныхъ стѣнъ
которой сурово смотрѣли на него старинные портреты его
предковъ. Тенчинскій велѣлъ позвать сюда стараго драбанта.

— Иди въ спальню моей племянницы, сказалъ ему гду-

химъ, зловѣщимъ голосомъ воевода,—и если ты тамъ най-
дешь ее и Иштвана, то изрубь ихъ въ мелкіе куски.

Старикъ въ ужасѣ отступилъ назадъ передъ своимъ па-
номъ при этихъ словахъ. Драбанту стало жаль Святославу:
старикъ вспомнилъ въ это мгновеніе, какъ онъ носилъ на
рукахъ крошечку Святославу въ ту пору, когда она только-что
начинала лепетать, какъ онъ забавлялъ ее, смѣялся съ нею,
и какъ онъ въ ясное, теплое лѣто плелъ вѣнки изъ василь-
ковъ и надѣвалъ ихъ на бѣлокурую головку Святославы.

— Милостивый мой панъ, проговорилъ дрожащимъ голо-
сомъ старикъ, дѣлай со мной что хочешь; но я выполню
твое приказаніе только надъ нимъ, а не надъ нею. Я чув-
ствую, что у меня не поднимется на нее рука....

Задумался на минуту воевода и потомъ сказалъ драбанту:

— Пусть будетъ по твоему: ее ты не трогай, но только
расправься съ нимъ...

Теперь безпрекословно пошелъ драбантъ исполнять волю
своего пана, а между тѣмъ Тенчинскій кликнулъ другаго
драбанта, родомъ хорвата.

— Ты пойдешь къ моей племянницѣ и изрубшь ее въ
куски, сказалъ ему твердымъ голосомъ воевода.

— Воля ясновельможнаго пана будетъ исполнена, почти-
тельно отвѣчалъ драбантъ и хотѣлъ уже выйти.

Чувство жалости какъ бы промелькнуло по лицу воеводы.

— Или нѣтъ, въ куски ее не руби, а только отсѣки ей
голову, и пусть Иштвану будетъ то же самое....

Сказавъ это, воевода вышелъ изъ залы, а драбантъ на-
гналъ своего товарища и передалъ ему приказаніе пана о
способѣ расправы съ Иштваномъ.

Первый драбантъ встрѣтилъ Иштвана въ одномъ изъ

длинныхъ и темныхъ корридоровъ замка, онъ зазвалъ его въ ближайшую пустую комнату и тамъ объявилъ венгерцу смертный приговоръ. Молодой человекъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ отъ ужаса при этой неожиданной вѣсти. Въ первое мгновеніе онъ рванулся было къ дверямъ и хотѣлъ защищаться, но потомъ, видя бесполезность защиты, онъ сталъ на колѣни посреди комнаты, помолился усердно Богу и покорно склонилъ свою кудрявую голову. Драбантъ разомъ снесъ ее съ плечъ Иштвана...

Въ то время, когда погибалъ Иштванъ, другой драбантъ вошелъ въ спальню Святославы и сказалъ ей:

— Милостивая пани, я пришелъ къ тебѣ по приказанію пана.... Веди выдти отсюда своимъ служанкамъ....

Святослава подала имъ рукою знакъ, чтобъ онѣ вышли. Служанки удалились.

— Твоя смерть близка!... сурово проговорилъ хорватъ вытаскивая изъ ноженъ свой широкій мечъ.

Святослава вскрикнула и въ ужасѣ бросилась къ дверямъ, но драбантъ заслонилъ ей дорогу.

— Напрасно, ясновельможная пани, хочешь уйти отъ смерти, проговорилъ хладнокровно хорватъ:—не уйдетъ отъ нея никуда тотъ, кто приговоренъ къ ней моимъ паномъ...

Святослава залилась слезами и въ изнеможеніи опустилась въ кресло.

— Я все отдамъ тебѣ, только пощади меня! вскрикнула она, хватаясь въ отчаяніи за голову и вскакивая съ мѣста.

— Мнѣ ничего не надобно, кромѣ твоей головы, грубо отвѣчалъ драбантъ.

Святослава увидѣла, что ей нѣтъ никакого спасенія, и что она должна умереть по приговору безпощаднаго дяди.

Со слезами раскаянія кинулась она теперь на колѣни предъ образомъ Богоматери.

— О, если бы живъ былъ мой отецъ, онъ спасъ бы меня отъ смерти!... Но если мнѣ приходится умирать такъ позорно, то предаю мою грѣшную душу въ твои руки, Пречистая Матерь Господа!... Подкрѣпи и поддержи меня твоею благодатью!... лепетала въ ужасѣ Святослава.

Съ какою-то дикою жадностію посматривалъ драбантъ на Святославу.

Она стояла еще на колѣняхъ и продолжала усердно молиться, когда онъ, подкравшись сзади на цыпочкахъ, махнулъ мечомъ, и окровавленная головка Святославы покати-лась по полу...

Сумрачно выслушалъ воевода о гибели любимой племянницы и вѣроломнаго Иштвана. Ни слезой, ни вздохомъ не выразилъ онъ сожалѣнія, и только судорожная дрожь едва замѣтно пробѣжала по его суровому лицу.

Тенчинскій взялъ со всѣхъ обитателей замка страшную клятву въ томъ, что они не будутъ разглашать о случившемся. Боялись слуги въ замкѣ произнести имя Святославы и Иштвана, и только порою въ окрестныхъ деревняхъ повторялся, въ уголкѣ какой-нибудь бѣдной хаты, переименованный рассказъ о грозной расправѣ дяди съ племянницей.

Въ день казни Сандецкой воевода отправилъ ко всѣмъ своимъ родственникамъ нарочныхъ гонцовъ съ извѣстіемъ о скоростижной смерти племянницы, а между тѣмъ приказалъ сложить въ одинъ гробъ оба обезглавленные трупа и закопать ихъ въ фампльномъ склепѣ. Мирно почивала Свято, слава въ родовой усыпальницѣ, но надъ могилой ея не бли-стали гербы Тенчинскихъ и Сандецкихъ, опозоренные ею.

XXV.

Косцюшко *).

Когда родился Косцюшко—въ точности неизвѣстно. Въ большей же части его біографіи 1746 годъ считается годомъ его рожденія. Въ опредѣленіи мѣста родины Косцюшки тоже встрѣчаются противорѣчія: по однимъ извѣстіямъ онъ явился на Божій свѣтъ въ Сехновицахъ, находившихся въ то время въ Брестскомъ воеводствѣ, на правомъ берегу Буга; по другимъ—онъ родился въ Меречовицѣ, въ воеводствѣ Новогрудскомъ, которую отецъ его держалъ въ арендѣ отъ Сапѣговъ; во всякомъ случаѣ Литва была его родиной.

Родъ Косцюшки не принадлежалъ въ то время ни къ знаменитымъ, ни къ богатымъ шляхетскимъ фамиліямъ Литвы и Польши. По сказаніямъ одного изъ біографовъ

*) Намъ не удалось до сихъ поръ встрѣтить подробную біографію Косцюшки, и настоящій очеркъ составленъ изъ разныхъ свѣдѣній, которыя попадались намъ въ польскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ. *Авт.*

Косцюшки, предки его, во время Витольда, носили княжескій титулъ, но обѣднѣвъ, отказались отъ него. Отецъ будущаго диктатора, отставной капитанъ польской артиллеріи, прослужилъ въ военной службѣ безвыходно тридцать лѣтъ, а между тѣмъ, ему ни разу не привелось побывать ни въ сраженіи, ни въ стычкѣ съ непріателемъ. Капитанъ Косцюшко, по выходѣ въ отставку, женился и спокойно зажилъ въ одномъ изъ помѣстій графа Фолеменчи; любимымъ занятіемъ отставнаго капитана была музыка, къ которой особенную наклонность оказывалъ и подроставшій его сынъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, тихая деревенская жизнь и занятія музыкой не могли бы развитъ въ ребенкѣ смѣлаго и предприимчиваго характера, какимъ впослѣдствіи отличался Косцюшко, если бы на его пылкое воображеніе не подѣйствовали рассказы дяди. Братъ капитана Косцюшки былъ для своего времени человекъ развитой и кромѣ того наблюдательный; ему привелось испытать боевую жизнь со всѣми ея заманчивыми тревогами; вдобавокъ къ этому онъ много путешествовалъ по Европѣ и любилъ бесѣдовать обо всемъ что ему удалось видѣть, слышать и самому извѣдать на опытѣ. Онъ посѣщалъ своего брата по нѣскольку разъ въ годъ, и оставаясь гостить въ домѣ капитана училъ своего племянника рисованію, а также математикѣ и французскому языку.

На двѣнадцатомъ году отвезли Косцюшку въ Варшаву, и тамъ отдали его въ рыцарскую школу, только что основанную королемъ Станиславомъ-Августомъ для приготовленія молодыхъ шляхтичей къ военной службѣ. Въ этой

школъ Косцюшко оказалъ замѣчательные успѣхи во всѣхъ наукахъ, онъ отличался также неутомимымъ прилежаніемъ; ни одинъ изъ товарищей его не ложился спать позже и не вставалъ раньше его. По окончаніи курса молодой Косцюшко, въ числѣ четырехъ первыхъ отличившихся воспитанниковъ рыцарской школы, былъ отправленъ во Францію и тамъ поступилъ въ версальскую военную академію, и пробывъ въ ней положенный по уставу срокъ поѣхалъ въ Брестъ для спеціальнаго изученія фортификаціи и морской тактики. Окончивъ свое спеціальное образованіе по военной части, онъ провелъ нѣкоторое время въ Парижѣ. Впрочемъ, Косцюшко жилъ за границей не только для усовершенствованія въ наукахъ, но и изъ желанія освободиться отъ того тяжелого впечатлѣнія, которое произвела на него смерть его отца. Надобно сказать, что старикъ Косцюшко, надѣясь на тогдашнее безправіе крестьянъ, обходился съ ними жестоко. Доведенные до отчаянія, они убили его.

Косцюшко жилъ въ Парижѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, и никогда еще Франція не казалась столь блестящей на поприщѣ наукъ и искусствъ, какъ въ это время. Понятно, что столица отживавшей французской монархіи представляла для каждаго молодого человѣка, въ особенности заѣзжаго изъ-чужа, много пріятнаго и длинный рядъ искушеній разнаго рода. Среди шумной парижской жизни, увлекшей своимъ быстрымъ потокомъ и Косцюшко, онъ какъ будто забылъ свою родину и не замѣтилъ перваго раздѣла Польши. Когда же двадцати-шести-лѣтній Косцюшко возвратился въ отечество, то былъ назначенъ капитаномъ въ артиллерійскую бригаду, стоявшую бездѣятельно въ Варшавѣ. Прошло

почти четыре года совершенно тихой жизни, и только случайное событіе нарушило ея обычное теченіе.

Если перенестись воображеніемъ въ тогдашнюю Варшаву, то она представитъ намъ странную картину. Въ виду грозной тучи, приближавшейся въ то время къ Польшѣ, поляки, а между ними въ особенности король Станиславъ-Августъ, какъ будто совсѣмъ не замѣчали опасностей, которыя грозили ихъ родинѣ и вслѣдствіе междоусобицъ. и вслѣдствіе замысловъ ихъ сосѣдей. Изрѣдка только раздавался кое-гдѣ голосъ, укорявшій магнатовъ за тѣ бѣдствія, которыя они навлекали своими раздорами на слабѣвшую день ото дня родину. Бѣда подкрадывалась къ Польшѣ, а между тѣмъ, смотря на шумную, кипѣвшую жизнь Варшавы, можно было подумать, что въ государствѣ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ.

Безпечный Станиславъ-Августъ, окруженный блестящимъ дворомъ и обворожительными женщинами, жилъ весело, какъ будто стараясь своимъ примѣромъ отогнать отъ поляковъ печальныя думы о будущемъ. Балы, не уступавшіе пышностію версальскимъ, бывали въ королевскомъ дворцѣ непрерывно; но съ особеннымъ великолѣпіемъ любилъ король праздновать 8 мая, день своего патрона.

Въ 1776 году, въ именины короля, былъ у него одинъ изъ тѣхъ баловъ, которымъ дивились варшавяне и заѣзжавшіе въ Варшаву иностранцы. Въ ярко-освѣщенныхъ залахъ королевскаго жилища собрался цѣлый рой очаровательныхъ красавицъ; но между ними опасною соперницею для всѣхъ была дочь гетмана Сосновскаго, о прелести которой ходила какая-то сказочная молва по всей Литвѣ и по всей Польшѣ. И дѣйствительно, можно было засмо-

трѣться на гетманскую дочь: высокая, стройная, съ величавой поступью, съ густой и длинной русой косою и съ голубыми очами, она казалась первообразомъ красавицы-славянки.

Въ то время, когда всѣ мужчины, а въ числѣ ихъ и самъ король,—этотъ знатокъ женскихъ прелестей,—не могли свести глазъ съ Сосновской, молча, съ волненіемъ сердца, любовался ею и Косцюшко, бывший тоже въ числѣ приглашенныхъ на королевскій балъ. Долго слѣдилъ онъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ молодой дѣвушки, и черты ея глубоко врѣзались въ его воображеніе.

Надобно сказать, что Сосновскій, какъ великій гетманъ литовскій, принадлежалъ къ первымъ сановникамъ Рѣчи Посполитой; сановное его значеніе увеличивалось еще болѣе вслѣдствіе обширныхъ наслѣдственныхъ помѣстій и огромнаго родового богатства. При всѣхъ этихъ условіяхъ, гордый панъ, проникнутый и родовой, и личной спѣсью, не могъ вообразить, чтобы нашелся для его единственной дочери достойный ей женихъ. Само собою разумѣется, что, въ свою очередь, Косцюшко, бѣдный и незнатный шляхтичъ, никакъ не могъ и мечтать о бракѣ съ гетманскою дочерью. Случай однако сблизилъ ихъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, послѣ первой встрѣчи Косцюшки съ Сосновскою, вышло королевское повелѣніе о передвиженіи изъ Варшавы въ Литву той части войска, при которой состоялъ Косцюшко. По приходѣ въ Литву, ему была назначена стоянка въ имѣніи Сосновскаго, а въ этомъ имѣніи жилъ тогда и самъ гетманъ.

Въ это время, въ высшій кругъ литовско-польскаго дворянства проникла уже страсть къ французскому языку.

Большая часть магнатовъ старалась подражать щеголеватому королю, который походилъ скорѣе на французскаго маркиза, нежели на короля польскаго, и при дворѣ котораго весьма высоко цѣнились и складъ французскаго ума, и бойкость французской рѣчи. Гетманъ Сосновскій былъ сторонникъ короля; слѣдовательно не былъ противникомъ и нововведеній. Узнавъ случайно, что Косцюшко владѣетъ превосходно французскимъ языкомъ, онъ пригласилъ его давать уроки молоденькой пани. Послѣдствія уроковъ, при подобныхъ условіяхъ, бываютъ, какъ извѣстно, всегда одинаковы, какъ въ романахъ, такъ и въ дѣйствительности. То же самое случилось и теперь.

Молодой капитанъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ сдѣланное ему предложеніе. Ему казалось, что сама судьба посылаетъ ему средства для сближенія съ той, которая такъ сильно заставила биться его сердце. Съ усердіемъ занялся влюбленный учитель своею обязанностію, но мало по малу толкованія о грамматикѣ стали переходить въ инія рѣчи. Оказалось, что молодая дѣвушка была одарена той пылкостью женскаго чувства, которая, подъ вліяніемъ любви, заставляетъ забывать всѣ трудности, всѣ препятствія. Богатая и знатная, можно даже сказать, первая невѣста во всей тогдашней Польшѣ и Литвѣ, она отвергла всѣхъ блистательныхъ искателей ея руки, и счастливымъ соперникомъ сдѣлался безвѣстный наставникъ. Замѣчательно, что Косцюшко вовсе не отличался красивою наружностію. Безъ всякаго сомнѣнія, на сторонѣ его было болѣе духовной силы, нежели внѣшняго обаянія. Какъ бы то ни было, но онъ успѣлъ заставить дѣвушку, выросшую во всѣхъ предразсудкахъ тогдашней польской аристократіи,

забыть и богатство, и знатность для того, чтобы сдѣлаться женою бѣднаго, но любимого человѣка.

Молодые люди сблизились, но видѣли, что счастье ихъ непрочно, и потому рѣшились открыть свою взаимную любовь передъ тѣмъ, отъ кого зависѣло соединить ихъ на вѣки. Влюбленная дѣвушка рассказала обо всемъ матери, а Косцюшко рѣшился объясниться съ гетманомъ. На объясненія капитана гетманъ отвѣчалъ презрѣніемъ. Влюбленнымъ угрожала разлука; Косцюшко понялъ печальную необходимость пожертвовать своимъ счастьемъ, и сталъ готовиться къ отъѣзду; но не покорилась Сосновская волѣ своего надменнаго отца. Она успѣла переслать письмо къ Косцюшкѣ. Въ этомъ письмѣ, полномъ страсти, молодая дѣвушка сообщала, что презираетъ свое богатство, что ей не нужны ни почести, ни знатность, и что она готова бѣжать изъ родительскаго дома для того, чтобы быть женою человѣка, котораго полюбила всѣмъ сердцемъ.

Трудно было устоять противъ такого искушенія, и Косцюшко рѣшился похитить Сосновскую.

Гетманъ успѣлъ однако провѣдать о приготовленіяхъ своей дочери къ побѣгу, но не желалъ предупреждать эту попытку, надѣясь, прежде осуществленія ея, отмстить дерзкому похитителю. Леонардъ Ходзько въ біографіи Косцюшки рассказываетъ, что влюбленный капитанъ, надѣясь на расположеніе короля Станислава-Августа, обратился къ нему съ письмомъ, прося его предстательства у гетмана, но вѣроломный Понятовскій, пообщавъ просителю похлопотать, въ то же время тайкомъ сообщилъ гетману о томъ что дѣлается у него въ замкѣ по сердечной части. Косцюшко рѣшился дѣйствовать.

Наступилъ осенній вечеръ, въ концѣ густаго сада стоялъ на привязи лихой конь Косцюшки, а его хозяинъ, всматриваясь въ темную даль длинной аллеи, прислушивался къ каждому шуму, къ каждому шороху... Но вотъ въ полумракѣ мелькнулъ кто-то и три раза махнулъ бѣлымъ платкомъ. При этомъ условномъ знакѣ, Косцюшко кинулся впередъ, но прежде чѣмъ успѣлъ добѣжать до Сосновской, онъ былъ окруженъ толпою гайдуковъ, изъ которыхъ гетманъ устроилъ засаду. Гайдуки бросились, чтобы схватить оскорбителя гетманской чести и расправиться съ нимъ по своему. Долгое время оборонялся Косцюшко весьма удачно, но наконецъ былъ раненъ, и ошеломленный ударомъ въ голову упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, онъ увидѣлъ себя одинокимъ среди открытаго поля; не вдалекѣ отъ него лежалъ бѣлый платокъ. Косцюшко узналъ, кому принадлежалъ платокъ, и ему стало ясно, что молодая дѣвушка прорвалась сквозь нападавшую на него толпу, и не оставляла его среди опасности. Онъ поднялъ этотъ знакъ привязанности и сохранилъ его до самой смерти.

Гнѣвъ раздраженнаго гетмана не зналъ предѣловъ. Суровость надменнаго пана легла тяжелымъ гнетомъ на виновную, которую онъ въ скоромъ времени выдалъ по неволѣ замужъ за князя Любомірскаго, искавшаго себѣ поддержки въ богатомъ бракѣ. Князь не обратилъ вниманія на молву, которая ходила о его невѣстѣ, но она съ полною откровенностію рассказала жениху все свое прошлое, прибавивъ, что будетъ уважать его, какъ честнаго человѣка, но что всю жизнь будетъ любить только того, кого полюбила однажды. Снисходительный супругъ оцѣ-

нилъ такую откровенность и никогда не запрещалъ своей женѣ переписываться съ Косцюшкой.

Въ это время Косцюшкѣ минуло тридцать лѣтъ; для него наступила та пора жизни, когда при остывающемъ пылѣ юности умъ и сердце мужчины требуютъ не мечтаний, но продолжительнаго труда. Тогдашняя Польша не могла приходиться по нраву Косцюшкѣ. Оставаясь на родинѣ, онъ долженъ былъ примкнуть или къ сторонникамъ короля, хладнокровно изъ мелочныхъ расчетовъ смотрѣвшихъ на паденіе родины, или же стать на сторонѣ старопольской партіи, противодѣйствовавшей во имя патріотизма иноземному вліянію, и въ то же время сохранявшей исконный духъ польскаго магнатства. Къ первой партіи не могъ пристать Косцюшко, какъ патріотъ, ко второй,—какъ образованный человѣкъ своего времени, на котораго уже повѣяло духомъ тогдашняго ученія о гражданскомъ равенствѣ и о новомъ государственномъ строѣ Европы. Притомъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, ему предстояло скорѣе участіе въ междоусобныхъ распряхъ, нежели поле битвы съ внѣшними врагами. Для Косцюшки въ Польшѣ открывались двѣ главныя дороги: или онъ могъ обратиться въ чиновнаго царедворца и искать для себя счастья въ Варшавѣ при королевскомъ дворѣ, или онъ могъ, сблизившись съ кѣмъ нибудь изъ могущественныхъ польскихъ вельможъ, пріобрѣсти для себя вліяніе на сеймикахъ и сеймахъ, и вслѣдствіе этого получить долю вліянія и на государственныя дѣла. Но ни о томъ, ни о другомъ не помышлялъ Косцюшко.

Въ исторической жизни народовъ бываютъ иногда событія, которыя привлекаютъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Къ подобнымъ же событіямъ принадлежала вспыхнувшая въ послѣдней четверти прошлаго вѣка борьба за свободу и независимость Сѣверной Америки. Лучшіе въ нравственномъ смыслѣ люди изъ всѣхъ образованныхъ странъ Европы считали своею обязанностью отправиться въ Америку и тамъ сражаться подъ чуждыми для нихъ знаменами.

Косцюшко рѣшился ѣхать въ Сѣверную Америку, гдѣ для него должна была начаться боевая жизнь, полная трудовъ и славы.

Въ концѣ 1777 года, то есть, въ то время, когда король Людовикъ XVI, соглашаясь съ желаніемъ французскаго народа, подписалъ дружественный трактатъ съ Америкой, прибылъ Косцюшко въ Парижъ, и изъ Франціи онъ отправился въ Америку при отрядѣ генерала Рошамбо, посланномъ на помощь Вашингтону.

Послѣ непродолжительнаго плаванія, французская эскадра пристала къ устьямъ рѣки Делавава, откуда Косцюшко отправился прямо въ армію Вашингтона. Въ арміи инсургентовъ ему на первый разъ поручили небольшой отрядъ, составленный изъ волонтеровъ. Съ этимъ отрядомъ онъ вскорѣ отличился въ сраженіи подъ Нью-Йоркомъ, и обратилъ на себя вниманіе Вашингтона и Лафайета; они познакомились лично съ Косцюшкой, сблизились съ нимъ и были впослѣдствіи его искренними друзьями.

Ведя боевую жизнь, Косцюшко отважно кидался во всѣ опасныя предпріятія. Молва о его храбрости и способностяхъ какъ начальника, быстро распространилась по всей американской арміи. Но особенную извѣстность пріобрѣло

ему дѣйтельное участіе въ сраженіи съ англійскимъ генераломъ Корнвалисомъ, корпусъ котораго почти въ цѣломъ составѣ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ этомъ сраженіи Косцюшко былъ раненъ и за отличіе награжденъ чиномъ полковника. Вскорѣ потомъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Вашингтону, былъ неразлучнымъ спутникомъ освободителя Сѣверной Америки во всѣхъ битвахъ и кромѣ того, начальствуя иногда отдѣльными отрядами, сражался съ успѣхомъ при Саритозѣ, Трентонѣ, Уэйль-Спрингѣ и Вестъ-Пуэтѣ.

Вестъ-Пуэтъ, находящійся недалеко отъ рѣки Гудзона среди громаднхъ горъ, былъ въ то время отличною крѣпостью, которую защищали и природа, и искусство. Въ этой крѣпости сохраняется даже цвѣтникъ, разведенный Косцюшкою, и поставленъ ему памятникъ. Послѣдній доказываетъ, какъ американцы уважали иноплеменнаго бойца за ихъ свободу.

Въ 1783 году, по заключеніи мира съ Англіею, освобожденные отъ англійской зависимости Сѣверные Штаты распустили войска, причемъ Косцюшко былъ награжденъ чиномъ бригаднаго генерала. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ вновь установленный орденъ Цинцината: первымъ его кавалеромъ былъ Вашингтонъ, а вторымъ Косцюшко, но оба они, для сохраненія республиканскаго равенства, никогда не надѣвали этого ордена. Если американское правительство такимъ образомъ почтило заслуги и храбрость иноземца, то въ то же время и личный характеръ Косцюшки доставилъ ему особый почетъ на чужбинѣ. Въ американскихъ войскахъ не только всѣ знали Косцюшку по слуху, но и любили его за обращеніе съ солдатами и

за заботливость объ нихъ. Косцюшко большею частію командовалъ волонтерами, среди которыхъ, какъ извѣстно, военная дисциплина не можетъ укорениться съ такою силою, какъ въ регулярныхъ войскахъ; потому Косцюшкѣ перѣдко приходилось уговаривать и увѣщевать своихъ сподвижниковъ, и въ такихъ случаяхъ рѣчи его не оставались безъ вліянія. Такъ однажды, когда отрядъ его былъ изнуренъ продолжительнымъ походомъ и частыми встрѣчами съ непріателемъ, волонтеры захотѣли разойтись по домамъ. Узнавъ объ этомъ, Косцюшко явился среди роптавшаго отряда, и сказалъ окружившимъ его ратникамъ: „Если хотите, то разойдитесь, но знайте, что я и одинъ останусь при вашемъ знамени и не выдамъ его врагамъ.“ Громкіе одобрительные клики раздались въ отвѣтъ на эту энергическую рѣчь, и не одинъ изъ волонтеровъ не захотѣлъ покинуть своего вожда.

Предшественный громкою и заслуженною извѣстностію, Косцюшко послѣ четырнадцати-лѣтняго отсутствія возвратился на родину.

Въ это время Польша, по видимому, представляла болѣе порядка.

3 мая 1791 года на сеймѣ, происходившемъ въ Варшавѣ, была принята конституція, опредѣлявшая государственное устройство Польши на новыхъ началахъ. Поляки, дѣйствовавшіе вліятельно на дѣла Рѣчи-Посполитой, считали введеніе этой конституціи самымъ вѣрнымъ средствомъ для уничтоженія анархіи, которая губила Польшу каждый разъ во время избранія новаго короля. Конституція 3 мая предполагала учредить наслѣдственное правленіе. Думали избрать государя изъ саксонскаго дома.

Между тѣмъ противники нововведеній громко высказывались на сеймѣ противъ предлагаемой конституціи, но не смотря на это она была принята варшавскимъ сеймомъ. Оставалось привести ее въ исполненіе, но здѣсь встрѣтились новыя препятствія и затрудненія.

Вѣсть о совершившемся въ Польшѣ, столь важномъ государственномъ переворотѣ быстро разнеслась по всей Европѣ. Представители партіи, недовольной новымъ порядкомъ дѣлъ, стали искать поддержки извнѣ. Генераль Щенсный Потоцкій и напольный гетманъ Ржевускій отправились со своими протестами противъ сейма въ Вѣну, а Шимонъ Коссиковский уѣхалъ въ Петербургъ съ просьбою о защитѣ старинныхъ правъ польскаго народа; о томъ же хлопоталъ находившійся въ то время въ Петербургѣ польскій вельможа Браницкій. Императрица Екатерина воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и по ея повелѣнію русскій посланникъ въ Варшавѣ Булгаковъ сообщилъ манифестъ государыни о разрывѣ Россіи съ Польшей. Въ этомъ манифестѣ Екатерина объявляла войну Польшѣ за нарушеніе польскимъ правительствомъ договора, заключеннаго въ 1775 году и опредѣлявшаго взаимныя отношенія обоихъ государствъ. Причины нарушенія этого договора состояли въ слѣдующемъ: во-первыхъ, что сеймъ 1788 года уничтожилъ многіе изъ пунктовъ, вошедшихъ въ договоръ 1775 года; во-вторыхъ, что сеймъ отказалъ въ пропускѣ русскихъ войскъ черезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Бессарабію, а также и въ продовольствіи для русской арміи, расположенной въ Украинѣ; въ третьихъ, что сеймъ отвергнулъ заключеніе оборонительнаго союза между обѣими державами противъ Турціи и заключилъ трактатъ съ Прус-

сією, державшей сторону Турціи; въ четвертыхъ, что сеймъ опредѣлилъ увеличить польскую армію до ста тысячъ человѣкъ.

Впрочемъ, въ томъ же манифестѣ было сказано въ заключеніе, что главнымъ поводомъ къ войнѣ служить отмѣна законовъ Рѣчи-Посполитой, за неприкосновенность которыхъ ручалась Россія.

Ратуя, такимъ образомъ, отчасти и за древніе либеральные уставы Польши. Екатерина нашла для себя поддержку и въ самой Рѣчи-Посполитой, гдѣ партія, недовольная введеніемъ новой конституціи, объявивъ протестъ противъ опредѣленія сейма, составила противъ короля конфедерацію въ подольскомъ городѣ Тарговицахъ. Конфедераты съ своей стороны издали манифестъ, въ которомъ обвиняли четырехлѣтній сеймъ, происходившій въ Варшавѣ, въ измѣнѣ и въ нарушеніи основныхъ правъ золотой шляхетской вольности.

Императрица Екатерина признала Тарговицкую конфедерацію законною, а для подкрѣпленія ея велѣла русскимъ войскамъ вступить въ Польшу двумя арміями: одна, подъ начальствомъ Каховскаго, двинулась изъ Бессарабіи на Волынь, а другая, подъ командою Кречетникова, вступила въ Литву.

Положеніе Польши было бѣдственное. Польскіе послы, князь Адамъ Чарторижскій и бывший маршалъ сейма Потоцкій, отправленные въ Вѣну и Берлинъ искать помощи противъ Россіи, встрѣтили тамъ неудачу. Первому изъ нихъ австрійскій министръ, князь Каунницъ, отвѣчалъ, что въ виду положенія Франціи, угрожающаго Австріи, императоръ никакимъ образомъ не можетъ вмѣшаться въ поль-

скія дѣла; а Потоцкому король Фридрихъ-Вильгельмъ II замѣтилъ, что обстоятельства, заставлявшія его поддерживать нѣкогда Польшу, теперь измѣнились.

Эти неудавшіяся попытки, какъ казалось, не опечалили Польшу. Тамъ стали дѣятельно готовиться къ войнѣ, а созванный въ 1792 году сеймъ предоставилъ, согласно конституціи, высшее начальствованіе надъ польскимъ войскомъ самому королю. Но Станиславъ-Августъ могъ быть отличнымъ царедворцемъ, и вовсе не имѣлъ охоты быть военнымъ начальникомъ. Ему, какъ онъ самъ говорилъ, не нравились тѣ дѣла, отъ которыхъ пахло порохомъ. Вслѣдствіе этого, отказавшись отъ командованія войсками, онъ передалъ свою военную власть племяннику, князю Юсифу Понятовскому, который тотчасъ же съ двадцати-тысячнымъ войскомъ отправился на Украину и къ которому долженъ былъ присоединиться Михаилъ Любомирскій съ десяти-тысячнымъ корпусомъ. Въ то же время принцъ Виртембергскій, зять князя Адама Чарторижскаго, принялъ главное начальство надъ литовскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ 14.000 человекъ.

Въ эту рѣшительную для Польши пору явился въ Варшаву Косцюшко, и ему предложено было вступить въ польскую службу, въ званіи генерала польскихъ войскъ. Главныя мѣста въ польской арміи, какъ мы видѣли, были уже заняты, и потому Косцюшко не могъ дѣйствовать самостоятельно. Онъ поступилъ въ корпусъ князя Понятовскаго, и князь, давъ Косцюшку отрядъ изъ 3000 человекъ, отправилъ его къ Кіеву съ тѣмъ, чтобы онъ слѣдилъ въ этой сторонѣ за движеніемъ русскихъ войскъ.

Первыя дѣйствія Косцюшки не сопровождались успѣ-

хами: встрѣтивъ непріятеля въ превосходномъ числѣ, онъ призналъ за лучшее отступить безъ боя и примкнуть къ корпусу Понятовскаго. Такая осторожность, конечно, прежде всего говорить въ пользу Косцюшки; не предаваясь напрасной горячности, по примѣру другихъ храбрецовъ-начальниковъ, онъ хотѣлъ, чтобы лучше винили его въ нерѣшительности, чѣмъ въ бесполезной отвагѣ, и поэтому не желалъ вѣрять свое войско слѣпому случаю. Начальники другихъ польскихъ отрядовъ убѣдились въ выгодахъ такой тактики и послѣдовали примѣру Косцюшки, вслѣдствіе чего весь корпусъ Понятовскаго сосредоточился у мѣстечка Тырова, на Волини. Отсюда стали высылаться небольшіе развѣдочные отряды; но начальники этихъ отрядовъ не имѣли той сдержанности, которою отличался Косцюшко и которую старался онъ внушить отчаяннымъ рубакамъ, какими тогда изобиловала Польша. Совѣты Косцюшки пропадали даромъ. Отрядные начальники, очертя голову, бросались на русскія войска, въ какомъ бы числѣ послѣдніе ни были, а потому весьма часто терпѣли жестокія пораженія. Польскіе вожди признали наконецъ необходимость той тактики, которой держался Косцюшко, и сосредоточивъ свои силы перешли Бугъ и расположились около мѣстечка Дубенки, для того, чтобы воспрепятствовать переправѣ нашихъ войскъ. Польская армія была раздѣлена здѣсь на три значительные отряда, и однимъ изъ нихъ командовалъ Косцюшко. По принятой начальниками отрядовъ диспозиціи, Косцюшкѣ первому пришлось встрѣтиться съ непріятелемъ. Въ виду наступившаго на поляковъ двадцати-тысячнаго корпуса русскихъ, подъ начальствомъ Каховскаго, Косцюшко отступилъ отъ рѣки на разстояніе двухъ пущечныхъ выстрѣловъ и

опершись лѣвымъ крыломъ своего отряда на густой лѣсъ, правымъ примкнулъ къ границамъ Галиціи. 17 іюля здѣсь произошло упорное сраженіе, и Каховскій потерялъ его. Сраженіе подъ Дубенкой прославило Косцюшку по всей Польшѣ.

Между тѣмъ въ Литвѣ военныя дѣйствія шли не въ пользу поляковъ. Принцъ Вартембергскій, избѣгая непріятныхъ о себѣ толковъ, поднявшись среди поляковъ, уѣхалъ въ Пруссію, а польскій генералъ Юдицкій былъ разбитъ нашими войсками подъ мѣстечкомъ Миромъ, и былъ принужденъ отступить къ Гродно.

Однако обстоятельства вдругъ переѣнились. Король обратился съ смиренною просьбою къ Екатеринѣ о прекращеніи войны. Въ отвѣтъ на эту просьбу императрица отозвалась, что первымъ условіемъ мира должно быть присоединеніе короля къ Тарговицкой конфедерации. Король согласился на это, и 22 іюля призналъ Тарговицкую конфедерацию законною. Примѣру короля послѣдовали многіе сенаторы, и такимъ образомъ русская партія взяла верхъ въ Рѣчи-Посполитой. Русскія войска заняли Варшаву, и торжественное посольство отъ имени Тарговицкой конфедерации отправилось въ Петербургъ благодарить императрицу за возвращеніе Польшѣ прежнихъ правъ и прежней свободы.

Но не такъ смотрѣли на это дѣло другіе поляки, а въ числѣ ихъ и Косцюшко. Недовольные слабостію короля и вліяніемъ иноземной партіи, они подали въ отставку и отравились за границу. Косцюшко уѣхалъ въ Лейпцигъ.

Прошло нѣсколько времени, и 6 іюня 1793 года соединились конфедерации Виленская и Тарговицкая въ одну

общую конфедерацию. Эта общая конфедерация собралась въ Гродно, гдѣ былъ открытъ сеймъ подъ председательствомъ короля, для опредѣленія окончательной судьбы Рѣчи-Посполитой. Русскія войска находились въ это время въ Гродно, и русскій посланникъ положилъ конецъ сейму объявленіемъ отъ имени Екатерины, что остальное устройство Польши можетъ послѣдовать тогда только, когда она обратится въ первобытное состояніе, т. е. когда войдетъ въ тѣ предѣлы, которые она занимала до соединенія съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.

Такимъ образомъ 11 мая 1793 года послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши.

Это событіе сильно взволновало польскихъ патріотовъ; они образовали изъ себя небольшой кругъ и приглашали къ себѣ представителей изъ разныхъ сторонъ Рѣчи-Посполитой для того, чтобы составить планъ общаго возстанія, для освобожденія Польши, какъ отъ присутствія иноземцевъ, такъ и отъ вліянія господствующей партіи. Въ то же время собравшіеся патріоты заботились о выборѣ главою возстанія такого человѣка, который былъ бы извѣстенъ не только какъ способный военачальникъ, но и какъ патріотъ, не поддавшій вліянію ни одной изъ партій, существовавшихъ въ Польшѣ. Легко было догадаться, что при этихъ условіяхъ выборъ падетъ на Косцюшку, который приобрѣлъ себѣ въ то же время военную извѣстность, и дѣйствовалъ съ самостоятельностью, не поддаваясь ни королю, ни враждовавшимъ противъ него магнатамъ. Генералъ Заіончекъ отправился въ Лейпцигъ, чтобы увѣдомить Косцюшку о павшемъ на него выборѣ.

Между тѣмъ время возстанія опредѣлено еще не было;

оно требовало подготовки не столько военной силы, сколько разныхъ военныхъ запасовъ. Косцюшко и другіе собравшіеся около него вожди возстанія вели дѣло медленно и осторожно, шагъ за шагомъ, рассчитывая на вѣрный успѣхъ, а не на одну только блестящую вспышку. Но одинъ изъ предводителей возстанія не послѣдовалъ этому образу дѣйствій. Модалинскій, безъ общаго соглашенія, съ однимъ только своимъ отрядомъ выступилъ изъ Плоцка, и напалъ на прусскіе отряды, растянутые вдоль всей границы. Модалинскому удалось отбѣснить пруссаковъ и онъ, оставляя въ сторонѣ Варшаву, обратился прямо на Краковъ; стоявшія тамъ русскія войска оставили городъ при наступленіи на него поляковъ. 24 марта 1794 года пріѣхалъ Косцюшко въ Краковъ и былъ объявленъ диктаторомъ. Диктаторская власть Косцюшки должна была продолжаться только на время войны.

Сосредоточивъ въ своемъ лицѣ власть военную и гражданскую, Косцюшко не имѣлъ однако достаточно средствъ, чтобы привести въ дѣйствіе свои распоряженія и осуществить военные планы, такъ какъ у него не было хорошо вооруженнаго и правильно обученнаго войска. Военныя силы, бывшія подъ начальствомъ Косцюшки, состояли по большей части изъ крестьянъ, вооруженныхъ топорами и косами.

Диктаторъ издалъ прокламацію, въ которой онъ призвалъ къ оружію всю польскую молодежь, безъ различія званія. Провламація имѣла огромный успѣхъ, но недостатокъ оружія былъ такъ силенъ, что Косцюшко могъ сформировать только 3000 пѣхоты и 1200 конницы. Съ этими незначительными силами онъ выступилъ изъ Кракова, и

подъ Рацлавицами встрѣтился съ русскими. Въ происшедшей здѣсь 4 апрѣля 1794 года стычкѣ, побѣда осталась на сторонѣ Косцюшки.

Между тѣмъ въ Варшавѣ тоже было подготовлено возстаніе. Тамъ 16 апрѣля 1794 года, въ великій четвергъ, народъ овладѣлъ арсеналомъ и кинулся на русскія войска, стоявшія въ Варшавѣ. Произошла страшная рѣзня. Начальствовавшій надъ русскими войсками генералъ Игельстромъ едва спасся; около 3000 русскихъ солдатъ было убито, а 160 офицеровъ и 1800 рядовыхъ были взяты въ плѣнъ. Варшава торжествовала; къ Косцюшкѣ былъ отправленъ курьеръ съ извѣстіемъ объ освобожденіи столицы. Въ то же время пани Краковска, сестра короля, въ честь этого событія давала балы. Балы эти имѣли ту особенность, что на нихъ приглашались жители Варшавы всѣхъ сословій.

Косцюшко не принималъ никакого участія въ увеселеніяхъ столицы, да и не сочувствовалъ имъ вовсе. Онъ постоянно находился при войскѣ, терпя недостатки разнаго рода и встрѣчая на каждомъ шагѣ множество препятствій. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ успѣвалъ брать верхъ въ происходившихъ стычкахъ, и войско его увеличивалось постоянно. Въ особенности привлекалъ Косцюшко на свою сторону простолюдиновъ своимъ кроткимъ, обходительнымъ обращеніемъ. Простота жизни, диктатура его, стремившаяся къ равенству, безъ всякаго исключенія въ пользу шляхты, придавали личности Косцюшки такую особенность, къ которой въ то время еще не успѣла присмотрѣться Польша. Тогдашніе пышные польскіе паны насмѣшливо, а нѣкоторые даже злобно отзывались о диктаторѣ, запросто обѣдавшемъ съ солдатами и носившемъ самую скромную одежду. Въ простой

жизни диктатора паны видѣли притворство, но тотъ, кто зналъ ближе прямой откровенный нравъ Косцюшки и его образъ мыслей, долженъ былъ сознаться, что во всѣхъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Косцюшки не было ни малѣйшаго притворства.

Дѣлая добро низшимъ слоямъ народа и сближаясь съ нимъ повсюду, Косцюшко былъ строгъ тамъ, гдѣ проявлялся дикій, необузданный произволъ черни. Такъ, когда въ Варшавѣ и въ Вильнѣ начались казни надъ обвиненными въ измѣнѣ отечеству, и когда разъяренная толпа требовала кровавыхъ жертвъ, диктаторъ силился противостать всѣмъ жестокостямъ и объявилъ, что надобно какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы спасти польскую революцію отъ упрека со стороны потомства въ жестокостяхъ и звѣрствѣхъ. Диктаторъ постоянно повторялъ эту мысль. Узнавъ же о казняхъ, совершившихся въ Вильнѣ и въ Варшавѣ, онъ былъ огорченъ чрезвычайно и сказалъ, что лучше желалъ бы потерять два сраженія, нежели слышать такіа печальныя вѣсти.

Молва объ успѣхахъ Косцюшки въ Польшѣ проникла въ Литву, гдѣ также вспыхнуло возстаніе; образовавшіеся тамъ небольшіе отряды успѣли примкнуть подъ знамена диктатора, который такимъ образомъ имѣлъ пятнадцать тысячъ войска. Пользуясь этимъ, онъ открылъ сообщеніе между Литвой и Варшавой и старался доставить изъ тамошняго арсенала оружіе для литовскихъ повстанцевъ. Въ то же время онъ разсылалъ во всѣ стороны партизанскіе отряды и тревожилъ ими русскія войска. Имѣя однако въ виду слабую силу Польши и опасаясь нажить еще новаго непріятеля, онъ приказывалъ уважать границы Австріи и

избѣгать всякихъ столкновеній съ австрійскими отрядами.

Между тѣмъ Пруссія присоединилась къ Россіи и стала дѣйствовать противъ Польши, а Косцюшко при Щекоцинахъ потерпѣлъ отъ атамана Денисова сильное пораженіе и долженъ былъ отступить отъ занятой имъ позиціи съ потерей тысячи человѣкъ. Съ тѣхъ поръ Косцюшко сталъ держаться около Варшавы. Въ скоромъ времени получено было извѣстіе о томъ, что соединенныя русско-прусскія войска приближаются къ столицѣ Польши. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, въ виду Варшавы показалась непріятельская армія. Диктаторъ въ этомъ случаѣ выказалъ необыкновенную дѣятельность; онъ по цѣлымъ днямъ не сходилъ съ коня, то вступая въ перестрѣлку съ непріятельскимъ авангардомъ, то производя ночныя нападенія на отдѣльные русскіе и прусскіе отряды.

28 мая 1794 года непріятельскія войска двинулись на приступъ къ Волѣ, и генералъ Заіончекъ принужденъ былъ отступить, послѣ чего пруссаки приблизились къ самой Варшавѣ.

Въ это же самое время Косцюшко получилъ свѣденіе, что литовское возстаніе потерпѣло отъ нашихъ войскъ сильное пораженіе. Прусскія войска заняли Краковъ.

Не смотря на эти неудачи, диктаторъ не падалъ духомъ и продолжалъ нападать на пруссаковъ, бывшихъ подъ главнымъ начальствомъ самого короля. Между тѣмъ и ходъ дипломатическихъ дѣлъ не общалъ революціонной войнѣ счастливаго конца. Австрія, не участвовавшая до сихъ поръ въ польскихъ событіяхъ, вдругъ выслала свои войска въ воеводства Сандомирское и Хельмское, а русскія

и прусскія войска, въ виду приближавшихся австрійцевъ, сильнѣе нежели прежде, начали тѣснить Косцюшко.

Предводитель польскихъ войскъ выказалъ необыкновенную энергію. Онъ кидался во все стороны и отчаянно отбивался отъ непріятеля, силы котораго возрастали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Косцюшко, тѣсимый со всехъ сторонъ въ Польшѣ, рѣшился перенести военныя дѣйствія въ Литву и съ этою цѣлью пріѣхалъ въ Гродно къ войскамъ, стоявшимъ тамъ подъ начальствомъ Мокрановскаго. Изъ Гродно онъ направилъ отряды противъ Суворова и Ферзена. Отряды эти частью потерпѣли поражение, а частью успѣли пробраться въ Великую Польшу для поддержки ослабѣвавшей тамъ революціи.

6 октября Косцюшко получилъ извѣстіе, что генералъ Ферзенъ, желая воспрепятствовать полякамъ перейти черезъ Вислу, остановился около деревни Мацѣйовицъ. Вслѣдъ затѣмъ Косцюшко узналъ, что одинъ изъ главныхъ польскихъ военачальниковъ, Понинскій, разбитъ Суворовымъ. Тогда Косцюшко рѣшился двинуть свои войска, чтобы воспрепятствовать соединенію Суворова съ Ферзеномъ, и съ этою цѣлью подошелъ къ Мацѣйовицамъ; вблизи отъ нихъ находился Ферзенъ.

Деревня Мацѣйовице, получившая такую грустную извѣстность въ польской исторіи, находится не вдалекѣ отъ Вислы. Съ одной стороны деревни течетъ небольшая рѣка Окжевъ, съ другой, на значительномъ пространствѣ, разстилаются болота, на которыхъ въ то время росъ мелкій кустарникъ. Такая позиція показалась выгодною польскимъ военачальникамъ, и они рѣшились остановиться на ней.

Армія Косцюшки была раздѣлена на три отряда: надъ однимъ отрядомъ онъ начальствовалъ самъ, надъ другимъ Сѣраковскій, надъ третьимъ Князевичъ. Занявъ позицію, Косцюшко приказалъ сдѣлать насыпи около польскаго лагеря, но близость русскихъ и краткость времени не позволили окончить предпринятой работы. На горѣ въ Мацѣйовицахъ стоялъ въ ту пору господскій домъ, назначенный для главной квартиры польскаго войска. Польскіе вожди были заранѣе увѣрены въ побѣдѣ и только одинъ Косцюшко былъ угрюмъ и пасмуренъ. Проснувшись ночью, онъ велѣлъ своему адъютанту, Юліану Нѣмцевичу, написать приказъ Понинскому, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, шелъ къ Мацѣйовицамъ. Съ разсвѣтомъ дня дежурный адъютантъ Куневскій извѣстилъ диктатора о приближеніи непріятеля.

Вскорѣ русскія войска приблизились къ польскому лагерю и открыли пушечную пальбу. Поляки отвѣчали тѣмъ же, и Косцюшко, какъ простой артиллеристъ, не разъ наводилъ самъ пушки. Быстрота натиска нашихъ войскъ рѣшила однако дѣло не въ пользу поляковъ. Одно крыло польской арміи дрогнуло и попятилось, а между тѣмъ, начальникъ другого крыла былъ опасно раненъ, и это обстоятельство произвело сильное замѣшательство въ польскомъ войскѣ. Въ скоромъ времени русскіе остались побѣдителями.

Домъ, занимаемый прежде польскими генералами, сдѣлался главною квартирою русской арміи.

Отсутствіе Косцюшки было замѣтно еще во время боя, но и по окончаніи сраженія никто не зналъ, гдѣ находился главный предводитель польскихъ войскъ. Многіе думали, что диктаторъ погибъ въ битвѣ, но вотъ къ дому, за-

нятому русскими, приблизилась кучка русских солдатъ, которые несли на носилкахъ раненаго Косцюшко. Онъ былъ смертельно блѣденъ и облитъ кровью, которая текла изъ ранъ. Косцюшко получилъ три раны: одну въ голову и двѣ въ плечо. Ошеломленный головою раною и потерявъ много крови, онъ едва переводилъ дыханіе. Подспѣвшіе врачи оказали ему помощь, но онъ цѣлыя сутки не обнаружилъ ни малѣйшаго признака жизни.

Многіе изъ позднѣйшихъ біографовъ Косцюшки, основываясь на тогдашнихъ нѣмецкихъ газетахъ, передавали долгое время, будто бы раненый Косцюшко, бросивъ саблю, проговорилъ по латынѣ: „Finis Poloniae!“ то есть, конецъ Польши!

Въ послѣдствіи Косцюшко, въ письмѣ своемъ къ графу Сегюру, автору исторіи Екатерины II, опровергъ эту классическую выдумку нѣмцевъ. Но и безъ этого опроверженія знаменитое изреченіе польскаго диктатора, пробравшееся даже въ учебники русской исторіи, не имѣло никакого историческаго вѣроятія. Косцюшко не принадлежалъ вовсе къ числу тѣхъ поляковъ стараго покроя, которые употребляли латинскія фразы; онъ говорилъ только на двухъ языкахъ: польскомъ и французскомъ, и притомъ при взятіи въ плѣнъ, окруженный одними только казаками, онъ конечно считалъ излишнимъ объясняться по-латыни.

Не столько потеря сраженія при Маѣйовицахъ, сколько плѣнъ диктатора опечалилъ поляковъ. Утративъ въ немъ дѣятельнаго вождя, они предложили генералу Ферзену возвратить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ за одного Косцюшко. Ферзенъ понялъ то значеніе, которое имѣлъ въ Польшѣ плѣнный диктаторъ, и уклонился отъ этой сдѣлки, отозвавшись,

что не уполномоченъ на нее государыней. Въ довершеніе несчастія, постигшаго поляковъ, одновременно съ Косцюшкой были взяты и другіе, лучшіе ихъ генералы: Сѣраковский, Князевичъ, Каминскій и Копецъ. Война стихла и только слабые отряды революціонеровъ пытались еще противиться русскимъ войскамъ, но въ скоромъ времени отряды эти были разбиты или большею частію захвачены въ плѣнъ.

Взятіе Суворовымъ Праги, а слѣдовательно и Варшавы, заключило борьбу русскихъ съ самостоятельной Польшею. Польша пала, а Косцюшко былъ отправленъ въ Петербургъ съ своимъ адъютантомъ Нѣмцевичемъ, неразлучнымъ спутникомъ диктатора. Замѣчательно, что король Станиславъ-Августъ особымъ письмомъ поздравилъ Екатерину со взятіемъ въ плѣнъ Косцюшки.

Военное поприще Косцюшки въ Польшѣ было слишкомъ кратковременно и не ознаменовалось никакимъ особенно-блестящимъ успѣхомъ; тѣмъ не менѣе память о Косцюшкѣ до нынѣ чествуется всѣми поляками. Объяснить это можно уваженіемъ народа къ той безкорыстной привязанности къ родинѣ, которую Косцюшко оказывалъ безпрестанно, его безразличною заботливостью о всѣхъ сословіяхъ и наконецъ отвращеніемъ его отъ всякихъ насильственныхъ и кровавыхъ дѣлъ.

Даже тѣ лица, которыя, какъ казалось, должны были быть неблагоклонны къ Косцюшкѣ, какъ къ политическому дѣятелю, и были недовольны его дѣйствіями, какъ военачальника, отдавали безусловную похвалу его личнымъ качествамъ. Преемникъ Екатерины, Павелъ I, оказалъ своему плѣннику не только особый почетъ, но и чрезвычайное расположеніе. Весною 1796 года, императоръ, въ сопрово-

жденіи великихъ князей, Александра и Константина, посѣтилъ Косцюшко и объявилъ, что даетъ ему полную свободу. Въмѣстѣ съ этимъ императоръ предложилъ бывшему диктатору пожизненную пенсію, помѣстье около Москвы и мѣсто въ русской арміи. Но Косцюшко, съ своей стороны, просилъ у императора только одного: позволить ему ѣхать въ Америку; императоръ согласился, и 18 декабря 1796 года принялъ Косцюшко къ прощальной аудіенціи. На прощанье императоръ подарилъ бывшему своему плѣннику дорожную карету, столовый сервизъ и велѣлъ отпустить изъ казны значительную сумму на его путевыя издержки. Прощаясь съ Косцюшко, императоръ взялъ съ него слово вести постоянную переписку. Одинъ изъ біографовъ Косцюшки рассказываетъ, что такимъ расположеніемъ императора Косцюшко былъ обязанъ графу Илинскому, бывшему землякомъ плѣнника и любимцемъ Павла Петровича. Илинскій, одинъ изъ первыхъ, поздравилъ его въ Гатчинѣ со вступленіемъ на престолъ и вмѣстѣ съ этимъ просилъ государя объ освобожденіи Косцюшки. По другимъ же рассказамъ, императоръ Павелъ, недовольный въ то время Австріей, желалъ, по политическимъ видамъ, воспользоваться въ Польшѣ именемъ бывшего диктатора. На другой день послѣ аудіенціи, Косцюшко, въ сопровожденіи своего адъютанта Нѣмцевича, выѣхалъ изъ Петербурга; до заставы, въ видѣ почетнаго спутника, провожалъ его Нелидовъ, одинъ изъ генераль-адъютантовъ императора. Черезъ Финляндію Косцюшко проѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ оказали ему большое вниманіе, а находившемуся тамъ русскому посланнику приказано было посѣщать Косцюшко и доносить императору о состояніи его здоровья.

Изъ Стокгольма Косцюшко поѣхалъ въ Лондонъ, и тамъ

русскому посланнику, графу Воронцову, поручено было навѣщать бывшего диктатора, который впрочемъ, спустя двѣ недѣли, отплылъ на американскомъ кораблѣ въ Филадельфію. Въ Филадельфіи въ это время собирались представители штатовъ, и такъ какъ Косцюшко, за участіе свое въ сѣверо-американской войнѣ, не получилъ еще никакого вознагражденія, то они положили выдать слѣдовавшую ему, въ видѣ жалованья, сумму съ процентами, что составило около 38.000 руб. сереб. Косцюшко взялъ только часть этой суммы, а остальное пожертвовалъ на устройство народнаго банка.

Оставивъ черезъ нѣсколько времени Америку, Косцюшко переѣхалъ во Францію и поселился сперва въ Парижѣ, а потомъ въ Фонтенебло, и хотя въ то время, подъ предводительствомъ Домбровскаго, начали формироваться въ Италіи польскіе легіоны, но Косцюшко не принялъ въ этомъ никакого участія.

Въ 1806 году для поляковъ мелькнула надежда на восстановление ихъ родины. Наполеонъ звалъ ихъ подъ свои побѣдоносныя знамена, суля имъ независимость Польши. Косцюшкѣ было сдѣлано предложеніе принять участіе въ этомъ дѣлѣ, но онъ отказался. Проникнувъ хорошо честолюбивые замыслы императора, Косцюшко предвидѣлъ, что Наполеонъ ничего не сдѣлаетъ для Польши. Желая однако подѣйствовать на поляковъ, хотя именемъ ихъ прежняго вождя, императоръ французовъ въ своемъ манифестѣ къ полякамъ, изданномъ 3 ноября 1806 года, писалъ: „*Bientôt Kosciusko, appelé par Napoléon le Grand, vous parlera par ses ordres.*“

Польскіе отряды бились подъ знаменами Наполеона; но первая имперія пала, и русскія войска съ императоромъ

Александромъ вступили въ Парижъ. Находясь въ столицѣ Франціи, Александръ оказывалъ бывшему въ то время тамъ Косцюшкѣ особенное вниманіе и уваженіе. Съ своей стороны, семидесятилѣтній старецъ обращался къ императору съ письменными просьбами о возстановленіи Польши. Съ цѣлью возвратитъ независимость своему отечеству, онъ поѣхалъ на вѣнскій конгрессъ, но когда убѣдился, что всѣ его хлопоты и старанія остаются безуспѣшными, то счелъ свое призваніе оконченнымъ и переѣхалъ на житье въ Швейцарію, гдѣ и носелился въ Солотурнѣ. Здѣсь, послѣ непродолжительной болѣзни, онъ умеръ 16 октября 1817 года.

Въ послѣдніе годы своей жизни Косцюшко подвергся тяжелой меланхоліи. Все свое имущество завѣщалъ онъ въ пользу негровъ, назначивъ исполнителемъ завѣщанія тогдашняго президента сѣверо-американскихъ штатовъ Джеферсона.

Смерть бывшего диктатора, не смотря на продолжительное его безучастіе въ политическихъ дѣлахъ, была встрѣчена во всѣхъ польскихъ областяхъ искреннею печалью. Во всѣхъ костелахъ служили о немъ заупокойныя обѣдни и произносили въ честь его похвальные рѣчи.

Императоръ Александръ приказалъ перевезти прахъ Косцюшки въ Краковъ и похоронить его въ усыпальницѣ королей польскихъ. Бывшій польскій диктаторъ положенъ возлѣ Яна Собѣскаго. Жители Кракова, въ память Косцюшки, насыпали близъ города огромный курганъ, на вершинѣ котораго лежитъ большая плита съ надписью—Косцюшкѣ. Въ насыпкѣ этого кургана принимали участіе рѣшительно всѣ жители Кракова, безъ различія пола, возраста и званія.

К о н е ц ъ.

30 =
14310/12

12 6 АКТ 1818